

T. 3

STANISŁAW - BOLESLAW

STANISŁAW - BOLESLAW

CONFERENTIA

A. D. THISEMSEBATO

СОБРАНІЕ ВОЛЬФА

РУССКІЕ БЕЛЛЕТРИСТЫ

—
СОЧИНЕНІЯ

А. Ѳ. ПИСЕМСКАГО.

—
ТОМЪ ІV.

СОЧИНЕНІЯ
А. ПИСЕМСКАГО.

ПОСМЕРТНОЕ ПОЛНОЕ ИЗДАНИЕ.

ТОМЪ IV.

INSTYTUI

BADAŃ LITERACKICH PAN
BIBLIOTEKA

6-310 Warszawa, ul. Nowy Świat 72

Tel. 26-68-63

ИЗДАНИЕ ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ,

МОСКВА,

Гостинный дворъ, №№ 17 и 18.

Петровка, домъ Михалкова, № 5

<http://1884.org.pl>

24.186/4

НИНА.

ЭПИЗОДЪ ИЗЪ ДНЕВНИКА МОЕГО ПРІЯТЕЛЯ.

Ахъ, обмануть меня не трудно,

Я самъ обманываться радъ!

А. Пушкинъ.

I.

Я зналъ Нину, когда ей было еще тринадцать лѣтъ. Отецъ ея, старый нѣмецъ, былъ когда-то присланъ уѣзднымъ врачомъ въ М.... Вильгельмъ Ѳедоровичъ (такъ звали отца Нины), не смотря на свое докторское званіе, никого не лечилъ. Странный былъ онъ человѣкъ! Сынъ аптекаря, — онъ еще съ дѣтскихъ лѣтъ былъ приготавливаемъ въ лекаря; но, кажется, очень мало обнаруживалъ охоты и способностей къ этому званію, потому что былъ страшно лѣнивъ и разсѣянъ и гораздо болѣе любилъ читать *Иліаду* и смотрѣть на картинки, украшавшія *Одиссею*, въ нѣмецкомъ переводѣ. Но, не смотря на это, благодаря неусыпному вниманію отца, а отчасти щелчкамъ, на которые не скупился старый аптекарь, Вильгельмъ Ѳедоровичъ лѣтъ въ семнадцать порядочно зналъ естественныя науки и фармакологию; онъ

уже готовился поступить въ академію, какъ вдругъ аптекарь умеръ. Вильгельмъ Ѳедоровичъ, сдѣлавшись свободнымъ, тотчасъ же продалъ аптеку и отправился путешествовать. Онъ записывался точти въ каждомъ университетѣ слушателемъ, но ни въ одномъ изъ нихъ не бывалъ на лекціяхъ болѣе двухъ разъ и во все это время то читалъ Гете, Шиллера, Шекспира, то знакомился съ проѣзжими артистами, покупалъ статуи, картины, пріобрѣталъ образцовыя сочиненія во всевозможныхъ изданіяхъ и былъ даже, говорятъ, актеромъ въ одной провинціальной труппѣ. Не мотая денегъ почти ни на что, кромѣ означенныхъ покупокъ, онъ, въ то же время, прожпвалъ каждый годъ до восьми тысячъ рублей, потому что безпрестанно терялъ кошельки и почти въ каждомъ трактирѣ варварски обсчитывался.

Такимъ образомъ у Вильгельма Ѳедоровича, послѣ трехъ лѣтъ заграничной жизни, не осталось ничего; онъ вернулся въ Петербургъ, прожилъ нѣсколько времени въ вопіющей бѣдности и, вспомнивъ о медицинѣ, началъ снова приготавливаться въ академію. Богу одному извѣстно, какихъ усилій стоило ему, при его слабой памяти и при отвращеніи ко всякому положительному занятію, приготвиться къ экзамену; но онъ поступилъ въ академію и, черезъ четыре года, былъ уже посланъ лекаремъ въ М.... На другой же годъ послѣ своего пріѣзда, Вильгельмъ Ѳедоровичъ женился на дочери одного изъ сосѣднихъ помѣщиковъ, принесшей ему съ собою, сверхъ прекрасныхъ качествъ, сто незаложенныхъ душъ. Онъ очень удивился, когда изъ его Теклы, стройной нѣжной и скромной Теклы, года черезъ три образовалась толстая,

звонкоголосая и бранчивая барыня. На пятый годъ ихъ супружества родилась у ней Нина. Не минуло ей еще трехъ лѣтъ, какъ Вильгельмъ Федоровичъ вышелъ въ отставку и совершенно пересталъ лечиться. Сдѣлавшись свободнымъ, онъ снова принялся читать «Фауста», толковать о «Гамлетѣ» и писать повременамъ стихи. Голова его вѣчно была наполнена отвлеченностями: онъ не занимался ни хозяйствомъ, ни женой, ни даже воспитаніемъ единственной дочери. Въ городѣ — одни называли его фантазеромъ, а другіе просто сумасшедшимъ; но я любилъ и уважалъ его, я видѣлъ во всѣхъ ошибкахъ жизни, что онъ былъ, какъ говорится, художникъ въ душѣ. Такіе люди существуютъ на свѣтѣ и, не знаю, справедливо ли преслѣдуютъ ихъ насмѣшками? Вильгельмъ Федоровичъ, какъ и всѣ ему подобные, дѣйствительно самъ не произвелъ ничего хорошаго, но все-таки былъ художникъ, потому что, въ пятьдесятъ лѣтъ, сохранилъ самую живую, юношескую любовь ко всему прекрасному, имѣлъ тонкій и образованный вкусъ, глубокія и оригинальныя сужденія о произведеніяхъ искусства. Ни жизни, ни наукъ не зналъ онъ, и даже читалъ мало, потому что читалъ только лучшихъ авторовъ. Прочитавъ любимаго пмъ «Фауста» или что-нибудь изъ Шекспира въ сотый разъ, Вильгельмъ Федоровичъ обыкновенно зажималъ глаза и по цѣлымъ часамъ просиживалъ въ такомъ положеніи. Это онъ дѣлалъ, какъ самъ часто мнѣ говорилъ, для того, чтобы, удалясь отъ внѣшнихъ впечатлѣній, яснѣе воспроизвести прекрасныя образы, развитъ и уяснить себѣ тонкіе намеки, которыхъ такъ много у великихъ писателей, чтобы, разбирая каждый характеръ

отдѣльно, пережить съ нимъ всѣ моменты его нравственной жизни, начиная отъ самыхъ спокойныхъ до сильно драматическихъ. Почтенная супруга Вильгельма Федоровича, Фекла Петровна, также думала, что мужъ ея несовсѣмъ въ своемъ умѣ. Послѣ страннаго его отреченія лечить, она выдержала трехъ-недѣльную горячку и съ тѣхъ поръ начала, что называется, дено и ношно грызть мужа; но нѣмецъ остался твердъ въ своемъ рѣшеніи и никого не лечилъ. Лѣтъ черезъ пять и Фекла Петровна привыкла къ своему, какъ она выражалась, несчастью и въ утѣшеніе себѣ обыкновенно говорила: «не всѣмъ Богъ даетъ умныхъ мужей; мой, по крайней мѣрѣ, не пьяница; онъ бы и съ практикою ничего не нажилъ: все бывало бѣдныхъ лечилъ да еще и лекарства на свой счетъ покупалъ.» Вотъ каково было семейство, гдѣ родилась моя Нина.

Не знаю почему, я въ этой дѣвушкѣ предполагалъ многое. Нельзя сказать, чтобы она была красавица; но она была очень мила: высокая не по лѣтамъ, стройная, съ маленькою головкою, но, въ то же время, съ прекрасно развитою грудью; въ большихъ темно-голубыхъ глазахъ ея и въ дѣтской улыбкѣ была видна какая-то задумчивость, что придавало ея круглому личику такое выраженіе, какъ будто бы она о чемъ-то постоянно грустила, и мнѣ казалось, что это была тоска Миньоны по небесамъ. «Не для здѣшняго міра рождена ты!» часто думалъ я, глядя на нее; но иногда мысли мои мѣнялись: я представлялъ Нину черезъ десять и двадцать лѣтъ — и невольно задавалъ себѣ вопросъ: что будетъ тогда съ нею? Странное дѣло, — этотъ вопросъ всегда рѣ-

шался одинакимъ образомъ: мнѣ казалось, что, рано или поздно, на это спокойное теперь созданіе пахнетъ суровое горе жизни, и что Провидѣніе наложить на нее крестъ тяжелыхъ испытаній, а я буду утѣшать ее. Мало этого, — мнѣ казалось, что ея страданія проистекуть изъ собственныхъ ея заблужденій, которыя непременно постигнуть ее потому, что она, какъ мнѣ казалось, вполне наслѣдовала художественную натуру отца, слѣдовательно натуру способную увлекаться и ошпбаться; въ этой мысли меня еще болѣе убѣждали то, что Нина прекрасно пѣла и играла на фортепіано. Были даже минуты, когда я, въ порывѣ моей мечтательности, думалъ жениться на Нинѣ и, съ полнымъ вниманіемъ, развить всѣ ея прекрасныя наклонности и предохранить ее отъ неизбежнаго зла. По волѣ судьбы, мнѣ снова было назначено прожить почти цѣлый годъ въ М... На другой же день послѣ моего пріѣзда бросился я къ старому нѣмцу. Нинѣ было уже семнадцать лѣтъ, она нѣсколько пополнила, въ чертахъ лица ея не было уже прежней нѣжности, но она была попрежнему задумчива, глаза ея были такъ же прекрасны. Чувства мои, мало изгладившіяся продолжительною разлукою, снова возродились; по цѣлымъ часамъ глядѣлъ я на Нину, когда она, склонившись на руку въ какомъ-то раздумьѣ, глядѣла въ окно. Не знаю, понимала ли Нина то, что я чувствовалъ къ ней, но она была со мною холоднѣе, чѣмъ съ прочими, и я полагалъ, что это происходило по совѣту матери: она любила и слушалась ее, а мать терпѣть меня могла за то, что я, бывая у нихъ, никогда почти не говорилъ съ нею, не рассказывалъ ей городскихъ сплетней, а

толковалъ больше съ добрымъ нѣмцемъ. Такъ прошла вся осень.

Съ наступленіемъ зимы въ М..., сверхъ обыкновенія, затѣялись собранія: ихъ составилъ Семенъ Семенычъ; къ нему присталъ откупщикъ, и переѣхали въ городъ помѣщикъ Ковылевъ и всѣми уважаемый другой помѣщикъ Козулпнъ; они разобрали вечера и назначили по воскресеньямъ собранія. Нинѣ надобно было выѣзжать. Оекла Петровна была въ ужасныхъ хлопотахъ, сама она не могла выѣзжать, потому что страдала постоянно флюсомъ, который совершенно перекосилъ ея лицо на одну сторону, Нину поручила она Клеопатрѣ Алексѣевнѣ. Мнѣ это весьма не нравилось: избранная патронесса была глупа и надута; она конечно не захочетъ, или, лучше сказать, не съумѣетъ заняться порученной ей дѣвушкой. Я сказалъ было объ этомъ Вильгельму Оедоровичу, но тотъ только махнулъ рукою, проговоривъ: «не наше дѣло mein lieber, тутъ самъ чортъ ничего не сдѣлаетъ.» Началися собранія и вечера. Я собственно для Нины рѣшился выѣзжать. Я видѣлъ, какъ бросилась ей кровь въ лицо, когда она въ первый разъ вошла въ освѣщенную залу и увидѣла толпу разряженныхъ мужчинъ и женщинъ; я видѣлъ, какъ она сначала не смѣла отойти отъ своей патронессы, не смѣла даже взглянуть въ сторону; съ какою-то чисто-дѣтскою робостью подала она потомъ руку подошедшему къ ней кавалеру, просившему ее на вальсъ; видѣлъ, какъ она увлекалась, какъ движенія ея дѣлались постепенно быстрѣе и живѣе; подъ конецъ собранія она уже беззаботно танцевала мазурку съ офицеромъ и чему-то смѣялась: съ лица ея пропала обычная за-

думчивость. «Ребенокъ! — думалъ я:— какъ она способна воспринимать впечатлѣнія. Но ты недолго проживешь чужою радостью, ты снова задумаешься!» И дѣйствительно, Нина скоро задумалась. Мнѣ и въ голову тогда не приходило, что это было отъ усталости. Когда кончилась мазурка, я подошелъ къ ней.

— Вамъ было весело, Нина Вильгельмовна?—спросилъ я.

— Весело, — отвѣчала она.

— Но отчего же вы задумались?

— Такъ.

— Нѣтъ, не такъ, — возразилъ я: — вамъ скоро все это наскучитъ.

— Никогда, — отвѣчала она: — мнѣ только дома очень скучно.

— Отчего же вамъ дома скучно?

— Да такъ! Все сиди, папенька всегда читаетъ, иногда заставляетъ меня слушать — мнѣ это очень скучно; или, по цѣлымъ вечерамъ, играй ему на фортепіано, а онъ плачетъ — очень весело!

Въ первый разъ еще услышалъ я, что Нинѣ скучно оттого, что отецъ читаетъ и заставляетъ ее играть, — и эта мысль болѣзненно отозвалась въ моемъ сердцѣ. «Она молода, она ничего не понимаетъ,» подумалъ я въ утѣшеніе себѣ.

Нина, воспользовавшись моимъ молчаніемъ, тотчасъ отошла отъ меня. Я видѣлъ, что она снова начала разговаривать съ своимъ мазурочнымъ кавалеромъ и отъ души смѣялась. Мнѣ сдѣлалось какъ-то горько и досадно: я тотчасъ уѣхалъ.

II.

Уѣздное собраніе, какъ и всѣ почти уѣздныя собранія, имѣло одинъ недостатокъ: въ немъ было чрезвычайно мало кавалеровъ. Положеніе дѣвицъ весьма непріятное! Такъ говорили многіе. Какая-нибудь Дарья Семеновна, дочь почтеннаго отца, дававшего постоянно вечера, часто принуждена была пропускать танцы. Дарья Семеновна прошлую зиму жила въ Москвѣ и тамъ сдѣлала, какъ говорилъ отецъ, такое впечатлѣніе, что просто удивительно. Что дѣлать? кавалеровъ мало! Правда, былъ одинъ щеголь, который подлинно танцевалъ, сколько силъ доставало, и ему даже официантъ, подавая ужинъ, обыкновенно говорилъ:

— Вамъ, сударь, можно покушать: — вы, чай, про- танцевались?

— Да, братецъ, нечего сказать! — изрядно про- потѣлъ! — обыкновенно отвѣчалъ онъ.

Принявши это въ соображеніе, никому, конечно, не будетъ удивительно, что появленіе новаго кавалера, блистательнаго, богатаго, красавца, произвело на всѣхъ ощутительное дѣйствіе. Это было подъ новый годъ. Семень Семенычъ пріѣхалъ позже своего семейства и тотчасъ же подошелъ къ Клеопатрѣ Алексѣевнѣ, ходившей съ моею Ниной и еще двумя дѣвками.

— Поздравляю барышень съ новымъ кавалеромъ, — сказалъ Семень Семенычъ: — Мазуринъ пріѣхалъ.

— Ахъ, какъ это хорошо! — вскрикнула Клеопатра Алексѣевна: — вотъ предестъ!

— Что такое, папá?—спросила Дарья Семеновна, проходя мимо.

— Мазуринъ пріѣхаль.

— Не можетъ быть! — сказала Дарья Семеновна:— зачѣмъ вы, папá, такъ ужасно шутите?

— Что жъ за шутки! Сейчасъ присылалъ ко мнѣ за билетомъ.

Дарья Семеновна отошла въ волненіи и, взявши подъ руку одну изъ подругъ, сказала ей:—та сѣге, мы сегодня съ вами будемъ ходить.—Потомъ, помолчавъ, прибавила:—кажется, Мазуринъ пріѣхаль.

— Право? сказала подруга, сколько возможно спокойнымъ голосомъ; но лицо ей измѣнилось: она сначала вспыхнула, потомъ поблѣднѣла.

Новость, сообщенная Семеномъ Семенычемъ, заняла всѣхъ. Я посмотрѣлъ на Нину: въ лицѣ ея не было обычнаго спокойствія, она, кажется, раздѣляла общее любопытство. Спустя четверть часа, Мазуринъ вошелъ въ залу, и взоры всѣхъ, какъ бы невольно, приковались къ нему. Онъ былъ, въ полномъ смыслѣ слова, красавецъ: высокій, стройный ростъ, открытое, умное, съ правильными чертами лицо, благородство въ пріемахъ, изысканная простота въ одеждѣ — все это производило то, что онъ дѣйствительно казался между всѣми какимъ-то отмѣтнымъ соборемъ. Съ четверть часа, вмѣстѣ съ прочими, смотрѣлъ и я, не спуская глазъ, на Мазурина.

— Какъ онъ хорошъ!—сказалъ я одной молодой дамѣ.

— Очень хорошъ,—отвѣчала она:—и страшный богачъ! говорятъ, у него славные золотые пріиски!

Начался вальсъ. Я видѣлъ, какъ безпокойство про-

бѣжало по всѣмъ лицамъ танцующихъ дамъ,— и не мудрено! Представьте себѣ положеніе ихъ: онѣ должны были танцовать съ своими туземными кавалерами предъ Мазуринымъ, который хотя самъ не танцевалъ, но ужь конечно превосходно вальсируетъ. Франтъ взялъ одну изъ дѣвицъ, Мордохаетъ—дочь откупщика, на которой, говорятъ, хотѣлъ жениться; но это все еще сносно! Ну, а Дарья-то Семеновна съ кѣмъ? Она подошла къ своему родителю и рѣшительнымъ голосомъ сказала ему, какъ старшинѣ, чтобъ онъ велѣлъ перестать играть вальсъ, и хорошо сдѣлала, потому что ей угрожала не малая опасность: къ ней подходилъ кавалеръ, который былъ не авантаженъ въ вальсѣ и до такой степени, что судья, человекъ очень скромный, обыкновенно говорилъ про него: «козелъ! совершенный козелъ!» Каково же, предъ Мазуринымъ, танцовать съ козломъ? Вальсъ прекратился; сигналъ поданъ къ французской кадрили; Мазуринъ кладетъ шляпу... натягиваетъ перчатки... одна дѣвица, вмѣстѣ съ Дарьей Семеновной, нарочно прошла мимо него и посмотрѣла самымъ значительнымъ взоромъ. Мазуринъ пошелъ, посмотрѣлъ на дочь откупщика, — она покраснѣла и тяжело вздохнула. Мазуринъ повернулъ влѣво и... какъ странно нынѣшняя молодежь ведетъ себя въ обществѣ! Этотъ Мазуринъ вмѣсто того, чтобы почтить или дочь почтеннаго Семена Семеныча, или, по крайней мѣрѣ, дочь откупщика, — прошелъ всѣхъ мимо и подошелъ къ Нинѣ. У меня замерло сердце... Этотъ поступокъ Мазуринъ какъ бы обличалъ его передо мною: Мазуринъ красавецъ, свѣтскій человекъ, онъ всю жизнь провелъ въ свѣтскихъ удовольствіяхъ, онъ вѣроятно любитъ въ жен-

щинѣ только молодость, свѣжесть и невинность, а Нина была тутъ всѣхъ моложе, всѣхъ живѣе, больше всѣхъ походила на ребенка! Мазуринъ не случайно взялъ ее!... онъ ее погубить!... Въ прекрасномъ лицѣ его я сталъ замѣчать много чувственности и, съ той же минуты, далъ себѣ слово строго наблюдать за Ниною и, если возможно, предостеречь ее. Не могши удержать себя, я подошелъ и сѣлъ отъ нихъ недалеко. Мазуринъ спрашивалъ Нину объ ея отцѣ, говорилъ, что онъ знаетъ старика, и обѣщался быть у нихъ на другой день. Это еще болѣе усилило мои подозрѣнія. Мазуринъ танцевалъ съ Ниною еще кадрили и взялъ ее на мазурку.

III.

Не смотря на свой, нѣсколько странный поступокъ, Мазуринъ все-таки оставался интереснымъ кавалеромъ. Дарья Семеновна, въ то же собраніе, подошла къ отцу и сказала:

— Что, папá, будетъ ли у насъ завтра Мазуринъ на вечерѣ?

— Какъ же это, душа моя, — отвѣчалъ тотъ: — я вѣдь съ нимъ незнакомъ, а самъ-то онъ не знакомится.

— Вы всегда, папá, такъ: ничего не умѣете порядочно сдѣлать!

Семень Семенычъ, видно сознавая справедливость замѣчанія дочери, ничего не отвѣчалъ и задумался.

— Да, какъ же? — сказалъ онъ помолчавъ: — я ужь не знаю, право недовко.

— Это ужасно! — сказала Дарья Семеновна и, пожавъ плечами, отошла отъ родителя. Семень Семенычъ, во все остальное время бала, заходилъ къ Мазурину то справа, то слѣва; но Мазуринъ не замѣчалъ этого и занимался, по большей частью, Ниною. Одна изъ дѣвицъ дѣйствовала рѣшительнѣе Дарьи Семеновны: танцуя съ Мазуринымъ французскую кадрили, она сказала:

— Здѣсь городъ небольшой, а очень веселятся.

— Это видно, — отвѣчалъ Мазуринъ.

— Въ собраніи еще не такъ, а вотъ на вечерахъ — очень приятно; здѣсь много вечеровъ.

— Право?

— Да, вотъ у Семена Семеныча, у Ковылева; — его семейства сегодня нѣтъ; у насъ... Я надѣюсь, — прибавила она жеманнымъ голосомъ: — что вы доставите намъ удовольствіе видѣть васъ въ нашемъ домѣ?

Мазуринъ поклонился.

— Отчего же вамъ, папа, — сказала Дарья Семеновна, на другой день за утреннимъ чаемъ: — не съѣздить къ Мазурину? Онъ ужъ не мальчикъ.

— Конечно, — отвѣчалъ отецъ: — да все какъ-то неприлично.

— Полноте, папа, что это за глупыя приличія въ уѣздномъ городѣ, — только стѣсняють удовольствія!... Въ столицѣ другое — дѣло... Поѣзжайте!

Семень Семенычъ, убѣжденный этимъ доводомъ, часу въ двѣнадцатомъ отправился къ Мазурину съ визитомъ. Дарья Семеновна, оставшись дома одна, хотѣла было читать французскій романъ, но не могла

отъ внутренняго волненія. Черезъ часъ родитель ея возвратился съ сіяющимъ лицомъ.

— Ну, Даша, — говорилъ онъ: — обдѣлалъ дѣло, какъ нельзя лучше! Онъ отличнѣйшій малый: извинялся, извинялся, что самъ первый не пріѣхалъ, — вышелъ самъ провожать на крыльцо.

— Да, будетъ ли онъ, папа, на вечеръ-то?

— Вотъ на вечеръ! Обѣдать пріѣдетъ!

— Что вы!

— Я тебѣ говорю! Онъ было у меня началъ просить, чтобы я ему сегодня же позволилъ отплатить визитъ, — нѣтъ, говорю я, милостивый государь, оставимте эти церемоніи: если будете такъ обязательны, — пожалуйста къ намъ сегодня откушать; «съ большимъ, говоритъ, удовольствіемъ!» — и такъ, знаешь, говоритъ свободно, — сейчасъ видно чело-вѣка съ обращеніемъ. Назадъ поѣхавши, къ Ковылеву заѣхалъ. — Позвалъ къ себѣ; пусть познакомится и пригласитъ его къ себѣ на вечера.

— Ахъ, папа, какъ вы все прекрасно сдѣлали! — вскричала Дарья Семеновна, и побѣжала хлопотать о туалетѣ и о столѣ.

Часа черезъ два, гости съѣхались. Передъ обѣдомъ, Семенъ Семенычъ подвелъ Ковылева къ Ма-зурину.

— Позвольте вамъ рекомендовать Григорья Васильевича Ковылева — это истинный повелитель всего, можно сказать, здѣшняго уѣзда.

Ковылевъ отвѣсилъ, на сколько съумѣлъ, вѣжли-вый поклонъ, приговаривая густымъ басомъ: «сдѣ-лайте милость, — прошу познакомиться!... Надѣюсь, — прибавилъ онъ: — что вы уже обяжете посѣщеніемъ: у

меня вечера по вторникамъ.» Такимъ образомъ Мазуринъ приглашенъ былъ всѣми, — и онъ бывалъ вездѣ. Я видѣлъ, что Нина была главнѣйшимъ предметомъ его вниманія, и онъ умѣлъ искусно привлечь ее къ себѣ. Она простодушно болтала ему всякій вздоръ, отъ души смѣялась, когда онъ рассказывалъ ей пошлые, давно избитые анекдоты; она почти всегда выбирала его въ мазуркѣ: ея самолюбіе видимо щекоталось вниманіемъ Мазурина; съ другими кавалерами она сдѣлалась серьезнѣе и улыбалась только одному Мазурину. Въ обществѣ уже начали говорить, что Мазуринъ заинтересованъ Ниною и врядъ ли ужъ не сватался, потому-что Фекла Петровна, на обѣдѣ у откупщика, что-то очень важничала и такъ подняла носъ, что странно было смотрѣть; къ Нинѣ же всѣ сдѣлались ласковѣе и внимательнѣе: въ провинціяхъ вниманіе къ дѣвушкамъ богатаго жениха — вещь важная. А впрочемъ и въ столицахъ то же.

Вдругъ Мазуринъ пересталъ съ Ниною танцовать. Первый вечеръ она была очень весела, до слезъ почти смѣялась и шутила съ другими кавалерами, но потомъ сдѣлалась задумчива и грустна: я видѣлъ, какъ она смотрѣла, повременамъ, на Мазурина какимъ-то болѣзненнымъ взоромъ; но онъ былъ холоденъ и равнодушенъ, — онъ едва отвѣтилъ на ея прощальный поклонъ. «Она его любитъ страстно!» подумалъ я и рѣшился, во что бы ни стало, вывѣдать у Нины ея тайну. Цѣлую недѣлю не имѣлъ я возможности исполнить моего желанія, хотя всякій почти день бывалъ у нѣмца. Во все это время я наблюдалъ прилежно за Ниною; она сдѣлалась еще

задумчивѣе; по цѣлымъ часамъ сидѣла она надъ своею работою наклонившись, но работы не прибывало; я часто замѣчалъ, что глаза ея были красны; какъ будто бы она недавно плакала, и много плакала; при каждомъ скрипѣ полоза на снѣгу, она стремительно взглядывала въ окно и потомъ снова погружалась въ задумчивость; одинъ разъ она взглянула, проѣхалъ Мазуринъ: Нина поблѣднѣла и долго глядѣла ему вслѣдъ.

Наконецъ я засталъ Нину одну; мать поѣхала на ярмарку закупать наряды, а отецъ спалъ. При моемъ входѣ, Нина встала и хотѣла было разбудить отца, но я попросилъ не беспокоить старика и сѣлъ напротивъ ея.

— Послушайте, Нина Вильгельмовна, — началъ я: — мнѣ хочется спросить васъ.... будете ли вы со мною откровенны?

— Я съ вами всегда откровенна.

— Нѣтъ, я прошу у васъ такой откровенности, какую бы вы имѣли съ вашей подругою, или, лучше сказать, я васъ прошу быть откровенными со мною такъ, какъ вы откровенны сами съ собою, съ вашею совѣстью.

Нина посмотрѣла на меня съ удивленіемъ и страхомъ.

— Скажите мнѣ, — продолжалъ я: — кто вамъ больше нравится изъ кавалеровъ?

Нина вспыхнула.

— Всѣ нравятся, — отвѣчала она притворно-спокойнымъ голосомъ.

— Нѣтъ, не всѣ; я знаю, кто вамъ нравится.

— Кто же? — спросила она, но такъ тихо, что я едва могъ разслушать.

— Вамъ нравится...

— Не говорите! — перебила она вдругъ: — скажите только начальную букву.

— Первая буква фамилиі М.

— Не правда!

— Правда, Нина; правда потому, что вы тотчасъ догадались, о комъ я говорю.

Нина ничего не возразила; она была въ сильномъ волненіи; руки ея дрожали, на глазахъ показались слезы.

— Онъ теперь сердитъ на меня, — какъ бы невольно проговорила она.

— А за что? — спросилъ я.

Нина не могла долѣе выдержать моего вопроса, она встала и поспѣшно вышла изъ комнаты. Черезъ нѣсколько минутъ, ко мнѣ вышелъ старый нѣмецъ: Нина его разбудила. Когда она возвратилась въ гостиную, я замѣтилъ, что она недавно плакала. Съ грустью въ сердцѣ, уѣхалъ я домой. «Что это за человѣкъ Мазуринъ?» думалъ я. «Нельзя предполагать, чтобы онъ дѣйствовалъ тутъ съ чистымъ намѣреніемъ: онъ свѣтскій человѣкъ, ему тридцать лѣтъ, боюсь я его!... Бѣдная Нина!... Но что мнѣ было дѣлать? Она видимо меня чуждалась. Сказать отцу, матери? это слишкомъ щекотливое дѣло! Можетъ быть, страсть Нины пустое ребяческое увлеченіе, которое кончится ничѣмъ, и, можетъ быть, самъ Мазуринъ кружить голову Нинѣ такъ, отъ бездѣлья.»

IV.

Я познакомился съ Мазуринымъ. Сначала онъ очень туго сходилъ со мною: въ немъ уже не было ничего юношескаго. Не смотря на мое стараніе вызвать его на разговоры о любви, о женщинахъ, объ искусствѣ, — онъ отмалчивался, или говорилъ общія фразы. Изъ этого я заключилъ, что Мазуринъ чело-вѣкъ скрытный, и полагалъ, что эта видимая въ немъ поверхностность проистекаетъ не отъ бѣдности со-держанія, но отъ скрытности, какъ это часто бы-ваетъ съ людьми, постоянно жившими въ свѣтѣ; но дальнѣшнія мои съ нимъ сближенія разубѣдили меня въ томъ: Мазуринъ былъ, если не глупъ, то очень не развитъ. Я никогда не могъ возбудить въ немъ интереса ни рассказами про различные драматическіе случаи жизни, ни высокими образцами искусства, ни наукою. Послѣ я узналъ, что онъ ничего даже и не читаетъ; но зато онъ далеко ушелъ во внѣшней жизни. Всѣ чувственныя потребности, сильно раз-витыя въ немъ, были въ то же время деликатны; у него былъ превосходный поваръ, онъ могъ пить только отличное вино; мастерски ѣздилъ верхомъ, стрѣлялъ на лету ласточекъ, и съ одного приѣма часто оканчивалъ партію на билліардѣ. Нужно ли говорить, что онъ много занимался своею наруж-ностью: онъ обыкновенно надѣвалъ на голову плот-ный колпакъ, чтобы не смять своихъ волосъ, клалъ въ футляръ свои пальцы съ длинными ногтями и ка-ждое утро купался въ ароматической ваннѣ; одѣвался онъ щегольски не на-показъ, а для себя, изъ соб-

ственного эстетического чувства; одну только сильную нравственную черту замѣтилъ я въ немъ: онъ былъ очень упрямъ, что ему нѣкоторымъ образомъ и давало возможность брать почти всегда превосходство надъ другими и господствовать даже надъ сильнѣйшими натурами. Узнавши такимъ образомъ Мазурину, я еще болѣе испугался за мою будущую Нину, потому что люди, подобные ему, совершаютъ зло какъ бы инстинктивно и не сопровождаютъ его даже раскаяніемъ по рѣшительному отсутствію сознательной жизни; но меня успокоивало то, что Мазуринъ съ Ниною былъ попрежнему въ холодныхъ отношеніяхъ. Я видѣлъ, что она страдала, но всетаки это было лучше, потому что, какъ знать, до чего бы дошелъ Мазуринъ, ласкаясь къ этой дѣвушкѣ и поселяя въ ней къ себѣ довѣріе; меня удивляло только то, отчего Мазуринъ такъ перемѣнился къ ней. Я спрашивалъ объ этомъ Нину, но она отмалчивалась, и сама была къ Мазурину невнимательна; но я видѣлъ, что это было притворство; она тайно страдала.

Наступилъ великій постъ. Я пришелъ къ Мазурину въ часу четвертомъ пополудни; въ это время я обыкновенно приходилъ къ нему, потому что онъ, отобѣдавъ, не занимался своимъ туалетомъ, не дрессировалъ своихъ собакъ, а лежалъ и отдыхалъ.

— Je vous salue!—сказалъ Мазуринъ, при моемъ приходѣ, приподнимаясь нѣсколько съ дивана: — позвольте мнѣ не перемѣнять моего положенія — оно очень покойно.

— Спокойствіе дороже всего,— сказалъ я.

— Именно. <http://rcin.org.pl>

Въ комнатѣ было немного вещей, и въ углу стоялъ открытый чемоданъ.

— Вы куда-то ѣдете?— спросилъ я.

— Да, въ деревню.

— Надолго?

— Надолго.

Это извѣстіе меня обрадовало. «Слава Богу,» думалъ я: «драма оканчивается комедіей: Нина поскучаетъ, это еще небольшая бѣда.»

— Вы ужь со всѣми знакомыми простились? спросилъ я, желая вывѣдать, говорилъ ли онъ Нинѣ объ его отъѣздѣ.

— Да, съ нѣкоторыми.

— Какъ вы думаете проводить время въ деревнѣ?

— Очень пріятно.

— Что же вы будете тамъ дѣлать?

— Въ деревнѣ я обыкновенно просыпаюсь въ 11 часовъ, пью кофе, послѣ одѣваюсь; часу въ первомъ или иду играть на билліардѣ, или ѣзжу верхомъ; хожу иногда пѣшкомъ, потомъ обѣдаю и славно обѣдаю; высплюсь; до чаю хожу, ѣмъ разные фрукты изъ моей оранжереи и такъ далѣе... Славно, право славно! только женскаго общества совершенно нѣтъ!

— Въ деревнѣ хорошо сосредоточиваться въ самомъ себѣ, — сказалъ я.

— Что такое?

— Я говорю, что въ уединеніи хорошо припоминать свою прошлую жизнь, прошлыя ощущенія.

— Да это можно и въ городѣ: я очень помню и здѣсь все, что со мною было.

— Легко припоминать факты и внѣшнюю только жизнь, но есть еще жизнь внутренняя.

— Все глупости! — возразилъ Мазуринъ.

— Есть ли у васъ библіотека?— спросилъ я, послѣ минутнаго молчанія, нѣсколько озадаченный подобнымъ замѣчаніемъ.

— Есть,— но я не люблю читать.

— Отчего же?

— Потому что въ романахъ все врутъ.

— Что же такое врутъ?

— Увѣряютъ, напримѣръ, что можно умереть отъ любви. Это вздоръ! Никогда ни одна женщина, ни одинъ мужчина не умирали отъ любви.

Я посмотрѣлъ на Мазурина: въ этотъ разъ онъ былъ необыкновенно веселъ и говорливъ,— это меня нѣсколько удивляло.

— Можно любить и измѣнять,— началъ я:— но все-таки нельзя сказать, чтобы это совершенно безъ страданія, — и какъ знать, чѣмъ могутъ кончиться эти страданія, особенно въ женщинѣ?

— Никакихъ тутъ нѣтъ страданій! все, что выдумали господа романисты, это дѣло ихъ воображенія; въ жизни нѣтъ этого.

— Нѣтъ,— возразилъ я:— романисты не усиливаютъ жизни, а скорѣе не досказываютъ того, что совершается въ ней. [Всѣ поэты міра не высказали, можетъ быть, того, что произошло въ душѣ одного человѣка въ продолженіе его жизни. Знаете ли, есть стихи:

О, еслибъ — безъ слова,
Сказаться душой было можно!

Они описываютъ однѣ только выпуклости, а мало ли тонкихъ, переходныхъ линий.

Мазуринъ посмотрѣлъ на меня насмѣшливымъ взоромъ.

— Вы иногда очень вычурно говорите: пророчу вамъ быть современемъ романистомъ.

Въ это время пробило четыре часа. Мазуринъ пророчно всталъ и началъ одѣваться. Онъ просилъ у меня извиненія, говоря, что ему нужно кое-что закупить.

— Ничего не понимаетъ,— говорилъ я самъ съ собою, выходя отъ него, и поѣхалъ къ Вильгельму Федоровичу: мнѣ хотѣлось увидѣть Нину и посмотрѣть, что съ нею.

Старый нѣмецъ сидѣлъ, по обыкновенію обложенный книгами.

— Добрый вечеръ!— вскричалъ онъ, увидѣвъ меня.

Мѣсто, гдѣ обыкновенно Нина сидѣла за работою, было пусто.

— Знаете ли, что я теперь читаю?— продолжалъ нѣмецъ, едва давши мнѣ сѣсть.

— Шекспира?

— Нѣтъ.

— «Фауста»?

— Нѣтъ!... я читаю «Вильгельма Мейстера».

— Въ который разъ?

— Конечно, ужъ не въ первый; но еще ни разу не могъ дочитать до конца.

— Это почему?

— Почему?— не знаю... Но нѣтъ, я вамъ скажу, — вы меня поймете. Въ «Вильгельмѣ Мейстерѣ», Гете глубоко заглянулъ въ душу человѣка, или, по крайней мѣрѣ, въ душу ко мнѣ: этотъ романъ вызываетъ у меня самыя глубокія мои помысленія, самыя тай-

ныя движенія моего сердца, самыя темныя желанія, которыя, хотя и были во мнѣ, но я самъ не подозревалъ ихъ, — а это возрожденіе меня самого мнѣ тяжело, особенно когда я взгляну на мою обыденную, пошлую жизнь, которая и миллионной доли не удовлетворила того, къ чему я стремился... Но, нѣтъ — я говорю не ясно, меня трудно понять, — прибавилъ онъ и задумался.

Но я понималъ его. «Боже мой!» думалъ я: «и это говорить старикъ, въ которомъ ни житейскія заботы, ни лѣта, ни званіе врача, ничто не уничтожило этой полноты ощущенія, этого художественнаго сочувствія во всему прекрасному»; но въ тоже время мнѣ было горько, что добрый нѣмецъ, погруженный въ свои созерцанія, слишкомъ отторгнулся отъ жизни и, не углубляясь въ нее, не давалъ ей никакого значенія.

Два человекъ были передо мною: — Мазуринъ и нѣмецъ, и оба не понимали жизни: первый потому, что совпалъ только съ внѣшнею ея стороною и следовательно былъ ниже ея, а другой, живя въ отвлеченіяхъ, слишкомъ уже поднялся надъ нею, не видѣлъ и не понималъ, что въ этомъ видимомъ хаосѣ таится величайшій порядокъ, самая строгая мысль, что въ этомъ видимомъ спокойствіи разыгрывается вѣчная драма, можетъ быть, гораздо поразительнѣе той, надъ чтеніемъ которой онъ плачетъ.

Такъ думалъ я, — а все-таки Нина не выходила у меня изъ головы.

V.

На другой день, часу въ десятомъ, я отправился къ нѣмцу. Проѣзжая мимо квартиры Мазурина, я спро-

силъ объ немъ у дворника; но мнѣ сказали, что онъ еще ночью уѣхалъ. «Не увезъ ли онъ Нину?» подумалъ я, входя къ нѣмцу на крыльцо. Вильгельмъ Федоровичъ сидѣлъ, по обыкновенію, съ своими книгамъ; Нины не было въ гостиной.

— Окля Петровна не пріѣхала еще?—спросилъ я.

— Нѣтъ.

— А Нина Вильгельмовна?

— Нина больна: должно быть, простудилась.

— Чѣмъ же она нездорова? — едва могъ проговорить я.

— Лихорадочное состояніе: въ ея дѣта, у женщинъ это очень обыкновенная болѣзнь.

Мнѣ сдѣлалось невыразимо грустно. Мнѣ хотѣлось повидаться съ Ниной, и, на этотъ разъ, желаніе мое, сверхъ чаянія, исполнилось.

— Барышня приказала васъ просить къ себѣ, — сказала входя горничная.

Я почти побѣжалъ въ спальню больной. Въ первый еще разъ Нина захотѣла меня видѣть: это меня обрадовало и испугало.

— Не долго тамъ будьте, — кричалъ мнѣ въ слѣдъ нѣмецъ: — лучше потолкуемте.

Нина лежала на диванѣ.

— Что съ вами, Нина Вильгельмовна?—спросилъ я, садясь на ближній стулъ.

— Ничего, — отвѣчала она протяжно. Въ голосъ ея слышалось отчаяніе.

— Какъ ничего! умоляю васъ — будьте со мной откровенны!

Она всплеснула руками и упала на подушку, по-

томъ, быстро приподнявшись, схватила меня за руки.

— Онъ уѣхалъ? — спросила она, послѣ долгаго молчанія. Я ничего не отвѣчалъ. Это воспоминаніе снова возбудило въ ней отчаяніе; напрасно я ее успокоивалъ. Старикъ меня кличалъ, и я каждую минуту ожидалъ, что онъ войдетъ въ спальню.

— Послушайте, Нина Вильгельмовна, — сказалъ я: — отчаяніе великій грѣхъ!

— Не говорите этого, Бога ради не говорите!

— Нѣтъ, Нина Вильгельмовна, я буду говорить! Много людей страдаетъ подобно вамъ; страдаетъ и болѣе вашего, но они молятся — и мѣлитвы ихъ спасаютъ; молитесь и вы!

— Нѣтъ, я не могу молиться, я хочу умереть!

— Послушайте, зачѣмъ вамъ умирать! — говорилъ я ей, но внутренно былъ убѣжденъ, что это легко можетъ случиться. — Неужели вы еще его любите? — спросилъ я, послѣ минутнаго молчанія. — Любовь ваша была просто мечта.

— Mein lieber! — кричалъ старикъ: — пойдите сюда.

Я принужденъ былъ встать.

— Дайте мнѣ, Нина Вильгельмовна, слово не приходите снова въ отчаяніе, — сказалъ я, взявъ ее за руку. — Послушайте, отрекитесь отъ свѣта, къ которому васъ такъ неправильно приготавлили. Ваше назначеніе не таково: вы дочь художника, вы наслѣдовали его прекрасное сердце; обратитесь къ искусству: вы уже теперь прекрасно играете на фортепіано, прекрасно поете — займитесь этимъ; уединитесь въ вашей домашней жизни, перестаньте думать о замужествѣ и о свѣтѣ. Повѣрьте, у васъ бу-

дуть такія наслажденія, которыхъ вы теперь и не предполагаете; вы будете въ тысячу разъ счастливѣе, потому что это ваше призваніе.— Такъ говорилъ я, вполне убѣжденный, что Нина родилась быть артисткою.

— Это невозможно, — сказала она.

— Почему же невозможно?

— Потому, что маменька не позволитъ: она будетъ требовать, чтобы я вышла замужъ.

— Такъ выберите себѣ человѣка благороднаго, человѣка съ душою, а не свѣтскаго бездушника. Какъ знать, можетъ быть ужь есть такой человѣкъ, который готовъ для васъ сдѣлать все, если только вы сами захотите.

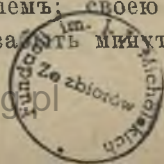
Нина посмотрѣла мнѣ въ лицо. Говоря это, я почти не помнилъ самого себя: въ эту минуту Нина была такъ прекрасна; въ ея глазахъ, полныхъ слезъ, высказывалось столько благодарности... Она крѣпко сжала мнѣ руку.

— Я буду спокойна, — сказала она.

— Прошу васъ объ этомъ, сдѣлайте это для меня!

— Буду спокойна для васъ.

Я поцѣловалъ ея руку и вышелъ къ нѣмцу, который началъ было мнѣ снова толковать о «Вильгельмѣ Мейстерѣ»; но я, отозвавшись зубною болью, скоро уѣхалъ. Да, я рѣшился жениться на Нинѣ, если только она полюбитъ меня. Это юное созданіе способно воспринять все впечатлѣнія: я разовью въ ней ея художественныя наклонности, я дамъ ей истинное направленіе, отъ котораго она такъ была удалена неправильнымъ воспитаніемъ; своею любовью и уваженіемъ я заставлю ее забыть минутную свою

привязанность, если она только существуетъ. Вотъ что думалъ я, прїѣхавъ домой.

Въ тотъ же вечеръ, и опять былъ у нѣмца и видѣлъ Нину; въ этотъ разъ она уже была гораздо спокойнѣе, но была очень грустна и молчалива. На другой день прїѣхала мать, и мнѣ было уже невозможно оставаться съ Ниною на-единѣ. Она была по-прежнему печальна и мрачна, повременамъ тяжело вздыхала и по цѣлому почти часу глядѣла на одинъ предметъ, не сводя глазъ. Последнее обстоятельство меня очень пугало: я боялся, чтобы она не помѣшалась. Со мною она сдѣлалась снова холодна и какъ бы остерегалась меня.

Такъ прошла недѣля. Неожиданное обстоятельство заставило меня оставить М.... Я получилъ письмо, извѣщавшее меня о тяжелой болѣзни моего отца. Мнѣ тяжело было оставить Нину, но дѣлать было нечего. Грустный и растерянный, пришелъ я къ Вильгельму Фодоровичу. Нина спѣла въ гостиной. У нихъ былъ гость, какой-то толстый баронъ, съ которымъ Фекла Петровна, какъ видно, была въ самыхъ прїятныхъ разговорахъ о хозяйствѣ, называя его повременамъ Сергѣй Сергѣевичъ. Одинъ только добрый нѣмецъ замѣтилъ, что лицо мое было блѣдно.

— Что съ вами?—спросилъ онъ.

Я сказалъ ему печальную новость и объявилъ, что сегодня же въ ночь ѣду. При этихъ словахъ, я взглянулъ на Нину: она была грустна, но спокойна. Передъ отъѣздомъ, я подошелъ и сѣлъ близъ нея.

— Прощайте, Нина Вильгельмовна,— началъ я вполголоса:— не впадайте въ отчаяніе, помните, что есть человекъ, искренно любящій васъ.

Нина ничего не отвѣчала.

— Пишите ко мнѣ, — адресъ мой есть у Вильгельма Ѳедоровича. Напишите?

— Можетъ быть, напишу.

— Нѣтъ, непременно напишите.

— Хорошо....

— Нина Вильгельмовна, прощайте!.... Охъ, какъ мнѣ тяжело.... разстаться съ вами. Прощайте! До свиданья!

У меня на глазахъ навернулись слезы.

Нина наклонилась на пальцы и начала шить. Лицо ея горѣло....

— Мнѣ еще тяжелѣе вашего! — проговорила она.

Я всталъ и вскорѣ уѣхалъ. Последнія слова Нины я тогда отнесъ къ себѣ.

VI.

Отца моего не засталъ я уже въ живыхъ. Я много потерялъ въ немъ: онъ былъ мнѣ другомъ, руководителемъ и единственнымъ человѣкомъ, который могъ благотвѣтельно ограничивать мою стремительность. Способный глубоко чувствовать всѣ горести, но неспособный переносить ихъ, я упалъ совершенно духомъ, а вмѣстѣ съ этимъ не выдержало и тѣло мое: я сдѣлался боленъ горячкою; но едва возвратилось ко мнѣ сознание, я снова началъ думать о Нинѣ. Писемъ отъ нея не было: мнѣ казалось, что и она больна, что она, можетъ быть, умерла. «У меня никого нѣтъ теперь!» говорилъ я самъ съ собою: «отца нѣтъ уже въ живыхъ, нѣтъ и Нины!»

Я не читалъ обыкновенно ни одного письма изъ М...., страшась, что непременно въ которомъ-нибудь изъ нихъ меня увѣдомятъ о смерти Нины. Мысль о томъ, что ея уже болѣе не существуетъ 'на свѣтѣ, еще болѣе утвердилась тѣмъ, что я отъ Вильгельма Федоровича получилъ письмо съ черною печатью. Сердце мое сжалось! Я посмотрѣлъ только на адресъ и, не смѣя распечатать, бросилъ письмо въ огонь. Но время шло. Здоровье мое поправилось. Пріятели мои мучили меня каждодневно, или говоря мнѣ безъ всякаго смысла утѣшительныя фразы, или давая мнѣ въ чему неведущіе совѣты. Видя, что я ничѣмъ не занимаюсь, нигдѣ не служу, они твердо убѣдились, что меня непременно надобно женить, и безпрестанно мнѣ о томъ толковали; благодаря ихъ усерднымъ хлопотамъ, были пріисканы двѣ очень выгодныя невѣсты съ прекраснымъ родствомъ и состояніемъ; но я рѣшительно отказался и, мнѣ кажется, что причиною моего отреченія было попреимуществу то, что обѣ дѣвушки нисколько не походили на Нину. Странное дѣло, какъ она совпала съ моимъ идеаломъ!

Спустя три года я опять ѣхалъ черезъ М... Боже мой! Этотъ городъ не имѣлъ уже для меня никакого значенія: въ немъ нѣтъ уже Нины, а слѣдовательно нѣтъ и ничего. Съ глубокою тоскою въѣхалъ я въ ту улицу, гдѣ жилъ Вильгельмъ Федоровичъ... Но вотъ и его домъ... Я невольно выглянулъ изъ экипажа и чуть не упалъ въ обморокъ: у раскрытаго окна сидѣла Нина. Мнѣ хотѣлось было тотчасъ же войти къ нѣмцу, но я вспомнилъ, что былъ не одѣтъ; тайное предчувствіе говорило мнѣ, что я не могу въ

этомъ домѣ попрежнему являться запросто, и я велѣлъ ямщику, что есть духу, гнать въ гостиницу. Не могу выразить того, что было со мной въ эти минуты!... Мнѣ было весело!... Тоска моя вмгъ улеглась отъ меня на тысячу верстъ. Попадавшіеся на встрѣчу люди казались мнѣ такими красивыми, счастливыми, такими добрыми, лѣтній день какъ будто бы сдѣлался яснѣе и свѣжѣе, и солнце менѣе пекло: всюду было, казалось мнѣ, такъ много жизни, довольства!.. Желтые каменные дома купцовъ, сѣрые деревянные, плохая мостовая, безконечно длинныя заборы, оборванный школьникъ съ сумкою черезъ плечо, баба съ рѣпой и морковью на лоткѣ—все это казалось мнѣ картинно и живописно! Я не чувствовалъ уже въ себѣ вѣчныхъ моихъ спутниковъ, физическихъ страданій: я какъ будто бы поздоровѣлъ въ одну минуту; я забылъ мое горькое прошедшее и предчувствовалъ впереди отрадное будущее. Нужно ли говорить, какъ торопился я переодѣться. Я самъ сбѣгалъ за водою, чтобы умыться, рылся въ чемоданѣ, бранилъ за непоротливость моего лакея. Одѣвшись, я почти бѣгомъ сбѣжалъ съ лѣстницы. Въ лакейской у нѣмца меня остановилъ человекъ, въ ливрѣ, вопросомъ: какъ прикажете доложить? Это меня удивило: у Вильгельма Федоровича никогда не бывало этого обыкновенія.— «Скажи, что пріѣхалъ такой-то». Слуга ушелъ и, возвратившись черезъ минуту, проговорилъ: пожалуйста. Я быстро прошелъ залу и почти не вѣрилъ себѣ: я шелъ по паркету; мнѣ попадались въ глаза то огромное зеркало, то китайскій бильярдъ, то бронзовый канделябръ, и мало ли что еще! Неужели это я въ домѣ у Вильгельма

Федоровича?» подумалъ я; но гойдя въ гостиную, я не видѣлъ уже ничего, потому что предо мною была Нина. При моемъ приходѣ сна присталала съ кресель.

— Mon Dieu! Bon jour, нежданый гость! — сказала она, протягивая мнѣ руку:— прошу садиться.

Я не могъ еще придти въ себя... Это была точно Нина; и она была также хороша, но значительно пополнила: ея голосъ былъ гораздо звонче, грустная улыбка замѣнилась какимъ-то выраженіемъ надменности.

— А вашъ батюшка? — спросилъ я, саясь въ кресло.

— Батюшка въ деревнѣ, а матушка — здѣсь, отвѣчала она. — Какъ вы перемѣнились! постарѣли!... — вскрикнула она, всмотрѣвшись въ мое лицо.

— Не мудрено: я много перенесъ! у меня умеръ отецъ.

— Скажите — какое несчастіе!

— Но и вы перемѣнились.

— Право? что дѣлать, — я уже теперь старуха: третій годъ замужемъ.

— Замужемъ! — повторилъ я, не могши скрыть волненія: — третій годъ замужемъ!

— А вы и забыли? хорошъ знакомый!

— Я не зналъ и не думалъ, что выйдете такъ скоро замужъ!

— Почему?

Она позвонила въ это время въ колокольчикъ.

— Потому, что я оставилъ васъ очень больною, помните, какъ вы тосковали.

— Старыя глупости,—сказала она, сдѣлавши гримасу.

Въ это время вошелъ лакей.

— У васъ никогда не стерто со столовъ! — сказала Нина нахмурясь: — посмотри, сколько пыли.

— Да я стираль, — началъ было лакей; но Нина нахмурясь посмотрѣла на него, и онъ молча началъ перетирать всѣ столы.

Тутъ только началъ я разсматривать, что сижу въ прекрасно убранной гостиной, далеко не похожей на ту, въ которой я нѣкогда бывалъ у нѣмца: вмѣсто небольшихъ, съ мелкимъ переплетомъ, оконъ, были уже вставлены цѣльные стекла, мебель орѣховаго дерева съ золотомъ, огромныя зеркала, мягкой, съ прекрасными узорами, подъ ногами, коверъ, мраморный каминъ, столъ съ сотнею модныхъ бездѣлушекъ. Вотъ что сдѣлалось изъ любимой комнаты Вильгельма Федоровича, въ которой прежде, кромѣ жесткой и увѣсистой мебели да разбросанныхъ книгъ, ничего не бывало. Я не спрашивалъ Нину, кто ея мужъ: мнѣ стыдно было признаться, что я, боясь услышать о ея смерти, не читалъ писемъ изъ М....

— Вотъ мой мужъ, — сказала Нина, указывая мнѣ на входящаго толстаго мужчину.

Это былъ Сергѣй Сергѣичъ, котораго я видѣлъ прежде у нихъ.

— Рекомендую тебѣ стараго знакомаго, — продолжала она.

— Очень пріятно! — отвѣчалъ тотъ, кланяясь и обтирая катившійся съ лица потъ. Онъ видно очень усталъ, и почти повалился въ кресла.

— Куда это ты, помилуй, заѣхалъ? — начала Нина

не слишкомъ ласковымъ голосомъ, обращаясь къ своему мужу: — мнѣ нужно было ѣхать съ визитомъ, — а вотъ и просидѣла.

— Въ уѣздный судъ ѣздила.

— Прислалъ бы лошадей, самъ бы могъ придти и пѣшкомъ.

— Чего пѣшкомъ — я и такъ усталъ!

— И прекрасно, что усталъ: тебѣ моціонъ очень полезенъ. Дарья Семеновна на дняхъ уже три раза была у меня съ визитомъ, а я у нея ни разу. Ни на что не похоже! Хорошъ мужъ! заѣдетъ и сидитъ, точно не знаетъ, что одинъ кучеръ.

— Да что же дѣлать, душа моя?

— Вели, по крайней мѣрѣ, поскорѣе заложить другую пару: эти устали.

— Ничего, и эти свезутъ.

— Вы всегда такъ, непремѣнно напротивъ.

Сергѣй Сергѣичъ видѣлъ необходимость повиноваться: кряхтя, всталъ онъ съ креселъ и поплелся въ залу.

Я смотрѣлъ на Нину и ни слова не говорилъ: мнѣ было досадно на нее, на себя, на весь міръ; она тоже молчала... Но безмолвная наша бесѣда прервана была приходомъ третьяго лица: это была Дарья Семеновна, которая имѣла счастье также быть замужемъ за Сашенькою Поддевкинымъ.

— Дашетъ! Ниночка! вскрикнули въ одинъ голосъ обѣ дамы и звонко поцѣловались.

— Ахъ, душа, какъ я тебѣ рада, — начала хозяйка: — извини, что я у тебя не была, сейчасъ хотѣла ѣхать — вотъ свидѣтель!

Она указала на меня.

— Фи, та сѣге, что за счеты визитами! А я сейчасъ была у Лопатиныхъ.

— Ну что? расскажи, пожалуйста.

— Умора! тотъ, знаешь, сидитъ тутъ.

— Ну?

— Ну, ничего! рисуеть ей въ альбомъ что-то.

— Какія нѣжности!... Да, поздравлю: въ домѣ Гвоздиковыхъ извѣстная тебѣ исторія кончена.

— Не можетъ быть.

— Я тебя увѣрю!... Онъ сватается за старшую дочь. Другъ друга стоять. Пара будетъ!

— Гдѣ ты вчера была?

— На обѣдѣ у Бахмуровой. Какъ была Ковылева одѣта!

— Воображаю!

— Нѣтъ, трудно вообразить даже! Представь себѣ: ярко-голубое шелковое платье, съ черною бархатною отдѣлкою, шоколаднаго цвѣта камаль, съ какими-то огромными вистями, и блондовый чепецъ, съ желтыми лентами, — совершенно червонная дама!

— Ахъ, какое безвкусіе!... Будешь въ концертѣ у Тирольцевъ?

— Нѣтъ, та сѣге, не поѣду: дорого очень, три рубля!

— Говорятъ, бѣдное семейство, пѣшкомъ изъ столицы пришли.

— Много ихъ бѣдныхъ шляется!

Я не могъ долѣе выдержать и началъ раскланиваться. Нина спросила меня: долго ли я еще здѣсь пробуду; но я сказалъ, что не знаю; она просила

меня когда-нибудь пріѣхать къ нимъ отобѣдать. Я молча поклонился.

«Итакъ,— думалъ я, пріѣхавъ домой: — Нина не умерла, Нина вышла замужъ; Нина хозяйничаетъ, бранить слугъ, командуетъ мужемъ, поимана на визитахъ и сплетняхъ! А я думалъ, что она не для здѣшняго міра рождена! Неужели мнѣ цѣлый вѣкъ суждено ошибаться въ людяхъ? Неужели она такъ измѣнилась? Нѣтъ, всегда она, видно, была такая, но только я придалъ ей то, что мнѣ хотѣлось видѣть въ ней, и Нину живую облекъ въ форму Нины мечтательной. Дай мнѣ Богъ такъ ошибаться весь вѣкъ и видѣть человѣка лучшимъ, нежели онъ еъ самомъ дѣлѣ! Дорого мнѣ стоило разубѣжденіе въ Нинѣ!...»

Нину болѣе я не видалъ, уѣхалъ изъ М... и забылъ ее; но помню другую Нину, Нину мечты моей!

БОГАТЫЙ ЖЕНИХЪ.

РОМАНЪ ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

День былъ сентябрскій. По небу неслись мутнаго цвѣта облака, повременамъ накрапывалъ дождикъ, съ сѣверо-запада дулъ влажный вѣтеръ. По главной и почти единственной улицѣ уѣзднаго города К... тащились двѣ клячи. Передняя была запряжена въ тяжело навьюченную телегу; ею правилъ малорослый мужичонко въ лаптяхъ, въ рубахѣ и въ теплой шапкѣ; сзади его, изъ-за мѣшковъ, торчала женская голова, обвязанная платкомъ, — голова эта дремала. Другая лошадь везла какія-то допотопныя дрожки, впродоль которыхъ лежалъ кучеръ съ усами, въ сѣромъ кафтанѣ и съ ногъ до головы перепачканный въ грязи. Передъ воротами стараго деревяннаго домишка поѣздъ остановился. Мужикъ слѣзъ, ушелъ въ калитку и началъ возиться съ воротами. Одно окно въ домъ было отворено; изъ него стру-

ими появлялся табачный дымъ. По деревянному тротуару плелась мѣщанка-старуха. Проходя мимо дрожекъ, она заглянула кучеру въ лицо, поклонилась ему и проговорила:

— Здорово, голубчикъ!

Тотъ молча кивнулъ головой.

— Господскій, что-ли?

— Господскій.

— А чьи такіе?

— Изъ Дементьева.

— Къ Кузьминишнѣ, знать, пристали?

— Ну, да.

— Съ господами?

— Къ барину, съ запасомъ.

— Такъ-съ!... Прощай, голубчикъ! — заключила старуха и поплелась далѣе.

У открытаго окна она остановилась, взглянула въ него и потушилась.

— Ай, свѣты мои, какой румяный! точно красный ставецъ рожа-то!... Дементьевскіе... а забыла ужъ чьи такіе,—говорила она сама съ собой, идя далѣе.

На поворотѣ улицы встрѣтилась ей другая мѣщанка, помоложе.

— Здорово, Матренушка! что, мати, есть ли кто на постой? — спросила старуха.

— Нѣту-ти, тетенька, совсѣмъ нынче нѣтути: большакъ-то запилъ у меня, такъ ужъ не до того, отвѣчала та какимъ-то необыкновенно звонкимъ и тонкимъ голосомъ.

— Извѣстно, мати, гдѣ ужъ... къ Кузьминишнѣ такъ изъ Дементьева пристали. Прости, голубушка!

— Прощай, тетенька!

Онъ разошлись. Проходя мимо окна, мѣщанка помоложе также поклонилась и, заглянувши въ него, проговорила потихоньку:

— Экой песь красный сидитъ!

Между тѣмъ телега въѣхала на дворъ, кучеръ слѣзъ и, неизвѣстно за что, ударивши свою лошадь по мордѣ, подошелъ къ телегѣ.

— Ну-те-ка вы, сони, просыпайтесь,— сказалъ онъ, толкнувъ въ плечо дремавшую женщину.

— Что больно толкаешься! проговорила та, взмахнувъ глазами.

— Толкаешься! Не видишь, что пріѣхали? Вылѣзай: подъ ручку, что ли, прикажете принять?

— Ну-те! говорила женщина, вылѣзая изъ телеги.— Ой, тошнехонько: всѣ ноженьки отсидѣла.

Босоногій мальчишка, въ домотканномъ чепанѣ, созерцавшій безсмысленными сѣрыми глазами всю эту сцену съ крыльца, вдругъ кубаремъ слетѣлъ съ лѣстницы, подбѣжалъ къ женщинѣ, обнялъ ее и поцѣловалъ.

— Здорово, Аркадюшка! Батька тебѣ кланяется.

— Валенки, мамонька, привезла?

— Забыла, батюшка, изъ ума вонъ, забыла!

— Эка какая безтолковая!... Машка ужъ изнаситъ ихъ у меня.

— Что дѣлать-то, родной, забыла...

Но заглянемъ лучше во внутренность дома. Если читатель бывалъ въ уѣздныхъ городахъ, то, вѣроятно, знаетъ устройство мѣщанскихъ домишекъ. Они состоятъ главнымъ образомъ изъ сѣней, которыя ве-

дутъ съ одной стороны въ избу, а съ другой — въ двѣ-три комнаты. Въ этихъ двухъ-трехъ комнатахъ бываетъ обыкновенно двѣ-три печи и по крайней мѣрѣ десятка полтора оконъ. Домишко Кузьминишны былъ точно такого же устройства. — Въ двухъ ея комнатахъ квартировалъ, въ настоящее время, молодой помѣщикъ изъ Дементьева Степанъ Герасимычъ Сальниковъ. Въ обществѣ, впрочемъ, онъ былъ болѣе извѣстенъ подь именемъ Степочки, такъ какъ этимъ именемъ называла его маменька, несмотря на тридцатилѣтній возрастъ, до котораго уже достигнуть молодой человекъ. Въ большой комнатѣ, въ которой онъ сидѣлъ подь окномъ и курилъ, полъ былъ совершенно покривленъ; кое-гдѣ стояла кожаная мебель, на стѣнѣ висѣли небольшое зеркало и цѣлая коллекція картинокъ, изображающихъ печальную исторію Жене-вьевы Брабантской. Здѣсь я нужнымъ считаю замѣ-тить, что у Кузьминишны никто изъ помѣщиковъ не останавливался, потому что домишко ея былъ уже совершенно старъ и холоденъ и въ такой мѣрѣ изобило-валъ мышами и клопами, что эти непріятныя твари, ка-жется, были въ состояніи совершенно заѣсть человекъ, а сверхъ того и сама хозяйка была пренесноснѣйшаго характера женщина и пила запоемъ. Одно удобство этой квартиры — была необыкновенная ея дешевизна: два съ полтиной ассигнаціями въ недѣлю. Что же касается до наружности Степана Герасимыча, то онъ весьма справедливо вызвалъ со стороны мѣщанокъ вышеозна-ченныя замѣчанія, потому что дѣйствительно былъ очень красенъ съ лица. По выпущеннымъ воротничкамъ домотканной рубашки изъ-подъ халата, сшитаго хотя и изъ толстой холстины, но съ карманами, и отороченнаго

плисомъ, и наконецъ по тщательно сдѣланному пробору волосъ, которые сверхъ того, по современной модѣ, были зачесаны на вискахъ назадъ, — по всему этому легко можно было догадаться, что молодой человекъ занимался своею наружностію. Но при всемъ этомъ, и долженъ откровенно сказать, онъ былъ нехорошъ собой. Представьте себѣ какаго-то грязнаго цвѣта волосы, въ лицѣ никакой значительности, никакого выраженія, глаза до невѣроятности маленькіе и узкіе и сверхъ всего этого покровы лица почти совершенно розоваго цвѣта, съ какими-то неприятными синими жилками.

Покуривши трубки, Степанъ Герасимычъ нѣсколько времени ходилъ по комнатѣ, посмотрѣлся въ зеркало и потомъ, вѣроятно для того, чтобы разсѣять скуку уединенія, вынулъ изъ чемодана длинный ящикъ и открылъ его. Оказалось, что въ немъ хранилась флейта, на которой молодой человекъ тотчасъ и началъ играть народныя пѣсни: «*Во лузяхъ*», «*Возль рѣчки, возль моста*», «*Съни мои, съни*», и такъ далѣе; что касается до выполненія, то Степанъ Герасимычъ игралъ, какъ я понимаю, такъ, что въ иныхъ мѣстахъ выходило у него не совсѣмъ то, что бы слѣдовало; но при всемъ томъ онъ съ перваго же раза давалъ въ себѣ узнать если не знатока, то любителя музыки. Игра его продолжалась, по крайней мѣрѣ, полчаса. На улицѣ начала собираться обыкновенная публика, въ некоторыхъ сосѣднихъ домахъ открылись окна. Въ комнатѣ давно уже появился знакомый намъ мальчикъ; видя, что баринъ занятъ, и онъ также занялся: подошелъ къ окну и началъ ловить замирающихъ мухъ, насаживая ихъ на соломинки.

— Ухъ... будетъ... даже вспотѣлъ, — произнесъ наконецъ музыкантъ, переставая играть. — Аркашка, вычисти трубку!... что ты тутъ дѣлаешь?

— Ничего-съ. Мамонька пріѣхала съ запасомъ.

— На одной?

— Нѣтъ-съ. Мамонька — съ дядей Григорьемъ, да Кузьма еще пріѣхалъ на рыжиѣ. Письмо къ вамъ, отвѣчалъ мальчишка, подавая барину толстый пакетъ.

— Ну, хорошо. Гдѣ же мать-то?

— На печкѣ лежатъ: озябла.

— А привезла ли она тебѣ что-нибудь?

— Колобокъ привезла.

— Покажи-ка.

Мальчишка вытащилъ изъ кармана какой-то съроватый комокъ и подалъ барину, который сначала понюхалъ его, потомъ, отломавши отъ него порядочный кусокъ, положилъ себѣ въ ротъ.

— Хорошъ, — говорилъ онъ прожевывая: — очень хорошъ, — прибавилъ онъ и еще отломилъ.

У мальчишки начали бѣгать глаза.

— Ну, на, возьми, — сказалъ наконецъ баринъ: — да не вдругъ ѣшь, а то сразу и смелешь все, а тутъ и нѣтъ ничего.

Мальчишка положилъ колобокъ въ карманъ и началъ вычищать трубку. Продувши ее, онъ подалъ барину, который отперъ стоящую около него жестяную сахарницу, въ коей хранился не сахаръ, а табакъ, набилъ самъ трубку, закурилъ ее, а сахарницу заперъ. Вслѣдъ за тѣмъ молодой человекъ распечаталъ письмо и началъ читать. Письмо было длин-

ное и написано какими-то іероглифами. Содержание его было слѣдующее:

«Бездѣнный другъ мой

«Степочка!

«Во-первыхъ, посылаю тебѣ мое родительское благословеніе на вѣки нерушимо. По твоему желанію, отправляю къ тебѣ съ Кузьмой Рыжку въ дрожкахъ, а также и запасу. Прими, другъ мой, поаккуратнѣе. Я нарочно посылаю къ тебѣ Аксинью: она вѣрная и не растащитъ, — только лѣнива, за что ты, пожалуста, чаще ее брани. Запасу отправлено: одинъ пудъ ситной, одинъ пшеничной и три пуда оржаной муки, пудъ толокна, до котораго, я знаю, ты большой охотникъ... оно у насъ нынче отличное вышло. Еще посылаю два десятка яицъ, полпуда соленой баранины, двадцать фунтовъ масла, которое, надѣюсь, что будешь беречь, оно нынче очень въ цѣнѣ; прекрасная наша скотница изволила дать только по двадцати фунтиковъ съ коровы; не знаю, что и дѣлать мнѣ съ этой плутовкой. Хотѣла было послать тебѣ два полотка, да этта всѣ ихъ продала на Преображенской ярмонкѣ. Еще отправляю тебѣ четыре пуда посыпки. Окулинскимъ мужикамъ велѣла къ тебѣ привезти воза два соломы, и поэтому ты, батюшка, вели Рыжку кормить рѣзкой, потому что сѣна не накупишься: оно у васъ, говорятъ, по двадцати-пяти копѣекъ пудъ. Денегъ тебѣ не посылаю, такъ какъ полагаю, что чаю и сахару тебѣ должно стать на все время. Еще прошу тебя, сдѣлай милость, кури поменьше: этотъ проклятый табакъ убыточенъ, да и вреденъ. У насъ теперь все, слава Богу, благополучно: только жеребца

твоего не знаю отчего одолѣли бородавки. Молотить начали; нынѣшня я рокъ видно хороша въ полѣ, а не въ сусѣкѣ. Съ нашего маленькаго овина всего сняли двѣнадцать четвериковъ. Нога моя, попрежнему, болитъ рана все пребываетъ. Совѣтовали было медовую лепешку прикладывать — приложила, но еще хуже. Призывала изъ Дурандина лекарку: она говоритъ, что мнѣ надобно киноварью подкуриваться. На дняхъ заѣзжалъ ко мнѣ становой подушную добирать и сказывалъ, что онъ видѣлъ тебя на вечерѣ у Алексѣя Сергѣича, и что ты танцевалъ съ барышнями, чѣмъ я душевно была обрадована. Пожалуста знакомясь, мой другъ, съ хорошими людьми; ты теперь женихъ и долженъ дорожить репутаціею, потому что поведеніе дороже всего. Насчетъ родственницы Алексѣя Сергѣича, о которой ты пишешь, я ничего не могу сказать. Похвалы, конечно, я слышу о ней ото всѣхъ, но сама никогда не видала. Но меня единственно только то беспокоитъ, что она, какъ я слышала, не имѣетъ никакого состоянія. Надобно, мой другъ, подумать и объ этомъ. Я тебѣ при жизни, какъ самъ ты знаешь, болѣе тридцати душъ отдѣлить не могу. Если, какъ ты говоришь, насчетъ награды отъ Алексѣя Сергѣича, то лучше этого не надо; онъ человекъ съ состояніемъ, — но гвѣрно ли это? Еще я имѣю безпокойство и объ ея образованіи, врядъ ли она будетъ тебѣ по характеру. Она, какъ я слышала, дѣвушка нынѣшняго свѣта, къ хозяйству не приучена, будетъ требовать многого... чтобы послѣ не раскаяться. Ты пишешь, что думаешь сшить себѣ новый фракъ; но я полагаю, нельзя ли тебѣ его сдѣлать изъ папенькина сюртука, который тебѣ и

посылаю; онъ почти новенькой; ты изъ него можешь сшить какое хочешь платье. Нисчетно цѣлую тебя.

«Остаюсь мать твоя

«Аграфена Сальникова.»

Прочитавъ письмо, молодой человекъ тотчасъ же занялся пріемкой запаса и въ этомъ случаѣ оказалъ значительную опытность и большую внимательность. Онъ велѣлъ достать баранину, самъ своими собственными руками, взвѣсилъ муку, баранину, масло, посыпку, пересчиталъ яйца, положилъ все это въ погребъ, заперъ и ключи взялъ къ себѣ. Обкончивши хозяйственные заботы, онъ велѣлъ мальчишкѣ ставить самоваръ, а самъ, возвратившись, принялся писать отвѣтъ. Въ почеркѣ и орфографіи его чрезвычайно много было замѣтно семейнаго сходства съ письмомъ матери.

«Безцѣнная маменька

«Аграфена Кондратьевна!

«Сиѣшу отвѣчать на ваше письмо и поцѣловать заочно ваши ручки. Запасъ я весь самъ принялъ: онъ въ совершенной цѣлости; только баранина, должно быть, отъ дороги завяла. Сюртукъ папенькинъ я смотрѣлъ и въ завтрашній день пошлю за портнымъ. Мнѣ самому не хочется шить новаго: нынѣшня сукна чрезвычайно гнилы и непрочны; впрочемъ, на дняхъ я сшилъ себѣ бѣлую жилетку, потому что, какъ вы знаете, жилетокъ у меня совершенно не было, и она вышла очень хороша. Только теперь желалъ бы имѣть манишки: на петербургскихъ ужь есть дырочки. Время свое, безцѣнная маменька, я провожу какъ нельзя пріятнѣе. Не могу описать вамъ, съ какимъ удовольствіемъ всѣ меня здѣсь при-

нимаютъ. Не знаю, какъ благодарить васъ, милая маменька, что вы отпустили меня повеселиться въ городъ. Сегодня вечеръ у Алексѣя Сергѣича; меня тоже приглашала добрѣйшая супруга его, и, узнавши, что я играю, просила меня придти къ нимъ съ флейтой и поиграть. Насчетъ ихъ родственницы, о которой вамъ писалъ, я слышалъ отъ вѣрныхъ людей, что Алексѣй Сергѣичъ непременно ее наградятъ. Рѣдкіе родители такъ могутъ любить дочь родную, какъ они любятъ Вѣру Павловну, которая имѣютъ меня самп такія достоинства, что заставляютъ меня сомнѣваться въ томъ, пойдутъ ли онѣ за меня; что же касается, то и я въ этомъ дѣлѣ безъ расчета дѣйствовать не буду, и съ Алексѣемъ Сергѣичемъ буду говорить подробно. Становой точно видѣлъ, какъ я танцевалъ; въ этотъ вечеръ мы очень веселились, — послѣ ужина начали танцевать новый таецъ гроефатеръ: я не умѣлъ, но меня выучили. Сахару у меня довольно, но чаю врядъ ли хватитъ. Аркашка служить мнѣ хорошо, только сапоги рветъ ужасно; новенькіе сапожки, которые вы съ нами отпустили, онъ уже всѣ стопталъ и растрепалъ. Прося вашего родительскаго благословенія и цѣлуя еще несчетно разъ ваши ручки, остаюсь сынъ вашъ

«Степанъ Сальниковъ.»

Самоваръ былъ поданъ... Нельзя сказать, чтобы чайный приборъ былъ прихотливъ. Вокъ самовара, напримѣръ, былъ значительно помятъ, конфорка тоже, — у чайника придѣлана была, вѣроятно для крѣпости, оловянная ручка, — и наконецъ, стаканъ очень толстаго, но не совсѣмъ бѣлаго стекла. Кушая чай, молодой человекъ явнымъ образомъ обна-

руживалъ въ себѣ борьбу любви къ этому напитку съ расчетливостью. Сначала онъ положилъ одну ложечку чаю и тотчасъ же спилъ ее съ однимъ кускомъ сахару; видимо было, что онъ пилъ съ большимъ удовольствіемъ, потому что, послѣ нѣсколькихъ минутъ размышленія, всыпалъ въ чайникъ еще ложечку чаю и ту выпилъ почти также скоро. Я твердо убѣжденъ, что ему хотѣлось еще третью, но онъ не рѣшился изъ экономіи. Напившись чаю, онъ принялся курить трубку; но и здѣсь опять можно было замѣтить расчетливость. Онъ, кажется, съ умысломъ не выколачивалъ всей трубки и набивалъ ее потомъ слегка, чтобъ такимъ образомъ себя обмануть количествомъ.

Ужь разъ начавъ отзываться о молодомъ человѣкѣ такъ откровенно, я не могу удержаться, чтобы не рассказать о немъ еще нѣкоторыхъ подробностей. У маменьки Степочки было около шести сотъ душъ, изъ которыхъ она болѣе половины нажила сама, и нажила, прямо можно сказать, хозяйствомъ и бережливостью. Она гнала деготь, сплавляла лѣсъ, откармливала какихъ-то необыкновенныхъ свиней, за которыхъ ей платили по сту рублей, сама ѣздила въ Москву продавать индюшекъ и масло. Жила она всегда очень скромно, въ старомъ флигелечкѣ, и любила гостить у родныхъ, — сама же всегда совѣстилась принимать ихъ въ свой, какъ она называла, лабазъ. Лѣтомъ ходила она въ канфасныхъ, а зимой въ холстинковыхъ капотахъ, — ѣздила въ линейкѣ еще десятихъ годовъ, — крестьянъ своихъ до того умѣла приучить, что рѣдкій изъ нихъ не торговалъ чѣмъ-либо: а про хлѣбъ и говорить нечего — начи-

ная съ барыни до послѣдняго мужика, амбары были полны. Степочку Аграфена Кондратьевна безмѣрно любила и, кажется, сама не перечекала бы, если бы что съ нимъ случилось; но при всемъ томъ держала его въ полнѣйшемъ повиновеніи. — Въ свое время, не смотря на расчетливость, она старалась было дать ему образованіе. Сначала училъ его священникъ, а потомъ даже какой-то изъ дворянъ учитель, дѣтъ уже сорокъ занимавшійся образованіемъ дѣтей; но, къ большому горю, должна была убѣдиться, что у мальчика рѣшительно нѣтъ никакого желанія и никакихъ способностей къ наукамъ. Послѣ трехгодичнаго ученія оба его наставника едва добились только того, что онъ кое-какъ умѣлъ читать и переписывать прописи. Нельзя сказать, чтобы Аграфена Кондратьевна, при всей своей любви, не употребляла противъ сына нѣкоторыхъ мѣръ строгости. Злые языки послѣ говорили, что будто бы она даже и заколотила его въ малолѣтствѣ. Кромѣ ученія, въ другихъ отношеніяхъ ребенка обнаруживалъ чрезвычайно много достоинствъ. Опрятный, бережливый, любившій всякую дрянъ, какая ему ни попадалась: желѣзо ли, козаноги ли, камешекъ ли какой двѣтной, — тотчасъ запрятать въ своей сундукъ и запретить. Къ хозяйству онъ былъ также очень способенъ: еще съ двѣнадцати дѣтъ онъ выдавалъ мѣсячину не хуже большаго, зналъ, какъ пять пальцевъ, когда принимаются сѣять яровое и озимое, и всегда почти первый усматривалъ, когда начинала *течь рожь*. Но Аграфенъ Кондратьевнѣ, какъ матери, конечно, хотѣлось болѣе: она желала, чтобы сынъ ея, на казенный счетъ, выучился превосходно всѣмъ наукамъ,

потомъ получилъ бы мѣсто съ огромнымъ жалованьемъ и, наконецъ, женился бы на милліонеркѣ. Но выходило не совсѣмъ то. Ахая и горюя, она отдала сына въ гимназію. Несмотря на то, что мальчику уже былъ тринадцатый годъ, его едва только приняли въ первый классъ, гдѣ онъ и пробылъ два года, и только на третій годъ, и то болѣе за хорошее поведеніе, переведенъ былъ во второй. Здѣсь началась та же исторія. Аграфена Кондратьевна потеряла терпѣніе и взяла сына; но все еще не теряя надежды устроить карьеру его, она обратилась съ просьбою къ родному брату, служившему въ Петербургѣ, умоляя его не оставить сироту Степочку и опредѣлить на хорошее мѣсто. Братъ изъявилъ согласіе. Съ плачемъ и воплемъ отправленъ былъ молодой человѣкъ въ Петербургъ съ своимъ собственнымъ мужикомъ, промышлявшимъ тамъ обручнымъ мастерствомъ. Но съ первой же почты начали отъ него приходять самыя неутѣшительныя письма. Онъ писалъ, что дяденька человѣкъ очень гордый, принялъ его очень сухо и не только что не пригласилъ жить у себя, какъ думала это маменька, но даже ни разу не оставилъ у себя обѣдать, и что опредѣлилъ на мѣсто безъ жалованья, тогда какъ въ Петербургѣ заводу даже платяютъ, а къ другому ужъ лучше не приступайся, что онъ, то есть Степочка, остановился у своего мужика, которому за столъ и за квартиру долженъ будетъ платить по 30 рублей въ мѣсяць, и что, наконецъ, петербургскій воздухъ для него очень вреденъ, и онъ все хвораетъ. Такъ прошелъ годъ. Въ заключеніе всего, Аграфена Кондратьевна получила

письмо и отъ брата, очень неприятнаго и даже обиднаго содержанія. Онъ ей писалъ:

«Любезная сестра!

«При всемъ моемъ желаніи быть полезнымъ для твоего сына, я ничего не могу для него сдѣлать. Степанъ твой не хочетъ, да и не можетъ здѣсь служить. До сихъ поръ я не могу отъ него добиться, чтобы онъ съ толкомъ переписывалъ бумага. Тебѣ стыдно и грѣшно было запустить такъ его воспитаніе; къ тому же и теперь ты содержишь и одѣваешь его какъ лакея, такъ что мнѣ совѣстно моихъ чиновниковъ, и я уже на свой счетъ велѣлъ ему сдѣлать фракъ, каковыя деньги, то есть двѣсти рублей, и прошу мнѣ выслать. Я знаю, что ты безумно скупа, но хоть бы припоминала пословицу: «что глупому сыну не въ помощь богатство». Если Степанъ и на дальнѣйшее время останется также безуспѣшенъ по службѣ, то я не въ состояніи буду долѣе его держать.»

Глубоко оскорбившись, Аграфена Кондратьевна сама написала брату колкое письмо, въ которомъ, между прочимъ, объяснила, что сынъ ея былъ и будетъ одѣтъ всегда прилично, а не такъ, какъ лакей; что безвинно оскорблять мальчика и называть его дуракомъ грѣшно, особливо близкому человѣку; но что все это происходитъ отъ того, что важные родственники всегда тяготятся сдѣлать какое-нибудь одолженіе, и что наконецъ она сыномъ своимъ не жадаеть отягощать его, потому что Степочка ея, благодаря Бога, и безъ дяденькиной протекціи будетъ имѣть кусокъ хлѣба.

Братъ, въ свою очередь, тоже очень оскорбился

этимъ письмомъ и тотчасъ же велѣлъ Степочкѣ отправляться къ маменькѣ на печку, чему послѣдній очень обрадовался и въ тотъ же почти день собрался и уѣхалъ изъ Петербурга. Возвращеніе сына на родину, впрочемъ, очень огорчило Аграфену Кондратьевну; но потомъ, разсудивъ хорошенько, что, видно, это такъ угодно Богу, она рѣшилась его держать въ деревнѣ, приучать покуда къ хозяйству, которое, по-видимому, онъ очень любилъ, а потомъ женить по-выгоднѣе.

На словахъ онъ очень не дуракъ — разсуждала она сама собою:— о нѣкоторыхъ вещахъ разсуждаетъ очень здраво и умно; поведенія прекраснаго; собою недуренъ, особенно въ петербургскомъ платьѣ; бережливъ до невѣроятности и даже скупъ, чему она тоже душевно радовалась, будучи твердо увѣрена, что имѣніе ея не будетъ, современемъ, промотано. Насчетъ хорошей партіи тоже сомнѣваться нечего, потому что, сравнительно съ другими, онъ богатѣйшій въ губерніи женихъ.—На этомъ Аграфена Кондратьевна успокоилась и зажила съ сыномъ припѣваючи. Степочка совершенно попалъ въ свою сферу: онъ ходилъ по работамъ, сидѣлъ на мельницѣ, толковалъ съ дворовыми людьми, вѣсилъ, мѣрялъ, подряжалъ плотниковъ, и тому подобное. Для полного охарактеризованія молодаго человѣка, я считаю за нужное прибавить, что главная его мечта была — имѣть свою собственность, и потому, несмотря на малое количество денегъ, которое получалъ отъ матери, онъ уже успѣлъ скопить около тысячи рублей. Поселившись въ деревнѣ, онъ выпросилъ сначала у Аграфены Кондратьевны особенный огородецъ, по-

томъ пару лошадей, а затѣмъ почти половину папенькинаго гардероба, берегаемаго лѣтъ двадцать, и наконецъ уговорилъ мать отдать ему, хотъ повуда на словахъ, особую небольшую усадьбу, съ тридцатью душами, въ которой онъ самъ и хозяйничалъ: продавалъ изъ нея все, собиралъ съ мужиковъ оброки и всѣ вырученныя деньги прилагалъ къ своему капиталу, тщательно скрывая отъ матери свои доходы и говоря ей, что ничего еще не приобрѣлъ. Виды его, насчетъ собственности, простирались еще далѣе. Онъ желалъ, чтобы мамейка отдѣлила ему не тридцать, а триста душъ, и отдѣлила по всѣмъ актамъ, а не на словахъ: но Аграфена Кондратьевна и слышать этого не хотѣла. Главныя потребности Степана Герасимыча были весьма просты: онъ очень любилъ ходить въ баню и былъ страстный охотникъ пить чай и курить трубку; за послѣднее Аграфена Кондратьевна всегда ему выговаривала; но Степочка оправдывался тѣмъ, что онъ куритъ Вахрамѣева табакъ — недорогой, но здоровый. Платье себѣ онъ шилъ рѣдко, но зато былъ такъ опрятенъ, что на всемъ его гардеробѣ вы, конечно, не открыли бы ни одного пятнышка. Одно только было ему непріятно, что, поживши въ деревнѣ съ годъ, онъ началъ замѣтно полнѣть, и потому все платье сдѣлалось ему значительно узко. Въ свободныя отъ хозяйства минуты, Степанъ Герасимычъ игралъ на флейтѣ, — искусство, которому онъ выучился въ Петербургѣ, и выучился совершенно случайно. Ему удалось на толкучкѣ купить флейту за три гривенника. Приобрѣтя инструментъ, онъ началъ учиться надувать его и въ настоящее время игралъ уже, по слуху, нѣсколько пѣсенъ и даже двѣ мазурки

и вальсъ, и учился разбирать ноты. До музыки онъ былъ съ дѣтства большой охотникъ. Живя въ Петербургѣ, не смотря на свою расчетливость, онъ раза два ходилъ слушать органъ Палкина и былъ нѣсколько разъ въ театрѣ въ оперѣ. Но главная его страсть, кажется, была къ золотымъ и брилльянтовымъ вещамъ, По настоящее время у него было четверо часовъ, нѣсколько булавокъ, запонокъ, перстней. Собой и своей наружностью онъ постоянно былъ доволенъ, за исключеніемъ, впрочемъ, красноты, которою, особенно въ жаркое время года, ужасно тяготился. Но да не подумаетъ читатель, что для сердца молодого челоуѣка не были доступны и другія, болѣе нѣжныя движенія. Прекрасный полъ давно уже волновалъ его воображеніе. Нѣсколько приключеній, случившихся по этому предмету съ Степаномъ Герасимычемъ, ясно доказывали, что онъ для любви былъ способенъ на самоотверженіе: такъ, на примѣръ, ухаживая за одною барышнею очень бѣдною и собою даже дурною, онъ такъ позволилъ себя завлечь, что его чуть не увезли и не обвѣнчали на ней. Кромѣ этихъ исключительныхъ привязанностей, молодой челоуѣкъ интересовался вообще всѣми дѣвицами и молодыми дамами и былъ съ ними замѣчательно любезенъ и разговорчивъ. Разговаривать, впрочемъ, онъ любилъ со всѣми: и съ барышнями, и съ своимъ братомъ, и съ сосѣднимъ мужикомъ. На двадцать-девятомъ году, молодой челоуѣкъ наконецъ окончательно рѣшился жениться, на что была вполнѣ согласна и Аграфена Кондратьевна. На семейномъ совѣщаніи положено было: ѣхать Степochкѣ въ сентябрѣ для прі-

исканія невѣсты и для разсѣянія, мѣсяца на два, въ узднѣй городокъ Б...

Пріѣхавъ и поселившись у Кузьминишны, Степанъ Герасимычъ, по приказанію маменьки, сдѣлалъ всѣмъ визиты и былъ принятъ всѣми очень хорошо, особенно въ домѣ Алексѣя Сергѣича. Конечно, всѣ разумѣли его какъ Степочку и очень хорошо знали, что онъ былъ совершенно неспособенъ къ наукамъ, что на словахъ иногда такъ провирался, что изъ рукъ вонъ, а многимъ даже хорошо была извѣстна его неимовѣрная скудость. Но благоустроенное состояніе заставляло забывать все, и нѣкоторые папеньки и маменьки всѣ странные поступки молодого человѣка относили къ одному только благоразумію. Почтенный и богатый Алексѣй Сергѣичъ хватилъ въ этомъ отношеніи дальше всѣхъ. Онъ отзывался о Степанѣ Герасимычѣ, какъ о скромномъ, но очень не глупомъ человѣкѣ и весьма недурно воспитанномъ, приводя въ доказательство то, что, будто бы, онъ музыкантъ и очень хорошо играетъ на флейтѣ. Въ обществѣ даже поговаривали, что врядъ-ли онъ не намѣренъ просватать за него свою родственницу — дѣвушку, по общей молвѣ, не богатую, но превосходно воспитанную. Молодые дамы и дѣвицы не раздѣляли, впрочемъ, этого выгоднаго мнѣнія о т-г Сальниковѣ и называли его между собою: *противнымъ*.

Напившись чаю, Степанъ Герасимычъ позвалъ къ себѣ Аксинью, которая между тѣмъ ужь отогрѣлась на печкѣ, и вступилъ съ нею въ разговоры. Сначала разспросилъ онъ ее очень подробно, на сколько маменька [запродала хлѣба](http://eain.org.ru), не появляется

ли въ озими червь отъ сырости, каковъ въ загородахъ для скотины кормъ, и даже поинтересовался узнать, сколько въ ливнѣи родилось мальчиковъ. Часу въ осьмомъ онъ началъ собираться на вечеръ.

— Видала ли ты, Аксинья, такіе жилеты? — сказалъ онъ, показывая ей новый бѣлаго нике жилетъ.

— Гдѣ, батюшка, видѣть-то, — нѣтъ-съ! что мы, деревенскія дуры, видѣли... ничего, акромья лѣсу, не видали!

— Ну, постой, погоди я тебѣ покажу еще одну штучку. Узнаешь ли ты, что это такое?... — сказалъ съ лукавою улыбкою баринъ. — Аркашка, ты смотри, не сказывай матери, что такое, — прибавилъ онъ, и, развернувши свой атласный шарфъ, показалъ его Аксиньѣ.

Та первоначально ахнула, потомъ похвалила.

— Что это такое? — повторилъ Степанъ Герасимычъ.

— Не знаю, что такое: платъ, либо кушакъ? должно быть, кушакъ-съ.

Баринъ захохоталъ во все горло, Аркашка тоже.

— Ты-то что, пострѣлъ пучеглазый, смѣешься! — сказала Аксинья въ сердцахъ сыну.

— Видала ли ты меня, Аксинья, наряднымъ-то? — спросилъ Степанъ Герасимычъ, переставая смѣяться и вынимая собственными руками изъ сундука фракную пару, бѣлый жилетъ, шарфъ и манишку.

— Нѣтъ-съ, хорошенько-то не видала! разъ въ церкви... да и то мелькомъ: изъ-за народу-то не видно было.

— Ну, такъ ты подожди въ лакейской; я одѣнусь и покажусь тебѣ.

Аксинья вышла, Степанъ Герасимычъ, съ помощію Аркадія, началъ одѣваться и, когда былъ совсѣмъ готовъ, велѣлъ позвать Аксинью.

— Что, хорошо ли? — спросилъ онъ.

— Хорошо, батюшка; только отчего это у васъ аполетъ-то нѣтъ? Вотъ изъ Егорьевскаго баринъ такъ въ аполетахъ.

— То, дура, военный, а я штатскій.

— Такъ-съ.... Вы куда же это теперь изволите собираться-то?

— Въ гости, танцовать. Тамъ все невѣсты будутъ; я имѣю, признаться сказать, тутъ маленько расчечець на одну барышню!

— Ну вотъ, батюшка, слава Богу! маменька насчетъ этого больно желаетъ. Мнѣ передъ отъѣздомъ изволила говорить: очень бы, говорить, Аксиньюшка, я этого желала.

— Эхъ, маменька, маменька!...— произнесъ молодой человекъ со вздохомъ. — Желать она, конечно, желаетъ, да дѣлаетъ-то не то. Кабы напередъ обезпечила да собственнымъ-то домомъ меня завела, такъ жениться-то бы было и сподручнѣе; а то говорить: возьми тридцать душъ, да и заговѣйся на томъ; а жить-то потомъ мнѣ, а не маменькѣ, придется. Ну, такъ я и долженъ имѣть на это свое собственное соображеніе.

— Вѣстимо, батюшка, свой разумъ царь въ головѣ, — подхватила Аксинья.

— Да... то-то царь въ головѣ; а какъ женишься безъ соображенія-то, такъ и выйдетъ Богъ знаетъ что. Тутъ первый пунктъ — состояніе. Вотъ нынче приказные, и тѣ хотятъ, чтобы приданое было, да

года три еще тещь-то его хлѣбомъ кормить... такъ оно и составитъ кой-что!

— Вы ужь, батюшка, богатую берите; бѣдную намъ на что? бѣдную-то намъ не надобно!

— До бѣдныхъ я и самъ не охотникъ. Теперешнее дѣло мое вотъ какое: у невѣсты ничего нѣтъ, да дяденька есть съ кубышкой: такъ и починай ее; а дѣвушка-то красавица изъ себя, какъ картинка; третьяго дня я во снѣ даже видѣлъ, что будто она ужь снить со мной.

— Дай Богъ, батюшка, добрая бы только была да справедливая, какъ маменька ваша: требуетъ, напимѣръ, хошь и строго, а все въ дѣлѣ. На всемъ окологкѣ спросите: нигдѣ отъ насъ жалобъ нѣтъ; только вотъ насчетъ мѣсячины маленько идетъ...

— Нѣтъ, Аксинья, ты этого не говори: мѣсячины идетъ довольно.

— Ну, батюшка, ваше дѣло! конечно, намъ говорить не приходится.

— Ну, теперь ступай; завтра для меня ничего не готовъ: можетъ быть, куда-нибудь обѣдать позовутъ; а нѣтъ, такъ и вашего поѣмъ. Квасъ что-бы былъ: я его съ толокномъ очень люблю. Запасъ, пожалуйста, поберегай, а то не онять же сюда загонять подводы. Если будетъ оставатся что съ вечера, такъ ты на другой день и не готовъ: перебьемся какъ-нибудь.

— Слушаю-съ, —отвѣчала Аксинья и пошла было.

— Аксинья!—кликнулъ Степочка: —Рыжка, я думаю, отдохнулъ; скажи-ка Кузьмѣ, чтобы мнѣ заложилъ его въ дрожки; а то скверно: все пѣшкомъ хожу... какъ будетъ готова, такъ доложили бы мнѣ...

Оставшись одинъ, молодой человекъ началъ глядѣться въ зеркало и видимо остался доволенъ собою и своимъ туалетомъ. Но я съ своей стороны не скажу этого, — костюмъ его былъ даже совершенно неприличенъ для наследника шестисотъ душъ: фракъ — еще петербургскій, который сшилъ ему дядя, и потому этотъ фракъ принадлежитъ къ той давно минувшей модѣ, когда таліи носили только что не на лопаткахъ, и очень много настегивали ваты; бѣлаго пике жилетъ, которымъ богатый женихъ такъ гордился, былъ нигуда не годно сшить, да и самое пике было весьма двусмысленной доброты; про петербургскія манишки съ дырочками и говорить нечего: онѣ ниже всякихъ словъ; брюки тоже: вытянутыя на волѣнкахъ, съ морщинами и съ какими-то тоненькими штрипками, — однимъ словомъ, очень нехороши! Но все это Степанъ Герасимычъ скрасилъ, надѣвъ одни изъ своихъ часовъ съ толстою золотою цѣпочкою и украсивши свои руки двумя перстнями. Послѣ нѣкотораго размышленія, онъ и въ шарфъ воткнулъ брилліантовую булавку.

Проектъ его ѣхать на Рыжкъ не состоялся, потому что Кузьма.... Но здѣсь я нужнымъ нахожу сказать нѣсколько словъ о Кузьмѣ: во-первыхъ, онъ былъ, надо полагать, очень хорошій кучеръ, потому что въ самую темную ночь, даже подгулявши гдѣ-нибудь на праздникъ, привозилъ домой барыню въ ея колымагѣ совершенно благополучно; во-вторыхъ, кое-что зналъ по коновальному дѣлу и очень любилъ пускать лошадамъ кровь, и вообще этихъ животныхъ любилъ исключительно и только настойчивостію своего характера выпрашивалъ у барыни получше для нихъ кормъ. Но при всѣхъ этихъ кучерскихъ достоинствахъ, онъ

имѣлъ одинъ огромный недостатокъ: былъ чрезвычайно грубъ, какъ съ своимъ братомъ, такъ и съ господами, чувствуя особое расположеніе говорить и дѣйствовать имъ наперекоръ, и въ малѣйшихъ пустякахъ старался ихъ переумничать.

Степанъ Герасимычъ сидѣлъ по крайней мѣрѣ полчаса въ ожиданіи лошади. Наконецъ у него стало терпѣнія; онъ вышелъ на крыльцо. Кузьма и не думалъ закладывать дрожки, а преспокойно сидѣлъ въ избѣ и перебранивался съ Аксиной, утверждая, что лошадь и безъ того измучена....

Зная, что Кузьму переспорить не было никакой возможности, Степанъ Герасимычъ только плюнулъ; а черезъ нѣсколько минутъ, надѣвши пальто на ватъ, сшитое изъ папенькиной зеленаго цвѣта шинели, и круглую складную шляпу, купленную имъ еще въ Петербургѣ, по случаю, онъ шелъ уже по деревянному тротуару, бережно обходя всѣ лужи, что было сдѣлать довольно трудно: ночь была хоть глазъ выколи. Но, не смотря на это, молодой человекъ дошелъ благополучно, и имѣлъ только маленькую неприятность отъ двухъ собакъ, которыя крѣпко было къ нему привязались. Но онъ зналъ для спасенія отъ этихъ беспокойныхъ животныхъ прекрасный способъ: присѣсть на корточки къ землѣ, и собаки, воображая, что на нихъ берутъ камень, полаявши, обыкновенно разбѣгаются, что и въ этотъ разъ было имъ исполнено съ совершеннымъ успѣхомъ. Флейту свою Степанъ Герасимычъ велѣлъ Аркашкѣ, часа черезъ два, принести въ лакейскую Алексѣя Сергѣича и потихоньку себя вызвать.

II.

У Алексѣя Сергѣича Ухмырева, къ которому отправился Степанъ Герасимычъ танцовать, любезничать съ барышнями и сыграть что-нибудь, по желанію хозяйки, на флейтѣ, было уже довольно много гостей. Весь домъ, какъ водится, былъ освѣщенъ. Трудно описать, на сколько этотъ домъ былъ для всѣхъ городскихъ и уѣздныхъ господъ пріятнымъ убѣжищемъ, — не говоря уже того, что въ немъ все было для уѣзднаго городка даже слишкомъ богато, или, лучше сказать, все блестяло, начиная съ паркетнаго пола до бронзовой, подъ чехломъ, люстры. Драпировка была тоже вездѣ, гдѣ только ей позволительно быть: и на всѣхъ окнахъ, и на дверяхъ; и даже между двумя колоннами, отдѣлявшими въ наугольной комнатѣ небольшое возвышеніе, обставленное съ боковъ цвѣтами. Но все это было ничтожно въ сравненіи съ тѣмъ радушнымъ пріемомъ, который находилъ въ этихъ стѣнахъ каждый, особенно играющій хоть немного въ карты, такъ какъ хозяинъ и хозяйка были страстные до нихъ охотники. Въ продолженіе цѣлаго года не проходило почти ни одного вечера, чтобы въ этомъ гостепріимномъ домѣ не играли стола на два въ карты. Званые обѣды тоже повторялись довольно часто, а за просто — такъ ужь, конечно, каждый день кто-нибудь изъ постороннихъ обѣдалъ. Про самого Алексѣя Сергѣича говорили еще нѣчто не въ его пользу: признавая въ немъ доброту, многіе понимали его такъ, что живеть онъ на широкую ногу не по гостепріимству, а

по самолюбію; потому что богатство предпочитаетъ всему и въ знакомствѣ очень неровенъ: передъ богатыми и знатными унижается, такъ что видѣть не-пріятно, а кто побѣднѣе, такъ поднимаетъ носъ и даже никогда не платитъ визитовъ. Смѣялись также очень надъ тѣмъ, что онъ, стараясь представить изъ себя барича и человѣка образованнаго, рассказывалъ, что будто бы не можетъ ѣсть того да другаго, что мѣстной мадеры и наливки запаху даже слышать не въ состояніи, и привыкъ только пить заграничныя вина, и наконецъ, что будто бы очень много читаетъ. Но этому рѣшительно никто не вѣрилъ, и нѣкоторые утверждали фактами, что пить и ѣсть онъ можетъ все, и что книги выписываетъ для одного форса, самъ же ихъ и не разрѣзываетъ, такъ какъ онъ человѣкъ самаго маленькаго образованія: очень некраснорѣчивъ въ разговорахъ, да кромѣ того и въ языкѣ имѣетъ небольшую помѣху, потому что когда говоритъ, то какъ-будто бы заикается. Къ нему даже прикладывали пословицу: «родись не уменъ, не пригожь, а счастливъ», на томъ основаніи, что въ молодости своей онъ былъ, какъ говорили, совсѣмъ пустой малый: картежникъ, мотишка и собой весьма не презентабельный, но при всемъ этомъ успѣлъ, однако же, внушить любовь въ богатой вдовѣ — теперешней его супругѣ, и, женившись на ней, вышелъ, по состоянію, въ люди. Но никто ничего подобнаго не говорилъ про m-me Ухмыреву: она пользовалась не только всеобщимъ уваженіемъ, но даже любовью: въ устахъ всѣхъ и cadaго именовалась она найдобрѣйшею Авдотьей Егоровною. И въ самомъ дѣлѣ, это была дама самаго деликатнаго

воспитанія и самыхъ нѣжныхъ отъ природы чувствъ. Ни къ кому во всю жизнь не относилась она безъ ласковаго эпитета. Говоря съ самою бѣдною женщиною, она вызывала ее: *милушкой* или *душа моя*. Дамъ равныхъ съ нею она именovala *многоуважаемая* или *неоцѣненная моя*. Съ молодыми дѣвицами была тоже очень привѣтлива: *chère Catiche, mon aimable Nina* — относилась она къ нимъ. Разговаривая съ молодыми людьми, она обыкновенно прибавляла: *внучекъ мой, сынокъ мой, остроумный шалунъ нашъ*. Даже лакеевъ своихъ она называла ласкательными именами: *Петруша, Ванюша*. Доброта ея доходила, впрочемъ, и до нѣкоторыхъ крайностей: она ни за что въ мірѣ не согласилась бы ѣсть ни мяса, ни дичи, ни рыбы, если бы только передъ обѣдомъ сказали ей, что это мясо коровы, которую третьяго-дня закололи, что жаренаго тегерева вчера застрѣлили, и что, наконецъ, эту прекрасную стерлядь въ ухѣ почти живую положили въ кастрюлю. Покойниковъ она тоже очень боялась, или, лучше сказать, просто не могла о нихъ слышать, — вслѣдствіе чего ея мужъ и всѣ хорошіе знакомые тщательно скрывали отъ нея, если кто-нибудь въ городѣ умиралъ. Къ собакамъ и кошкамъ, которыхъ въ домѣ держалось огромное количество, была страстна. Въ карты, какъ я и прежде объяснялъ, Авдотья Егоровна очень любила играть и была большая мастерица этого дѣла, но вмѣстѣ съ тѣмъ играла съ такимъ благородствомъ и съ такою уступчивостію, что людямъ благороднымъ, не дурно играющимъ, съ нею было даже совѣстно играть, люди же неблагородные, но хорошо играющіе, этимъ, конечно, пользовались. Злорѣчія моя добрая дама очень

не любила и всякій разъ дѣлала грустный видъ, когда ей кто-нибудь начиналъ рассказывать въ этомъ родѣ. Въ настоящее время ей было слишкомъ за сорокъ, чтобы не сказать: и всѣ пятьдесятъ. Лицо ея, какъ я полагаю, нѣкогда довольно нѣжное, походило уже теперь на испеченное яблоко. Одѣвалась она не только хорошо, но даже богато, и очень любила душитъ модными духами. Это послѣднее обстоятельство служило поводомъ къ легкой насмѣшкѣ насчетъ ея. Нѣкоторые подозрѣвали, что будто бы почтенная женщина считаетъ еще себя не совсѣмъ дурною и вѣрить въ возможность производить нѣкоторое впечатлѣніе своею наружностію. Но я съ этимъ не согласенъ и отношу изысканность ея туалета къ одному опрятству и хорошимъ привычкамъ.

Съ годъ тому назадъ домъ Алексѣя Сергѣича еще болѣе одушевился: въ немъ появилась племянница Авдотья Егоровны, Ензаева, московская барышня, родившаяся и воспитанная въ богатствѣ, но въ настоящее время сирота и безъ всякаго состоянія. Алексѣй Сергѣичъ, а болѣе того Авдотья Егоровна любили ее, кажется, какъ родную дочь и, не имѣя родныхъ дѣтей, цѣлью своей жизни поставили себѣ упрочить ея будущность. Одѣвали ее какъ куклу. Собственно для нея выписали они изъ Москвы превосходный лихтенталевскій рояль и, наконецъ, затѣяли танцевальныя вечера. Авдотья Егоровна съ восторгомъ рассказывала всѣмъ знакомымъ, какая музыкантша ея племянница, и какъ она всегда плачетъ, когда *chère Véra* въ сумерки разыгрываетъ какую-нибудь увертюру. Что касается самой молодой дѣвушкѣ, то на первомъ же балѣ, который Алексѣй

Сергѣвичъ далъ по случаю ея прїѣзда и на которомъ Авдотья Егоровна представила ее обществу, всѣми почти дамами было замѣчено: во-первыхъ, что Вѣрѣ слишкомъ за двадцать; во-вторыхъ, о цвѣтѣ лица ея рѣшили, что днемъ онъ желтоватъ, а румянецъ даже болѣзненный; это подтвердилъ и мѣстный докторъ: онъ рассказывалъ многимъ, что дѣвушка очень слабаго сложенія, страдаетъ нервными припадками и склонна къ чахоткѣ; и наконецъ, въ третьихъ, было открыто, что Вѣра не имѣетъ настоящаго свѣтскаго образованія, а только учена, и потому о своей учености чересчуръ много думаетъ, и вообще не любезна, особенно съ дамами и дѣвщами, изъ которыхъ съ нѣкоторыми она даже не проговорила ни одного слова, а разсуждаетъ больше съ мужчинами, и то все о поэзіи, музыкѣ и тому подобныхъ предметахъ, что и относили къ кокетству и гордости съ ея стороны. Большая часть мужчинъ не соглашалась съ мнѣніемъ дамъ. Они утверждали, что у Вѣры Павловны прекрасные каріе глаза, цвѣтъ лица не желтоватый, а матовый, который къ ней очень идетъ, и что, наконецъ, она ума необыкновеннаго для женщины.

Въ настоящее время танцевальныя вечера у Алексея Сергѣича, по случаю дворянскаго сѣзда, были весьма многолюдны. Не говоря уже о прекрасномъ полѣ, котораго въ провинціи всегда бываетъ достаточно, но даже кавалеровъ, и кавалеровъ танцующихъ, было четверо, а именно: знакомый нашъ Степанъ Герасимычъ, отпускной уланъ Карелинъ, вышеупомянутый докторъ, хотя уже не молодой и женатый, но большой еще любезникъ съ дамами; нѣкто м-г Мишель, преумный и премилый мальчикъ

17 лѣтъ, приготовлявшійся поступить въ гусары, и, наконецъ, еще нѣкто м-г Шамиловъ, молодой помѣщикъ, съ полгода уже пріѣхавшій въ свою небольшую усадьбу. Но сей послѣдній, впрочемъ, черезчуръ много важничалъ, выгибалъ изъ себя какого-то ученаго человѣка, мало танцевалъ и, по послѣднимъ замѣчаніямъ, очень интересовался Вѣрой Павловной, которая и сама, повидимому, предпочитала его прочимъ молодымъ людямъ.

Тетка и дядя, впрочемъ, этому не сочувствовали; по крайней мѣрѣ Алексѣй Сергѣичъ во всеуслышаніе отзывался очень дурно о Шамиловѣ и называлъ его недоученнымъ философомъ и несноснымъ фантазеромъ.

Но обращаюсь къ самому разсказу. Гостей, какъ я и прежде замѣтилъ, было довольно. Въ кабинетѣ играли на двухъ столикахъ: на одномъ самъ хозяинъ съ тѣми, кто позначительнѣе, а на другомъ была партія гораздо пониже. Разговоръ между игроками былъ обыкновенный, карточный: то есть спорили о томъ, у кого была дама и у кого король и наконецъ, кто глупо и неразсчетливо сыгралъ, — и споръ этотъ, какъ водится, былъ довольно запальчивый и исполненный личностей другъ противъ друга. Низшая партія была гораздо скромнѣе; она только немилосердно курила въ четыре трубки. По залѣ ходили двѣ дѣвицы: Иринъ Шмакова и Софи Моросенко. Обѣ эти барышни воспитывались вмѣстѣ въ губернскомъ пансіонѣ и, по дружбѣ родителей, а еще болѣе того—по влеченію своихъ собственныхъ сердець, еще на школьной свамейкѣ соединились узами тѣснѣйшей дружбы. Выходи изъ пансіона и раздѣлившись

семидесятиверстнымъ пространствомъ, онѣ обливались горькими слезами, долгое время грустили другъ о другѣ и завели потомъ каждаго недѣльную переписку. Онѣ имѣли чрезвычайно много между собою тайнъ и при личныхъ своихъ свиданіяхъ всегда говорили о своихъ знакомыхъ личными мѣстоименіями: *онъ* и *она*. При такой нравственной симпатіи, по наружности онѣ были различны: Иринѣ Шмакова была высокая, худощавая брюнетка, и гордилась стройностію таліи. Откровенно говоря, она была нехороша собою. Но Софи Моросенко цвѣла здоровьемъ: маленькая ростомъ, черезчуръ румяная, совершенно безъ таліи, но въ то же время съ очень пріятною фізіономіею. Несмотря на различіе комплекцій, обѣ дѣвицы, по чувству дружбы, всегда сохраняли буквальное сходство въ туалетѣ. Въ настоящемъ случаѣ онѣ были одѣты въ розовыя газовыя платья, съ бѣлыми поясами и съ незабудками на головѣ. Молодая дама, нѣкая Катерина Петровна, была то же ихъ другъ и знала всѣ ихъ тайны. Въ костюмѣ своемъ она, конечно, не подражала имъ. На ней былъ вердепомовый полубапотъ, отдѣланный черными кружевами. Она была бы недурна, если бы выраженіе ея лица менѣе походило на птичье. Ее разумѣли какъ даму милую, но немного вредную на языкѣ. Разговоръ въ настоящемъ случаѣ эти дамы вели между собою на французскомъ діалектѣ и смѣялись насчетъ Вѣры Павловны, которую всѣ онѣ не любили, потому что она съ ними почти никогда не занималась, что бы ей слѣдовало дѣлать, какъ хозяйкѣ дома. Въ гостиной то же играли на двухъ столикахъ: Авдотья Егоровна, какъ и мужъ, составляла партію позначи-

тельнѣй, а на другомъ столикѣ сражались въ преферансъ три старыя барыни старыми картами и, кажется, по копѣйкѣ серебромъ, но зато съ пѣной на губахъ отъ злобы другъ противъ друга; по стѣнѣ около оконъ сидѣло нѣсколько молоденькихъ барышень.

Въ наугольной комнатѣ, на томъ возвышеніи, о которомъ я прежде упоминалъ, сидѣла Вѣра Павловна. Она была очень интересна въ бѣломъ газовомъ платьѣ, между цвѣтами и слегка облокотившись на маленькій столикъ. Передъ нею, нѣсколько въ почтительномъ отдаленіи, сидѣлъ молодой человекъ. Лицо его, довольно пріятное, имѣло отчасти ученое выраженіе, то есть онъ былъ въ очкахъ, съ длинными и небрежно зачесанными назадъ волосами, въ визитномъ полуфракѣ и гладко натянутыхъ перчаткахъ, и вообще нѣсколько смахивалъ на итальянскаго художника. Это былъ м-г Шамиловъ. Собесѣдники нѣкоторое время молчали. Молодой человекъ сидѣлъ задумавшись, обрывая съ розана лепестки, который онъ сорвалъ съ близстоящаго куста.

— За что вы такъ истерзали этотъ несчастный розанъ? — сказала дѣвушка съ улыбкою.

— Я-съ?...—проговорилъ молодой человекъ, какъ бы приди въ себя. — Я и самъ не знаю, что дѣлаю, — прибавилъ онъ.

— Вы не любите цвѣтовъ.

— Нѣтъ.

— Не вѣрю.

— Почему же?

— Такъ: надобно быть очень злымъ человекомъ, чтобы не любить цвѣтовъ... моря... дѣсь... небо...

какъ все это хорошо! особенно лѣсъ! я очень его люблю... мнѣ кажется, что всякое деревцо думаетъ, и что, можетъ быть, они говорятъ между собой, когда шелестятъ листочками.

— Лѣсъ я самъ люблю болѣе другаго. Онъ по крайней мѣрѣ поражаетъ меня своимъ величественнымъ спокойствіемъ.

Вѣра Павловна покачала головою.

— Не шутя говорю,—продолжалъ молодой чело-вѣкъ: — я въ природѣ чувствую одно только величїе и спокойствїе. Красоты я въ ней не вижу; если она и существуетъ, то очень вдали; вблизи природа груба.

— А цвѣты? неужели вы не чувствуете ихъ красоты?

— Точно ту же красоту я вижу и въ нарисованномъ цвѣткѣ.

— Нѣтъ, ей-богу нѣтъ, м-г Шамиловъ! я никогда не согланусь съ вами, возразила дѣвушка. — Я очень люблю цвѣты: они живутъ, чувствуютъ.

— Полноту вашихъ чувствованій, Вѣра Павловна, вы переносите на природу. Изъ вашихъ словъ она, мнѣ кажется, гораздо лучше, чѣмъ я самъ ее вижу.

На нѣсколько минутъ разговоръ прекратился.

— Пишете ли вы теперь?—начала опять дѣвушка. Помните, вы мнѣ говорили, что у васъ начато объ идеалахъ поэзіи. Это должно быть очень любопытно.

— Да, я началъ, но отсталъ,—отвѣчалъ Шамиловъ. — Теперь въ моей головѣ болѣе серьезная мысль, которая мучитъ меня день и ночь, но за которую все-таки не достааетъ воли приняться.

— Отчего же?

— Оттого, что я теперь болѣе способенъ чувствовать, чѣмъ мыслить, — отвѣчалъ Шамиловъ.

Вѣра посмотрѣла на него.

— Какая же ваша мысль?—спросила она послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія.

— Я думаю,—началъ Шамиловъ нѣсколько профессорскимъ тономъ: — приняться за большое дѣло: написать драму изъ греческой жизни.

— Изъ греческой жизни?—спросила Вѣра Павловна съ удивленіемъ.

— Чему же вы такъ удивились?

— Да такъ; немного странно нынче писать изъ греческой жизни. Что же это будетъ — въ родѣ Озерова: «Эдишь въ Аеинахъ»?

— Совсѣмъ въ другомъ!—возразилъ Шамиловъ, какъ бы нѣсколько уже обиженнымъ тономъ. — Послушайте,—продолжалъ онъ многозначительно и ударивъ себя въ грудь:—въ писательствѣ, какъ и во всякомъ другомъ хорошемъ дѣлѣ, должно или что-нибудь дѣлать серьезное, или ничего не дѣлать. Не романы-же слагать à la Dumas, не повѣсти-же рассказывать, какъ рассказываютъ ихъ наши беллетристы,—и читать-то подобную галиматью терпѣнья нѣтъ.

Вѣра въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ и очень внимательно смотрѣла на него.

— Въ чемъ-же собственно будетъ состоять сюжетъ вашей трагедіи?—спросила она.

— Вы конечно знаете, что въ Греціи существовало постоянно одна за другой нѣсколько философскихъ школъ. Эти-то школы я и думаю олицетворить въ

въ одномъ человѣкѣ, который первоначально живетъ, мыслить, составляетъ нѣкоторую систему и результаты своего мышленія вводитъ въ общество, которое, конечно, на первомъ шагѣ ему противодѣйствуетъ. Въ немъ возбуждается драма; но онъ не слабѣетъ и торжествуетъ, — это первый актъ. Но потомъ, по процессу мышленія, онъ достигаетъ новыхъ результатовъ и составляетъ новую школу; противъ него снова встаютъ, укоряютъ его прежними выводами, не сознавая того, что новые результаты вовсе не противоположны прежнимъ и вовсе не уничтожаютъ ихъ, но напротивъ того, вытекаютъ изъ нихъ же и представляютъ собою одно только органическое развитіе мысли. Драма въ философѣ возбуждается страшная; но онъ снова торжествуетъ и снова достигаетъ новыхъ результатовъ. Такъ онъ проходитъ всѣ системы и наконецъ впадаетъ въ скептицизмъ, къ которому Греція была уже готова, и вмѣстѣ съ нею падаетъ. Но главное дѣло въ томъ, что вся драма будетъ обставлена обычаями изъ греческой жизни, все должно быть проникнуто этимъ художественнымъ греческимъ чувствомъ, всѣ сцены будутъ происходить въ этихъ афинскихъ портикахъ, въ ихъ таинственныхъ храмахъ, или наконецъ на площадяхъ, подъ чуднымъ и прекраснымъ небомъ....

— Это будетъ чудесно,—сказала Вѣра:—въ стихахъ?

— Конечно.

Между тѣмъ въ залѣ, куда вошелъ Степанъ Герасимычъ, происходили совершенно другаго рода сцены: тамъ ходили тѣ же двѣ дѣвицы и дама. М-г Сальниковъ расшаркался предъ ними.

— У себя Алексѣй Сергѣвичъ? — отнесся онъ къ Иринѣ Шмаковой.

Та посмотрѣла ему въ лицо и немного сконфузилась; дама сдѣлала гримасу.

— У себя-съ?—повторилъ Степанъ Герасимычъ.

— Дома, —отвѣчала дѣвушка и очень уже сконфузилась.

— А гдѣ я ихъ могу видѣть?—продолжалъ гость допрашивать.

— Онъ, кажется, тамъ,—подхватила съ пренебреженіемъ дама, указывая на кабинетъ.

— Merci, madame! —отвѣчалъ Степанъ Герасимычъ и, снова расшаркавшись, ушелъ въ кабинетъ.

— Можно ли быть такъ глухимъ: спрашиваетъ насъ какъ швейцара!—сказала дама.— Я хотѣла его послать въ лакейскую спросить объ этомъ.

— Я чуть не умерла со стыда, —произнесла m-lle Шмакова.

— Сначала я и не поняла, что онъ меня спрашиваетъ.

— Я видѣла, что вы растерялись, и потому поспѣшила къ вамъ на помощь, — проговорила дама.

При входѣ Сальникова въ кабинетъ, хозяинъ издалъ звуки радости и, тотчасъ же взявши гостя за обѣ руки, дружески потрясъ ихъ и вотомъ поцѣловалъ его въ уста.

— Какъ ваше здоровье?—спросилъ тотъ, расшаркавшись прочимъ игрокамъ.

— Ничего, хорошо; ну, а вы что.... какъ?....

— Я такъ-съ.... также какъ и вы.... Здоровье Авдотьи Егоровны?

— Авдотья Егоровна у меня все хилѣетъ, — сегодня, впрочемъ, ничего.

— Вѣра Павловна тоже, полагаю, здоровы?

— Здорова. Прошу присѣсть.

— Благодарю васъ, все сидѣлъ.

— Прикажете трубку, сигару, папироску? Мальчишья!.. Чего прикажете?

— Позвольте ужъ беспокоить васъ трубкой.

— Трубку, скорѣе, да чаю сюда! — сказалъ хозяинъ и на нѣсколько минутъ отвернулся отъ Степана Герасимыча, потому что долженъ былъ играть.

Съигравши партію, онъ снова обратился къ гостю и, не находя, кажется, о чемъ бы съ нимъ заговорить, глядѣлъ на него ласково.

— Какъ проводите ваше время? спросилъ Степанъ Герасимычъ.

— Такъ себѣ: послѣ обѣда все дуемся въ карты, а поутру погулялъ немного... а вы — не гуляете?

— Здѣсь нѣтъ-съ!... здѣсь неприятно гулять... собакъ очень много... По рядамъ пройтись, конечно, пріятно, но вѣдь деньги надобно мотать; а въ деревнѣ-съ я цѣлый день въ полѣ: тамъ, по моему, запахъ такой пріятный, рождю, сѣномъ.. я очень люблю, какъ сухое сѣно пахнетъ.

— Да, запахъ пріятный! я самъ люблю.... Матушка ваша здорова?

— Слава Богу-съ; только рана на ногѣ все ихъ беспокоить

— Рана!?... и большая?

— Я думаю, — въ мѣдный пятакъ.

— Въ мѣдный пятакъ, однакожь? какая большая!

А давно?

<http://rcin.org.pl>

— Третій годъ.

— Третій годъ, скажите пожалуйста! Какъ, я думаю, это имъ непріятно!

— Ничего-съ: маменька ужь привыкли, — подъ старость ужь ничего, вотъ намъ, молодымъ людямъ, было бы непріятно, потому что танцовать нельзя.

— Да, конечно молодые люди другое дѣло! но и старики тоже чувствуютъ, — проговорилъ хозяинъ, снова обращаясь на нѣкоторое время къ игрѣ.

Степанъ Герасимычъ между тѣмъ пилъ чай и курилъ трубку, и когда онъ допилъ свой стаканъ, то робберъ уже кончился. Алексѣй Сергѣичъ всталъ и взялъ его подъ руку.

— Вы не видали еще жены?—спросилъ онъ.

— Не имѣлъ еще счастья....

Они пошли и, проходя залу, оба улыбнулись дамамъ.

— Eudoxie!... Степанъ Герасимычъ!...— сказалъ Алексѣй Сергѣичъ, подходя къ женѣ.

— Bonsoir, m-r Salnicoff,—произнесла та самымъ привѣтливымъ голосомъ, протягивая гостю руку.

— Ваше здоровье? — спросилъ тотъ.

— Благодарю васъ! Сегодня я здорова.

— Можетъ быть, оттого, что вы сегодня пріятно проводите время.

— Да! Но я никогда не скучаю. Благодаря нашихъ знакомыхъ, мы никогда почти не бываемъ одни.

— Знакомые вашъ, я думаю, вамъ болѣе обязаны,—возразилъ Степанъ Герасимычъ:—потому что

вы ихъ такъ угощаете, что другіе, я думаю, во всю жизнь дома того не видали.

При этомъ откровенномъ замѣчаніи молодаго человѣка нѣкоторые изъ сидѣвшихъ вблизи гостей покраснѣли, а другіе только улыбнулись; хозяйка потупилась.

— Вы помните ваше обѣщаніе насчетъ флейты?— сказала она, какъ бы желая перемѣнить разговоръ.

— Я никогда не позволю себѣ забыть обѣщаній, которыя я давалъ дамамъ.

— Право?

— Дамы сами такъ добры и такъ мплы, что обманывать ихъ грѣшно.

— А какъ между тѣмъ часто мужчины обманываютъ женщинъ, — замѣтила одна изъ игравшихъ дамъ.

— Конечно-съ, это бываетъ; но это, сами согласитесь, какіе-нибудь прохвосты?—проговорился опять Степанъ Герасимычъ.

Авдотья Егоровна опять потупилась: нѣкоторые изъ гостей засмѣялись, молодой человѣкъ, кажется, и самъ замѣтилъ, что ужъ черезчуръ откровенно выражался, а потому и самъ нѣсколько смѣшался.

— Вѣра Павловна, можетъ быть, еще не вышли изъ своей комнаты?—сказалъ онъ..

— Нѣтъ; она, кажется, въ наугольной.

Степанъ Герасимычъ отошелъ отъ хозяйки. Между тѣмъ Алексѣй Сергѣичъ, подведя гостя въ женѣ, хотѣлъ было вернуться въ свой кабинетъ, но увидѣвъ въ зеркало, что Вѣра сидитъ съ Шамиловымъ, надулся и съ сердитымъ лицомъ пошелъ въ наугольную, взглянувъ значительно на племянницу,

посмотрѣлъ изподлобья на ея собеедника, толкнулъ ногой валявшійся окурокъ папиросы и, проговоривъ: «какъ здѣсь насорено», ушелъ опять въ гостиную, гдѣ подошелъ къ женѣ и прошепталъ ей что-то на ухо. Авдотья Егоровна отвѣчала ему самымъ добрымъ взглядомъ.

— Ничего, топ ange, проговорила она.

Алексѣй Сергѣичъ пожалъ плечами.

— Клянусь тебѣ честью — ничего!...

Алексѣй Сергѣичъ опять пожалъ плечами и пошелъ.

— Alexis!—крикнула Авдотья Егоровна.

Алексис обернулся.

— Пожалуйте сюда.

Алексис подошелъ.

— Не извольте дуться: я этого не люблю, и приказываю вамъ мнѣ улыбнуться, а сердитымъ неуходить,—проговорила м-ме Ухмырева, протягивая мужу руку, которую тотъ поцѣловалъ; но все-таки ушелъ въ кабинетъ насупившись.

Сальниковъ, пройдясь по гостиной, вошелъ, какъ бы нечаянно, въ наугольную.

— Вы здѣсь!—сказалъ онъ, съ пріятною улыбкою обращаясь къ Вѣрѣ.

— Здѣсь,—отвѣчала та, переглянувшись съ Шамиловымъ.

Степанъ Герасимычъ сѣлъ.

— Какая сегодня погода ужасная!—началъ онъ.

— Почему же ужасная? —спросилъ Шамиловъ.

— Дождикъ цѣлый день, отвѣчалъ Сальниковъ.—

Я полагаю, что и вы, Вѣра Павловна, тоже не

любите ненастной погоды, — прибавилъ онъ, обращаясь къ дѣвушкамъ.

— Напротивъ: я очень люблю осень.

— Всѣ дѣвицы обыкновенно любятъ хорошую погоду.

— Не знаю.

— Въ хорошую погоду можно гулять; но въ ненастье, особенно дамы, принуждены бываютъ сидѣть дома.

— Я люблю сидѣть дома.

— Но все-таки, mademoiselle, согласитесь, что въ Петербургѣ всѣ дамы въ хорошую погоду всегда прогуливаются на Невскомъ: когда я жилъ тамъ, такъ часто наблюдалъ за этимъ, — и рѣшительно въ ясные дни всѣ дѣвицы гуляютъ.

— Я не жила въ Петербургѣ.

Впослѣдствіи мы успѣемъ замѣтить, что Степанъ Герасимычъ любилъ ввернуть кстати словцо о Петербургѣ, о своей жизни тамъ и даже иногда говорилъ: «у насъ, въ Петербургѣ», а въ припадкѣ любезности употреблялъ иногда и французскія слова, которыхъ онъ зналъ ровно четыре: madame, mademoiselle, pardon и merci, считая въ простотѣ сердца за самый высшій тонъ спрашиваніе о здоровьѣ, о погодѣ и о томъ, какъ проводится время.

— Видали ли вы, Петръ Александрычъ, Фанни Эльслеръ? отнеслась Вѣра къ Шамилову.

— Тысячу разъ, отвѣчалъ тотъ.

— Дѣйствительно ли она такъ хороша, какъ о ней пишутъ?

— Выше всякихъ словъ. Въ каждой позѣ ея вы видите античную статую. въ продолженіе цѣлаго ба-

лета она не устанетъ, не утомится, не позволить себѣ ни разу выйти изъ своей роли. Глядя на нее, вы уже не видите ничего — ни декорацій, ни кордебалета, и даже не слышите музыки: все это совершенно лишнее при ней.

— Вы недавно изъ Петербурга? спросилъ Степанъ Герасимычъ.

— Недавно-съ, — отвѣчалъ нехотя Шамиловъ

— Играютъ тамъ нынче «Аскольдову могилу»?

— Я думаю...

— Какая прекрасная пьеса! Изволите ли помнить, когда этотъ мужикъ, что ли какой али дворовый человекъ поетъ эту пѣсню «вѣтъ вѣтерокъ», такъ даже сердце замираетъ; и актеръ, который игралъ, отличнѣйшій... я никогда не слышалъ такого прекраснаго голоса; вотъ между простолюдинами есть тоже отличные голоса, но нѣтъ, не могутъ сравниться. Я самъ также играю на флейтѣ и пою русскія пѣсни, но, признаюсь, пришелъ въ восторгъ.

— Вы только и видали одну «Аскольдову могилу.» спросила Вѣра.

— О, нѣтъ-съ! я нѣсколько пьесъ видалъ; тогда нѣмцы все играли, тоже очень хорошо.

— Вы говорите по-нѣмецки? спросилъ Шамиловъ, закуривая папиросу.

Степанъ Герасимычъ нѣсколько замялся.

— Да-съ... какъ вамъ сказать... нѣтъ, нынче совершенно забылъ.

— Что же вамъ за удовольствіе было сидѣть на нѣмецкихъ операхъ, когда вы не знаете языка?

— Да что же? это ничего, словъ не слышать, а

дѣлаютъ все они такъ же, какъ и мы, совершенно по-русски.

— Неужели?—проговорилъ Шамидовъ и захохоталъ. Вѣра Павловна тоже не могла удержаться.

— Я, впрочемъ, всего три раза былъ: такъ, можетъ быть, не замѣтилъ,—подхватилъ Степанъ Герасимычъ.

Вошла Авдотья Егоровна.

— *Chère, Véra* что же вы, ангелъ мой, не танцуете? сказала она, подходя къ племянницѣ, беря ее за руку и цѣлуя. — Вы не удивляйтесь, господа, прибавила она, обращаясь къ молодымъ людямъ: — я влюблена въ эту дѣвушку.

Шамидовъ молчалъ.

— Вѣра Павловна сами, вѣроятно, въ васъ влюблены, замѣтилъ Степанъ Герасимычъ.

— Нѣтъ, она меньше меня любитъ... Танцуйте, милочка моя.

— Я готова, но кому же танцовать? сказала Вѣра вставая.

— Тамъ барышни, *mon ange*, ждутъ; ты, какъ хозяйка, затѣй; кавалеры есть: *m-r Сальниковъ et vous, m-r, j'espère, que vous serez si aimable de danser ce soir*, отнеслась она къ Шамидову. — Тотъ поклонился.

— Какъ сегодня насчетъ кавалеровъ неприятно разстроилось, продолжала хозяйка: — нашъ молодецъ уланъ куда-то пропалъ, милѣйшій докторъ рѣшительно отказался сегодня, а бѣдный Мишель страдаетъ флюсомъ.

— Это значитъ-съ нашего полка убыло, составилъ Степанъ Герасимычъ.

— Да,—отвѣчала Авдотья Егоровна. — Я пойду попрошу милую Катерину Петровну сыграть французскую кадрили. Ахъ, какая она добрая! въ прошлый четвергъ была такъ обязательна, что почти цѣлый вечеръ играла одна; я думала, что на другой день она будетъ безъ рукъ,—проговорила ласковая Авдотья Егоровна и ушла.

— Танцуйте и спасите меня отъ этого господина,—сказала Вѣра по-французски Шамплюву. — Тотъ, конечно, тотчасъ же пригласилъ ее и пригласилъ по-русски.

У Степана Герасимыча вытянулось лицо.

— Какъ я несчастливъ! сказалъ онъ.

— Чѣмъ? спросила Вѣра.

— Лишился счастья съ вами танцовать.

— Дамъ много.

— Да, это правда: но я...

Вѣра ушла.

Кадрили составилась въ четыре пары — Степанъ Герасимычъ танцовалъ съ Софи Моросенко и каждый разъ, встрѣчаясь съ Вѣрой, улыбался ей, но, впрочемъ, былъ очень любезенъ и съ своею дамою.

— Вы любите танцы? спросилъ онъ ее.

— Люблю.

— Дѣвицы, впрочемъ, всѣ охотницы танцовать.

— И кавалеры тоже любятъ.

— Да-съ; но кавалеры хуже танцуютъ.

— Отчего же хуже? М-г Карелинъ преврасно галопируетъ.

— Это правда, я съ вами согласенъ; но это, вѣроятно, оттого, что они въ военномъ платьѣ.

— Вовсе нѣтъ. Онъ очень ловокъ.

— Какъ я благодаренъ здѣшнимъ дамамъ, — продолжалъ Степанъ Герасимычъ.

— За что?

— Пршлый разъ онѣ меня выучили гротъ-фатеръ.

— А вы развѣ его не танцовали?

— Нѣтъ-съ, я признаюсь откровенно, что еще не очень ловкій тансеръ, хоть и люблю танцы.. Pardon, mademoiselle! какъ я предъ вами виноватъ! — произнесъ онъ вдругъ.

Дѣвушка посмотрѣла на него съ удивленіемъ.

— Что такое? — спросила она.

— Я былъ такъ неловокъ, что выбралъ мѣсто около печки: въ танцахъ и безъ того жарко; но здѣсь, я самъ чувствую, что я весь вспотѣлъ.

Софи Моросенко покраснѣла какъ маковъ цвѣтъ и уже рѣшительно не въ состояніи была болѣе говорить съ своимъ кавалеромъ. Совершенно другой разговоръ происходилъ между Вѣрою и Шамиловымъ, который, впрочемъ, былъ не въ духѣ.

— Ахъ, какъ я рада, m-g Шамиловъ, что съ вами встрѣтилась... — говорила Вѣра. — Будемте друзьями, будемте передавать другъ другу наши мысли, чувства, — все, что на умъ придетъ. Мнѣ тоже, какъ и вамъ, скучно и неловко здѣсь... Тяжело жить безъ отца, безъ матери, и въ чужомъ еще домѣ!

— Но ваши родные такъ васъ любятъ?

— Да, они меня очень любятъ; мнѣ даже совѣстно какъ они меня любятъ. Тетва моя очень добра, дядя тоже добръ; но они съ такими странными понятіями, такъ странно думаютъ и заботятся о моей судьбѣ, что... — Вѣра не окончила.

— За что вашъ дядя меня ненавидитъ, или, лучше сказать, презираетъ меня съ ногъ до головы?

— Это неправда.... изъ чего вы замѣтили?

— Изъ всего! онъ только-что не выгоняетъ меня!

— Нѣтъ, это такъ: онъ такой чудакъ. Впрочемъ, тутъ другія есть причины.

— А именно?

— Неужели вы не догадываетесь, что это за меня? — произнесла Вѣра.

Кадриль кончилась. Шамиловъ поклонился своей дамѣ и сталъ въ дверяхъ. Вторая кадриль началась очень скоро. Пріѣхалъ уланъ Карелинъ, молодцоватый и стройный мужчина, и подошелъ было къ Вѣрѣ Павловнѣ просить ее на кадриль; но она уже была ангажирована Степаномъ Герасимычемъ. Сальниковъ не замедлилъ начать съ нею разговоръ.

— Я былъ такъ несчастливъ, но теперь вознагражденъ, — сказалъ онъ.

Вѣра ничего не отвѣчала.

— Вы любите лѣтомъ жить въ деревнѣ? — продолжалъ Степанъ Герасимычъ.

— Мнѣ жить вездѣ все равно.

— Но вы, вѣроятно, были въ усадьбахъ вашего дяденьки?

— Нѣтъ, не была.

— У Алексѣя Сергѣича такъ много прекрасныхъ усадебъ. Они, вѣроятно, показывали ихъ вамъ.

— Я не видала ни одной.

— Я сосѣдъ по деревнѣ вашего дяденьки; у нихъ очень хорошія усадьбы, главное — покосы отличные... но, можетъ быть, вы больше занимаетесь книгами и музыкой — хозяйства не любите?

— Мнѣ негдѣ хозяйничать: у меня ничего нѣтъ.

— Какъ смѣшно Арина Васильевна танцуетъ, — сказалъ Сальниковъ, указывая глазами на Ирину Шмакову, съ явнымъ желаніемъ поострить на ея счетъ.

— Это съ чего вамъ показалось? она очень мила, — сказала Вѣра.

— Нѣтъ, вы имъ льстите. Можетъ быть, онѣ у себя дома милы, но при васъ, я полагаю.... — началъ было Степанъ Герасимычъ, но не кончилъ, потому что Вѣра совершенно отвернулась отъ него и начала смотрѣть на Шамилова, который въ раздумьѣ стоялъ еще на прежнемъ мѣстѣ.

За кадрилию послѣдовалъ галопъ. Уланъ явился во всемъ блескѣ; онъ мастерски и неумоимо танцевалъ этотъ бойкій танецъ. Началъ онъ съ Вѣрою. Приятно было видѣть ихъ въ парѣ, хотя молодая дѣвица и танцевала не съ большою охотою и нѣсколько небрежно; но въ то же время она была неимоვნѣрно граціозна и чрезвычайно легко слѣдовала за своимъ кавалеромъ. Окончивъ галопъ, Вѣра Павловна тотчасъ же сѣла около Шамилова.

— Гдѣ вы? — спросила она.

— Я засмотрѣлся на васъ, хоть и не желалъ бы, чтобъ вы танцевали.

— Отчего?

— Такъ: это слишкомъ обыкновенно, а вы женщина необыкновенная.

— Пойдемте галопъ....

— Я? но я сто лѣтъ его не танцевалъ.

— Я хочу.

Шамиловъ подавъ руку Вѣрѣ и началъ.

— Bravo, m-r Шамиловъ, и вы?— произнесла игравшая на фортепiano Катерина Петровна.

Шамиловъ прогалопировалъ тоже очень ловко и если не лучше, то по крайней мѣрѣ не хуже улана; но, впрочемъ, сей послѣдній свое искусство и ловкость окончательно доказалъ, танцуя съ другими дѣвцами. Онъ сумѣлъ примѣниться къ манерѣ каждой изъ нихъ, хоть эти манеры и были довольно разнообразны, и наконецъ тѣхъ, которыя были ужь чрезчуръ тяжелы на ногу, онъ просто носилъ на рукахъ, и выходило недурно. Возгорѣлось сердце и у Степана Герасимыча, и ему захотѣлось тоже протанцовать. Онъ пригласилъ было первоначально Вѣру, но та объявила, что устала, и рѣшительно отказалась. М-г Сальниковъ взялъ Ирину Шмакову и пошелъ. Къ несчастію, ноги молодого человѣка, вѣроятно не привыкшія къ галопу, начали выдѣлывать такія удивительныя штуки, что онъ чуть-чуть не уронилъ свою даму, и въ заключеніе всего изорвалъ ея платье и наступилъ ей на ногу, и наступилъ такъ больно, что дѣвушка вскрикнула, почти насильно вырвалась у него изъ рукъ и со слезами на глазахъ сѣла на свое мѣсто. Уланъ засмѣялся во всеуслышаніе.

— Каково отхватываетъ! отнесся онъ къ Шамилову: — его надобно еще года два на кордѣ гонять.

Степанъ Герасимычъ немного растерялся и не совсѣмъ еще пришелъ въ себя, какъ былъ вызванъ въ лакейскую: Аркаша принесъ ему флейту. Возвратясь въ залу съ инструментомъ, онъ началъ глазами

искать хозяйку, которая и сама тотчас его замѣтила.

— Какъ вы добры, Степанъ Герасимычъ! сказала она: — это ваша флейта? Mesdames, m-r Salnicoff va nous procurer le plaisir de l'entendre jouer de la flûte.

— Еще новость! — произнесла Катерина Петровна.

— Что прикажете? — отнесся музыкантъ къ хозяйкѣ и дѣвицамъ.

— Что-нибудь, что вы сами любите попреимуществу, — произнесла первая.

— Я не смѣю играть русскія пѣсни, а выберу лучше что-нибудь изъ иностраннаго, — проговорилъ Степанъ Герасимычъ и началъ играть — вальсъ-ка-закъ...

Нѣтъ, почтенный читатель мой, здѣсь я кидая мое перо: мнѣ совѣстно передавать вамъ то неблагопріятное впечатлѣніе, которое произвела на общество игра избраннаго мною героя, или, лучше сказать, не столько игра его, которая, конечно, была далеко несовершенна и съ значительными ошибками, сколько самая физиономія. Представьте себѣ: довольно полныя щеки молодого человѣка еще болѣе раздулись, лицо еще болѣе покраснѣло, и наконецъ, все это соединилось съ выраженіемъ его глазъ, которые сдѣлались очень похожими на глаза убитаго теленка. Нѣкоторыя легкомысленныя дѣвицы потихоньку засмѣялись, но прочія дамы просто не въ состояніи были его видѣть. Къ числу послѣднихъ, кажется, принадлежала и сама хозяйка; въ первую минуту она совершенно растерялась; потомъ ей, кажется, хотѣлось какъ-бы-нибудь вывести своего protégé

изъ этого щекотливаго положенія, въ которое онъ самъ себя поставилъ, и наконецъ она рѣшительно уже не могла его видѣть и отвернулась. Впослѣдствіи добрая Авдотья Егоровна, не смотря на свою скромность, рассказывала, что просила Степана Герасимыча играть, никакъ не предполагая, чтобы онъ такъ фальшиво исполнялъ и — еще хуже того — пѣлъ, при этомъ случаѣ, такую непріятную наружность.

— Ахъ ты, шутъ гороховый! Онъ вѣрно въ пастухахъ былъ,—проговорилъ уланъ Шамилову. — Monsieur, а monsieur Salnicoff!—продолжалъ онъ, обращаясь къ Степану Герасимычу: — не умѣете ли вы *«Пастухъ выйдець на лужокъ, заираеть во рожокъ»*. Это отличная пѣсня. Вы должны ее хорошо играть.

— Merci, merci, Степанъ Герасимычъ, вы устали, — перебила хозяйка.

— Помилуйте, ничего-съ; дома я больше играю, — отвѣчалъ Степочка.

— Онъ и пѣть умѣеть, — шепнулъ Шамиловъ улану.

— Будто?... Мы его сейчасъ заставимъ! Степанъ Герасимычъ! дамы желаютъ, чтобы вы свѣли что-нибудь, — сказалъ онъ.

Авдотья Егоровна обратила на улана умоляющій взоръ.

— Намъ очень пріятно будетъ слышать, какъ поеть m-r Salnicoff, — замѣтила Вѣра.

Молодой человекъ, услышавъ эти льстивыя слова, произнесенныя очаровательнымъ для него голосомъ, пришелъ въ совершенный восторгъ.

— Я не пою, помилуйте... сами согласитесь... пѣть въ такомъ обществѣ, говорилъ онъ.

— Спойте, пожалуйста,—повторила Вѣра Павловна.

Авдотья Петровна взглянула на племянницу съ упрекомъ.

— Начинайте! мужчинѣ робѣть не въ лицу,— проговорилъ уланъ.

— Если ужъ это угодно дамамъ, то я не смѣю не повиноваться, и извиняюсь что пою только русскія пѣсни, — произнесъ музыкантъ, откашлянувшись и запѣлъ:

При долинушкѣ стояла, казину ломала.

Голосъ его и метода были довольно оригинальны. Онъ началъ самой тоненькой фистулой, а потомъ вдругъ переходилъ на басъ.

Уланъ ему захопалъ въ ладоши; Шампловъ ушелъ въ наугольную; Алексѣй Сергѣвичъ, появившійся въ дверяхъ кабинета, качалъ женѣ головой. Авдотья Егоровна предприняла рѣшительное средство: она сама сѣла за рояль и начала играть французскую кадрили, пригласивъ гостей танцовать.

— Уже танцовать?—произнесъ вдругъ остановленный Степочка, и, видно не уразумѣвши хорошенько тактику хозяйки, какъ ни въ чемъ не бывало, отправился приглашать даму. Далѣе затѣмъ вечеръ одушевился. Сначала прѣхалъ умненькій Мишель, съ подвязанной щекой, который, не смотря на болѣзнь, не въ состояніи былъ просидѣть дома, а наконецъ явился и любезный докторъ. Составилась мазурка. Степанъ Герасимычъ опять поддетѣлъ было приглашать Вѣру, но она уже танцевала съ Шамиловымъ.

Въ этомъ танцѣ герой мой тоже нѣсколько разъ былъ поставленъ въ довольно непріятное положеніе: такъ, на примѣръ, въ одной фигурѣ, подобно другимъ, онъ вышелъ на средину залы и проговорилъ: «горю, горю на камешкѣ: кто меня любитъ, тотъ меня выкупить.» Но, увы! его, вѣроятно, никто изъ дѣвицъ не любилъ, потому что никто не подошелъ къ нему. Уланъ простеръ было свою дерзость до того, что хотѣлъ послать къ нему выглядывавшую изъ дверей горничную; но добрѣйшая Авдотья Егоровна и тутъ поспѣшила на помощь къ молодому человѣку и выкупила его; къ ней, конечно, тотчасъ же всѣ кинулись на выкупъ. Очень также Степанъ Герасимычъ сплосчалъ при выборѣ качествъ. Тотъ же злодѣй уланъ, взявши двухъ дамъ, подошелъ къ нему и спросилъ: *L'amour ou espérance?*

Степанъ Герасимычъ, какъ мы знаемъ, мало знакомый со звуками французскаго языка, затруднился и переспросилъ.

Карелинъ опять повторилъ по-французски.

— Пирансъ, — бухнулъ Сальниковъ на-авось.

— Какъ онъ жалокъ, — проговорила Вѣра Шамидову.

— У кого спокойно въ ухѣ спятъ насмѣшки, тотъ дуракъ, — отвѣчалъ тотъ.

— Конечно. Но онъ, должно быть, добрый; иногда мнѣ онъ бываетъ скученъ и несносенъ, но чаще жалокъ.

— Честь дѣлаетъ вашему сердцу, но нивакъ не ему.

— Мнѣ кажется, что онъ все чувствуетъ и понимаетъ, но не сердится, потому что добръ.

За мазуркою слѣдовалъ гроссъ-фатеръ. Степанъ Гераспычъ, должно быть, дѣйствительно, какъ замѣтила Вѣра Павловна, былъ добраго характера, потому что, послѣ всѣхъ его промаховъ и насмѣшекъ на его счетъ, онъ очень скоро поправлялся и черезъ минуту же дѣлался веселымъ и беззаботнымъ. Въ гроссъ-фатерѣ, танцуя съ предметомъ своей страсти, то есть съ Вѣрою, онъ до того одушевился и расшалился, что началъ не только бѣгать, но прискакивать. Докторъ и уланъ не утерпѣли и сыиграли съ нимъ новую шутку. Въ фигурѣ перепрыгиванія черезъ платокъ они такъ нечаянно и такъ высоко подняли платокъ, что онъ, конечно, запнулся и растянулся на полу и въ первую минуту хотѣлъ, кажется, разсердиться, но, увидѣвши, что всѣ смѣются, и самъ захохоталъ.

Всѣ эти маленькія непріятности, испытанныя моимъ героемъ въ танцахъ, были окончательно изглажены исключительнымъ вниманіемъ, которое адресовалъ къ нему хозяинъ за ужиномъ. Онъ посадилъ его около себя и безпрестанно потчивалъ. Шамиловъ тоже сидѣлъ невдалекѣ; но Алексѣй Сергѣичъ не обращалъ на него ни малѣйшаго вниманія и, кажется, съ умысломъ; распорядился въ подаваніи кушанья такимъ образомъ, что ему приходилось брать послѣд-нему; около него не стояло даже ни рюмки, ни стагана, но хозяинъ какъ-будто бы и не замѣчалъ этого. За то Петръ Александрычъ былъ награжденъ вниманіемъ съ другой стороны, и вниманіемъ, конечно, болѣе для него лестнымъ. Вѣра Павловна, какъ это замѣтили всѣ, дѣлѣй ужинъ не спускала съ него глазъ.

— *Desirez-vous du vin!* — сказала она, подвигая къ нему бутылку съ лафитомъ и стаканъ.

Шамиловъ налилъ, взглянулъ на нее значительно и, проговоря: «*votre santé!*» — выпилъ стаканъ залпомъ.

Алексѣй Сергѣичъ, замѣтивъ это, нахмурился и взглянулъ тоже значительно на жену, которая ему улыбнулась. Во время этого полумимическаго разговора между главными лицами моего разсказа, развязный докторъ любезничалъ съ Иринь и Софи. Онъ отнималъ у нихъ квасъ, говоря, что это имъ вредно, видалъ въ нихъ хлѣбными шариками и, наконецъ, показывалъ имъ что-то такое жестаи, отчего обѣ дѣвицы смѣялись. Уланъ занимался съ Катериной Петровной. Въ половинѣ ужина Шамиловъ разговаривалъ съ докторомъ; и заговорили они нѣчто о медицинѣ.

— Знаете ли вы новую теорію Либиха? — сказалъ Шамиловъ.

— Новую теорію? спросилъ полусутоливымъ тономъ докторъ: — нѣтъ, не знаю; а я вотъ вижу по глазамъ, ее знаютъ Ирина Васильевна и Софья Николаевна; барышни обыкновенно знаютъ всѣ теоріи, — прибавилъ онъ, указывая на двухъ дѣвухъ.

Шамиловъ замолчалъ.

— Онъ врачъ? — спросилъ докторъ.

— Кто-съ?

— Этотъ ученый, о которомъ вы говорили.

— Либихъ? не знаю. Онъ извѣстенъ, какъ великій физиологъ.

— А, физиологъ? это очень хорошо. Физиологія прекрасная наука.... Сдѣлайте милость, барышни, не смѣйте надъ нами; мы увѣрены, что вы знаете всѣ

науки лучше насъ... Что же онъ такое сочинилъ? — говорилъ докторъ, обращаясь то къ Ирину и Софи, то къ Шамилову.

— А вамъ любопытно знать? — спросилъ тотъ.

— Очень, — отвѣчалъ докторъ. — Ахъ, Боже мой, — продолжалъ онъ жалобнымъ голосомъ: — вотъ что значитъ жить въ провинціи! столичные люди думаютъ, что насъ уже ничто и не интересуется.

— Либихъ-съ сдѣлалъ смѣлый шагъ, — перебилъ Шамиловъ: — онъ физиологію окончательно сблизилъ съ органическою химіею.

— Неужели? это превосходно! — воскликнулъ докторъ.

— Угодно вамъ знать нѣкоторыя подробности этой теоріи?

— Сдѣлайте милость, — отвѣчалъ врачъ какимъ-то двусмысленнымъ тономъ: видимо, что во всей этой сценѣ онъ подтрунивалъ надъ молодымъ человѣкомъ. Сдѣлайте милость, — повторилъ онъ.

— Она очень проста, — отвѣчалъ Шамиловъ: — Либихъ процессъ пищеваренія подвелъ подъ законы броженія и въ результатъ получилъ составные элементы организма: фибринъ, бѣлковину и проч.

— Это очень хорошо! неподобно! — воскликнулъ докторъ опять съ какою-то странною улыбкою.

— Все это глупости! — произнесъ вдругъ Алексѣй Сергѣичъ во всеуслышаніе.

Шамиловъ посмотрѣлъ на него.

— Что такое глупости? — спросилъ онъ.

— Все, что вы ни говорили, все это глупости, — отвѣчалъ хозяинъ.

Докторъ захохоталъ.

— Какой скептикъ: все отрицаетъ!

Шамиловъ ничего не отвѣчалъ и только улыбнулся,

— Все это плутовство и обманъ, чтобы деньги у насъ выманивать, — прибавилъ Алексѣй Сергѣвичъ.

Шамиловъ и докторъ замолчали; послѣдній опять началъ шутить съ барышнями. На сцену вышелъ Степанъ Герасимычъ: онъ отнесся, черезъ весь столъ, къ Катеринѣ Петровнѣ.

— Вамъ, Катерина Петровна, не угодно было со мной сегодня танцевать, — сказалъ онъ.

— Вы меня сами не удостоили этой чести, — отвѣчала молодая дама.

— Я не смѣлъ-съ: вы все занимались музыкой.

— Пожалуста, не оправдывайтесь! мы всѣ очень хорошо знаемъ, что вы вѣтренникъ, за всѣми ухаживаете, и потому я вамъ не вѣрю.

— Совершенно несправедливый укоръ! Конечно, я уважаю равно какъ дѣвицъ, такъ и дамъ, но....

— Но вы всегда больше любите танцы и свою флейту, а надъ женщинами смѣетесь и способны только увлекать и обманывать насъ, несчастныхъ.

Лицо Степана Герасимыча просіяло отъ удовольствія.

— Вы все на меня сегодня нападаете, — произнесъ онъ жеманно.

— Гдѣ вы галоцу то выучились? — спросилъ уланъ: — въ Петербургѣ или здѣсь?

— Въ Петербургѣ, — отвѣчалъ Степочка.

— Стало быть, вы тамъ много танцовали?

— Я думаю, больше, чѣмъ въ здѣшнихъ мѣстахъ.

— Гдѣ же это вы тамъ танцовали?

— У дяди: у нихъ каждую субботу были вели-

колѣнные вечера: но, впрочемъ, по моему, танцовать не много, но съ тѣми, съ кѣмъ желаешь, пріятнѣе самыхъ большихъ танцевъ, — прѳговорилъ Степанъ Герасимычъ, и при послѣднихъ словахъ взглянулъ на Вѣру и хотѣлъ было еще что-то говорить, но ужинъ кончился.

Хозяинъ былъ такъ къ нему внимателенъ, что самъ наложилъ ему трубку и, узнавъ, что онъ пришелъ пѣшкомъ, тотчасъ же велѣлъ заложить для него лошадь.

Шамиловъ стоялъ около Вѣры со шляпою.

— Когда мы увидимся?—спросила она.

— Не знаю. Здѣсь бывать я болѣе не могу.

— Ничего, — прѣзжайте послѣ-завтра.

— Нѣтъ-съ, не могу.

— Пришлите мнѣ по крайней мѣрѣ то, что у васъ написано о Гамлетѣ: я умираю со скуки.

— Съ большимъ удовольствіемъ; но какимъ образомъ?

— Я пришлю къ вамъ мою дѣвушку: отдайте ей.

— Bien.... Adieu!

— Bonne nuit!

Молодые люди разстались. Степанъ Герасимычъ, выкуривъ трубку, искалъ было Вѣру, чтобъ проститься съ нею, но она уже ушла въ свою комнату. Алексѣй Сергѣичъ проводилъ его до передней.

III.

Я еще прежде говорилъ, что Степанъ Герасимычъ, при всей благоразумной расчетливости и при всемъ своемъ, во многихъ отношеніяхъ, скромномъ пове-

деніи, былъ влюбчивъ. Въ этомъ случаѣ, онъ какъ будто бы пзмѣнялъ самому себѣ. Изъ предъидущихъ сценъ, вѣроятно, и самъ читатель замѣтилъ, что въ настоящее время молодой человѣкъ интересовался Вѣрой Павловной; но я скажу еще болѣе: онъ былъ въ нее влюбленъ безъ ума и питалъ въ сердцѣ непреклонное намѣреніе жениться на ней. Объясненія маменькѣ въ письмѣ, что думаетъ прежде разузнать о состояніи молодой дѣвицы и дѣйствовать въ этомъ случаѣ благоразумно, онъ говорилъ неправду, или по крайней мѣрѣ, это была одна только мечта; но въ самомъ дѣлѣ, какъ я убѣжденъ, онъ готовъ былъ съ нею идти подъ вѣнецъ хоть сейчасъ же и взять ее, что называется, въ одномъ только платьѣ, готовъ былъ даже для этого счастья истратить весь свой капиталъ и продать нѣкоторыя изъ своихъ брильянтовыхъ и золотыхъ вещей. Вѣра Павловна овладѣла его сердцемъ мгновенно, при первомъ свиданіи, и я рѣшительно затрудняюсь объяснить это обстоятельство: — какимъ образомъ, почему и чѣмъ именно понравилась ему Вѣра.

Возвратясь съ вечера, влюбленный молодой человѣкъ былъ очень разсерженъ заспавшимся Аркашкой, который, вмѣсто того, чтобы подать барину огня и раздѣть его, началъ метаться изъ угла въ уголъ, бормотать какую-то чепуху, и въ заключеніе всего, уйдя въ лакейскую, сунулся на завадокъ и захрапѣлъ. Мальчишка въ этомъ имѣлъ одну очень характеристическую черту: онъ обыкновенно съ закатомъ солнца начиналъ почти что замирать, и въ осенніе и зимніе вечера вызвать его къ бодрствованію было дѣломъ невѣроятной трудности. Въ настоящемъ слу-

чаѣ Аркашка заспался совершенно; напрасно Степанъ Герасимычъ будилъ его различными способами, — мальчишка открывалъ только на время глаза, но никакъ не могъ возвратиться къ полному самосознанію. Степанъ Герасимычъ наконецъ вышелъ изъ себя, плюнулъ и отступился. Раздѣвшись собственноручно и уложивъ бережно свой туалетъ, онъ легъ, но не спалъ, а мечталъ о Вѣрѣ. Мечтанія его зашли очень далеко: онъ воображалъ, что Вѣра Павловна ужь его жена, что въ приданое за ней дано триста душъ, что въ этихъ трехъ стахъ душахъ должно быть непременно полтораста тяголъ: онъ собираетъ съ нихъ оброки, изъ которыхъ одна треть проживается, а прочее идетъ къ приращенію капитала. Онъ мечталъ, какъ молоденькая жена будетъ поить его чаемъ, и какъ на именины добрый и богатый дяденька Алексѣй Сергѣичъ подаритъ ему бронзовые часы, которые стояли у него въ гостиной и которые очень нравились Степану Герасимычу. Много, очень много еще и другаго передумалъ молодой человекъ и наконецъ заснулъ. Поутру постигла его маленькая неприятность: Аксинья съ плачемъ и воплемъ доложила, что въ погребѣ запасу держать нельзя, потому что крысы съѣли почти всю солонину и прогрызли, негодныя, два мѣшка съ мукою. Извѣстіе это обезпokoило Степана Герасимыча. Побранивъ Аксинью, онъ самъ отправился въ погребъ и при собственныхъ глазахъ весь запасъ велѣлъ привѣсить къ потолку. Обѣдать себѣ не велѣлъ ничего готовить и началъ придумывать, подъ какимъ бы предлогомъ отправиться ему къ Алексѣю Сергѣичу поутру — отобѣдать тамъ и даже, если возможно, то и отужинать. «Скажу я,

придумалъ онъ наконецъ, что получилъ отъ маменьки письмо, въ которомъ она велитъ Алексѣю Сергѣичу кланяться, а у Авдотьи Егоровны поцѣловать ручку.»

Затѣмъ утро пошло своимъ порядкомъ. Пришелъ портной, изъ мѣщанъ, по имени Ермогенъ, а по прозванію Безухой, осмотрѣлъ присланный Степану Герасимычу отъ маменьки сюртукъ папенькинъ и, объявивъ, что изъ этой штуки фракъ выйдетъ, и что сукно еще хорошо и нынче, надо полагать, рублевъ отъ шести идетъ, заломилъ за работу десять рублей ассигнаціями. Степанъ Герасимычъ, не согласившись, чтобы сукно стоило только шесть рублей, отозвался очень дурно о нынѣшнихъ сукнахъ, говоря, что они только хороши на видъ, но прочности никакой не имѣютъ, съ чѣмъ согласился и портной. О цѣнѣ за работу они, само собой разумѣется, спорили очень долго. Степочка, какъ пять пальцевъ рассчиталъ, что Безухому за-глаза довольно взять семь рублей.

— Семь рублей, баринъ, нынче за мужицкую поддевку берутъ, возразилъ портной.

Но баринъ опять, какъ дважды-два четыре, доказалъ ему, что въ поддевкѣ гораздо больше шитья, чѣмъ во фракѣ. Наконецъ они помирились на осьми рубляхъ. Очень хотѣлось также Степочкѣ, чтобы фракъ его былъ сшитъ на манеръ визитнаго полуфрака Шамилова; но Ермогенъ отказался шить по этому фасону, утверждая, что эта мода не хороша и что онъ лучше сошьетъ по другой, самой моднѣющей, по которой онъ ужъ и сшилъ одному чиновнику изъ уѣзднаго суда фракъ.

Отдавая сюртувъ, Сальниковъ поинтересовался узнать, сколько отъ него будетъ остатковъ сукна.

Портной, прикинувъ пальцемъ, сказалъ, что въ остаткѣ будутъ воротникъ и обшлага, такъ какъ они были ужь очень засалены, да два клина.

— Ты мнѣ принеси эти остаточки: мнѣ нужно починить одну вещь, сказалъ Степанъ Герасимычъ.

По уходѣ портнаго, молодой человекъ, причесавъ очень старательно свои волосы и надѣвъ свой отороченный плисомъ халатъ, закурилъ трубку, сѣлъ у окна и обратилъ свои мысли къ предмету своей любви. У воротъ показался сѣрый въ яблокахъ жеребецъ, запряженный въ щегольскія пролетки на лежащихъ рессорахъ. Пріѣхалъ Алексѣй Сергѣичъ. Степанъ Герасимычъ былъ удивленъ и обрадованъ, потому что Ухмыревъ, какъ мы знаемъ и какъ извѣстно было всѣмъ его знакомымъ, дѣлалъ визиты весьма рѣдко, т. е. только въ большіе праздники, и то по выбору. Подобное же экстренное посѣщеніе могло служить явнымъ доказательствомъ его особаго расположенія. Алексѣй Сергѣичъ вошелъ, сохраняя свое собственное достоинство, но въ то же время пожалъ хозяину руку съ величайшимъ радушіемъ и поцѣловалъ его, прося покорнѣйше не перемѣнять костюма и оставаться въ томъ *pegligé*, въ которомъ онъ его засталъ. Степанъ Герасимычъ нашелся выразить свое привѣтствіе гостю только тѣмъ, что предложилъ ему свою только-что закуренную трубку. Но Алексѣй Сергѣичъ отказался отъ трубки и, вынувъ изъ серебрянаго *porte-cigare* гаванскую сигару, просилъ одолжить его огнемъ. Наконецъ гость и хозяинъ

усѣлись, и на нѣкоторое время послѣдовала между ними молчаливая, но въ высшей степени умлительная сцена. Они по крайней мѣрѣ четверть часа смотрѣли другъ на друга такъ нѣжно, какъ-будто были — или самые близкіе родственники, или по крайней мѣрѣ закадычные, лѣтъ десять не видавшіеся друзья.

— Хорошо изволили почивать?—заговорилъ Степанъ Герасимычъ.

— Съ вечера хорошо, но наутрѣ желудокъ безпокоитъ.

— Я тоже-съ.... молодые люди, впрочемъ, обыкновенно, не спятъ послѣ вечеровъ... Вѣра Павловна ужь проснулись?

— Должно быть. Я не видалъ еще ее.

— Который имъ годъ?

— Кому?

— Вѣрѣ Павловнѣ.

— Она молода.

— Какая она прекрасная дѣвица!

Алексѣй Сергѣичъ съ пріятною улыбкою наклонилъ голову.

— Вы, вѣроятно, желаете ихъ выдать замужъ?

Алексѣй Сергѣичъ развелъ руками и проговорилъ:

— Это зависитъ отъ партіи. Если представится партія, конечно...

— У нихъ есть состояніе? богаты онѣ-съ?—спросилъ Степанъ Герасимычъ, набивая себѣ новую трубку.

Этотъ вопросъ нѣсколько удивилъ Алексѣя Сергѣича: онъ многозначительно пожалъ плечами.

— У ней есть состояніе, потому что я его имѣю, отвѣчалъ онъ, подумавъ.

— Я самъ очень желалъ бы составить себѣ партію, произнесъ Степанъ Герасимычъ.

Алексѣй Сергѣичъ посмотрѣлъ на него.

— Вы думаете жениться? спросилъ онъ.

— Очень бы желалъ.

— У васъ невѣсты будутъ; но надобно имѣть въ виду хорошее семейство. Такъ?

— Да-съ. Я ужь имѣю въ виду одну дѣвушку.

Алексѣй Сергѣичъ ничего не отвѣчалъ.

— Она вамъ знакома-съ, — продолжалъ Степанъ Герасимычъ.

— Мнѣ?...

— Я говорю про Вѣру Павловну, — отрѣзалъ Степанъ Герасимычъ, но впрочемъ немного сконфузился и болѣе обыкновеннаго покраснѣлъ.

Что же касается до Алексѣя Сергѣича, то и онъ также покраснѣлъ и соображалъ приличный отвѣтъ.

— Можетъ быть, я не буду имѣть счастья понравиться Вѣрѣ Павловнѣ! продолжалъ молодой человекъ.

Алексѣй Сергѣичъ опять сильно пожалъ плечами и сдѣлалъ значительную физиономію.

— За другихъ, Степанъ Герасимычъ, говорить, конечно, трудно, — началъ онъ: — но по моему ничего бы не могло быть лучше. Я дядя, а не отецъ: я не могу тутъ дѣйствовать такъ, какъ бы должно... Такъ?

— Вѣра Павловна, вѣроятно, послушаютъ васъ.

— Такъ-съ, хорошо, прекрасно... но она живетъ

у меня въ домъ, мнѣ настаивать неловко, не правда ли? Съ моей стороны для васъ все... понимаете? но тутъ есть другая сторона. Такъ?

Я еще прежде замѣчалъ, что Алексѣй Сергѣичъ не былъ боекъ на языкъ и имѣлъ только нѣкоторый навыкъ поддерживать общественный разговоръ; но въ важныхъ случаяхъ, въ минуты душевнаго волненія, онъ совершенно терялъ даръ слова и выражался больше вопросами и какими-то неправильными фразами.

— Я замѣчалъ, что Вѣра Павловна благосклонны ко мнѣ.

— Безподобно-съ! Но лично про меня будемте судить. Я въ этомъ дѣлѣ только могу тонъ давать. Согласны вы съ этимъ? такъ?

Степанъ Герасимычъ открылъ было ротъ.

— Пойдите, перебилъ Алексѣй Сергѣичъ:—я буду говорить еще. У меня есть жена, а ея родная тетка... согласны? — Тетка теперь и должна на нее дѣйствовать, а я буду дѣйствовать на тетку... понимаете?

Степochка кивнулъ головою.

Алексѣй Сергѣичъ, думая вѣроятно, что Степochка въ самомъ дѣлѣ уразумѣлъ его слова, продолжалъ:

— По моему расчету все это должно сойтись въ одномъ центрѣ, потому что съ той и другой стороны будетъ вамъ рука. Такъ?...

— Вы, можетъ быть, самому позвольте мнѣ объяснить съ Вѣрой Павловной?

— Убереги васъ Богъ! перебилъ его торопливо Ухмыревъ. — Тутъ только время будетъ свое вы-

пгрывать. Мы, мужчины, видимъ предметъ такъ, какъ онъ есть — прямо, а женщины представляютъ его себѣ навыворотъ. Въ этомъ дѣлѣ мы будемъ давать тонъ — а время свое сдѣлаетъ!

Въ дальнѣйшей бесѣдѣ Степанъ Герасимычъ началъ еще нѣсколько разъ разговоръ объ этомъ предметѣ, потому что изъ всѣхъ предъидущихъ рѣчей Алексѣя Сергѣича онъ весьма нехорошо понялъ, что хотѣлъ тотъ сказать: но Ухмыревъ на всѣ его вопросы отвѣчалъ: «время и больше ничего». При прощаніи Степанъ Герасимычъ, по свойственной ему наивности, объяснилъ, что онъ сегодня желаетъ придти поутру къ нимъ на цѣлый день, но совѣстится. На это Алексѣй Сергѣичъ сказалъ, что, думая такимъ образомъ, онъ крайне его обижаетъ, и просилъ его ходить къ нимъ, не стѣсняясь, каждый день, и пробывать у нихъ съ утра до поздней ночи, что даже, по его мнѣнію, это было необходимо при настоящемъ стеченіи обстоятельствъ.

По отъѣздѣ гостя, Сальниковъ пришелъ въ неописанный восторгъ: набивши безъ всякой осторожности трубку, онъ даже не заперъ свою табачницу и началъ насвистывать и выдѣлывать ногами какой-то танецъ, нѣсколько похожій на галопъ, затѣмъ схватилъ мальчика своего, перевернулъ его нѣсколько разъ, проговоря: «что ты не вертишься?» — а потомъ послалъ его, чтобы онъ позвалъ мать. Аксинья явилась.

— Поди сюда, Аксинья: я тебѣ одну штучку скажу.

— Что, батюшка?

— Дѣло съ барышней на-мази.

— Слава-те Господи! маменькѣ изволили писать?

— Напишу. Ты только не болтай никому.

— Ай, нѣтъ, батюшка! никогда за мной этого не бывало.

— Кузьмѣ, главное, не говори; а то онъ въ кабакѣ, пожалуй, разболтаетъ.

— Ой, что это! стану ли я съ этимъ разбойникомъ говорить? мы съ нимъ ругаемся, что вотъ ни пріѣхала сюда, все ругаемся! Молодецъ вы, батюшка, у насъ родились, — продолжала Аксинья съ чувствомъ: — мы вотъ и промежь собой все говоримъ: «экой насъ баринъ-то красавецъ!»

— Теперь еще ничего. А вотъ я себѣ платье новое сошью, такъ ты тутъ посмотри!...

— Ну, батюшка, коли милость будетъ, такъ посмотрю, а нѣтъ, — такъ и такъ живу.

Въ два часа Степанъ Герасимычъ, прифрантившись какъ слѣдуетъ, отправился въ Ухмыревымъ на цѣлый день.

Алексѣй Сергѣичъ пріѣхалъ домой съ весьма глубокомысленнымъ видомъ. Кому неизвѣстно, что большая часть людей любятъ объявлять претензіи именно на то, чего у нихъ нѣтъ; такъ, на примѣръ, нѣкоторые толстяки — на грацію, школьники на ученость, губернскія дамы на высшій тонъ. Въ Алексѣѣ Сергѣичѣ тоже была эта слабость: онъ считалъ себя очень умнымъ и, еще болѣе того, необыкновенно тонкимъ человѣкомъ. Политика его, впрочемъ, была такого рода: снискивая расположеніе важныхъ лицъ, онъ никогда не лѣзъ имъ прямо въ глаза, но первоначально дѣйствовалъ всегда стороной и устраивалъ дѣло такимъ образомъ, что или камердинеръ

важнаго человѣка, одѣвая его поутру, или кто-нибудь изъ хорошихъ знакомыхъ первоначально расскажетъ о немъ въ такомъ тонѣ, что есть-де нѣкто прекрасный и очень богатый человѣкъ Алексѣй Сергѣичъ, который живетъ рѣшительно на столичный тонъ, и знакомство съ нимъ можетъ всякому доставить огромное удовольствіе. Встрѣчаясь на вечерѣ съ какимъ-нибудь господиномъ, отъ котораго желалъ заслужить вниманіе, онъ за первый долгъ поставлялъ себѣ проиграть тому рублей полтора или двѣсти серебромъ въ карты и разсчитаться съ самымъ веселымъ духомъ. Въ отношеніи жены, въ важныхъ случаяхъ, онъ тоже дѣйствовалъ очень тонко и никогда своего желанія не высказывалъ прямо, а по обыкновенію нахмуривался и начиналъ ходить съ задумчивымъ видомъ назадъ и впередъ. Чувствительная Авдотья Егоровна, конечно, сейчасъ же замѣчала это и приступала къ мужу съ разспросами. Послѣ шестичасоваго, а иногда и болѣе, упорства, супругъ высказывалъ, чего хотѣлъ, и такимъ образомъ отказъ былъ невозможенъ.

Въ предпріятіи своемъ выдать за Сальникова Вѣру Павловну онъ рѣшился первоначально тонко дѣйствовать на жену, а черезъ нее ужъ и на племянницу.

Авдотья Егоровна сидѣла въ гостиной и пла утренняя кофе. Алексѣй Сергѣичъ вошелъ нахмуренный и сѣлъ.

— Qu'avez-vous, cher Alexis?—спросила та: — что съ тобой: милый мой? — прибавила она.

Авдотья Егоровна, вѣроятно, забывая, что супругъ ея не говорилъ ни на одномъ иностранномъ

языкъ, относилась къ нему иногда по-французски, но, впрочемъ, тотчасъ и переводила.

Алексѣй Сергѣичъ молчалъ.

— Ты боленъ, Alexis?—спросила съ озабоченнымъ видомъ супруга.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ онъ, всталъ и началъ ходить по комнатѣ.

Авдотья Егоровна тоже встала и начала умолять, чтобы онъ ей сказалъ, что такое съ нимъ. Борьба продолжалась оволо часу. М-ме Ухмырева была уже близка къ истерикѣ (подобныя объясненія съ мужемъ всегда почти оканчивались для чувствительной дамы истерическими припадками). Наконецъ Алексѣй Сергѣичъ рѣшилъ недоумѣніе и открылъ женѣ, что сейчасъ былъ у Сальникова, и что тотъ сватается за Вѣру Павловну. Авдотья Егоровна еще болѣе встревожилась и объявила, что рѣшительно не имѣетъ надежды, чтобы Вѣра пошла за молодаго человѣка.

Алексѣй Сергѣичъ опять насунился.

— Другъ мой! меня тутъ одно беспокоитъ, одно тревожитъ,—проговорила Авдотья Егоровна грустнымъ голосомъ: —меня, не знаю какъ, ужасаетъ разница ихъ воспитанія и разница даже ума.... Въ послѣдній вечеръ я внимательно за нимъ наблюдала: онъ очень простъ и безъ всякаго образованія.

У доброй тетки показались на глазахъ слезы.

— Образованіе пройдетъ, а состояніе останется; я устраиваю ея счастье, а не что-нибудь другое.... такъ ли?—возразилъ рѣзко Алексѣй Сергѣичъ.

— Такъ, совершенно такъ, мой другъ!—отвѣчала супруга. — Неужели же, милый мой, я не понимаю твоего благородства? Ахъ, Боже мой, я даже не знаю,

чѣмъ и когда въ состояніи буду возблагодарить тебя за твою любовь и великодушіе къ моимъ роднымъ! Твои возвышенныя чувства, cher Alexis, будутъ награждены не здѣсь, но тамъ, на небесахъ!

Проговоря эти слова, Авдотья Егоровна вскринула вдругъ: «ахъ!» и разрыдалась истерически. Алексѣй Сергѣичъ, по обыкновенію, кинулся въ дѣвичью и выслалъ на помощь барынѣ множество горничныхъ, которыя очень скоро и помогли ей; но сидѣть она еще не могла, а полудежала на диванѣ. Когда она открыла глаза, первымъ ея дѣломъ было взять мужа за руку, поцѣловать эту руку и уставить на него самый нѣжный взоръ.

— Меня одно миритъ съ нимъ: мнѣ кажется, онъ добрый, — проговорила она слабымъ голосомъ.

— Не извольте говорить: васъ это беспокоитъ.... Довольно... забудьте все.... — прервалъ мужъ.

Авдотья Егоровна еще нѣжное взглянула на него и крѣпко сжала его руку.

— Теперь ничего, — начала было она.

— Пощадите вы себя и меня! — перебилъ ее опять Алексѣй Сергѣичъ.

— Ну, не буду, не буду, милый мой! — отвѣчала покорнымъ голосомъ супруга и велѣла, для подкрѣпленія, принести себѣ чашку бульону, съ которымъ и скушала почти цѣлый французскій хлѣбъ.

Между тѣмъ Вѣра Павловна сидѣла въ своей комнатѣ. Цвѣтъ лица ея въ этотъ день былъ желтѣе обыкновеннаго, вѣки глазъ распухли, губы запеклись; было видно, что она не спала всю ночь. Она смотрѣла въ какую-то развернутую книгу, но не читала.

Взглянувъ на комнату молодой дѣвушки, убранную

роскошно и комфортабельно, принявъ въ расчетъ общую молву о ея прекрасномъ туалетѣ и сейчасъ только описанную мною между дядей и теткой сцену, смѣло, кажется, можно заключить, что родственники ничего не жалѣли для милой племянницы, любили ее по-своему и по-своему старались упрочить ея счастье. Алексѣй Сергѣичъ полагалъ, что счастье ея непременно устроится, если она выйдетъ за человека, у котораго по крайней мѣрѣ, какъ, напримѣръ, у Степочки, шесть сотъ душъ; но Авдотья Егоровна желала, чтобы мужъ Вѣры съ состояніемъ соединялъ и личные достоинства. Жениха съ послѣдними свойствами тщетно ожидали два года; но женихъ съ шестьюстами душами явился и сверхъ того отличался еще добротой сердца. Все это было прекрасно, если бы не иначе смотрѣла на жизнь и на весь Божій міръ Вѣра Павловна. Что дѣлать! по годамъ она была еще молода, а по характеру мечтательна; оставшись послѣ матери по одному году, она развилась въ кругу совершенно иныхъ идей и убѣжденій, или, лучше сказать, получила странное и не совсѣмъ женское воспитаніе. Отецъ ея, ивѣкогда мистикъ и масонъ и, вдобавокъ еще, нумизматикъ и ботаникъ, всю жизнь жилъ въ Москвѣ и прожилъ тамъ все свое состояніе. Первый вечеръ, на который Вѣра выѣхала съ нимъ, былъ вечеръ собранія членовъ общества «аклиматизаціи животныхъ»

Не понимая рѣшительно предести въ бѣлыхъ газовыхъ платьяхъ, дѣвушка очень хорошо чувствовала предестъ майской розы и даже знала, къ какому эта роза классу, роду и виду принадлежитъ по системѣ Линнея. Не умѣя еще танцовать мазурки, она

уже очень хорошо знала сонеты Петрарки. Я даже удивляюсь, какимъ образомъ моя героиня имѣла пріятныя манеры и очень легко танцевала. Въ этомъ случаѣ, кажется, она болѣе была обязана прекрасному своему тѣлосложенію, нежели ученію. Безъ преувеличенія смѣю увѣрить читателя, что семнадцати лѣтъ Вѣра Павловна прочитала всю отцовскую бібліотеку, состоявшую почти изъ двухъ тысячъ томовъ, знала въ совершенствѣ языки французскій, нѣмецкій, итальянскій и англійскій; она даже знала—о, ужасъ!—математику, до коническихъ сѣченій включительно; мужчину она воображала или художникомъ, или ученымъ; ровно на восемнадцатомъ году заговорило ея сердце: его затронулъ молодой профессоръ, только-что воротившійся изъ-за-границы. До сихъ поръ Вѣра помнила это молодое, но ужъ солидное лицо, украшенное очками, къ которому сверхъ того чрезвычайно шли отвороченные воротнички, его скромныя и деликатныя манеры, тихій и ровный голосъ. Къ концу года этой сильной, но молчаливой страсти, профессоръ уѣхалъ въ Петербургъ. О, какъ страдала Вѣра! какъ пусть сдѣлался для нея кабинетъ папеньки, въ которомъ она нѣсколько разъ видѣла и слышала его! Она съ жадностью брала каждый нумеръ журнала, думая встрѣтить его статью или по крайней мѣрѣ одно имя его, и наконецъ нашла въ одномъ журналѣ его разсужденіе на степень доктора *О моллюскахъ*. Несмотря на спеціальность предмета и на сухость изложенія, она прочитала, или, лучше сказать, выучила все наизусть; но, Боже мой, какая страсть, и страсть ничѣмъ не поддерживаемая, можетъ устоять противъ времени! Милый образъ съ бѣлыми ворот-

ничками началъ постепенно ослабѣвать въ воображеніи дѣвушки. Смерть отца, продажа всего имѣнія, прїѣздъ тетки, переселеніе ея въ уѣздный городокъ—перенесли Вѣру въ совершенно иную сферу. Я не могу описать того, какъ вначалѣ молодая дѣвушка была удивлена образомъ жизни, который вели дядя и тетка, какъ странны казались ей ихъ знакомые и тѣ разговоры, которые происходили въ ихъ гостиной, во время утреннихъ визитовъ: представьте себѣ, каждый день тамъ разговаривали о погодѣ или лошадахъ, или о какомъ-то Иванѣ Петровичѣ, котораго на дняхъ ударилъ параличъ. Молодые дѣвицы говорили больше о нарядахъ, но никто даже и не заикнулся ни о ботаникѣ, ни о живописи, а если нѣкоторыя молодые дамы и начинали говорить о какой-нибудь журнальной повѣсти, то какъ-то очень странно и совершенно не такъ, какъ говорили объ этихъ предметахъ въ домѣ папеньки: нѣкоторыхъ героевъ или героинь называли хорошенькими, а другихъ противными; вмѣсто того, чтобы сказать, что у такого-то автора много юмора, говорили, какъ онъ смѣшно пишетъ. Всѣ вечера безъ исключенія были посвящены картамъ. Вѣра никакъ не могла себѣ представить, какимъ образомъ ея умная и добрая тетенька можетъ цѣлый вечеръ съ удовольствіемъ заниматься такими пустяками, какъ вистъ или преферансъ. Однажды послѣ обѣда, когда у нихъ никогда не было, Авдотья Егоровна просила ее почитать ей что-нибудь велухъ, но только веселое. Вѣра Павловна обрадовалась: она имѣла подъ руками превосходную вещь, а именно: *Замѣски Пикквикскаго клуба*; но, къ вѣщему удивленію ея, тетенька не только не смѣялась, но на второй главѣ даже начала дремать.

Дядя тоже удивлялъ ее: получая всѣ журналы, онъ исключительно интересовался одними только модными картинками и всегда почти приносилъ ихъ къ ней, говоря, что этакое платье къ ней шло бы, а такое-то нѣтъ. Авдотья Егоровна очень любила музыку и часто просила племянницу играть; но и здѣсь для Вѣры было очень странно, что тетенька рѣшительно смѣшивала въ головѣ музыку Моцарта съ простыми вальсами и даже предпочитала послѣдніе. Молодая дѣвушка первоначально сосредоточилась сама въ себѣ и обратилась къ своимъ любимымъ занятіямъ. Цѣлые дни она читала, рисовала, играла на фортепіано и восхищалась изъ дядина сада природой, но и только: ей не съ кѣмъ было поговорить, тогда какъ въ умѣ роились тысячи мыслей, а въ сердцѣ... про сердце и говорить нечего: оно, преисполненное чувствами, билось, какъ игашка въ клеткѣ. Вѣрѣ начало становиться скучно, грустно и наконецъ невыразимо досадно на всѣхъ и на все такъ, что въ одну бессонную ночь она нарисовала на дядю и на все общество карикатуру, которую, впрочемъ, на другой же день изорвала. Просыпаясь, каждое утро она рѣшительно не знала, какъ протянуть день. Обращеніе ея съ дядей, теткой и съ ихъ гостями сдѣлалось холодно и принужденно; у ней начала чаще и чаще болѣть грудь. Въ одно утро Вѣра Павловна, одѣвшись нехотя во вновь сшитое платье, вышла въ гостиную и, по обыкновенію, сѣла на свое любимое мѣсто у окна. Алексѣя Сергѣича не было дома; Авдотья Егоровна раскладывала грань-пасьянсъ. Лакей доложилъ о пріѣздѣ какого-то Шаилова; Авдотья Егоровна начала что-то припоминать: «проси», про-

говорила она. Вошелъ молодой человѣкъ. Хозяйка привѣтствовала его и объяснила, что очень хорошо знала его отца, который нѣкогда лечилъ ее и спасъ отъ горячки. Вѣра Павловна, поклонившись молодому человѣку, вся вспыхнула. Боже мой! этотъ гость очень походилъ на молодаго профессора: то же умное выраженіе лица, тотъ же почти складъ тѣла, та же прическа и наконецъ очки и воротнички, и только въ манерахъ молодаго человѣка было больше живости и вообще онъ былъ очень развязенъ въ обращеніи, потому что тотчасъ же объяснилъ, что намѣренъ держать экзаменъ на ученую степень и пріѣхалъ въ провинцію, чтобы удобнѣе заняться науками. Вѣра, замѣтно сконфуженная, спросила о московскомъ театрѣ и поинтересовалась знать, что даютъ на немъ. Гость, отвѣчая, что въ ходу балеты, описалъ довольно живо обаятельное впечатлѣніе итальянской оперы, пересчиталъ нѣсколько новыхъ французскихъ водевилей и очень много говорилъ объ игрѣ Мочалова въ «Отелло». Во всемъ этомъ разговорѣ Авдотья Егоровна не принимала почти никакого участія. Молодой человѣкъ, на первомъ утреннемъ визитѣ просидѣлъ часа три. Старшая хозяйка ужасно утомилась, и когда гость уѣхалъ, она проговорила про себя: «ахъ, какой говорунъ!» Передъ обѣдомъ возвратился Алексѣй Сергѣичъ. Авдотья Егоровна сказала ему, что у нихъ былъ покойнаго лекаря Шамилова сынъ.

— Видѣлъ я его на вечерѣ у Ягнетева: пустой человѣкъ, — рѣшилъ Ухмыревъ.

— Да, кажется, подтвердила Авдотья Егоровна: — впрочемъ довольно боекъ и собою недуренъ.

— Нѣтъ, пустой!—повторилъ опять Алексѣй Сергѣичъ.

Вѣра ни слова не сказала: она сдвинула въ груди овладѣвшую ею тоску, ушла къ себѣ въ комнату, гдѣ и просидѣла до самаго обѣда, за которымъ ничего не ѣла. Алексѣй Сергѣичъ и Авдотья Егоровна, руководствуясь своею житейскою опытностію, можетъ быть и основательно, третировали такимъ образомъ новаго знакомаго; но совершенно инымъ показался онъ молодой дѣвушкѣ: онъ, первый, который заговорилъ въ ея тактъ, онъ первый, который такъ понравился ей своею паружностію, онъ первый, наконецъ, съ которымъ она провела пріятно три часа... и чѣмъ же онъ не показался ей роднымъ? эти люди, которые, повидимому, такъ ее любятъ, ни въ чемъ въ то же время не хотятъ сочувствовать ей.

— Богъ съ ними! — проговорила она, качая съ грустью головою:—я сирота, они меня прикармли, кормятъ, одѣваютъ на свои деньги. Чего же я могу отъ нихъ болѣе требовать!

Надобно сказать, что Вѣру постоянно беспокоила мысль, что она тяготитъ родныхъ, хотя это было совершенная неправда. Ухаживаніе Степочки Вѣру Павловну смѣшило бы, если бы она не понимала, что дядя держитъ его сторону; но, впрочемъ, объ этомъ она немного думала и сказала себѣ одинъ разъ навсегда, что этому не бывать. Любовь къ Шамилову, послѣ каждаго свиданія, шла crescendo.

Послѣ описаннаго мною вечера, она не спала всю ночь и попреимуществу страдала отъ того, что Шамиловъ былъ такъ жестоко оскорбляемъ въ продолженіе всего вечера ея дядей. Проснувшись поутру

она сейчасъ же послала въ нему свою горничную съ запиской:

«Пришлите мнѣ вашу статью о «Гамлетѣ», которую вы мнѣ обѣщали. Когда мы съ вами увидимся?»

На это посланіе статьи о «Гамлетѣ» не было прислано, но зато получено было письмо, которое и рѣшило окончательно участь молодой дѣвушки.

«Я не могу прислать статью о «Гамлетѣ», писалъ Шамиловъ, все это у меня такъ дурно переписано, что мнѣ совѣстно представить на вашъ судъ. Вашъ вопросъ «когда мы увидимся?» какъ-то страшно отозвался въ моемъ сердцѣ: цѣлую ночь и цѣлое утро сегодня меня мучить тревожное, но ясное предчувствіе, что судьба снова вызоветъ меня изъ моей кельи на битву жизни, битву, на которую я столько положилъ труда и столько проигралъ. Боже мой! какъ я счастливъ! былъ эти два мѣсяца! нужно ли говорить, чѣмъ были для меня вы — несравненная женщина! Буду ли я скрывать внушенную мнѣ вами любовь, въ которой теперь заключается все мое бытіе? Я не могу ни заниматься, ни думать: жизнь моя — вы. Посмотрите, какъ я глупо и смѣшно пишу: по выше самого себя быть нельзя. Я схватываю себя по временамъ за голову, щупаю свой пульсъ: мнѣ кажется, что я не въ своемъ умѣ. Неужели васъ оторвутъ отъ меня? Я въ жизни много утратилъ, много потерялъ! Но зачѣмъ же я снова былъ вызванъ къ этой жизни, и къ чѣмъ былъ вызванъ?—вами, до нравственной высоты которой не достигало даже никогда мое воображеніе! вы и другія женщины, вы и я, — что тутъ общаго? О вашихъ чувствахъ я не спрашиваю: съ меня достаточно будетъ одного съ вашей стороны

состраданія, а въ этомъ не откажетъ мнѣ ваше сердце, въ которомъ цѣлое море любви...

«Вотъ какой бредъ посылаю вамъ, вмѣсто моей рациональной статьи о «Гамлетѣ»... О греческой трагедіи на вечерѣ я тоже вамъ солгалъ: я ея не пишу и не буду писать, потому что не знаю, будутъ ли у меня силы жить и дышать, если я не увижу васъ сегодня или завтра.

«Безумный Шамиловъ.»

Можетъ быть, и на васъ, милыя читательницы, произвело нѣкоторое впечатлѣніе это пылкое посланіе молодого человѣка; но какъ же оно должно было подействовать на Вѣру Павловну? Послѣдовавшая по прочтеніи его письма лихорадка служила только слабымъ выраженіемъ чувствованій молодой дѣвицы. Она тотчасъ же написала отвѣтъ:

«Любите меня, Шамиловъ. Безъ всякаго ложнаго стыда и не краснѣя, готова сказать, какъ передъ вами, такъ и передъ цѣлымъ свѣтомъ, что быть вашей женой есть единственное мое желаніе. Знаете ли вы, что я бѣдна, что на мнѣ даже платье чужое? Не думаю, чтобы мои родные согласились на нашъ бракъ; они — Богъ имъ судья—думаютъ иначе устроить мою участь. Про васъ говорятъ, что вы тоже бѣдный. Я могу стѣснить васъ и потому трудитесь, учитесь, пишите; въ васъ силъ много, составляйте себѣ карьеру: я буду ждать и буду васъ любить неизмѣнно. Въ душѣ моей въ настоящую минуту въ отношеніи васъ нѣтъ ни одного сомнѣнія. Я слишкомъ вѣрю въ ваше благородство и слишкомъ люблю васъ. Но если вамъ руководствуетъ одно случайное увлеченіе, не обманывайте, скажите мнѣ прямо; ошибку

поправить въ началѣ легче. Въ тѣ дни, когда не думаете быть у насъ, пишите ко мнѣ. Не удивляйтесь тому, что не можете ничѣмъ заниматься, я сама не могу даже читать; но вы будьте тверже: вы мужчина и должны, не слабѣя, идти къ вашимъ прекраснымъ цѣлямъ. Греческую трагедію извольте продолжать: можетъ быть, она составитъ вашу литературную славу. О вашемъ положеніи я буду говорить съ вами лично. Если до васъ будутъ доходить слухи, что меня хотятъ выдать за Степочку, не тревожьтесь: все это я окончу разомъ.

«В . . . »

Вотъ какой отвѣтъ написала Вѣра Павловна Шамплову, въ ученую келью котораго мы и перейдемъ теперь на нѣсколько времени. Петръ Александрычъ жилъ въ старомъ отцовскомъ домѣ, который старикъ докторъ купилъ лѣтъ двадцать тому назадъ, въ блестящую эпоху своей практики. Домъ былъ съ семью окнами по фасаду, съ мезониномъ, съ холодной залой, съ маленькимъ кабинетомъ и прочими принадлежностями. Отъ времени и запустѣнія, комнаты приняли какой-то мрачный видъ. Нынѣшній хозяинъ проводилъ свое время время въ гостиной. Комната эта была съ обыкновенными принадлежностями. Въ ней стояла увѣсистая кярельской березы мебель, обитая ситцемъ съ огромными птицами; въ простѣнкѣ между окнами красовалось довольно большое, но составленное въ срединѣ зеркало въ почернѣвшей золотой рамѣ; напротивъ его висѣли два портрета, написанные масляными красками, изображающіе, вѣроятно, доктора и его супругу: старикъ былъ нарисованъ въ цвѣтномъ фракѣ, въ бальномъ жилетѣ и

галстухъ, но главное впечатлѣніе производилъ онъ своими густыми, черными бровями и огромнымъ перстнемъ на указательномъ пальцѣ правой руки, которая держала книгу; докторша была совершенно блѣлая дама съ чертами лица весьма мягкими, и кидалась въ глаза какой-то невиданной прической и очень странно обозначенной таліей, совсѣмъ не на томъ мѣстѣ, гдѣ бы слѣдовало ей быть, по сложению тѣла, но гораздо выше. Съ прїѣздомъ молодаго хозяина въ эту комнату внесены были убранства, вѣроятно, никогда въ ней прежде не бывшія: во-первыхъ, на диванѣ, на столѣ и даже на полу раскидано было нѣсколько журналовъ, два романа Поль-де-Кока, нѣсколько листовъ [изъ журнала des Débats, курсъ Лапласа, нѣмецкая брошюра о химіи, нѣсколько толстыхъ тетрадей; бѣльшимъ, впрочемъ, почетомъ пользовались сочиненія Гете на нѣмецкомъ языкѣ и переводы Шекспира Кетчера: они лежали на комодѣ; на окнѣ была раскрыта «Библіотека для Чтенія», и именно на томъ мѣстѣ, гдѣ говорилось о греческой жизни; за рамкою отцовскаго портрета былъ заткнутъ портретъ Садовскаго; на столѣ были раскиданы, въ величайшемъ безпорядкѣ, нѣсколько исписанныхъ листовъ бумаги, и стояла чернильница съ пяткомъ перьевъ, верхушками которыхъ, должно быть, и прочищали трубку. Самъ хозяинъ, въ халатѣ и съ поэтически разбитыми волосами, ходилъ по комнатѣ и говорилъ съ большимъ жаромъ. У него сидѣлъ уланъ Карелинъ, курилъ и слушалъ. Шамидовъ разсуждалъ о довольно отвлеченномъ предметѣ: онъ опредѣлялъ значеніе музыки и сравнивалъ съ нею поэзію Гейне, говоря, что поэтъ этотъ постигъ

тайну производить то же впечатлѣніе словомъ, какое производитъ музыка, и что въ его поэзіи чувства подмѣчаются въ первый моментъ ихъ зарожденія, и потому не высказываются ясно и опредѣленно, и что въ этомъ-то состоитъ главная прелесть его стихотвореній. Карелинъ нѣсколько времени прислушивался, потомъ началъ потихоньку зѣвать, наконецъ всталъ и взялся за фуражку.

— Будете сегодня вечеромъ у Алексѣя Сергѣича?
— спросилъ онъ.

Шамиловъ немного смѣшался.

— Нѣтъ, — отвѣчалъ онъ. — Кстати еще о музыкѣ... здѣсь есть великая музыкантша.

— Кто?

— Вѣра Павловна.

— Вы ухаживаете за ней?

— Это съ чего пришло вамъ въ голову? Я съ ней друженъ и больше ничего.

— Только дружны? Ее, впрочемъ, кажется, скоро замужъ выдадутъ за этого милаго Степochку...

Шамиловъ вспыхнулъ.

— Это чудная дѣвушка! Въ такой мѣрѣ благородной, поэтической и развитой натуры я еще не встрѣчалъ въ жизнь мою.

— Ну какже вы не влюблены? вы просто въ нее врѣзались! замѣтилъ Карелинъ. — Миѣ, впрочемъ, и самому она нравится; должно быть, добрая, только немного педантка, чего я терпѣть не могу въ женщинахъ; да и собой ужъ не совсѣмъ свѣжа: цвѣли, цвѣли цвѣтики, да поблекли.

— Странно вы, господа, смотрите на женщинъ

Богъ вамъ судья! — проговорилъ насмѣшливо Шамиловъ.

— Нельзя же всѣмъ быть такими философами, какъ вы,—возразилъ Карелинъ.— По моему, дѣвушка должна быть молоденькая, живая, съ которой можно было бы поболтать въ кадрили... Чего же больше требовать отъ женщинъ!

— Мнѣ кажется, что отъ женщинъ въ наше время можно требовать чего-нибудь и побольше: и ума, напимѣръ, образованнаго, и сердца благороднаго, и симпатіи ко всему...

— Вы все забпраетесь подъ небеса; прощайте, однако!—проговорилъ Карелинъ и ушелъ.

Тотчасъ по уходѣ его, Шамилову подали записку отъ Вѣры, въ которой она просила у него сочиненія о «Гамлетѣ». Онъ порылся въ бумагахъ и отыскалъ какой-то измаранный листъ, на которомъ очень часто повторялось имя Гамлета. Это именно и было обѣщанное имъ сочиненіе, но весьма не длинное: не болѣе полулиста; я даже думаю, что оно было только начато. Написавъ и отправивъ знакомое намъ письмо, Петръ Александрычъ остался въ сильно тревожномъ состояніи: онъ безпрестано глядѣлъ въ окно и, какъ бы ожидая чего-то, прислушивался къ малѣйшему шуму. Предчувствіе не обмануло. Горничная Вѣры принесла ему еще записку отъ барышни, которую мы тоже знаемъ и которая его совершенно обезумила. Шамиловъ, въ сильной радости, вынувъ изъ бумажника послѣднюю ассигнацію въ десять рублей серебромъ, отдалъ посланницѣ; та не брала, но онъ отвернулся и ушелъ въ гостиную, а часу въ восьмомъ, одѣвшись, отправился къ Ухмыревымъ. Хозяева при-

няли его весьма двусмысленно, исключая Вѣры, которая вся вспыхнула при его приходѣ и тотчасъ же ушла въ наугольную; Петръ Александрычъ послѣдовалъ за ней; она проговорила съ нимъ безъ умолку цѣлый вечеръ; разговоръ, ихъ надобно отдать имъ честь, хоть и не отличался логическою послѣдовательностію, но въ то же время въ немъ было такъ много внутренняго содержанія, такъ много чувствъ... Я въ примѣръ приведу только одно: Шампловъ, между прочимъ, прочиталъ наизусть объясненіе Самозванца съ Мариной Мнишекъ у фонтана, изъ драмы Пушкина, и прочиталъ такъ, что Вѣра Павловна готова была расплакаться и едва имѣла силы скрыть внутреннее волненіе.

Въ душѣ Алексѣя Сергѣича тоже бушевала драма: онъ сидѣлъ насушившись, игралъ, ничего не помня, и проигралъ сто рублей серебромъ самому ничтожному партнёру. Авдотья Егоровна, видя безпокойство мужа, тоже была не въ духѣ и тоже проиграла.

Степочка, по случаю отсутствія танцевъ, тоже очень скучалъ; онъ заговаривалъ было съ Вѣрой Павловной, но та рѣшительно не отвѣчала ему; и, въ заключеніе всего, пріѣхавшій Карелинъ началъ надъ нимъ подшучивать и между прочимъ сыгралъ съ нимъ предерзкую штуку: онъ воткнулъ въ стоявшій близъ него стулъ булавку острымъ концомъ вверхъ и движеніемъ руки пригласилъ Степочку сѣсть рядомъ съ нимъ; тотъ, въ простотѣ сердца своего ничего не подозрѣвая, опустился на стулъ со всего размаха, но въ ту же минуту, вскочилъ, захватилъ раненое мѣсто рукою и, припрыгивая на одномъ мѣстѣ, закричалъ благимъ матомъ, такъ что хозяйка даже

испугалась и вздрогнула, а прочіе обратились къ нему съ вопросомъ: «что такое съ нимъ?» Молодой человѣкъ не преминулъ объяснить истинную причину. Всѣ гости хохотали, но хозяйева даже и не улыбнулись.

По отъѣздѣ гостей, Ухмыревы имѣли между собою длинный разговоръ въ спальнѣ, въ которомъ часто повторялись имена Шамилова, Вѣры и Сальникова; наконецъ съ Авдотьей Егоровной сдѣлалась истерика, и истерика очень сильная. Прибѣжавшія горничныя дѣвушки не могли уже ей помочь и потому послали за весельчакомъ-докторомъ, который, впрочемъ, не пріѣхалъ, а велѣлъ своей пациенткѣ выпить стаканъ холодной воды и умыться тоже холодной водой: этимъ средствомъ онъ обыкновенно излечивалъ Авдотью Егоровну отъ злѣйшей истерики.

IV.

Прошла недѣля, въ продолженіе которой Алексѣй Сергѣичъ не только пріучилъ жену разсуждать, не впадая въ истерику, о предложеніи Степана Герасимыча, но убѣдилъ ее даже до того, что она сама рѣшилась намекнуть объ этомъ Вѣрѣ. (Чувствительная Авдотья Егоровна всегда и во всемъ почти соглашалась съ мужемъ и постоянно дѣйствовала въ его духѣ.) Она должна была, по совѣту Алексѣя Сергѣича, дать вначалѣ тонъ слегка и сказать въ родѣ шутки, что будто бы ей приснился сонъ, въ которомъ она видѣла Вѣру замужемъ за Сальниковымъ. Порученіе это m-me Ухмырева исполнила въ тотъ же вечеръ и въ присутствіи мужа намекнула

племянницѣ. Вѣра Павловна сначала поблѣднѣла, а потомъ засмѣялась.

— Приходятъ же вамъ, ma tante, такіе пустяки въ голову!—сказала она.

— Отчего же пустяки?—проговорила Авдотья Егоровна потупившись.

— Этотъ-съ женихъ не пустяки: у него шесть-сотъ душъ въ виду, —замѣтилъ Алексѣй Сергѣичъ.

— Хоть бы у него ихъ было шесть тысячъ, онъ все-таки остается тѣмъ же, чѣмъ есть, — возразила Вѣра.

— Чѣмъ же онъ останется? —спросилъ Алексѣй Сергѣичъ.

— Дурачкомъ.

— Объ умѣ, моя милая, судить весьма трудно, — перебила кротко Авдотья Егоровна:—мы иногда доброту принимаемъ за глупость, а начитанность за умъ, котораго отъ природы, можетъ быть, совсѣмъ нѣтъ.

Понятно, что послѣдними словами Авдотья Егоровна намекала на Шамилова.

Вѣра вспыхнула.

— Неужели, ma tante, вы все это говорите серьезно?—начала она обиженнымъ тономъ:—Неужели вы думаете, что я для замужества способна продать себя? Въ такомъ случаѣ вы ошибаетесь: я скорѣе умру съ голоду, чѣмъ позволю себѣ назваться женою того человѣка, котораго я не любила бы и не уважала. Не шутите такъ, ma tante! это жестоко! я сирота,—проговорила Вѣра и со слезами на глазахъ встала и ушла.

Авдотья Егоровна совершенно растерялась; у

Алексѣя Сергѣича вся кровь бросилась въ лицо. Нѣсколько времени они молчали; наконецъ Алексѣй Сергѣичъ заговорилъ и, въ этотъ разъ забывши всякую тонкость, вышелъ изъ себя. Онъ почти кричалъ на весь домъ, что Вѣра Павловна неблагодарная, что она въ сорочкѣ родилась, удостоиваясь счастія сдѣлаться женою Сальникова, что въ ней нѣтъ даже чувствъ, и что она ничего не понимаетъ ясно, потому что голова у ней занята какимъ-то особымъ пареніемъ. Шамилова онъ бранилъ нещадно и поклялся своею жизнію не пускать его въ свой домъ. Авдотья Егоровна ничего уже не въ состояніи была ни говорить, ни возражать, и впала въ жесточайшую истерику. Такъ прошелъ цѣлый вечеръ, и супруги только часу въ девятомъ могли придти въ спокойное состояніе духа, и то потому, что пріѣхало двое почтенныхъ гостей, для которыхъ необходимо было составить партію. Всю ночь Алексѣй Сергѣичъ обдумывалъ, какимъ образомъ ему дѣйствовать въ предпріятомъ намѣреніи, отъ котораго все-таки не хотѣлъ еще отказаться. «Я говорить съ ней не могу: у меня дыханье захватываетъ, когда вижу такое безразсудство и неблагодарность. На женушку тоже надѣяться нечего: она только въ обморокъ умѣетъ падать — и больше ничего; обморокомъ всякое дѣло закончить!» — говорилъ онъ съ досадою, ходя по кабинету, и наконецъ рѣшился написать къ Вѣрѣ въ такомъ тонѣ письмо:

«Милостивая государыня,

«Вѣра Павловна!

«Считая себѣ за священный долгъ, по своимъ родственнымъ чувствамъ, я въ то же время имѣю честь

вамъ объявить, что Степанъ Герасимычъ Сальниковъ просилъ меня насчетъ руки вашей, которою я, конечно, не могу располагать; но какъ другъ гашъ и дядя, я, руководствуясь моею пятидесятилѣтнею опытностію, беру смѣлость дать вамъ совѣтъ и представить дѣло въ настоящемъ свѣтѣ. Не упоминаю о значительности состоянія, а также и о душевныхъ качествахъ этого молодого человѣка я не распространяюсь, но доброта его уже доказана. На немъ мишуры нѣтъ, но есть одно прочное и необходимое для семейнаго счастія, и если вы даже сами пожелаете обратить на него ваше вниманіе, то найдете и другія качества, которыхъ теперь и не подозреваете. Затѣмъ позвольте именоваться

«вашимъ,

«милостивая государыня,

«покорнымъ слугою.

«А. Ухмыревъ.»

На это письмо Алексѣй Сергѣвичъ получилъ чрезъ посланнаго отвѣтъ:

«Почтеннѣйшій дядюшка,

«Алексѣй Сергѣвичъ!

«Приношу вамъ мою благодарность за письменную передачу^ю предложенія, которымъ удостоилъ меня г. Сальниковъ, и за ваши родственные и обязательные по этому случаю совѣты; но, къ сожалѣнію, не могу ни принять перваго, ни воспользоваться послѣдними. Я не желаю быть женою г. Сальникова.

«Уважающая васъ племянница

«Вѣра Ензаева.»

Этимъ и окончились объясненія насчетъ сватовства Степочки. По наружности, все пошло прежнимъ

порядкомъ. Я не знаю, на что рѣшился Алексѣй Сергѣичъ, но, кажется, ничего особеннаго не думалъ предпринимать, кромѣ того, что замѣтно сердился на племянницу и цѣлые дни не говорилъ съ нею ни слова. Бѣдная Авдотья Егоровна очень страдала. Въ присутствіи мужа она была холодна съ Вѣрою, но за то, оставаясь съ нею наединѣ и какъ бы желая вознаградить, ласкалась къ ней неимоვნю. Вѣра, въ гостиной, въ залѣ за обѣдомъ была, по наружности, совершенно спокойна, но въ своей комнатѣ сидѣла по нѣскольку часовъ, не шевелись на стулѣ, иногда плакала и каждый день переписывалась съ Шамиловымъ, который писалъ ей, что онъ все работаетъ и готовится держать экзаменъ на кандидата. Вѣра, къ сожалѣнію, узнала, что молодой человекъ не имѣлъ еще никакой ученой степени, тогда какъ она воображала, что онъ уже пишетъ диссертацию на доктора. Вѣра, наслушавшись отъ папеньки, очень хорошо знала ученія градаціи и понимала степень ихъ важности. Но Шамиловъ такъ уменъ, такъ талантливъ, что это ничего не значитъ: онъ всѣхъ нагонитъ и перегонитъ. Въ послѣднемъ письмѣ своемъ она ему писала: «трудитесь, учитесь! Не могу ли я быть чѣмъ-нибудь вамъ полезна? не нужно ли что-нибудь для васъ перевести — я переведу», и Шамиловъ прислалъ ей на англійскомъ языкѣ историческую брошюру и просилъ перевести. О, съ какимъ рвеніемъ принялась молодая дѣвушка за работу, просидѣла всю ночь, и какъ скоро, какъ прекрасно перевела она и какъ даже чисто и аккуратно переписала!

Въ ближайшее воскресенье Алексѣй Сергѣичъ

назначилъ у себя большой обѣдъ. Званъ былъ весь городъ, за исключеніемъ, конечно, Шамилова. Дать въ мѣсяцъ по крайней мѣрѣ однажды большой обѣдъ Ухмыревъ чувствовалъ какую-то органическую потребность; кромѣ того, въ городъ была привезена новинка изъ фруктовъ: это — астраханскіе арбузы и продолговатый виноградъ, извѣстный подъ названіемъ козыхъ сосковъ. Но главный умыселъ тонкаго ума Алексѣя Сергѣича былъ тотъ, чтобы, не пригласивши ненавистнаго ему молодого человѣка, окончательно уронить его въ глазахъ общества и явно показать ему, что онъ не желаетъ быть знакомымъ съ нимъ, что, кажется, по моему было совершенно лишнее, потому что Алексѣй Сергѣичъ бранилъ Шамилова всѣмъ своимъ знакомымъ, называлъ его нищимъ, задѣвалъ даже покойнаго отца его, называя покойнаго доктора невѣждой, жаднымъ, и выдумалъ про старика ужасную небылицу, будто бы тотъ, пріѣхавши къ нему, больному, съ визитомъ, укралъ у него серебряную табакерку. Желая на своихъ обѣдахъ соблюсти самый высшій тонъ, Ухмыревъ назначалъ ихъ всегда въ пять часовъ, и очень не любилъ, если кто изъ гостей пріѣзжалъ не во фракъ; самъ же являлся не только во фракъ, но даже въ бѣломъ жилетѣ. Авдотья Егоровна тоже одѣвалась очень парадно: въ шелковое дорогое платье, въ бархатную, рублей въ сто серебромъ, мантилью, украшая себя въ то же время значительнымъ числомъ своихъ прекрасныхъ и дорогихъ брилльянтовъ; чепецъ для каждаго обѣда былъ новый; Въру всегда тоже упрашивала нарядиться почти по-бальному. Столъ сервировался превосходно. Тончайшаго свой-

ства скатерть и прочее бѣлье, граненый хрусталь, серебро не накладное, англійская посуда, — все это было цѣнно, хотя и не отличалось особеннымъ вкусомъ. Алексѣй Сергѣичъ чрезвычайно любилъ видѣть процессъ накрыванія своихъ *grands diners* и принималъ въ этомъ дѣлѣ самое живое участіе. Самъ раскладывалъ огромную скатерть, наблюдая, чтобъ не осталось ни одной морщины, и потомъ она весьма граціозно связывалась по бокамъ. Варенье въ вазы онъ всегда самъ накладывалъ и собственными руками перетиралъ серебро. Одинъ изъ прежнихъ друзей Алексѣя Сергѣича, но нынѣ заклятый врагъ, рассказывалъ про него довольно забавный анекдотъ, а именно, что будто бы онъ пріѣхалъ однажды къ Ухмыреву въ сумерки, въ лакейской никого не было и потому онъ прямо прошелъ въ кабинетъ, гдѣ и увидѣлъ совершенно неожиданную картину: Алексѣй Сергѣичъ, съ засученными рукавами, стоялъ на полу на колѣняхъ и чистилъ краснымъ кирпичомъ самоваръ; потъ катилъ съ него градомъ: лицо, бѣлье, — все это, какъ водится, было очень перепачкано. «Положимъ, — прибавляетъ врагъ: — что нѣкоторые любить стряпать, другіе столярничать, — все это понятно, потому что во всемъ этомъ есть нѣкоторая пища для ума, но чтобы любить лакейскія обязанности, это невидано и неслыхано!»

Въ настоящемъ обѣдѣ Алексѣй Сергѣичъ хлопоталъ немного: онъ только изобрѣлъ какой-то особенный манеръ складывать салфетки и очень долго хлопоталъ, чтобы соблюсти симметрію въ разстановкѣ вазъ, изъ коихъ двѣ были съ вареньемъ, а одна, побольше, съ козьими сосками. Облекшись потомъ въ

свою форму, онъ началъ ходить около накрытаго стола съ замѣтнымъ самодовольствомъ. Авдотья Егоровна еще одѣвалась. Въ такіе дни туалетъ ея обыкновенно продолжался отъ десяти до двухъ часовъ; сначала у каждой затворенной двери ея уборной стояло по горничной, и когда подходили къ нимъ Алексѣй Сергѣичъ или Вѣра, то имъ обыкновенно говорили: «еще нельзя-съ: барыня одѣвается»; но когда уже было надѣто платье, и оставалось только возложить на голову чепецъ, надѣть брилльянты и открыться мантилей или шалью, тогда тѣ же горничныя растворяли дверь и начинали приглашать къ госпожѣ мужа и племянницу: «пожалуйте къ барынѣ посмотрѣть, хорошо ли на нихъ сидитъ платье»; или: «идите взглянуть на тетеньку, идетъ ли къ нимъ новый чепчикъ».

Въ настоящее время Авдотья Егоровна одѣвалась какъ-то не съ удовольствіемъ. Всю эту недѣлю она измучилась, видя, что Алексѣй Сергѣичъ все не въ духѣ; туалетъ тоже не ладился: ея не слушалась правая буфля, которая выставлялась изъ-подъ чепца или очень много, или очень мало; она послала свою горничную за Вѣрочкой, чтобы посоветоваться съ ней насчетъ этой неудачи, но ей донесли, что барышня больна, не одѣта и не выйдетъ къ столу. Нарядившись, Авдотья Егоровна хотѣла было зайти къ племянницѣ, но Алексѣй Сергѣичъ ей запретилъ.

— Сдѣлайте милость, хоть на сегодняшній день не тревожьте вы себя! взгляните, на что вы похожи! Оставьте ее, пусть капризится и сидитъ въ своей конурѣ.

— Но, другъ мой, я знаю, что это тебѣ будетъ неприятно.

— Напротивъ: мнѣ очень пріятно. Я ее давно очень хорошо знаю и понимаю... Когда ужь, Авдотья Егоровна, въ сердцѣ нѣтъ родственнаго чувства, такъ ужь его не займешь,—прибавилъ Алексѣй Сергѣичъ, колотя себя по груди.

У Авдотьи Егоровны нависли на глазахъ слезы, но она скрѣпилась. Передъ каждымъ торжественнымъ случаемъ Авдотья Егоровна обыкновенно старалась владѣть собой и никогда не впадала въ припадки истерики. Къ племянницѣ она не пошла и, въ ожиданіи пріѣзда гостей, усѣлась въ гостиной. Вѣра не была больна; она въ самомъ дѣлѣ капризилась, потому что часу въ первомъ начала было одѣваться, надѣла уже корсетъ, но болтуня горничная, которая съ нѣкотораго времени поставила себѣ за правило безпрестанно говорить барышнѣ о Шамиловѣ, застегивая ей платье, доложила, «что Петръ Александрычъ не будетъ на обѣдѣ, что дяденька ихъ не позвали и даже строго приказали Петру, который ходилъ приглашать гостей, чтобы онъ, какъ-нибудь по ошибкѣ, не позвалъ Шамилова, и велѣлъ имъ отказать, когда они пріѣдутъ; но что за Степochкой послали сейчасъ фаэтонъ, а у него, у богача, и экипажика порядочнаго нѣтъ; этта выѣхалъ на худой-прехудой лошади и въ старыхъ-престарыхъ дрожкахъ, такъ что всѣ кучцы выбѣжали изъ лавокъ смотрѣть на это чудо; кучеръ-то словно филинъ сидитъ, да везжамп хлопаесть». Послѣднихъ словъ Вѣра уже не слыхала; она еще въ началѣ монолога поблѣднѣла, а потомъ, сказавъ, что ей дурно, велѣла

себя раздѣть и выслала горничную. Оставшись одна, она всплеснула руками и разрыдалась.

Начали съѣзжаться гости, изъ которыхъ мы почти всѣхъ знаемъ. Софи и Иринъ пріѣхали съ папеньками и съ маменьками; на этотъ разъ у этихъ дѣвицъ или былъ какой-нибудь важный секретъ, который онѣ спѣшили открыть другъ другу, или у которой-нибудь изъ нихъ случилось нѣчто неприятное по туалету, потому что онѣ, поздоровавшись съ хозяйками, тотчасъ же ушли въ дальнюю комнату, сидѣли тамъ до самаго обѣда и все что-то шептались. Катерина Петровна, какъ слѣдуетъ львицѣ, пріѣхала одна. Весельчакъ-докторъ только-что вошелъ, тотчасъ же и сострилъ; Карелинъ пріѣхалъ, къ неудовольствію хозяина, въ вицъ-мундирѣ, но впрочемъ тотчасъ же извинился. Авдотья Егоровна съ печальнымъ видомъ рассказывала всѣмъ, что бѣдная Вѣрочка заболѣла и теперь, бѣдняжка, сидитъ въ своей комнатѣ и скучаетъ. Докторъ, выпивши водки и съѣвъ по крайней мѣрѣ въ четверть фунта кусокъ сыру, хотѣлъ было идти къ ней въ комнату и вылечить ее въ одну минуту, но хозяйка его остановила, говоря, что больная немного заснула.

Великолѣпно, истинно великолѣпно катилъ на большихъ рысяхъ Степанъ Герасимычъ въ хозяйскомъ фазтонѣ; лицо его сіяло отъ удовольствія; съ гордымъ и надменнымъ видомъ взглянулъ онъ на двухъ босоногихъ мальчишекъ, запускавшихъ на серединѣ улицы змѣя, и едва кивнулъ головою поклонившемуся ему чиновнику въ старомъ вицъ-мундирѣ. Въ обманчивомъ самодовольствѣ, молодой человекъ воображалъ, что экипажъ этотъ Алексѣй Сергѣичъ

подарилъ ужь ему, вмѣстѣ съ лошадьми, какъ своему племяннику. Въ залу онъ вошелъ съ самою пріятною улыбкою и съ приличною граціею расшаркался со всѣми гостями. Хозяинъ, здороваясь съ нимъ, посмотрѣлъ на него съ большимъ чувствомъ.

— Это вашъ фаэтонъ? спросилъ Степочку уланъ.

— Никакъ нѣтъ-съ: это экипажъ Алексѣя Сергѣича; онъ мнѣ очень нравится.

— Право?

— Да-съ. Я на дняхъ самъ думаю выписать себѣ изъ Москвы точно такой же.

— Недурно. Онъ къ вамъ очень идетъ, — сказалъ Карелинъ, подмигнувши Катеринѣ Петровнѣ.

— Благодарю васъ покорно за комплиментъ, — отозвался Степочка и прошелъ въ гостиную.

Онъ подошелъ прямо къ хозяйкѣ и въ порывѣ чувствъ поцѣловалъ у ней руку. При этомъ случаѣ Авдотья Егоровна немного смѣшалась, такъ какъ, въ настоящее время, обычай цѣловать у дамъ руки совершенно уже изгнанъ изъ общества. Степочка сѣлъ около хозяйки, довольно нецеремонно вытянулъ ноги и началъ играть цѣпочкою своихъ часовъ, — однимъ словомъ, старался представить изъ себя свѣтскаго, бойкаго молодого человѣка. Онъ былъ въ новомъ фракѣ, и это ему очень много прибавило форсу. Но я съ своей стороны рѣшительно не понимаю, какимъ образомъ Степанъ Герасимычъ могъ оставаться доволенъ своимъ фраккомъ, который былъ никуда негодно сшитъ. Конечно, видно, что Безухой старался подражать въ немъ современной модѣ и пустилъ талію довольно низко, но зато вездѣ морщило,

носило, одинъ бортъ былъ ниже другаго, воротникъ хомутомъ: сукно плохое, какъ крашенная фланель.

— Вѣра Павловна дома?— спросилъ Степанъ Герасимычъ.

— Она дома, но больна моя милушка и не выйдетъ къ намъ; мы не увидимъ ее сегодня.

Это извѣстiе весьма опечалило Степана Герасимыча.

— Какое это несчастiе, и въ какой день!— проговорилъ онъ.

— Да! ужасно грустно,—подтвердила Авдотья Егоровна.

Послѣ этого разговора Степанъ Герасимычъ отошелъ отъ хозяйки, усѣлся на дальнiй стулъ и задумался. Тонировалъ ли въ этомъ случаѣ молодой человѣкъ, желая представить изъ себя влюбленнаго, или въ самомъ дѣлѣ опечалился, услышавъ о болѣзни Вѣры Павловны, но только онъ покрайней мѣрѣ съ полчаса сидѣлъ какъ темная ночь.

— Вы слышали исторiю?—сказала Катерина Петровна улану.

— Нѣтъ.

— Сальниковъ здѣсь сватался, вышла цѣлая аларма, Вѣра теперь отъ этого больна.

— У ней, вѣжется, съ Шамиловымъ идутъ маленькiя шуры-муры.

— И не маленькiя, напротивъ: каждый день переписка; я это знаю изъ вѣрныхъ источниковъ. Посмотрите, какъ этотъ чудакъ Степочка грустенъ. Ахъ, какой онъ смѣшной!

— Мнѣ его подурочить хочется.

— За что же?

— Такъ; ужасно-противная физиономiя. Я все

думаю, какую бы мнѣ съ нимъ штуку сыграть....
Гдѣ бы мнѣ достать клочекъ бумаги и карандашъ?

— Зачѣмъ это вамъ?

— Нужно.

— Нѣтъ, скажите!

— Послѣ.

— Нѣтъ, теперь, а не то я всё вамъ расскажу.

— У васъ за этимъ дѣло не станеть, — отвѣчала

Карелинъ и началъ что-то шепотомъ рассказывать
Катеринѣ Петровнѣ, которая только качала головой.

— Ахъ, какой вы злой изобрѣтатель! Я прежде
этого не думала.

— Гдѣ бы достать бумаги?

Уланъ ушелъ въ кабинетъ; воротясь оттуда,
онъ подошелъ къ окну, постоялъ тутъ немного и
опять отошелъ.

Катерина Петровна между тѣмъ перешла въ гос-
тиную пѣсла около Степочки, который все еще си-
дѣлъ въ задумчивомъ положеніи.

— Отчего вы, m-r Salnikof, такъ грустны? спро-
сила она.

— Я ничего-съ, такъ, раздумался о своей жизни,
отвѣчалъ онъ.

— Нѣтъ, вы очень печальны, у васъ что-нибудь
на сердцѣ лежитъ. Я знаю: вы влюблены.

— Кто жь изъ молодежи не бываетъ влюбленъ.
Вы сами бывали, вѣроятно, влюблены.

— Про меня нечего говорить! я ужь состарѣ-
лась. Знаете ли, что я противъ васъ немного виновата.
Я думала, что вы вѣтренникъ, волокита, но теперь
вижу, что ошиблась. Вы постоянны и любите только
одну, и я даже знаю, кого именно. У васъ прекрас-

ный вкусъ. Но грустно только то, что на насъ старухъ теперь ужь никакого вниманія не будете обращать.

— Позвольте вамъ сказать. Катерина Петровна, что вы несправедливо изволите думать: я нынче, какъ и прежде, люблю и уважаю всѣхъ дамъ, — возразилъ Степанъ Герасимычъ.

— Нѣтъ, не вѣрю! вы въ одну влюблены.... Отчего же вы теперь такъ грустны? отчего же не хотите ни съ кѣмъ любезничать?

— Помилуйте-съ, я готовъ; но пріятно ли это будетъ?

— Не знаю, какъ другимъ, но мнѣ это было бы очень пріятно, — произнесла Катерина Петровна кокетливо.

Степочка улыбнулся и потупилъ глаза.

— Я готовъ-съ, — произнесъ онъ.

— Сдѣлайте милость, начинайте.

— Я не смѣлъ думать, чтобы я могъ быть такъ счастливъ...

Въ это время Петръ, возводимый на торжественный случай въ званіе метръ-д'отеля, возгласилъ громко: «столъ готовъ-съ!» Этотъ лакей былъ вообще отличаемиъ господами противъ прочей прислуги, и именно за то, что онъ никогда не являлся безобразно пьянымъ. Но, собственно говоря, онъ только былъ вѣрше другихъ.

— Гдѣ вы сядете? — спросила кокетка Катерина Петровна Сальникова.

— Если позволите, то конечно... — отвѣчалъ тотъ.

— Гдѣ-нибудь подальше отъ меня?

— Нѣтъ-съ, возлѣ васъ....

Сѣли за столъ. Степочка очутился между уланомъ и Катериной Петровной. Карелинъ началъ съ того, что налилъ себѣ и сосѣду по стакану мадеры и просилъ его, чокнувшись, выпить: Степочка нѣкоторое время отговаривался.

— Выпейте за мое здоровье, — сказала Катерина Петровна.

— Не смѣю отказаться, — произнесъ Сальниковъ и выпилъ.

Въ дальнѣйшемъ ходѣ обѣда въ отношеніи моего героя, его сосѣди вели ту же тактику: Катерина Петровна любезничала съ нимъ, а уланъ поилъ виномъ. Въ странное состояніе духа пришелъ молодой человѣкъ: онъ грустилъ, что не видитъ Вѣры, былъ счастливъ любовью Катерины Петровны, и наконецъ вино сильно на него подѣйствовало: онъ сдѣлался замѣтно пьянъ. Степочка во всю свою жизнь не болѣе пяти разъ былъ въ нетрезвомъ состояніи, и вино оказывало на него какое-то непонятное дѣйствіе: изъ скромнаго молодого человѣка онъ дѣлался обидчивымъ, строптивымъ, дерзкимъ и даже насмѣшливымъ. Въ настоящемъ случаѣ тоже повторилось. Онъ началъ своей дамѣ говорить такія вольности, что она, не смотря на развязность своего обращенія, нѣвъ состояніи была слушать. Къ концу обѣда, когда уже начали подавать козьи соски, вдругъ двери отворились и вошелъ мужчина, запыленный, въ дорожномъ сюртукѣ, съ дорожнымъ озабоченнымъ лицомъ. Хозяинъ вскочилъ съ своего мѣста.

— Гаврило Петровичъ! воскликнулъ онъ, заключая гостя въ объятія и цѣдуя его болѣе чѣмъ троекратно.

— Прекрасно! прекрасно! — говорила хозяйка: столько времени заѣхать и до сихъ поръ къ намъ не возвратиться.

Гость поцѣловалъ у ней руку. Это былъ мѣстный уѣздный предводитель, большой другъ и пріятель Алексея Сергѣича и Авдотьи Егоровны. Онъ все послѣднее время жилъ въ губернскомъ городѣ.

— Малой! приборъ, водки, сыру, — кричалъ хозяинъ....

— Ничего ненадо! я уже обѣдалъ, — отвѣчалъ гость и съ тѣмъ же озабоченнымъ лицомъ сѣлъ около хозяйки. — Всю ночь сегодня скакалъ на почтовыхъ, завтра сенаторъ къ намъ будетъ.

— Уже! — воскликнулъ Алексѣй Сергѣичъ и поблѣднѣлъ; поблѣднѣло нѣсколько и другихъ чиновничьихъ лицъ, сидѣвшихъ за обѣдомъ.

— Всю гражданскую палату, говорятъ, въ острогъ велѣлъ посадить.

— Господи, помилуй насъ грѣшныхъ! — произнесъ Алексѣй Сергѣичъ и оградилъ себя крестнымъ знаменіемъ. На другомъ концѣ стола тоже раздалось нѣсколько затаенныхъ вздоховъ!

— Гдѣ же онъ жить-то у насъ будетъ? воскликнулъ Алексѣй Сергѣичъ озабоченнѣйшимъ тономъ.

— У Рогаткиныхъ я велѣлъ приготовить. Вы, пожалуйста, ужъ наблюдайте, чтобы тамъ все вычислили и подправили, — обратился предводитель къ городничему.

— Я сейчасъ же поѣду! произнесъ тотъ и, не имѣвши почти лица на себѣ, всталъ потихоньку изъ-за стола и на цыпочкахъ, но торопливымъ шагомъ, вышелъ. Между тѣмъ Алексѣй Сергѣичъ и прочіе

гости остались въ сильномъ раздумьѣ. Хозяинъ однако вскорѣ нашелся. Онъ велѣлъ налить всѣмъ шампанскаго и, вставъ на ноги, произнесъ:

— Господа! позвольте вамъ предложить тостъ за здоровье его сиятельства нашего ревизующаго сенатора....

— Ура! ура!—подкрикнули ему чиновники и помѣщики.

— Что онъ-то такъ хлопочетъ; вѣдь не служить кажется, —замѣтилъ винный приставъ страпчему.

— Ну да поди ты вотъ, — отвѣчалъ тотъ печальнымъ голосомъ.

Послѣ обѣда около предводителя столпились нѣсколько мужчинъ и стали разспрашивать, какъ и что князь; одинъ только Степочка нисколько не смутился: онъ и въ усъ ничего не дулъ, а напротивъ, какъ-то еще свысока на всехъ сталъ смотрѣть, толкнулъ локтемъ одного старика и пошелъ было отыскивать Катерину Петровну, но та уже, спасаясь отъ его любезностей, куда-то скрылась. Степочка подошелъ съ гордымъ видомъ къ предводителю и нѣсколько времени гордо стотрѣлъ на него.

— А зачѣмъ сюда сенаторъ ѣдетъ! вдругъ спросилъ онъ.

— А вотъ этакихъ неслужащихъ дворянъ въ солдаты брить, — отвѣчалъ предводитель.

— Какъ мнѣ понимать ваши слова?—спросилъ Степочка и закусплъ губы, что у него всегда означало присутствіе сильнаго гнѣва.

— Это онъ на вашъ счетъ говоритъ, — подуськнулъ его уланъ.

— Чего-съ?—отозвался и ему Степочка и хотѣлъ было обратиться снова къ предводителю; но того уже

не было: онъ ушелъ за хозяиномъ, который дернулъ его за руку и просилъ идти съ нимъ въ дальнюю комнату переговорить. Въ комнатѣ этой стояли на столѣ два полные стакана шампанскаго.

— Выпьемте еще за здоровье его сѣятельства, нашего теперь командира и владыку.... — Предводитель съ нимъ чокнулся и выпилъ.

— Теперь, вѣдь, дѣло вотъ въ чемъ, — продолжалъ Ухмыревъ: — ну вотъ онъ прѣдетъ сюда. Чиновники представятся тамъ ему своимъ чередомъ; но гдѣ же мы, дворяне, увидимъ его?

— Да, пожалуй, я дворянъ представлю, — отвѣчалъ предводитель.

— Прекрасно-съ! — воскликнулъ Алексѣй Сергѣичъ: — но вѣдь вы представите Сидора.... Петра.... Алексѣя, всѣхъ вмѣстѣ. Гдѣ ему различить, кто какой человекъ. Такъ я говорю?

— Да такъ-то, такъ! — отвѣчалъ предводитель.

— Такъ? — повторилъ опять Ухмыревъ. — Я полагаю, въ этомъ случаѣ вамъ прямо надобно ему объяснить, что вотъ здѣсь въ городѣ собственно живетъ одинъ только помѣщикъ, т. е. я... потому что я могу и партію ему составить, и въ домъ къ себѣ принять, а какая ему радость, если вы его познакомите съ какимъ-нибудь Козинимъ, у котораго фрачишки нѣтъ и водкой воняетъ цѣлый день.

— Это можно будетъ сдѣлать! — согласился предводитель,

— Непремѣнно, а чтобы о прочихъ и духу никакого не было, а то они васъ же скомпрометируютъ, — подхватилъ Алексѣй Сергѣичъ, и предложилъ еще разъ тостъ собственно ужъ за здоровье предводителя,

расцѣловался съ нимъ потомъ, и вышелъ къ прочимъ гостямъ. Онъ былъ очень доволенъ этой маленькой бесѣдой, въ продолженіе которой такъ ловко успѣлъ обдѣлать дѣло, что одинъ только въ цѣломъ городѣ, какъ частный человѣкъ, будетъ знакомъ съ сенаторомъ.

Степанъ Герасимычъ между тѣмъ съ прежнимъ озлобленнымъ видомъ ходилъ по залѣ. Подойдя къ огню, онъ взялъ свою шляпу, изъ которой выпала записка. Сальниковъ поднялъ ее и прочелъ сначала равнодушно, прищуря нѣсколько лѣвый глазъ; — но тотчасъ же измѣнилъ выраженіе лица, уткнулъ палецъ въ лобъ, нѣсколько времени думалъ; потомъ улыбнулся и началъ незамѣтно выбираться изъ залы. Наблюдавшій его Карелинъ поклонился ему вслѣдъ. Выйдя на улицу, Степанъ Герасимычъ опять пріостановился и задумался. Найденная имъ въ шляпѣ записка была дѣйствительно довольно загадочнаго содержанія: **Милый Степочка!** я тебя давно люблю, и потому рѣшилась тебѣ назначить свиданіе въ гостиницѣ въ 3 №, гдѣ и буду ожидать тебя цѣлый день; тебя встрѣтитъ человѣкъ съ рыжими усами, ты ему скажи одно слово: *Паленый поросенокъ*. Вначалѣ онъ будетъ показывать, что сердится на тебя, будетъ, можетъ быть, браниться; но ты не робѣй и повторяй это слово чаще, и онъ проводитъ тебя ко мнѣ; иначе ты меня не увидишь. Если же, паче чаянія, ты не встрѣтишь этого человѣка, то спроси нумернаго, и онъ къ тебѣ выйдетъ.

«Ожидаю тебя

«непзвѣстная»».

Будь въ обыкновенномъ состояніи Степочка,

онъ, конечно, принялъ бы эту записку только въ свѣдѣнію: но въ охмѣленную голову его прпшли Богъ знаетъ какія несбыточныя мысли. Сначала онъ заподозрилъ Катерину Петровну, которая такъ любезничала съ нимъ. «Не отъ Вѣры ли Павловны?» подумалъ онъ наконецъ, и отъ послѣдней мысли голова его еще болѣе помутилась: запнувшись о камень, причемъ весьма больно ушибъ себѣ ногу, Степачка опять перемѣнилъ образъ мыслей и началъ предполагать, что это, должно быть, писала къ нему какая-нибудь незнакомая дама, которая гдѣ-нибудь вѣроятно его видѣла и влюбилась въ него. — «Интересно знать, хороша-ли она собой! Если дурна, такъ не надобно.... но если хорошенькая, такъ ничего!... идетъ!.... Хи.... хи.... хи.... Стыдно бы тебѣ, Степанъ Герасимычъ, дѣлать этакія проказы! вспомни— ты скоро женишься.... хи.... хи.... хи..., ничего, пошлю да и закаюсь; мало ли мы, молодые люди, шапимъ; невѣсты на это не смотрятъ. Но какимъ образомъ эта записка въ шляпу ко мнѣ попала!» По слѣднее обстоятельство опять сбило его съ толку. Разсуждая такимъ образомъ, онъ все-таки шелъ къ таинственной гостиницѣ, ошибиться въ которой было невозможно, такъ какъ она была единственная въ городѣ. Войдя на дворъ, онъ дѣйствительно увидѣлъ на рундучкѣ крыльца человѣка съ рыжими усами и въ нанковомъ сюртукѣ,

— Паленый поросенокъ! — проговорилъ Степанъ Герасимычъ, подходя къ нему.

Рыжеусый взглянулъ на него свирѣпо.

— Чего тебѣ надобно? что ты ругаешься?

— Паленый поросенокъ! — повторилъ онъ.

— Я тебѣ дамъ такого поросенка, что ты у меня вылетишь отсюда! Я не посмотрю, что ты баринъ, или тамъ купецъ какой-нибудь — убирайся!

— Я тебѣ говорю: дама... Паленый поросенокъ!

— Молчи! я тебя, право, проучу!!!

— Паленый поросенокъ! — повторилъ Степанъ Герасимычъ и пошелъ было въ корридоръ. — Къ дамѣ, я тебѣ говорю, поросенокъ...

Рыжіе-усы совершенно вышли изъ себя.

— Вотъ тебѣ паленый поросенокъ! — вскрикнулъ онъ и, какъ мнѣ ни совѣстно, онъ далъ Степану Герасимычу такого рода серьезную затрещину, что у того посыпались звѣзды изъ глазъ. Подобной обиды Степочка, надѣленный отъ природы довольно сильнымъ мужскимъ организмомъ, конечно, никогда бы никому въ мѣръ не спустилъ, а тѣмъ болѣе въ настоящемъ случаѣ: забывши даму, записку и слово «паленый поросенокъ», онъ далъ такую сдачу Рыжимъ-усамъ, что тѣ свалились съ ногъ. Затѣмъ Степочка придавилъ ему колѣномъ грудь и началъ ковырять ему глаза, раздирать ротъ, такъ что рыжеусый, какъ только вырвался изъ-подъ него, то однимъ взмахомъ взлетѣлъ на чердакъ и началъ оттуда пускать въ Степочку камнями. Тотъ, разумется, принужденъ былъ отступить и, какъ ни блистательна была одержанная имъ побѣда надъ этимъ загадочнымъ человекомъ, но все-таки онъ вышелъ изъ гостиницы совершенно не похожій на себя: новый фракъ его не только былъ измятъ, но въ рукавахъ на многихъ мѣстахъ былъ изодранъ; лицо его пылало гнѣвомъ; хмѣль же у него отъ сильнаго моціона значительно выскочилъ, — онъ отправился прямо домой и всю дорогу

ломалъ себѣ голову, что бы это такое съ нимъ за приключеніе было. Но мы, конечно, можемъ догадаться, что въ третьемъ номерѣ гостиницы никакой дамы не бывало, а стоялъ въ немъ самъ Карелинъ. Рыжіе усы былъ нумерщикъ; его дразнили въ городѣ прозвищемъ *Паленый Поросенокъ*, и этого имени онъ такъ не любилъ, что начиналъ обыкновенно браниться и драться со всякамъ, кто только называлъ его такимъ образомъ...

V.

Переписка между Шамиловымъ и Вѣрой шла неутомимо, черезъ посредство довѣренной горничной. Въ каждомъ письмѣ своемъ Шамиловъ молилъ Вѣру о свиданіи и спрашивалъ о причинѣ, по которой его не принимаютъ. Вѣра вначалѣ скрывала, но наконецъ написала откровенно, что жестокій дядя не велѣлъ его принимать. «Пусть онъ не принимаетъ, писалъ съ своей стороны Шамиловъ, но мы должны видѣться съ тобой, Вѣра! Ты дашь мнѣ случай видѣть себя внѣ дома этого человѣка.» Вѣра не отвѣчала цѣлый день на это письмо; но послѣдовало другое, еще страстнѣе, еще пламеннѣе. Отчаяніе молодого человѣка доходило до послѣднихъ предѣловъ. Не прошло четверти часа, какъ было прислано еще третье посланіе, въ которомъ Петръ Александрычъ прямо говорилъ, что онъ пишетъ его, имѣя подъ руками заряженный пистолетъ. Молодая дѣвушка не въ состояніи была болѣе бороться и написала дрожащею рукою: «приходите въ пять часовъ въ рощу, къ тому мѣсту, гдѣ стоитъ скамейка; я буду тамъ гулять.»

Роща эта лежала около самаго города и служила въ хорошее время мѣстомъ прогулки для многихъ изъ горожанъ; въ ней росли иногда сухарки, боровые рыжики и брусника. Нельзя сказать, чтобы она была опрятно содержима, или, лучше сказать, ее украшала и содержала одна только природа. Въ сторонѣ, ближайшей къ городу, была сдѣлана дерновая скамейка. Вѣра часто гуляла на этомъ мѣстѣ, потому что она, какъ мы знаемъ, очень любила лѣсъ, а роща въ полномъ смыслѣ могла быть названа лѣсомъ. Вѣра Павловна вышла въ сопровожденіи горничной. Забывъ совершенно, отъ внутренняго волненія, что былъ уже конецъ сентября, она накинула на себя только легонькій лѣтній бурнусъ. Вѣра его завидѣла еще вдали. Въ одеждѣ и въ самой позѣ молодого человѣка было нѣсколько умышленнаго кокетства. Онъ былъ въ очень хорошо сшитомъ пальто, съ поднятымъ воротникомъ, въ нахлобученной шляпѣ, и сидѣлъ опершись на палку. Первымъ движеніемъ его было броситься къ Вѣрѣ Павловнѣ; но, увидѣвъ горничную, онъ пріостановился.

— *Bon soir*,—проговорила Вѣра, сконфузясь и подавая ему руку.

Горничная, сообразивъ, что она лишняя, отошла и, отыскавъ кустъ брусники, присѣла къ нему и сдѣлала видъ, какъ будто ничего не видитъ и не слышитъ, тогда какъ все видѣла и все подмѣчала.

Давно минула для меня, смиреннаго рассказчика, та волшебная пора, въ которую я самъ бывалъ въ положеніи Шамилова; минуло даже и то время, когда въ подобныхъ свиданіяхъ, видѣлъ, Богъ знаетъ, какую глубокую драму. Много было описано мною

келейно подобныхъ сценъ, и онѣ, милыя читательницы, можетъ быть, понравились бы вамъ гораздо болѣе той, которую я буду сейчасъ излагать, потому что молодые люди обнаруживали въ нихъ такъ много страсти, такъ умно, такъ плавно и такъ логически говорили между собою; но, право, я былъ тогда пристрастенъ. Теперь не то, теперь я буду описывать чувствованія пережитыя, но не переживаемыя, и, соблюдая строгую справедливость, отнесусь къ молодымъ людямъ съ симпатіей, но нелицеприятно.

Вѣра сѣла на скамейку, Шамиловъ тоже, но довольно вдаль. Разговоръ нѣкоторое время не начинался.

— Вы очень меня любите? — сказала дѣвушка съ замѣтнымъ усиленіемъ надъ собой.

Петръ Александрычъ взглянулъ на нее пламенно.

— Не грѣхъ-ли вамъ спрашивать меня объ этомъ! воскликнулъ онъ тѣмъ впечатлительнымъ тономъ, которымъ произносятъ трагическіе актеры многозначительныя слова своей роли.

Вѣра отвѣчала только взглядомъ.

Молчаніе.

— Я сегодня много плакала, — сказала Вѣра.

— Вы плакали? — спросилъ съ ужасомъ молодой человекъ.

— Да... мнѣ было досадно на дядю и тетку за васъ. Любили ли когда-нибудь эти люди!

Шамиловъ горько улыбнулся.

— Чтобы умѣть любить, надо умѣть чувствовать. Но зачѣмъ вы, Вѣра Павловна, говорите мнѣ о другихъ? говорите мнѣ о себѣ; о себѣ только и больше ни о комъ. — Вы для меня цѣлый міръ!

Опять молчаніе.

Мы всё, конечно, согласимся, что молодой человекъ не сказалъ въ послѣднемъ монологе ничего особеннаго, но иначе оговзались эти слова въ сердца Вѣры.

— Любили ли вы прежде? — проговорилъ Шамидовъ.

— Такъ, какъ васъ — никогда. Мнѣ только нравился одинъ человекъ; онъ очень походилъ на...

«На тебя,» конечно думала сказать молодая дѣвушка, но остановилась.

— Я васъ очень люблю, — договорила она и, потомъ какъ бы нечаянно, прибавила: — а ты любилъ прежде?

Въ любви, какъ извѣстно, переходъ отъ «вы» на «ты» составляетъ довольно значительный шагъ.

— Я? я любилъ безумно, страстно! Это существо было не отъ міра сего, я видѣлъ ея развитіе, я хотѣлъ во имя ея посвятить всю мою жизнь.

— Вы безумно любили? — спросила Вѣра негвердымъ голосомъ.

— Не беспокойтесь: ея ужъ нѣтъ въ живыхъ.

— Но, можетъ быть, вы и теперь ее любите?

— Встрѣтившись съ вами и полюбивши васъ, это немного трудно.

— Не обманывайте меня, Шамидовъ; вы теперь для меня единственная радость, одно только счастье въ мірѣ. Если вы забудете меня, я не перенесу этого и умру.

— Вѣра, дивное ты созданіе! — проговорился Шамидовъ. — Неужели ты думаешь, — продолжалъ онъ въ совершенномъ увлеченіи: — что, полюбивъ тебя, можно

разлюбить? неужели ты не знаешь себѣ цѣны и не сознаешь своего достоинства?

— Я вѣрю тебѣ, — обмолвилась окончательно Вѣра. Шамповъ схватилъ ея руку и поцѣловалъ.

Опять послѣдовало продолжительное и краснорѣчивое молчаніе.

— Гдѣ вы думаете служить? — спросила Вѣра, придя нѣсколько въ себя.

— Насчетъ службы не знаю. Теперь у меня другіе планы.

— Скажите.

— Покуда еще и говорить объ этомъ страшно.

— Миѣ вы должны говорить все.

— Я думаю, выдержавъ экзамень на кандидата, издавать журналъ: это единственный для меня выходъ.

— Это прекрасно! я бы стала тебѣ помогать, — проговорила опять Вѣра. — Я бы стала переводить, переписывать... только это очень трудно. Къ папенькѣ часто ѣздилъ... одинъ журналистъ... ахъ, какъ онъ, бѣдненькій, безпокоился! пріѣдетъ, бывало, измученный, усталый, худой.

— Трудъ — пустяки, труда я не боюсь, — возразилъ Шамповъ: — я улучшу журналистику. — Я покажу публикѣ, какова она должна быть, — продолжалъ онъ. — Боже мой! это для меня такая высокая цѣль, что отъ одной мысли голова идетъ кругомъ! Представь себѣ, Вѣра: я цѣлое утро хлопочу съ сотрудниками, у меня въ редакціи не будетъ валяться цѣлая кипа романовъ, повѣстей и прочаго, которое потому только не годится, по миѣнію редактора, въ журналъ, что ему лѣнь все это читать, и что ему

пріятнѣе ѣхать объѣдать съ пріятелями. — Я все прочту, все разсмотрю, съ корректоромъ стану браниться на каждомъ шагу. По вечерамъ примусь за свои труды. Вы, Вѣра, конечно, будете около меня... или нѣтъ! я васъ отошлю въ вашу комнату; при васъ я буду не въ состояніи заниматься и буду все любоваться вами.

Отъ этого монолога, кажется, и у Вѣры Павловны тоже пошла голова кругомъ: она потупилась и нѣсколько времени не въ состояніи была проговорить ни одного слова.

— Возможно ли это? сбудется ли это?

— Сбудется, Вѣра! Любовь къ такой женщинѣ, какъ ты, изъ пигмея сдѣлаетъ великана.... Вѣришь ли ты хоть сколько-нибудь въ мои силы?

— Да... — могла только отвѣтить дѣвушка.

Прошло еще нѣсколько минутъ молчанія; горничная пересѣла къ другому кусту брусники.

— Я сейчасъ вспомнила: ко мнѣ сватался этотъ Степочка, — сказала Вѣра.

— Сватался? — спросилъ Шамиловъ, перемѣнясь въ лицѣ.

— Дядяи тетка мнѣ говорили; я имъ сказала, чтобы они мнѣ и не повторяли въ другой разъ.

— Это чортъ знаетъ что такое, — воскликнулъ Шамиловъ: — у меня рѣшительно сердце каменѣетъ, когда я вижу или слышу объ этомъ человѣкѣ. Я бы больше вѣрилъ въ твою любовь, въ свои собственные силы и въ возможность будущаго счастья, еслибъ этотъ болванъ не перебивалъ мнѣ дороги.

Вѣра усмѣхнулась.

— А тебя развѣ онъ не беспокоитъ? развѣ ты

не чувствуешь тоски, видя предъ собой это животное? — спросилъ Шамиловъ.

— Нисколько! — отвѣчала она: — я нисколько не боюсь его, нисколько не смущаюсь его вниманіемъ и даже не думаю про желаніе дяди и тетки. Я полюбила тебя и сказала себѣ, что буду твоей женою, хотя бы весь свѣтъ возсталъ противъ этого. Ты меня еще не знаешь: я съ характеромъ.

Бесѣда молодыхъ людей, вѣроятно, продолжалась бы еще очень долго, еслибъ имъ не напоминала о разставаньѣ наша сѣверная природа, въ которой, въ концу сентября, въ седьмомъ часу смеркается. Къ сумеркамъ присоединилось облако, отъ котораго повѣяло на нихъ черезчуръ свѣжимъ воздухомъ и даже пошелъ маленькій снѣжокъ, въ родѣ крупы.

— Варышня! пора домой; ужь скоро темно; посмотрите, какъ вы посинѣли, — сказала горничная.

— Adieu, — проговорила Вѣра и пошла.

— Проводите до города... этакій баринъ молодой, а неловкій, — шепнула горничная Шамилову.

Онъ торопливо вынулъ изъ бумажника ассигнацію въ три рубля серебр. и сунулъ ей въ руку. Нагнавъ Вѣру, онъ взялъ ее подъ руку. Несмотря на вѣтеръ, несмотря на снѣгъ, молодые люди шли нескоро и если не говорили между собой почти ни одного слова, то все-таки понимали другъ друга. Шамиловъ чувствовалъ эту безцѣнную руку на своей рукѣ, чувствовалъ біеніе ея сердца, а Вѣра — она, какъ я полагаю, ничего не видѣла, ничего не понимала, что вокругъ нея происходило. Но вотъ городъ: предусмотрительная горничная тотчасъ же развела ихъ и велѣла одному идти въ одну сторону, а другой — въ

другую. Но когда барышня благополучно возвратилась въ свою комнату, она не преминула отправиться со двора и побѣжала къ своей пріятельницѣ, горничной Катерины Петровны, и сообщила той о всемъ, что видѣла и слышала, весьма подробно; пріятельница эта — своей барынь, а барыня — улану и еще кой-кому и такъ далѣе.

Князь наконецъ пріѣхалъ съ своей комиссіею, и чиновники ужь ему представлялись; былъ у него и Ухмыревъ въ субботу, одинъ. Если принять во вниманіе нахмуренное чело и вообще недовольное выраженіе лица, съ которымъ Алексѣй Сергѣичъ возвратился домой изъ Семеновскаго, то явно можно было заключить, что онъ остался недоволенъ пріемомъ. Авдотья Егоровна, конечно, сейчасъ же замѣтила это и почти догадалась о причинѣ, но не спрашивала; она очень хорошо знала, какъ близко это сердцу мужа, и потому не хотѣла растравлять еще болѣе раны. Алексѣй Сергѣичъ самъ заговорилъ.

— Князь чудакъ: онъ слишкомъ много себѣ позволяетъ, — началъ онъ.

— Что такое? — спросила Авдотья Егоровна.

Алексѣй Сергѣичъ поднялъ плечи.

— Я понять не могу, у меня до сихъ поръ все какъ въ туманѣ. Пріѣзжаю — ну, все какъ быть — хорошо, зову его, и, конечно, говорю о картахъ, стараюсь узнать, какую любитъ партію, большую или по маленькой... Вдругъ онъ начинаетъ говорить мнѣ дерзости: «что это такое, говоритъ, за занятіе карты? это глупо, говоритъ, и вредно». Я вначалѣ сообразить ничего не могъ: — ваше сіятельство! наконецъ говорю: — я не азартный игрокъ, я веду игру

коммерческую. — «Тѣмъ хуже, — говорить, — это ужь совсѣмъ мелкая корысть.» А? нравится тебѣ это? Что онъ этимъ выраженіемъ хотѣлъ сказать? то, что я желаю выиграть десять рублей серебромъ... такъ ли? такъ онъ извини, онъ можетъ копѣйки учитывать, а я нѣтъ! Я тутъ промолчалъ: возражать смѣшно. Но еще разъ онъ не скажетъ мнѣ этого; я отвернусь и уйду.

— Не любить картъ, не охотникъ играть! — замѣтила Авдотья Егоровна.

— Согласенъ. Но обращеніе непристойно, тонъ неприличенъ... Прекрасно! Теперь онъ будетъ у меня; что же? я не буду смѣть ни одного столика открывать... такъ ли?

— Когда онъ будетъ, конечно, не надобно картъ, — отвѣчала Авдотья Егоровна.

Алексѣй Сергѣичъ пожалъ плечами.

— Но это еще ничего; слушай дальше. Сиж у него и вдругъ слышу шаги и входитъ, именно какъ я предчувствовалъ этотъ, Козинъ гадкій, скверный; но какъ мнѣ было сказано: «прошу покорнѣйше садиться», такъ и ему то же самое, — стало быть, онъ ставитъ меня совсѣмъ съ нимъ на одну доску, такъ ли?

Авдотья Егоровна покачала только головой.

— Нѣтъ, ты погоди, постой, — говорилъ между тѣмъ Ухмыревъ:—это только цвѣтики, а ягоды впереди. Выхожу я, прощаюсь, хоть бы слово мнѣ, а такъ какъ лошади еще не были у меня поданы, я и остановился въ передней... Слышу, Козинъ тоже прощается, и онъ ему говоритъ: «какъ, говоритъ, выѣду, такъ буду у васъ». Что же это такое! Я

сошелъ съ дѣстницы, не помни себя. Мнѣ не подѣлта сносить подобныя оплеухи!

— Другъ мой! повѣрь, что это ничего!—вздумала было Авдотья Егоровна успокоить своего супруга.

— Какъ ничего! очень чего! — возразилъ онъ ей рѣзко:—тутъ двѣ вещи: или онъ совсѣмъ не хочетъ понимать людей, какъ надо, или ему ничего не было сказано. На что же послѣ этого предводитель у насъ? Еще не безъ чего я говорилъ и просилъ. Въ чемъ его прямая обязанность состоятъ, какъ не въ томъ, чтобы сортировать передъ высшими лицами дворянъ!

— Высшіе люди, cher Alexis, чрезвычайно скрытны; по наружному виду ихъ никакъ нельзя узнать объ ихъ мнѣніи; я тебѣ говорю, что онъ къ намъ къ первымъ пріѣдетъ.

— А я тебѣ говорю, что онъ къ намъ совсѣмъ не будетъ!—вскричала Алексѣй Сергѣичъ почти уже бѣшенымъ голосомъ и ударивъ себя въ грудь. — Да-съ!

— Нѣтъ, Alexis, ты заблуждаешься.

— Пожалуйста, не спорьте. Вамъ чеичики — и больше ничего! вы въ этихъ дѣлахъ ни аза не понимаете!—заклучилъ онъ и ушелъ, не замѣтивъ даже того, что у чувствительной Авдотьи Егоровны показались на глазахъ, по обыкновенію, слезы, и она готова была упасть въ обморокъ, но удержалась единственно потому, чтобы не разстроить еще болѣе мужа и самой не лишиться силъ ѣхать къ весельчаку-доктору на званный обѣдъ по случаю именинъ его жены.

Между тѣмъ какъ волновался такимъ образомъ

Алексѣй Сергѣичъ, князь, начальная и конечная точка всѣхъ его теперешнихъ помышлений, сидѣлъ у себя въ кабинетѣ въ халатѣ за письменнымъ столомъ. Передъ нимъ стоялъ въ почтительной позѣ правитель дѣлъ, тоже уже статскій совѣтникъ и съ Владиміромъ на шеѣ. Онъ докладывалъ князю вновь полученные бумаги.

— Какое-то частное письмо, — сказалъ онъ, подавая князю пакетъ. Тотъ развернулъ и началъ читать. Съ каждой строчкой его старческое и мрачное лицо начало принимать все болѣе и болѣе добродушное выраженіе; на первой страницѣ письма, на верху ея, былъ поставленъ маленькій крестикъ... Оно было слѣдующаго содержанія. «Я прибѣгаю къ вашей помощи, князь, и прибѣгаю потому, что вы меня знаете. Я дочь вашего стараго знакомаго Энзаева, та маленькая Вѣрочка, которую вы когда-то ласкали. Я теперь сирота, живу здѣсь у моей родной тетки Ухмыревой. Говорить съ вами откровенно я могу, потому что я дочь Энзаева. Родные хотятъ меня выдать за человѣка, котораго я ненавижу, и люблю другаго; но онъ не нравится моему дядѣ Ухмыреву. На васъ теперь, князь, вся моя надежда. Помощь этому человѣку и ваше участіе ко мнѣ спасутъ насъ: достаточно одного вашего слова, чтобы родные мои перемѣнили свое намѣреніе и отдали меня тому, кому принадлежитъ и мое сердце, и вся душа моя. Фамилія его Шамиловъ. Спасите насъ, князь; васъ за это Богъ наградить!

«Вѣра Энзаева.»

Письмо было написано такимъ почеркомъ, по которому ясно было видно, что сочинительница его и

сама не понимала хорошенько, что дѣлала и что писала.

— Вѣрочка Эязаева! — произнесъ старикъ. — А что, у меня былъ, кажется, какой-то Ухмыревъ? — спросилъ онъ, обращаясь къ правителю.

— Былъ, кажется, ваше сіятельство.

— Скажите или дайте какъ-нибудь тамъ знать, хоть черезъ городничаго, что я уже вечеромъ заѣду къ нему.

— Слушаю-съ, — отвѣчалъ правитель и собралъ доложенныя бумаги.

— Приказанья больше не будетъ?

— Нѣтъ, — отвѣчалъ князь. Правитель поклонился и вышелъ.

Старикъ началъ какъ-бы разсуждать самъ съ собой:

— Сподвижникъ былъ большой... званіе вольнаго каменщика имѣлъ... Сперанскій лучшимъ другомъ считалъ его себѣ... но паче того я покойницу мать ея любилъ; святая была женщина... Все-то это какъ-то прошло и миновалось; пора-бы и моимъ старымъ костямъ на покой!...

Ухмыревъ въ это самое время, ничего не подозревая, что его ожидаетъ, былъ съ Авдотьей Егоровной на обѣдѣ у доктора. Вдругъ говорятъ — городничій пріѣхалъ и спрашиваетъ его.

— Что такое?

— Князь, — говоритъ тотъ, — будетъ къ вамъ сегодня вечеромъ.

Алексѣй Сергѣичъ выпучилъ глаза.

— Какъ, когда? — спросилъ онъ задыхающимся голосомъ.

— Сегодня вечеромъ, — повторилъ городничій. Алексѣй Сергѣичъ схватился за косякъ, чтобы не упасть.

— Какъ же это такъ? — бормоталъ онъ, какъ-бы не вѣря ушамъ своимъ,

— Да такъ, поѣзжайте домой! — внушалъ ему городничій.

Алексѣй Сергѣичъ, сколько лишь достало у него силы совладѣть съ собой, и прогнавъ съ лица малѣйшій оттѣнокъ удовольствія, возвратился въ залу и проговорилъ даже нѣсколько сердитымъ голосомъ:

— Сейчасъ ко мнѣ князь самъ напросился на вечеръ.

— Князь?—спросили въ одинъ голосъ хозяинъ и нѣкоторые другіе мужчины.

— Да, надобно ѣхать домой— такая досада!— произнесъ Ухмыревъ, маскируя отчаяннѣйшимъ образомъ все, что происходило у него въ эти минуты въ душѣ.

— Поѣзжайте, поѣзжайте! какъ это возможно! — совѣтовали ему хозяинъ и гости, не безъ зависти и очень хорошо, кажется, понимавшіе, на какомъ седьмомъ небѣ былъ теперь этотъ честолюбецъ.

Алексѣй Сергѣичъ вызвалъ Авдотью Егоровну и, шепнувъ нѣкоторымъ изъ гостей позначительнѣе, чтобъ къ нему пріѣзжали, отправился.

Обѣщаніе князя пріѣхать къ Ухмыреву совершенно разстроило именинный праздникъ доктора. Болѣе значительныя лица, приглашенныя Ухмыревымъ, передали это по секрету своимъ дражайшимъ половинамъ, изъ числа которыхъ нѣкоторымъ очень захотѣлось ѣхать вмѣстѣ съ супругами, но тѣ рѣши-

тельно отказали имъ въ этомъ, на томъ основаніи, что вечеръ будетъ мужской. Но, какъ бы то ни было, всѣ они скоро уѣхали. Оставшіеся гости, недовольные Алексѣемъ Сергѣичемъ, были не въ духѣ, такъ что рѣшительно не могли составить танцы, къ крайнему сожалѣнію Степана Герасимыча, котораго Алексѣй Сергѣичъ тоже не позвалъ; но онъ, увидѣвъ, что всѣ гости разѣзжаются, и что самъ хозяинъ думаетъ вечеромъ попозже отправиться къ Ухмыревымъ, не стѣснился этимъ и рѣшился тоже ѣхать туда.

Возвратясь домой, Алексѣй Сергѣичъ пришелъ въ ужасныя хлопоты: во-первыхъ, онъ велѣлъ снять чехлы со всей мебели и натереть полы воскомъ; у Авдотьи Егоровны взята была стьянка съ весьма дорогими духами, которыми и велѣно было лакею, какъ пріѣдетъ князь, курить. Съ поваромъ Ухмыревымъ тоже очень долго совѣщался и ему низко-низко кланялся и просилъ его, Бога ради, не испортить мороженого. Очень также Алексѣя Сергѣича беспокоило, чтобы Вѣра Павловна вышла, и это взидась устроить Авдотья Егоровна. Вѣра, впрочемъ, услышавъ о пріѣздѣ князя, объявила, что она непременно выйдеть. Избранные гости начали мало-по-малу собираться. Часу въ девятомъ карета князя подъѣхала къ крыльцу. Хозяинъ нѣкоторое время недоумѣвалъ, гдѣ ему встрѣтить гостя: въ лакейской или на лѣстницѣ. Авдотья Егоровна, по предварительному совѣщанію съ мужемъ, вышла на половину залы.

Князь, сутуловатый, мрачный, во фракѣ съ двумя звѣздами и съ какимъ-то спокойствіемъ и самоувѣренностію въ движеняхъ, вошелъ.

Алексѣй Сергѣичъ запрыгалъ передъ нимъ собачьей на заднихъ лапкахъ.

— Позвольте мнѣ рекомендовать мою жену, ваше сіятельство! — забормоталъ онъ.

— Честь имѣю представиться, сударыня. Я очень хорошо зналъ вашего брата и весьма обрадовался, услышавъ, что дочь его у васъ живетъ.

— Князь, вы такъ обязательны, — жеманно начала Авдотья Егоровна.

Но Алексѣй Сергѣичъ ей мигнулъ, и она просила гостя въ гостиную.

— Наша племянница, князь, — сказала она, указывая на Вѣру.

— Здравствуйте, Вѣра Павловна! — сказалъ тотъ, протягивая дѣвушкѣ руку: — какъ вы выросли и еще болѣе похорошѣли; узнали ли вы меня? помните ли вы, какъ я часто у васъ бывалъ? Я душевно порадовался, услышавъ объ васъ.

— Я очень помню васъ, князь; у меня еще и до сихъ поръ есть книга, которую вы мнѣ подарили, — отвѣчала Вѣра съ пылающимъ отъ невольнаго стыда лицомъ.

Алексѣй Сергѣичъ и неодумѣвалъ, и былъ въ восторгѣ. Князь между тѣмъ сѣлъ на диванъ и, усадивъ съ собой Вѣру, сталъ съ ней разговаривать объ отцѣ, его сочиненіяхъ, ученыхъ трудахъ, о томъ, чтó она сама теперь читаетъ, рисуетъ ли, не оставила ли музыку, и т. п.

Авдотья Егоровна дѣлала всевозможныя усилія, чтобы участвовать въ ихъ разговорѣ; но ей никакъ не удавалось.

Алексѣй Сергѣичъ рѣшительно не находилъ, какъ

ему себя держать. По всѣмъ соображеніямъ, онъ бы, какъ глава въ домѣ, долженъ былъ занимать князя, и тотъ съ нимъ бы долженъ былъ говорить, а никакъ не съ Вѣрой; но князь въ продолженіе цѣлаго вечера не удостоилъ его словомъ, а заставилъ стоять предъ собой истуканомъ, потому что отойти онъ не могъ, считая это какъ хозяинъ за невѣжливость; вмѣшаться въ разговоръ тоже не было никакой возможности, потому что говорили о такихъ отвлеченныхъ предметахъ, о которыхъ Алексѣй Сергѣичъ даже во всю жизнь и не слыхивалъ. Князь, можетъ быть, проговорилъ бы цѣлый вечеръ съ Вѣрой Павловной и прервать его, конечно, никто бы не рѣшился, но это сдѣлалъ Степанъ Герасимычъ. Молодой человекъ вошелъ, по обыкновенію, очень свободно, расшаркался передъ Авдотьей Егоровной и, увидавъ Вѣру, очень обрадовался: онъ не видалъ ее недѣли двѣ. Вѣра никогда при немъ не выходила. Не женируясь нисколько присутствіемъ князя, Степанъ Герасимычъ подошелъ къ предмету своей любви, и усѣлся около него.

— Вы были больны? — началъ онъ.

Вѣра улыбулась; Алексѣй Сергѣичъ нахмурился; Авдотья Егоровна готова была упасть въ обморокъ.

— Вы были больны? — повторилъ Сальниковъ. — Молодымъ дѣвицамъ стыдно хворать, — прибавилъ онъ.

— Кто это такой? — спросилъ князь Вѣру по-англійски.

— Дурачекъ одинъ — Сальниковъ.

Князь внимательно посмотрѣлъ на него.

— Я, ваше сіятельство, передъ вами виноватъ,

— адресовался вдругъ къ нему Степанъ Герасимычъ:
— до сихъ поръ еще не являлся къ вамъ...

Князь только осмотрѣлъ его съ ногъ до головы, но ни слова ему не отвѣтилъ.

Степochка этимъ однако нисколько не сконфузился.

— Мы такъ давно не танцевали, — отнесся онъ къ Вѣрѣ.

— А вамъ хочется? — спросила та.

— Весьма желалъ бы.

— Танцуйте.

— Но я одинъ.

— Такъ чтожь; одни танцуйте; къ вамъ это очень будетъ идти.

— Позвольте принять ваши слова за насмѣшку; я не могу одинъ танцевать, это только простолюдины одни пляшутъ.

— Вы, можете быть, русскую умѣете?

— Да, конечно, я пляшу ее самоучкой; но въ обществѣ этотъ танецъ не принять.

— Ничего. Попляшите теперъ.

— Madame! вы все шутите.

Какъ князь ни былъ серьезенъ, какъ ни неприятно, кажется, было ему, что Степochка подсѣлъ къ Вѣрѣ Павловнѣ, но на этомъ мѣстѣ онъ не удержался и усмѣхнулся; Вѣра тоже; она встала и ушла. Степochка адресовался было опять къ князю съ разговоромъ, но тотъ опять ни слова ему не отвѣтилъ. Алексѣй Сергѣичъ, какъ послѣ рассказывалъ, истерзался въ этотъ вечеръ. Сіятельный гость явно показывалъ, что онъ пріѣхалъ для одной Вѣры Павловны, потому что почти все говорилъ съ ней одной и частью съ Авдотьей Егоровной, но съ нимъ почти

ни слова. Слабоумный Сальниковъ постоянно вмѣшивался въ разговоръ и постоянно вралъ; прочие гости стояли, какъ деревянные чурбаны; мороженое тоже не удалось. Отъ ужина князь отказался.

— Для чего я убыточился?—говорилъ послѣ Алексѣй Сергѣичъ. — Худо ли, хорошо ли, но все-таки пятьдесятъ серебромъ издержалъ; одного клико было четыре бутылки заморожено; наконецъ былъ подаваемъ въ четыре рубля серебромъ лафитъ... для здѣшнихъ-то господъ? какже! имъ въ сласть и полтинная мадера.

Подобнаго рода расчетливость Алексѣй Сергѣичъ обнаружилъ еще первый разъ въ жизнь свою, и обнаружилъ ее только подъ вліяніемъ сильнѣйшей досады на то, что именитый гость велъ себя въ его домѣ совершенно не такъ, какъ онъ желалъ и даже предполагалъ.

Передъ ужиномъ князь спросилъ Вѣру, кто такой Шамиловъ.

Дѣвушка, конечно, сконфузилась.

— Мнѣ его очень хвалили,—продолжалъ старикъ:—я бы съ нимъ желалъ познакомиться. Онъ вѣрно бываетъ у вашего дяди. Скажите ему, чтобы онъ пріѣхалъ ко мнѣ.

Вѣра молчаливымъ и сконфуженнымъ взглядомъ поблагодарила князя.

Уѣзжая, онъ взялъ съ Авдотьи Егоровны честное слово пріѣхать къ нему съ племянницею на цѣлый день. Алексѣя Сергѣича пригласилъ какъ-то онъ двусмысленно, а Степochкѣ даже не поклонился; со всѣми же другими гостями поговорилъ хотя немного, но ласково.

VI.

Въ послѣднее свиданіе Вѣра еще болѣе очаровала Степочку, потому что въ этотъ вечеръ была дѣйствительно очень интересна; но болѣе того: она говорила и шутила съ нимъ, чего прежде никогда не случалось. На другой день Сальниковъ рѣшился во что бы то ни стало добиться толку отъ Алексѣя Сергѣича, который съ нѣкотораго времени какъ-то отмалчивался и не говорилъ ничего опредѣлительно. Онъ отправился къ Ухмыреву еще довольно рано и засталъ того въ кабинетѣ за чаемъ, въ весьма дурномъ расположеніи духа отъ вчерашняго посѣщенія князя.

— Я къ вамъ,—началъ Степанъ Герасимычъ.

— А что?

— Все насчетъ того.

Алексѣй Сергѣичъ покачалъ головой.

— Насчетъ того... все еще ничего.

— Какъ же это! мнѣ надобно къ маменькѣ писать.

— Напишите ей, что покуда еще ничего.

— А долго ли?

— Что-съ?

— Ждать.

Алексѣй Сергѣичъ пожалъ плечами.

— Не знаю.

— Годъ, что ли?

— Не менѣе.

— Это долго: нельзя ли полгода?

— Нѣтъ, полгода мало.

— А годъ очень долго.

— Что дѣлать!

Вотъ все, что сказалъ Ухмыревъ, несмотря на то, что Степочка, по нецеремонности своей, дѣлалъ весьма прямые вопросы и даже спрашивалъ, награждать ли Алексѣй Сергѣичъ самъ чѣмъ-нибудь Вѣру Павловну, — но и на это получилъ весьма двусмысленный отвѣтъ. Сколько я съ своей стороны понимаю Ухмырева, то онъ, принявъ первоначально въ дѣлѣ сватовства богатаго жениха такое живое участіе, въ настоящее время значительно ослабъ: во-первыхъ, потому, что встрѣтилъ въ Вѣрѣ рѣшительный отпоръ, а во-вторыхъ, и самъ лично былъ очень занятъ прїѣздомъ князя. Сальниковъ возвратился къ себѣ на квартиру разстроенный: его очень пугалъ дальній срокъ, который назначилъ ему Алексѣй Сергѣичъ, тогда какъ онъ ощущалъ непреодолимое желаніе имѣть подругу жизни, отдавая, конечно, Вѣрѣ Павловнѣ въ этомъ случаѣ передъ всѣми другими дѣвицами преимущество. Усѣвшись и закуривъ трубку, онъ предался тихой грусти, а потомъ ему пожелалось излить свою душу передъ себѣ подобнымъ, и на этотъ предметъ позвана была Аксинья, на которую городская жизнь оказала замѣтно большое вліяніе: съ лица ея прошелъ загаръ; являясь къ барину, она надѣвала свой ситцевый сарафанъ, и уже не бранилась съ Кузьмой, но, напротивъ того, стала заступаться за него передъ господиномъ.

— Что прикажете? — спросила она.

— Такъ, ничего! поговорить позвалъ, — началъ Степочка грустнымъ голосомъ. — Барышня-то... помнишь, о которой я тебѣ говорилъ, плохо...

— Что же, батюшка?

— Да такъ; проволочка одна только идетъ. На годъ теперь откладываютъ.

— Вишь ты какое дѣло,— проговорила Аксинья, качая головою.

— Я вотъ теперь думаю, что они важничаютъ: у меня невѣсть будетъ.

— Вѣстимо-съ, что объ этомъ беспокоиться: невѣсты будутъ.

— Имъ вотъ наградить не хочется: приданого, видно, жаль; а мнѣ прахъ ихъ возьми, иное сказать. У меня у самого шестьсотъ душъ, за меня купчиха богатая пойдетъ, а не то что...

— Какъ вамъ тамъ, Степанъ Герасимычъ, будетъ угодно,— перебила Аксинья,—а мы вотъ и съ Кузьмой переговаривали: имѣнья за этой барышней никакого нѣтъ; ихніе люди даже объ этомъ болтаютъ. Развѣ ужъ она вамъ собой больно по нраву пришла, а ужъ больше ничего нѣтъ-съ.

— Въ томъ-то и штука, что лицомъ понравилась, а имъ, небось, жаль награды, ну, такъ скажи: я бы ее безъ всего взялъ! Она прехорошенькая... ты видала ее?

— Нѣтъ съ, не видала! Кучера ихняго Кузьма показывалъ, а барышню не видала.

Степанъ Герасимычъ задумался.

— Осмѣлюсь я вамъ, батюшка, доложить,—начала нѣсколько таинственнымъ тономъ Аксинья:—не знаю, послушаетесь ли вы моего глупаго совѣта, а я бы вамъ сказала: ежели вамъ теперь насчетъ этой женьтыбы очень такъ желается, поворожитесь вы у одной здѣсь женщины: она отъ насъ, изъ Зеленцына, здѣсь теперь въ мѣщанствѣ приписана, безподобно

угадываетъ и привораживаетъ отлично. Вы, я думаю изволите знать у Веденея сына, что на богачихъ терентьевской женатъ: ну такъ тоже вначалѣ никакъ ладу не было,—ужь какъ доставалось ей, сердечной!... приворожила-съ: теперь не наглядится, въ Питеръ даже пересталъ ходить, все ему тошно по ней.

— А что, и въ самомъ дѣлѣ! да не страшно ли?—спросилъ Степочка.

— Ничего нѣтъ страшнаго. Сначала она, доложу вамъ, пива потребуеть и погадаеть на пивѣ, спрыснетъ, можетъ быть, потомъ васъ съ камешка, а тутъ и на вѣтеръ чего-нибудь пустить... Только бы взялась, а дѣло сдѣлаеть. Я ее, Степанъ Гарасимычъ, на себѣ испытала: тоже вотъ здѣсь съ маменькой вашей прѣзжала, такъ полотенцы пропали у насъ, — сразу отгадала: ни на кого, говорить, Аксиныюшка, и сомнѣнія не имѣй, какъ на бѣловолосаго парня... на Григорья покойника, изволите видѣть, намекала; въ тотъ же вечеръ у него, разбойника, въ сумкѣ и нашла-съ.

— Какъ же это сдѣлать?

— Она сюда придетъ.

— Сходи.

— Слушаю-съ.

— Теперь же сходи.

— Слушаю-съ.

— Да не дорого ли она возьметъ?

— Нѣтъ-съ, недорого: трехъ-гривенный, такъ за глаза будетъ довольно.

— Ну, ступай.

Аксинья отправилась.

Рѣшившись обратиться къ чародѣйству, Степанъ

Герасимычъ началъ чувствовать нѣкоторый страхъ. Надобно сказать, что герой мой искренно вѣрилъ во все то, что рассказывалось по избамъ, и ради того часто ходилъ туда въ осенніе и зимніе вечера и нарочно заставлялъ старухъ рассказывать ему про «страшное». Въ сказки онъ тоже почти безусловно вѣрилъ и нѣкоторыя изъ нихъ даже самъ очень недурно рассказывалъ. Иванъ-Царевичъ, Царь-Дѣвица, Жаръ-Птица, Соловей-Разбойникъ были для него такія же несомнѣнныя историческія лица, какъ для насъ Кромвель, Ришелье и Фридрихъ Великій. Вовсе не бывъ трусомъ, онъ ни за что бы въ свѣтѣ не рѣшился, въ силу извѣстнаго повѣрья, ночевать въ банѣ.

Ворожея явилась въ сопровожденіи Аксины. Это была полная, краснолицая мѣщанка, съ плутоватымъ лицомъ, въ сарафанѣ и въ душегрѣйкѣ. При входѣ первымъ ея дѣломъ было осмотрѣть, не натоптала ли она въ комнатѣ.

— Ты мнѣ погадаешь?—началъ Степочка.

— Денегъ, баринъ, напередъ дай; а тутъ ужъ и спрашивай. Я тебѣ скажу откровенно,—колдунъ, что коноваль: безъ денегъ ни ступить, ни шагнетъ,—по рублю ходитъ, на рублѣ сидятъ, на полтину глядитъ, за червонецъ говоритъ.

— А много ли тебѣ?

— Съ богатаго барина надобно брать больше! По началу давай цѣлковый, а какъ дѣло будетъ намази, полтинникъ еще на чай.

У Степана Герасимыча вытянулось лицо.

— Ну, этого много. За что же это?

— За твое благополучіе, баринъ, за твое един-

ственное счастье пойдутъ эти деньги. Не жалѣй серебра, коли хочешь жить въ золотѣ. Ты богатъ, уменъ и таланливъ; одно только у тебя есть: на деньгу ты больно крѣпонецъ! Не принесетъ тебѣ она счастья: весь свой вѣкъ ты промаешься, если такъ себя поведешь!

— Ну, да ты уступи что-нибудь, — вмѣшалась опять Аксинья.

— Не могу, голубушка, никакъ не могу. Кабы просто свадьба шла, можно; а тутъ другой человекъ дѣйствуетъ.

— Ну, на, возьми, — пожалуй, — сказалъ Степочка и съ очень недовольною миною, вынувъ изъ кошелька цѣлковый, подалъ его Секлетей Дмитревнѣ.

Та, получивъ деньги потребовала бутылку пива, которую Аксинья уже купила. Выливъ всю ее въ полоскательную чашку, она начала смотрѣть внимательно на поверхность жидкости... Степочка и Аксинья замерли въ страхъ, который еще болѣе усилился, когда Секлетей заговорила какимъ-то неестественнымъ голосомъ:

— Разступаются туманы, расходятся облака, дѣло на виду: между парнемъ и дѣвицей большая рѣка: то не самая рѣка, а злой человекъ. Парень съ дѣвицей собрались въ одну дорогу, только вмѣстѣ ѣхать имъ нельзя. Высохни ты, рѣка! пропади ты, рѣка! пропади ты, злой человекъ! я не высохну, рѣка, не пропаду я, злой человекъ... Парню денегъ ненадобно жалѣть: сыщеть онъ гребцовъ, сыщеть, перевозчиковъ. Переѣдетъ онъ къ красной дѣвицѣ, и поѣдутъ они въ одну дорогу, дорогу дальнюю... Ну, баринъ, размот-

рѣла я твое дѣло: трудное! Кабы знала, не взяла бы съ тебя я рубля серебромъ.

Проговоривъ эти слова, Секлетей Дмитревна выпила всю чашку.

— Ну, а какъ тамъ-то, потомъ-то что же? — спросилъ Степочка.

— Ты, Секлетей Дмитревна, о барышнѣ что-нибудь скажи, — проговорила Аксинья.

— Я, Аксиньюшка, все свое сказала, — отвѣчала та: — а тамъ, какъ знаете, такъ и дѣлайте.

— Нѣтъ, ужь ты скажи появственнѣе: ты вѣдь все знаешь, — просила Аксинья.

— Знаю-то, конечно, что знаю, но за другое-то, милушка, и плата другая идетъ по нашему ремеслу, — возразила Секлетей.

— Да что ты тутъ все о платѣ толкуешь! тебѣ, видно, денегъ только выманить хочется! — замѣтилъ Степочка.

— Нѣтъ, баринъ, ты этого не говори: не обижай меня; приворотъ я тебѣ, пожалуй, дамъ, но только онъ тутъ не дѣйствителенъ.

— Ты ужь тамъ какъ хочешь, Секлетей Дмитревна, а на вѣтеръ пусти, — проговорила Аксинья.

— На вѣтеръ пустить — дѣло не важное, да не вѣрно: вѣтеръ—вѣтеръ и есть! Я тутъ другое сдѣлаю: вотъ тебѣ, баринъ, крючекъ, — сказала Секлетей Дмитревна и вынула изъ кармана косточку, которая очень походила на щучью челюсть. — Зацѣпи ты этимъ крючкомъ свою голубушку и держи ты ее ровно часъ и все гляди на востокъ: продержишь — дѣло сдѣлается, не продержишь — самъ виноватъ; и достань ты послѣ этого изъ-подъ ея слѣда земли, усыпавъ ты той землей отъ ея свѣтлицы

до своихъ покоевъ всю дороженьку. Возгруститъ она о тебѣ нуще, чѣмъ по отцѣ и по матери, и придетъ она сама къ тебѣ вольной неволею. Ну, а больше говорить ничего не могу; какъ хотите, такъ и судите.

— А какъ же ты, Аксинья, говорила, что она меня съ камешка умоетъ!—произнесъ Степанъ Герасимычъ.

— Умой его, Секлетейя Дмитревна, съ камешка: это помогаетъ, — отнеслась Аксинья къ ворожеѣ.

— Помогать-то, конечно, оно помогаетъ, —отвѣчала та:—да только дѣло это не такое: кабы съ чьей-нибудь стороны оговоръ былъ, такъ такъ; а тутъ оговора никакого нѣтъ: въ деньгахъ тутъ сумнѣваются, прямо вамъ скажу.

— Полно, матушка, умой,—все лучше.

— Эхе, хе, хе, благодѣтели мои, не подѣ-стать бы мнѣ за этавую цѣну всего мастерства своего показывать... люди-то только вы хорошіе, дѣлать нечего... Давай воды.

Вода была подана въ той же чашкѣ. Секлетейя Дмитревна вынула изъ кармана два дикіе кругляка, пошептала что-то надъ ними, и, положивъ ихъ въ воду, еще пошептала, а потомъ, поставявъ Степана Герасимыча лицомъ къ западу, начала его умывать своею рукою, какъ обыкновенно умываютъ маленькихъ дѣтей няньки; набрала затѣмъ себѣ въ ротъ воды и спрыснула его три раза и крѣпко наказала, чтобы онъ не утирался и даже три дня не умывался никакой другой водою.

Между тѣмъ Вѣра Павловна была подѣ вліяніемъ совершенно иныхъ чаръ. Она цѣлое утро думала о

Шамиловъ и въ полдень отправила къ нему письмо. «Вчера у дяди былъ князь Сецкій. Онъ прежде былъ очень друженъ съ папенькой и разспрашивалъ меня объ васъ и потомъ сказала мнѣ, что желалъ бы съ вами познакомиться. Повзжайте къ нему сегодня же; онъ очень можетъ быть полезенъ для насъ.»

Подобнаго рода вниманіе со стороны князя, кажется, весьма польстило самолюбію Шамилова; онъ тотчасъ же одѣлся въ лучшій свой фракъ и отправился.

Князь былъ одинъ. Шамиловъ отрекомендовался; старикъ осмотрѣлъ его съ ногъ до головы и, повидимому, остался доволенъ наружностью молодого человека.

— Мнѣ очень пріятно, что вы посѣтили меня, — сказалъ онъ, указывая гостю на ближайшій стулъ.

— Я слишкомъ высоко цѣню вниманіе вашего сіятельства, — началъ Шамиловъ.

— Мое вниманіе, — перебилъ князь: — проистекаетъ изъ тѣхъ причинъ, которыхъ вы, вѣроятно, въ настоящую минуту и не подозреваете... Вы служите гдѣ-нибудь?

— Нѣтъ-съ, я еще учусь и готовлюсь на степень кандидата.

— А вы были въ университетъ?

— Былъ.

— Отчего же вы тамъ не получили этой степени?

Шамиловъ немного смѣшался.

— Вѣроятно, лѣнились, — прибавилъ князь съ улыбкою.

— Отчасти лѣнился, но главное: учился не тому, чему бы слѣдовало,— отвѣтилъ молодой человѣкъ.

— На какомъ же вы были факультетѣ?

— На словесномъ, но на второмъ курсѣ увлекся энциклопедіей правовѣдѣнія и получилъ изъ статистики единицу; меня не перевели, а я, вмѣсто того чтобы исправить, пристрастился къ математикѣ и въ одинъ годъ прошелъ весь курсъ; потомъ...

— Потомъ васъ опять не перевели и вы вышли: это нехорошо.

— Болѣе чѣмъ нехорошо, князь! я слишкомъ наказанъ за мои ошибки... что дѣлать! Для меня всѣ науки были такъ увлекательны, что я никакъ не могъ сосредоточиться на исключительномъ занятіи опредѣленными предметами. Специальность дается въ позднѣйшихъ лѣтахъ и достигается усиленнымъ трудомъ.

— На чемъ же вы теперь по крайней мѣрѣ, сосредоточились?

— Теперь я занимаюсь своимъ факультетомъ и покуда готовлюсь къ экзамену.

— А дальнѣйшая ваша цѣль какая?

— Быть ученымъ!

Старикъ посмотрѣлъ на молодаго человѣка внимательно.

— Не привязываетъ ли васъ здѣсь что-нибудь?— проговорилъ онъ.

Шамилловъ вспыхнулъ, но, впрочемъ, отвѣчалъ довольно бойко:

— Во имя здѣшней привязанности, ваше сіятельство, я и желалъ бы трудиться. Личныя мои же-

ланія умѣренны: сотня новыхъ книгъ въ годъ — и я буду счастливъ.

Старикъ опять посмотрѣлъ на него пристально.

— Вы мнѣ нравитесь, — началъ онъ, нахмуривая брови: — и совѣтую вамъ не чуждаться меня: я могу быть вамъ полезенъ и имѣю особыя причины, по которымъ желаю принять живое участіе въ вашей судьбѣ. Говорятъ, вы очень бѣдны?

— Бѣденъ, князь, — отвѣчалъ Шамиловъ съ благородствомъ.

— Есть ли у васъ книги, всё, какія вамъ нужны по вашимъ занятіямъ?

— Книги у меня всё есть.

Князь задумался.

— Мнѣ все досадно, отчего вы не вышли кандидатомъ! — началъ онъ: — теперь ужъ вамъ немножко поздно на это готовиться; надобно бы что-нибудь другое дѣлать. Вы, вѣроятно, прежде шалпли, мотали? У васъ чрезвычайно подвижная натура.

— Мотать, князь, я не могъ, потому что мотать мнѣ было нечего, но я постоянно увлекался то тѣмъ, то другимъ. Я былъ меломаномъ, театраломъ, считалъ самого себя за великаго актера и потому изучалъ Шекспира.

Князь улынулся.

— Основательно ли вы учены; знаете ли вы языки? — спросилъ онъ.

— Учености моей я опредѣлить не могу, но съ языками знакомъ. Я знаю латинскій, греческій, французскій, нѣмецкій и англійскій.

— Хорошо, очень хорошо.

— Последнее время, — началъ Шамиловъ: — я много

занимался греческимъ языкомъ, и меня теперь мучить желаніе написать греческую драму.

— Это что еще такое?

— Въ настоящее время, князь, я не могу вамъ сказать ничего, потому что самъ еще не убѣжденъ въ достоинствѣ моего труда.

— Ну нѣтъ, покуда вы все эти драмы оставьте, а займитесь вашимъ факультетомъ и окончательно пристройтесь.

Затѣмъ слѣдовала бесѣда, не касающаяся непосредственно моего разсказа. Князь оставилъ Шамилова обѣдать.

Разговоръ переходилъ между ними съ предмета на предметъ. Старикъ, кажется, испытывалъ молодого человѣка: онъ то заговаривалъ съ нимъ-по англійски, то вдругъ останавливался на какомъ-нибудь историческомъ событіи и просилъ ему напомнить подробности этого происшествія. Молодой человѣкъ отвѣчалъ довольно ловко и только въ англійскомъ языкѣ очень затруднился.

— У васъ попреимуществу развита діалектика,— сказалъ князь: — но по-англійски вы говорите плохо, вы не знаете этого языка. Извините, что я говорю вамъ прямо.

— Я давно, князь, оставилъ этотъ языкъ, особенно въ послѣднее время!..

Перехожу однако къ другимъ лицамъ моего романа.

Авдотья Егоровна предполагала было ѣхать къ князю съ Вѣрою черезъ два дня и думала, что Алексѣй Сергѣичъ тоже поѣдетъ съ ними, но только

что заговорила ему объ этомъ, какъ онъ вадудся, всталъ и началъ ходить по комнатѣ.

— А ты, cher Alexis, поѣдешь? — спросила добрая дама, нетвердымъ голосомъ.

— Нѣтъ, — отвѣчалъ тотъ.

— Отчего же, cher ami? князь былъ такъ внимателенъ къ намъ.

Алексѣй Сергѣвичъ насмѣшливо улыбнулся.

— Поѣзжайте, а меня ужъ онъ подождетъ: мнѣ самому пятьдесятъ лѣтъ! — отвѣчалъ Ухмыревъ и ушелъ въ другую комнату.

Авдотья Егоровна поняла, что мужъ ея недоволенъ княземъ, и въ душѣ своей соглашалась, что тотъ велъ себя не совсѣмъ деликатно съ Алексѣемъ Сергѣичемъ.

— Тебѣ, Alexis, можетъ быть, неприятно, что и я поѣду?

— Это ваша воля.

— Я не поѣду!

— Кажется бы, такъ слѣдовало.

— Но какже Вѣра?

— Пускай ѣдетъ одна: не съѣдятъ.

— Но она этимъ огорчится.

— Не безпокойтесь: не огорчится! мы-то желаемъ быть съ ней, а она думаетъ, какъ бы дальше отъ насъ.

— Я не поѣду, — отвѣтила Авдотья Егоровна и дѣйствительно не поѣхала.

Сославшись на головную боль, она уговорила Вѣру ѣхать одну.

Князь встрѣтилъ молодую дѣвушку очень радушно.

— Я, кажется, имѣю удовольствіе видѣть автора недавно полученнаго мною письма, — проговорилъ онъ.

Вѣра очень сконфузилась и едва имѣла силы проговорить: — да, князь!

— Я видѣлъ его вчера, — продолжалъ онъ, не спуская съ нея пристальнаго взгляда: — онъ мнѣ понравился: молодъ еще очень, но со способностями...

— Я рада, что онъ вамъ понравился... — проговорила наконецъ Вѣра.

Лицо ея уже окончательно горѣло и голосъ дрожалъ.

— Отъ чего-же онъ вашимъ роднымъ не нравится? — спрашивалъ князь.

— Дядя и тетка, — начала Вѣра: — смотрятъ на жизнь иначе: они полагаютъ, что все счастье женщины состоитъ въ деньгахъ.

— Ну, а вы какъ думаете, въ чемъ состоитъ счастье?

— Въ любви и уваженіи мужа.

— А жить чѣмъ же?

— Трудами.

— А дѣти будутъ?

— Надобно трудиться больше.

— Стало быть, вы непременно рѣшились выйти за этого молодого человѣка?

— Непременно, князь.

— Но у него еще званія никакого нѣтъ. онъ даже чина не имѣетъ,

— Пусть получитъ чинъ и званіе, я буду дожидаться.

— Этого онъ не скоро можетъ достигнуть.

— Хоть бы всю жизнь.

— И вы все будете его любить?

— Или его, или никого.

— Bravo, — сказалъ князь: — вы говорите смѣло, выдержите ли только?

Далѣ разговоръ продолжался въ томъ же тонѣ. Вѣра разговорилась: подробно рассказала о своей жизни у дяди и тетки, рассказала также и о Степочкѣ, который князю очень не понравился. Она не скрыла даже и того, что Алексѣй Сергѣичъ, не получившій отъ князя исключительнаго вниманія, очень обижается и огорчается этимъ...

— Онъ такой мелкій человекъ,—заключила она:— что ежели вы вотъ теперь... такъ какъ вы сенаторъ и князь, хоть словому скажете, онъ все сдѣлаетъ по вашему; поговорите ему, князь, обо мнѣ и о Шамидовѣ.

Старикъ усмѣхнулся.

— Извольте, для васъ приласкаюсь къ нему. Поѣдетъ ли только онъ теперь ко мнѣ?

— Не знаю, князь; онъ думаетъ, что не нравится вамъ.

— А если ему напишу поласковѣе письмоце?

— Въ такомъ случаѣ сейчасъ пріѣдетъ.

— Вы думаете?

— Даже увѣрена.

— Я сейчасъ же напишу; вы ему и отдайте.

Проговоря эти слова, князь спросилъ себѣ бумаги и тутъ же написалъ къ Алексѣю Сергѣичу письмо, которое прочиталъ предварительно Вѣрѣ. «Почтеннѣйшій Алексѣй Сергѣичъ!— писалъ онъ:— я желаю и имѣю надобность съ вами видѣться и переговорить объ обоудно для насъ интересномъ дѣлѣ. Будьте столь добры, посѣтите меня, и извините великодушно старика, что не ѣду самъ къ вамъ, а васъ безпокою. Мнѣ все не здоровится. Остаюсь въ ожиданіи пріятнаго свиданія съ вами

«К. Седекій.»

«P. S. Я весьма сожалѣю, что вы и ваша супруга не пожаловали сегодня вмѣстѣ съ вашею племянницею.»

Записка эта произвела на Алексѣя Сергѣича сильное впечатлѣніе, и на этотъ разъ онъ ужъ не въ состояніи былъ скрыть овладѣвшаго имъ чувства удовольствія.

— Князь видно, что умный и добрый че ловѣкъ но странный! по наружному обращенію никакъ нельзя этого догадаться,— говорилъ онъ Авдотья Егоровнѣ.

— Я тебя увѣряла, что онъ добрейшій человекъ,—возразила Авдотья Егоровна.

— Согласенъ; но зачѣмъ же маску носить? съ нимъ можно одурачиться! Не получи и этого письма, я былъ бы въ дуракахъ: я бы думалъ Богъ знаетъ что, мнѣ и въ голову бы не пришло, что онъ будетъ жалѣть, что мы не приѣдемъ.

— А я напротивъ: я прежде это знала,—замѣтила Авдотья Егоровна.

— Я рѣшительно не зналъ; я думалъ, что пройдетъ это такъ: онъ и не замѣтитъ. Вотъ мое правило и хорошо: вездѣ дать свой тонъ... теперь онъ и видитъ, что я занескивать не люблю. По настоящему, я сегодня же долженъ бы былъ ѣхать къ нему, да поздно, завтра ужъ утромъ пораньше.

На другой день Ухмыревъ поѣхалъ къ князю въ полномъ смыслѣ бариномъ: цугомъ въ щегольской коляскѣ на лежачихъ рессорахъ. У него вообще выѣздъ былъ отличный. На себя онъ надѣлъ ильковую шубу въ тысячу рублей серебромъ, купленную собственно для произведенія эффекта, и ужасно раз-

бранилъ лакея, одѣвшагося въ старую ливрею. Усѣвшись въ экипажъ, онъ развалился.

— Извините меня, Алексѣй Сергѣичъ, — заговорилъ князь, послѣ обычныхъ привѣтствій: — что я васъ обезпокоилъ. Мы имѣемъ съ вами общее дѣло, которое близко моему и вѣроятно вашему сердцу.

— Я почту, ваше сіятельство, за счастье... — началъ Алексѣй Сергѣичъ.

— Вы ужъ знаете, — продолжалъ старикъ, прерывая его: — что племянница ваша — дочь моего друга; въ судьбѣ ея я бы желалъ принять самое живое участіе.

— По своимъ родственнымъ чувствамъ, сколько могу... — началъ было опять Ухмыревъ, но хозяинъ снова перебилъ его.

— Обязанность родственника вы исполняете добросовѣстно; это я слышалъ отъ нея и отъ прочихъ; это дѣлаетъ вамъ честь; по мнѣ кажется, что надобно подумать, какъ бы упрочить и дальнѣйшую судьбу ея. Она бѣдна, старикъ ей, вѣрно, ничего не оставилъ. Передъ смертью обстоятельства его были очень разстроены, это я вѣрно знаю.

— Если позволите сказать мнѣ съ моей стороны, то я имѣю состояніе, это все равно: она взята нами за дочь, — проговорилъ Алексѣй Сергѣичъ и остановился; князь молчалъ. — Она наслѣдница всего нашего состоянія, — прибавилъ Алексѣй Сергѣичъ нѣсколько страннымъ голосомъ.

— Если это такъ, то вы, вѣроятно, не стѣснитесь, если бы выискался для нея женихъ, который бы ей нравился, но который былъ бы небогатъ.

Алексѣй Сергѣичъ замаялся.

— По нашимъ чувствамъ, мы бы желали, чтобъ то и другое было...—пробормоталъ онъ.

— Но если того и другаго нѣтъ, такъ тутъ какъ? Ухмыревъ пожалъ плечами.

— Будемте говорить откровенно, — началъ князь. — Во-первыхъ, Вѣра пора выдать замужъ: ей ужъ 25 лѣтъ; и я слышалъ, что у нея теперь есть два жениха: одинъ богатый, который нравится вамъ, а другой бѣдный, по-сердцу ей; и я полагаю, что послѣднему надобно отдать преимущество.

— Я не смѣю съ вами спорить, ваше сіятельство, но скажу, какъ дядя, что партія эта безвыгодна.

— Но если ужъ ваша племянница полюбила его? если уже она сама себѣ сказала, что хочетъ быть женой его, а не другаго, тутъ какъ дѣлать?

— Молодые дѣвушки, по своей неопытности... Она сама, можетъ быть, на этотъ предметъ взглянетъ иначе. Любовь пройдетъ, и тогда...

— Нѣтъ-съ, это не такъ, — перебилъ князь: — мнѣ кажется, что Вѣра Павловна одна изъ тѣхъ женщинъ, которыя не въ состояннн дешево промѣнять свои привязанности. Вы ошибаетесь въ ея сердцѣ. Она мнѣ здѣсь, на этомъ стулѣ, на которомъ сидите вы, говорила: «если мои родные будутъ противодействовать этому браку, я ихъ не послушаю и выйду замужъ, хоть бы мнѣ въ этомъ случаѣ угрожала даже бѣдность.»

— Я дядя, а не отецъ: я могу только совѣтовать. Молодой человѣкъ — пустой.

— Это ужъ вы слишкомъ сказали! онъ только молодецъ. Я на вашемъ мѣстѣ не противился бы прямо этому браку, но <http://www.inform.org.ru> молодому человѣку

получить предполагаемую имъ степень кандидата, вступить въ службу, а потомъ бы и обвѣнчалъ ихъ.

— Съ своей стороны, ваше сіятельство, я совершенно согласенъ. Для меня нужно только ея счастье, — отвѣчалъ, пожимая плечами, Алексѣй Сергѣичъ. — Я самъ бѣднякомъ женился, и жена моя счастлива.

— Ну, вотъ видите! стало быть, примѣръ подъ руками: что же васъ затрудняетъ?

— Я желалъ бы только партію болѣе выгодную.

— Ну, а если ея нѣтъ?

— Я согласенъ, и по душѣ своей говорю: дай Богъ ей счастье. Я даже, ваше сіятельство, свое состояніе готовъ съ ней раздѣлить. Мы съ женой бездѣтны: намъ немного надо, — мы съ собой въ могилу не возьмемъ. Намъ только теперь надо думать, чтобы тамъ, впереди, устроить себѣ мѣсто.

При послѣднихъ словахъ Алексѣй Сергѣичъ такъ расчувствовался, что на глазахъ его даже навернулись слезы.

Пробывъ у князя еще часа три, онъ уѣхалъ совершенно очарованный его вниманіемъ и ласкою, и только сѣвъ въ коляску и получивъ нѣсколько толчковъ, вспомнилъ одно обстоятельство, которое заставило его призадуматься и, можно сказать, отравило эту счастливую минуту жизни. Выдать Вѣру за Шамилова онъ былъ готовъ, хотя это и противорѣчило его убѣжденіямъ; но, умилившись въ разговорѣ съ княземъ, онъ проговорился, что готовъ отдать Вѣрѣ половину своего состоянія въ приданое. Исполнить же это на дѣлѣ, по многимъ обстоятельствамъ, о которыхъ мы узнаемъ впоследствии, было для него весьма затруднительно. Онъ, впрочемъ,

заѣхалъ къ Шамилову, котораго не засталъ дома, и велѣлъ ему передать приглашеніе посѣтить его вечеромъ. Возвратись домой, онъ передалъ весь разговоръ съ княземъ Авдотѣ Егоровнѣ. Добрая дама первоначально очень обрадовалась, узнавъ, что Алексѣй Сергѣичъ перемѣнилъ свои намѣренія касательно замужства Вѣры, но статья о приданомъ и ее нѣсколько обезкочила, и она посмотрѣла на мужа съ нѣкоторымъ удивленіемъ.

— Но какъ же это, другъ мой, возможно ли намъ это сдѣлать? — замѣтила она.

Алексѣй Сергѣичъ вздохнулъ.

— Проговорился, что дѣлать! Ободѣлтъ ужъ очень, старая лисица. Придумать не могу, какъ бы отдѣлаться... Иваньково — нельзя! совсѣмъ безъ хлѣба будешь, да и закладная... — произнесъ Ухмыревъ и опять вздохнулъ.

— Иваньково невозможно, душа моя.

— Да, вотъ оно роденька-го, — хлопочи съ ними, обрывай себя, — хуже собственныхъ дѣтей!

Авдотья Егоровна взглянула на мужа нѣжно.

— Мнѣ не жаль-съ, — возразилъ Алексѣй Сергѣичъ: — мнѣ даже для себя было бы приятно это сдѣлать... саратовскую деревню развѣ отдать: третій годъ ужъ ничего не получаемъ.

— Конечно, саратовскую удобнѣе всего, — подтвердила Авдотья Егоровна.

Переговоривъ такимъ образомъ съ женою, Ухмыревъ до самаго вечера сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ и о чемъ-то размышлялъ.

Шамиловъ, несмотря на сильный дождикъ, явился вечеромъ. Хозяева, по обыкновенію, играли въ карты.

Степанъ Герасимичъ присылалъ было своего мальчишку просить Алексѣя Сергѣича прислать за нимъ экипажъ, потому что очень желаетъ быть у нихъ, но, по случаю дурной погоды, пѣшкомъ придти было невозможно, собственные же дрожки изломались. Дрожки не то, что сломались, а онѣ, попросту, совершенно развалились, вслѣдствіе того, что Кузьма подъ сердитую мнуну не пожалѣлъ Рыжки, что есть духу пробѣжалъ на нихъ по мостовой и сразу покончилъ ихъ существованіе. Призванный на другой день кузнецъ не взялся даже починить экипажъ и совѣтовалъ отдать его въ ломъ.

Алексѣй Сергѣичъ поступилъ въ этотъ разъ съ Сальниковымъ совершенно неделкатно. Онъ велѣлъ ему сказать, что прислать за нимъ не можетъ, потому что у него лошади раскованы. Однимъ словомъ, ходъ моего романа съ этого дня измѣнился совершенно. Шамиловъ цѣлый вечеръ просидѣлъ съ Вѣрою въ наугольной комнатѣ, почти вдвоемъ; къ нимъ только повременамъ ходили Авдотья Егоровна и Алексѣй Сергѣичъ, и оба, особенно первая, смотрѣли на молодыхъ людей съ какою-то родительскою нѣжностью. Ухмыревъ простеръ свое вниманіе къ Шамилову до того, что выслушалъ съ любопытствомъ и съ довольно глубокомысленнымъ видомъ, когда тотъ рассказывалъ процессъ М-ше Лафаржъ.

О чемъ говорили молодые люди, оставаясь наединѣ, передать трудно: рѣчи ихъ были совершенная безкладица, такъ что въ печати онѣ потеряли бы всякій смыслъ. Но при всемъ томъ они, право, были счастливы. Въ разговорахъ ихъ князь являлся какимъ-то добрымъ, могущественнымъ гениемъ, го-

товымъ и способнымъ сдѣлать все для ихъ счастья, а Алексѣй Сергѣичъ и Авдотья Егоровна — добрыми и идиллическими существами. Но, впрочемъ, яснѣе и понятнѣе всякихъ словъ говорило задушевное выраженіе ихъ молодыхъ лицъ: Вѣра, кажется, была въ такой мѣрѣ преисполнена внутреннимъ счастіемъ, что у ней даже захватывало дыханіе... Боже мой! сколько нѣжности, сколько чувства выражали ея прекрасные глаза! Что касается до Шамилова, то онъ не умолкалъ; перспектива будущаго счастья была имъ нарисована съ величайшими подробностями: любовь, науки, искусства, труды, избранный кружокъ добрыхъ и умныхъ друзей и даже деньги, — ничто не было забыто, и все это какъ будто бы ужь было у него подъ руками.

VII.

На другой день Вѣра получила отъ князя письмо, въ которомъ онъ буквально передавалъ ей разговоръ съ Ухмыревымъ. Первымъ дѣломъ молодой дѣвушки было идти къ дядѣ, который въ это время сидѣлъ у себя въ кабинетѣ.

— Вы, дядя, вчера говорили съ княземъ?—начала она, но продолжать была не въ состояніи: слезы захватывали у нея дыханіе, и она бросилась ему на шею.

Алексѣй Сергѣичъ съ большимъ чувствомъ прижалъ ее къ своей старческой груди и самъ прослезился.

— Кто вамъ это сказалъ?—говорилъ онъ, утирая слезы.

— Я отъ князя получила письмо.

— Чтожь онъ пишетъ?

— Онъ обо всемъ мнѣ пишетъ, — отвѣчала Вѣра. —

Я, дядя, предъ вами виновата: я не думала, что вы меня такъ любите! Простите меня, — прибавила она и снова его обняла.

— Вы не такъ меня понимали: это отъ того-съ. Мнѣ нужно только ваше счастье, а больше ничего. Мнѣ очень пріятно, что князь принимаетъ въ этомъ участіе. Теперь онъ понялъ меня, — доволенъ ли онъ мной? Замѣтно ли это изъ письма, что онъ мной доволенъ?

— Доволенъ, дядя.

— Я это знаю. Сходите къ теткѣ и приласкайтесь къ ней, но только безъ слезъ, а то у нея, знаете, опять, пожалуй, истерика.

Вѣра повиновалась: вошла къ теткѣ съ веселымъ видомъ и обняла ее; но слезы неволью показались на глазахъ. Хорошая м-ше Ухмырева, конечно, была не въ состояніи перенести равнодушно этой сцены и тотчасъ же впала въ сильнѣйшую истерику: но это была, какъ она сама послѣ говорила, самая пріятная въ жизни ея истерика. Когда всѣ болѣе или менѣе успокоились, Алексѣй Сергѣичъ приступилъ къ дѣлу, и изъ послѣдующаго разговора мы увидимъ, что онъ рѣшился дѣйствовать совершенно согласно желаніямъ князя.

— Теперь-съ я буду говорить, — началъ онъ: — вы, Вѣра Павловна, влюблены... прекрасно... слово дать можно; но у него еще службы нѣтъ: ему надобно службу найти, а тамъ и обвѣчиваетесь, — я говорю прямо... я не могу говорить пристрастно.

— Онъ получитъ службу, — отвѣчала Вѣра.

— Какую же? — спросила Авдотья Егоровна.

— Онъ сначала, ma tante, выдержитъ экзаменъ на кандидата, а тутъ и должность получитъ.

— Да вѣдь надобно, душа моя, чтобы онъ хорошую получилъ должность, — замѣтила Авдотья Егоровна.

— Тутъ не то, — перебилъ Алексѣй Сергѣичъ: — я тутъ другіе виды имѣю: тутъ князь важенъ.

— Конечно, князь много можетъ сдѣлать, — подтвердила Авдотья Егоровна.

— Не много, а все: онъ въ недѣлю въ люди выведетъ. Я теперь думаю не о томъ, а какъ намъ дѣйствовать.

— Теперь онъ покуда будетъ здѣсь готовиться къ экзамену, — сказала Вѣра.

— Я не говорю: онъ будетъ здѣсь жить... такъ ли? Что же онъ: женихъ вашъ или нѣтъ? Положимъ, между собой слово дадимъ, скажемъ объ этомъ князю; ну, а прочіе-то? можемъ ли мы прочимъ объявлять? У меня изъ головы вонъ вышло спросить объ этомъ старика. Я теперь рѣшительно не знаю, какъ онъ на это обстоятельство смотритъ. Такъ?

— Не знаю, дядя, какъ хотите, — отвѣчала Вѣра.

— Я хочу, какъ лучше и приличнѣе. Если скрывать, то можетъ произойти вопросъ: какъ и что и зачѣмъ?

— Затѣмъ же, mon ange, скрывать? — вмѣшалась Авдотья Егоровна.

— За тѣмъ, что я теперь не знаю, какъ князь объ этомъ думаетъ? Я бью на то, чтобы и предложеніе-то шло черезъ князя; мы бы дали слово, а по-

томъ я сдѣлаю балъ, — да на балѣ всѣмъ и объявить. Вотъ это было бы прилично и съ тономъ: тутъ бы всѣ увидѣли, какой человѣкъ принимаетъ въ этомъ участіе, и этихъ бы шиканьевъ и шептаньевъ не было... Правильно ли я говорю, такъ ли?

— Да какъ же это сдѣлать, дядя?

— Сдѣлать легко-съ. Пусть онъ ѣдетъ къ князю, скажетъ такъ и такъ всѣ свои намѣренія, а тотъ мнѣ письменно передастъ ихъ съ своимъ мнѣніемъ, которое необходимо и, которое дастъ всему другой видъ.

— Конечно, участіе князя необходимо, — подтвердила Авдотья Егвровна.

Такъ улаживаль дѣло Алексѣй Сергѣичъ. Шамиловъ цѣлое утро былъ очень занятъ: онъ начиналъ переводить Тацита, вѣроятно, съ цѣлю перевести его всего и издать въ свѣтъ; по крайней мѣрѣ я вправѣ это заключить изъ того, что на первомъ листѣ было написано заглавіе, а на второмъ посвященіе, въ такомъ родѣ:

«Князь!

«Приношу вамъ трудъ мой. Онъ далеко, по своему исполненію, не соотвѣтствуетъ ни вашему ученому и образованному уму, ни личнымъ надеждамъ переводчика, желавшаго выразить въ немъ хоть сколько-нибудь то глубокое уваженіе, которымъ онъ исполненъ къ вамъ.

«Имѣю честь пребыть

«вашего сіятельства

«покорнѣйшимъ слугою

«Петръ Шамиловъ.»

На второй страницѣ своего вновь начатаго труда Петръ Александръичъ остановился.

— Какъ мертва и трудна это латинщина, ужасъ! никакого терпѣнія нѣтъ, — произнесъ онъ, вставая съ досадою: — и вообще переводить утомительная работа. То ли дѣло самому создавать!

Соскучившись переводить Тацита, Шамиловъ нѣсколько времени ходилъ по комнатѣ, потомъ сбѣгалъ было къ Ухмыреву, но вспомнивъ, что онъ Вѣрѣ Павловнѣ сказалъ, что все утро будетъ заниматься и придетъ вечеромъ, не поѣхалъ туда и снова рѣшившись заниматься, избравъ на этотъ разъ статистику и давъ себѣ слово, во что бы ни стало, выучить два отдѣла, и, можетъ быть, дѣйствительно выучилъ бы, но пріѣхалъ уланъ!

— Bon jour, — сказалъ тотъ входя.

Шамиловъ дружески протянулъ ему руку. Весьма было замѣтно, что онъ обрадовался пріѣзду гостя, оторвавшаго его отъ скучной статистики.

— Что новаго? — спросилъ онъ.

— Ничего: все это время я умиралъ въ своемъ номерѣ со скуки; вы тоже все дома: васъ нигдѣ не видать. Отчего вы не бываете у Ухмыревыхъ?

— Все это время я былъ очень занятъ; но теперь буду тамъ чаще: поотдѣлался немного.

— Что же это вы такое дѣлали?

— Много читалъ, писалъ.

Разговоръ продолжался нѣсколько времени въ томъ же тонѣ. Карелину едѣлалось скучно.

— Знаете ли что? поведемте къ Степочкѣ: онъ сегодня именинникъ — и скрываетъ.

— Вы почему знаете?

— Мнѣ торговка сказывала — препочтеннѣйшая женщина — шляется ко мнѣ каждое утро и достав-

ляетъ разныя развлеченія. Она ходила его поздравлять, и онъ ей далъ три гроша на водку. Поѣдемте!

— Чтожь мы станемъ у него дѣлать?

— Время превосходно проведемъ, за это берусь, захватимъ съ собою и доктора и заставимъ хозяйна купить вина: онъ ужасно скупъ: будетъ сначала терзаться, а тутъ и его самого напоимъ и заставимъ буянить, — онъ отлично буянить: какъ-то разъ я столкнулъ его съ момъ нумерщикомъ: такую драку подняли, хотъ водой разливать. Partons!

— Нѣтъ, не хочется; что съ нимъ дурачиться. Посидите у меня... лучше поговоримъ о чемъ-нибудь.

— Да что — поговоримъ! говорить не о чемъ.... сбирайтесь!

Шамиловъ еще отговаривался нѣкоторое время; но Карелинъ настоялъ на своемъ: онъ заставилъ его одѣться и, для спѣшности, самъ подавалъ ему умываться.

Степочка дѣйствительно былъ именинникъ; но этотъ знаменательный для каждаго день онъ проводилъ непріятно — по многимъ причинамъ; дѣло касательно сватовства къ Вѣрѣ Павловнѣ рѣшительно не подвигалось; онъ даже не имѣлъ случая, въ продолженіе цѣлой недѣли, употребить магическаго крючка, потому что, бывая у Алексѣя Сергѣича постоянно каждый день, онъ почти не видалъ Вѣры. Не смотря на свое простодушіе, онъ началъ догадываться, что Ухмыревъ и Авдотья Егоровна къ нему рѣшительно перемѣнились: они очень мало говорили съ нимъ, часто уходили въ дальнія комнаты и оставляли его одного. Возвращаясь домой, молодой че-

ловѣкъ до того впадалъ въ грусть и тоску, что даже плавалъ. На день именинъ своихъ Степанъ Герасимычъ надѣялся получить отъ маменьки по крайней мѣрѣ рублей сто, на которые и хотѣлъ пріобрѣсти новую шубу, и уже ходилъ каждый день въ лавки и все разсматривалъ разные мѣха и прицѣнялся къ нимъ. Въ послѣднемъ письмѣ онъ намекнулъ объ этомъ Аграфенѣ Кондратьевнѣ; но мечты его тутъ не сбылись: скупая старуха прислала ему только десять рублей, объясняя, что она не пожалѣла бы прислать дорогому имениннику и больше, но теперь сама совершенно безъ денегъ, потому что подрядила строить новый скотный дворъ и купила двухъ черкасскихъ быковъ.

Проснувшись поутру съ грустнымъ расположеніемъ, Степанъ Герасимычъ очень опасался, чтобы въ городъ не провѣдалъ кто-нибудь, что онъ именинникъ. Опасенія его на этотъ счетъ еще болѣе увеличилось, когда ни съ того, ни съ сего пришла его поздравлять Секлетей Дмитревна, которая, ввроятно, узнала это отъ Аксины. Давъ колдунѣ три гроша, Сальниковъ позвалъ свою кухарку и началъ ее бранить за болтливость; но Аксиныя запырлась и увѣряла, что Секлетей знаетъ объ именинахъ Степана Герасимыча еще по деревнѣ. Чтобы спастись отъ новыхъ посѣщеній, молодой человѣкъ рѣшился идти къ Ухмыреву на цѣлый день, но только-что одѣвшись, хотѣлъ выдти, какъ явился уланъ, Шамиловъ и весельчакъ-докторъ, за которымъ первые нарочно завѣжали къ одной его пациенткѣ, гдѣ онъ, въ большому горю жены, проводилъ каждое утро.

Степанъ Герасимычъ сконфузился. У Карелина въ рукахъ былъ огромный кулекъ.

— Честь имѣю, Степанъ Герасимычъ, поздравить васъ со днемъ вашего тозоименитства, и позвольте намъ, батюшка, этимъ вамъ поклониться — не побрезгуйте! — проговорилъ повѣса и началъ вытаскивать изъ кулька: замороженную индюшку, кусокъ икры, два французскихъ хлѣба, фунта два мятныхъ пряниковъ, пузырекъ съ духами амбре: — это мы съ Петромъ Александрычемъ; а это вотъ отъ доктора, прибавилъ онъ и вытащилъ полъ-фунта магнезиі.

Степанъ Герасимычъ разсмѣялся.

— Вы все шутите, господа: я сегодня не именинникъ.

— Охъ, молодые люди, молодые люди, — произнесъ весельчакъ-докторъ своимъ іезуитскимъ тономъ: — какъ вы всѣ нынче скрытны. Я помню, какъ вы родились... что вы таите?

— Нѣтъ-съ, вы это неправду говорите: вы, вѣроятно, считаете меня за меньшаго брата моего, который умеръ — ему бы теперь былъ еще тринадцатый годъ — а я ужъ давно родился.

— То есть вы дѣйствительно давно родились; но, впрочемъ, я въ Москвѣ видѣлъ во снѣ, какъ вы произошли на свѣтъ, — съострилъ весельчакъ докторъ.

— Что вы, Степанъ Герасимычъ, между пріятелями скрываетесь, — началъ уланъ.

— Господа, сдѣлайте милость, извините, я, можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ именинникъ, но теперь у меня маменька больна: я совсѣмъ не пригото- видся.

— Намъ не нужны ваши приготовления, Степанъ

Герасимычъ: мы желаемъ васъ только поздравить, — вмѣшался Шамиловъ.

— Вы поставьте намъ хорошей водки, мы выпьемъ по рюмкѣ, да потомъ полъ-дюжины шампанскаго, закуску мы сами привезли: то есть икры и бѣлаго хлѣба, — проговорилъ рѣшительно Карелинъ.

— Шампанское необходимѣе всего... вы тоже согласны съ этимъ, господинъ Шамиловъ? заговорилъ докторъ.

— Разумѣется, — отвѣчалъ тотъ.

— Безъ всякаго сомнѣнія, — подхватилъ Карелинъ и, посмотрѣвъ строго на Степochку, спросилъ его: — Степанъ Герасимычъ! именинникъ вы сегодня или нѣтъ? скажите намъ рѣшительно.

— Да какже, господа, я, право, такой невѣжа, что не могу даже васъ принять прилично: я совершенно къ этому не готовъ.

— Это ничего: мы вамъ поможемъ. Гдѣ у васъ деньги? — произнесъ уланъ.

Хозяинъ конечно растерялся.

— Деньги; должно быть, здѣсь, — отозвался докторъ и подалъ улану завѣтный бумажникъ Степана Герасимыча.

Что почувствовалъ мой богатый женихъ, я даже понять и усвоить своимъ авторскимъ чувствомъ не въ состояніи. Онъ было бросился къ бумажнику и хотѣлъ вырвать его изъ рукъ злодѣевъ, но Карелинъ распорядился очень проворно: сразу отстегнулъ довольно затѣйливо придуманный замочекъ и вынулъ бумажку въ двадцать-пять цѣлковыхъ и, даже не посмотрѣвъ, что тамъ есть еще, вышелъ изъ комнаты и послалъ своего кучера купить водки и шам-

панскаго. Не ограничиваясь виномъ, онъ послалъ Аркадія въ трактиръ и велѣлъ оттуда принести нѣсколько порцій кушанья, спрашивая, впрочемъ, Степана Герасимыча, какое именно онъ любитъ: горячее, холодное, жаркое и проч., — но тотъ только хлопалъ глазами и не въ состояніи былъ даже ничего говорить.

Когда водка и двѣ бутылки шампанскаго были принесены, Сальниковъ обратился съ умоляющимъ взоромъ къ пришедшему кучеру: «а что, братецъ, гдѣ же сдача? не все же ты пздержалъ?» Кучеръ полѣзъ было въ карманъ, но Карелинъ его остановилъ.

— Погоди расчитываться! можетъ быть, еще за чѣмъ-нибудь пошлемъ: пошелъ на свое мѣсто, — проговорилъ онъ.

Кучеръ повиновался.

Бѣдный Степочка, растерявшійся совершенно отъ ни съ чѣмъ несравнимой дерзости Карелина, выпилъ съ горя залпомъ три рюмки водки и съѣлъ почти всю икру и калачъ.

Незванные гости водки не пили, а налили себѣ шампанскаго по стакану и снова поздравили именинника съ днемъ тезоименитства, который ихъ даже не поблагодарилъ, потому что вино, по обыкновенію, измѣнило характеръ молодаго человѣка, въ томъ отношеніи, что онъ тотчасъ же утратилъ свое мягкосердіе.

— Господа, позвольте мнѣ сочинить имениннику стихи, — заговорилъ Шамиловъ.

— Непремѣнно, непременно! — отозвался докторъ: — я еще давеча думалъ, что у васъ, должно быть, приготовлена рѣчь.

Степанъ Герасимычъ вспылить.

— Я не позволю вамъ писать на меня стиховъ, сказалъ онъ, обращаясь дерзко къ Шамилову.

— Я хочу писать не на васъ, а къ вамъ, — возразилъ тотъ.

— Это все равно-съ... я не маленькій, чтобы вамъ смѣяться надо мной!

— Да ктожь, почтеннѣйшій, надъ вами смѣется? Да смѣемъ ли мы это и подумать! — замѣтилъ докторъ.

— Петръ Александрычъ! что вы остановились? — сказалъ уланъ: — пишите стихи.

Шамиловъ написалъ:

«Сколь радостенъ для насъ сей день,

«Твой пріятны именины!»

— Дальше я напишу, — проговорилъ Карелинъ и, взявъ у Шамилова бумагу, написалъ и прочиталъ все вслухъ.

«Ты парень добрый, хоть и пенъ...

«Не хочешь ли покушать, братъ, мякины?»

Степанъ Герасимычъ поблѣднѣлъ, закусилъ губы и, вырвавъ у Карелина бумагу, первоначально изорвалъ ее, а потомъ, свернувъ въ комокъ, бросилъ. Умышленно или случайно, но только этотъ комокъ задѣлъ Карелина по головѣ. Онъ тотчасъ же всталъ и грозно выпрямился передъ Степochкой, который въ свою очередь тоже всталъ и, казалось, былъ готовъ къ сильному отпору.

— Какъ вы смѣли бросить въ меня бумагой? — сказалъ Карелинъ.

— А какъ вы сами смѣли смѣяться надо мной? — возразилъ Степочка довольно храбро.

— Я васъ спрашиваю, какъ вы смѣли бросить въ меня бумагой? — повторилъ Карелинъ.

— Я самъ васъ спрашиваю, какъ вы смѣли надо мной смѣяться? — возразилъ Степочка.

— Знаете ли вы, милостивый государь, что такое дуэль?

— Конечно, знаю-съ! чтожь вы думаете: я не крестьянскій мальчишка, а такой же, какъ и вы, дворянинъ.

— Я васъ вызываю на дуэль и напередъ вамъ говорю, что застрѣлю васъ.

— Сдѣлайте милость: не поддадимся! Благородные люди по чужимъ кошелькамъ не лазятъ.

— Ни слова больше! Слово не нужно: мы будемъ драться на-смерть; деньги ваши возьмите! — возразилъ Карелинъ и выкинулъ на столъ двадцати-пяти рублевую ассигнацію.

— Господинъ докторъ! потрудитесь съѣздить на мою квартиру и привезите мои пистолеты; но главное — позвольте мнѣ шепнуть вамъ два, три слова, — прибавилъ онъ, и сказалъ что-то доктору на ухо.

Тотъ отправился. Шамиловъ вышелъ за нимъ на крыльцо.

— Неужели между ними въ самомъ дѣлѣ будетъ дуэль? — спросилъ онъ его.

— Непремѣнно-съ! и мы будемъ секундантами. Не знаю, какъ вы, а я этихъ шутокъ терять не могу, но дѣлать нечего, — отвѣтилъ докторъ и уѣхалъ.

Петръ Александрычъ возвратился въ комнату, и довольно встревоженный. Противники сидѣли молча.

Степанъ Герасимычъ безпрестанно пилъ водку. Карелинъ былъ задумчивъ и кусалъ усы.

— Послушайте, Карелинъ: шутите вы, или нѣтъ? съ вашей стороны смѣшно стрѣляться, —отнесся Шамиловъ по-французски къ Карелину.

Тотъ ему мигнулъ.

— Я не хочу на пистолетахъ: давайте на сабляхъ! — проговорилъ вдругъ Степочка.

— Этого нельзя: мы уже выбрали пистолеты, — отвѣчалъ противникъ.

— А я не хочу на пистолетахъ.

— Въ такомъ случаѣ я васъ просто безъ дуэли застрѣлю.

— Нѣтъ ужъ извините: высоко берете!

— Посмотримъ.

Докторъ возвратился съ парюю пистолетовъ. Какъ ни былъ разсерженъ, какъ ни былъ пьянъ Степанъ Герасимычъ, но при видѣ роковыхъ орудій поблѣднѣлъ какъ полотно, и лицо его вытянулось. Шамиловъ былъ тоже въ нѣкоторомъ безпокойствѣ, хотя и подозрѣвалъ, что все это шутка. Карелинъ хладнокровно осмотрѣлъ пистолеты.

— Они заряжены?—спросилъ онъ доктора.

— Заряжены какъ слѣдуетъ.

— Мой секунданта господинъ Шамиловъ, — началъ Карелинъ: — а вы, докторъ, будете со стороны г. Сальникова; ваша помощь ему будетъ очень нужна: я намѣренъ его прострѣлить насквозь. Назначайте мѣсто.

— Сейчасъ, — отвѣтилъ докторъ, и промѣрялъ шагами залу и снально: въ нихъ овазалось двадцать-пять шаговъ <http://rcin.org.pl>

— Вы станете здѣсь,—сказалъ онъ улану, указывая на стѣну въ залѣ:— а вы, Степанъ Герасимычъ, въ спальнѣ — тоже у стѣны.

Но Степанъ Герасимычъ ничего ясно не понималъ; впрочемъ, онъ привсталъ— и покачнулся. Докторъ его взялъ подъ руки и поставилъ на назначенное мѣсто.

— Не безпокойтесь, пожалуста, оставьте: не сбѣдемъ!—болталъ онъ, опираясь на стѣну.

Докторъ поклонился и роздалъ бойцамъ по пистолету.

— Вамъ первому стрѣлять,—сказалъ онъ Сальникову и сталъ около него.

Степанъ Герасимычъ выстрѣлилъ: появилось цѣлое облако дыму, но только; Карелинъ остался невредимъ и началъ цѣлиться. Шамилловъ схватилъ его за руку.

— Вы убьете его,—сказалъ онъ.

— Не мѣшайте, отвѣтилъ Карелинъ и выстрѣлить.

Вмѣстѣ съ дымомъ вылетѣла какая-то масса и ударилась въ лицо Степочки; онъ вскрикнулъ: «ухъ!» присѣлъ и схватилъ себя за лицо — руки окрасились краснымъ цвѣтомъ.

— Ну, братъ, спасибо: все лицо изстрѣлялъ, — проговорилъ онъ и покачнулся.

Докторъ бросился къ нему.

— Вы ранены въ лицо.... ничего: поможемъ,—говорилъ онъ встревоженнымъ голосомъ, и, схвативъ полотенце, обернулъ имъ всю голову раненаго, который сидѣлъ на полу, качался и стоналъ.

— Подайте ему валу помощь, докторъ, и при-

взжайте ко мнѣ, — проговорилъ Карелинъ и, взявъ Шамилова за руку, вышелъ.

— Чѣмъ это вы въ него выстрѣлили? — спросилъ тотъ.

— Клюквой. Поѣдемте ко мнѣ.

Молодые люди отправились.

Докторъ между тѣмъ положилъ раненаго на постель, посоветовалъ ему цѣлый день не шевелиться и уѣхалъ. Советъ этотъ былъ, впрочемъ, почти лишній. Степанъ Герасимычъ немного постоналъ, но потомъ закрылъ глаза и почти тотчасъ же захрапѣлъ.

Между тѣмъ Карелинъ и Шамиловъ пріѣхали въ номеръ къ первому и очень смѣялись надъ сыгранной ими такъ удачно шуткой. Поджидали было доктора, но тотъ, однако, не пріѣхалъ. Покончивъ хлопоты съ своимъ пациентомъ, онъ заѣхалъ къ той больной, отъ которой былъ увезенъ, и тутъ остался. Расшалившійся Карелинъ велѣлъ принести бутылку шампанскаго, которую молодые люди и выпили довольно скоро. Вино, какъ извѣстно, располагаетъ къ дружбѣ и къ откровеннымъ разговорамъ. Шамиловъ началъ первый.

— Бывали ли вы, Карелинъ, когда-нибудь влюблены? — спросилъ онъ.

— Разъ семнадцать, — отвѣчалъ тотъ.

— Нѣтъ; я не то васъ хотѣлъ спросить; а вы мнѣ скажите, любили ли вы когда-нибудь глубоко, истинно?

— Какъ глубоко и истинно.... я васъ не понимаю!

— Какже не понимаете?

— Да такъ: глубоко, истинно.... все это пустяки

и глупости. Я самъ врѣзался однажды въ крестьянку — чудо какъ была хороша! — я еще былъ мальчишка, жениться даже хотѣлъ, да спасибо генералу: онъ узналъ, да три мѣсяца на гауптвахтѣ и выдержалъ.

— Ну, а здѣсь: развѣ вы не влюблены въ Катерину Петровну?

— Нѣтъ, такъ.... дурачусь. Мнѣ ваша Вѣра Павловна больше нравится; если бы мнѣ не перебивали дороги, я бы.... умная дѣвушка; я самъ хоть не очень умный человѣкъ, а умныхъ люблю.

— Не говорите, Карелинъ, объ этой женщинѣ такъ легко.

— А что же?

— А то, что она имѣетъ для меня огромное значеніе.

— Я это знаю: вы въ нее до-зарѣзу влюблены.

— Нѣтъ-съ, не то, что влюбленъ, а я предъ нею благоговѣю, какъ предъ моею спасительницею. Она меня спасла отъ нравственнаго отчаянія, я былъ близокъ почти къ самоубійству. Она одна оживила меня и вдохнула въ меня новыя силы. Теперь я знаю, что мнѣ дѣлать, и могу кое-что дѣлать.

— Стало быть, вы женитесь на ней?

— Конечно.

— Ну, батенька, смотрите! О состояніи похлопочите, а то этотъ дяденька Ухмыревъ навѣрняка надуетъ: онъ — говорятъ — мыльный пузырь: не сегодня, такъ завтра лопнетъ.

— Богъ съ вами съ вашимъ состояніемъ, Карелинъ! я на эти вещи смотрю иначе: бракъ не торговая сдѣлка. Вы человѣкъ умный и практическій, но односторонній, или, какъ говорится, съ узкимъ

кругозоромъ на этотъ предметъ. Въ наше время состояніе у человѣка въ головѣ и въ той обстановкѣ, посреди которой онъ дѣйствуетъ.

— Какъ бы не такъ! — возразилъ Карелинъ: — чистаганъ вѣрнѣе всякой вашей головы и всякой обстановки.

— Заблуждаетесь, cher Карелинъ, страшно заблуждаетесь, — возразилъ въ свою очередь Шамиловъ.

— Это все будетъ-съ, и все это пустяки; мнѣ нужно не то! мнѣ нужна служебная дорога. Жить въ деревнѣ байбакомъ я не могу. Мнѣ нужна умственная дѣятельность, тѣмъ болѣе, что для такой женщины, какъ Вѣра, стоитъ потрудиться; ее грѣшно оставить деревенской барыней. Хотите ли вы видѣть одно изъ ея писемъ ко мнѣ?

— Покажите.

Шамиловъ подалъ улану первое письмо Вѣры.

— Славный почеркъ! точно у мужчины, — проговорилъ тотъ. — Вы въ нее очень влюблены?

— Да что влюбленъ... что это такое вы говорите, Карелинъ! Вы просто профанируете ее, меня и чувства наши. Со мной въ отношеніи этой женщины совершилось чудо. Я осязательно испыталъ справедливость шекспировской мысли, «что есть многое на землѣ, чего не разрѣшаетъ разумъ человѣка.» Выслушайте меня, если вамъ это будетъ не скучно. Я ѣхалъ сюда изъ Москвы буквально безо всего: безъ цѣли, безъ мысли о будущемъ, отказавшись отъ всѣхъ моихъ прежнихъ интересовъ, и, конечно, все это понималъ, но въ тоже время былъ спокоенъ. Мнѣ чувствовалось, что какъ-будто бы помимо моей воли совершается роковой переворотъ въ моей судьбѣ.

Надобно сказать, что уже лѣтъ пять живетъ во мнѣ предчувствіе, которое говоритъ, что благополучіе моей жизни создастъ женщина, какъ и гдѣ? прежде я этого не зналъ; но теперь задача эта рѣшена...

— Пейте шампанское!— перебилъ уланъ.

Шамиловъ выпилъ и продолжалъ говорить. Уланъ наконецъ началъ зѣвать.

— Не хотите ли у меня соснуть?— спросилъ онъ своего гостя.

Шамиловъ отказался, а просилъ только лошади довести его до Ухмырева.

— Желаю вамъ успѣха,—проговорилъ хозяинъ прощаясь:—впрочемъ, я бы не совѣтовалъ вамъ туда ѣхать.

— Отчего же?

— Такъ. Вы ужъ немного пьяны.

— Ничего. Это даже хорошо. У грековъ не было вина безъ любви, и любви безъ вина.

— То у грековъ, можетъ быть; а у насъ не совсѣмъ ловко. Впрочемъ, какъ хотите.

Шамиловъ уѣхалъ.

Алексѣя Сергѣича и Авдотьи Егоровны не было дома. Они были у одного купца на крестинахъ, съ которымъ Ухмыревъ не былъ вовсе прежде знакомъ, ничего даже не покупалъ у него въ лавкѣ, хотя его лавка съ красными товарами и была первая въ городѣ; но въ послѣднее время вдругъ началъ перевозить его похвалами и магазинъ его ставить вровень съ англійскимъ магазиномъ въ Петербургѣ. Въ городѣ это объяснили тѣмъ, что будто бы Алексѣй Сергѣичъ занялъ у этого купца пять тысячъ рублей подъ вексель.

Вѣра была одна дома и сидѣла въ гостиной, слабо освѣщенной матовымъ свѣтомъ лампы. Ей было скучно и грустно: она въ этотъ день раза четыре посылала къ Шамилову и звала его придти къ нимъ, желая, во-первыхъ, видѣть его, а во вторыхъ, передать ему послѣдній разговоръ съ дядей. Посланный каждый разъ возвращался безуспѣшно и докладывалъ, что Петръ Александрычъ еще поутру куда-то уѣхалъ съ уланомъ. Вѣрѣ сдѣлалось досадно: куда и за чѣмъ онъ могъ уѣхать съ Карелинымъ? и что за дружба у него можетъ быть съ этимъ человѣкомъ? Она дала себѣ слово побранить его хорошенько и запретить ему даже быть знакомымъ съ этимъ повѣсой.

Вы, милыя дѣвицы-читательницы, вѣроятно, согласитесь, что Вѣра Павловна въ-правѣ была досадовать: вы сами, можетъ быть, страдали отъ странныхъ поступковъ мужчинъ. Вамъ на первыхъ порахъ и въ голову, конечно, не приходило, что молодые люди вѣтренники и эгоисты, и что чувство любви у нихъ какъ-то на второмъ планѣ. И я знаю, что къ досадѣ васъ руководствуетъ не самолюбивая ревность, не дурной характеръ женщинъ зрѣлыхъ и опытныхъ, но вы только еще не знаете и не привыкли къ слабостямъ мужчинъ. Я заранѣе убѣжденъ, что изъ васъ выйдутъ предобрыя жены, исполненныя самоотверженія, и что вы будете снисходить и извинять многое, — но въ началѣ это невозможно: въ началѣ вы очень строги и требовательны. По крайней мѣрѣ все это я могу безусловно отнести къ моей героинѣ.

Послышались шаги. Вѣра Павловна взглянула —

передъ ней стоялъ Шамиловъ. Досады какъ будто не бывало: она весело улыбнулась ему и протянула руку; но Петръ Александрычъ схватилъ обѣ ея руки и началъ цѣловать пхъ, а потомъ поцѣловалъ и ее разъ... два... три... до десятка. Молодая дѣвушка первоначально не сопротивилась, а потомъ вдругъ вся вспыхнула, оттолкнула тихонько Шамилова и пересѣла на другой конецъ дивана.

— Какой ты странный сегодня!—проговорила она.—Гдѣ ты былъ?

— Я былъ у дурака, дѣлалъ глупости и самъ былъ цѣлый день пошлымъ глупцомъ, какихъ когда-либо создавалъ свѣтъ,—отвѣчалъ Шамиловъ, схвативъ себя за голову.

Вѣра покачала головой.

— Гдѣ же это ты былъ?—спросила она съ удивленіемъ, всматриваясь въ раскраснѣвшееся лицо молодого человѣка и въ странное выраженіе его глазъ.

— Во-первыхъ я проснулся сегодня съ неопредѣленнымъ желаніемъ видѣть тебя, Вѣра, но не такъ, какъ позволено мнѣ видѣть, но уже моею подругой; испытаніе, которое кладутъ на насъ, выше силъ нашихъ; но ты этого сама хочешь, ты боишься довѣриться Шамилову, какъ человѣку.

— Кто жь тебѣ это сказалъ? — спросила Вѣра.

— Ты, мое дивное существо, ты хочешь, чтобы я тебѣ житейскимъ образомъ доказалъ, что я достоинъ твоей любви, — и я тебѣ докажу, хоть бы задержанная страсть уничтожила меня!

— Я этого хочу не для себя, а для тебя.

— Для меня?... Боже мой! Для меня нужна только ты и ничего больше. <http://mirz.in.org> вѣтъ, Вѣра, не

вѣрь мнѣ: я говорю глупости, я лгу; я желаю пользы міра; я хочу быть восточнымъ набобомъ, чтобы окружить тебя всѣми удобствами, всѣмъ комфортомъ.

Вѣра подала молодому человѣку снова руку, онъ ее поцѣловалъ и продолжалъ:

— Милое существо мое! неужели мы для нашей любви должны выдержать годичное испытаніе? Я не перенесу этого: я умру.

— Чего же ты хочешь?

— Жениться на тебѣ какъ можно скорѣе.

— Это невозможно.

— Возможно, Вѣра, очень возможно. Что насъ останавливаетъ? деньги? Невинное созданіе! неужели это можетъ насъ остановить? Этихъ денегъ много у твоего дяди и еще болѣе у князя. Неужели этотъ старикъ пожалѣетъ дать намъ кусокъ хлѣба и женить насъ? У него два десятка помѣстьевъ: пусть онъ отдѣлитъ намъ хоть одно, — и мы будемъ благословлять его. Я это говорю, Вѣра, не свои мысли: это говорятъ всѣ въ городѣ, — мнѣ пересказалъ это Карелинъ, а онъ умный человѣкъ.

Весь этотъ монологъ Вѣры Павловны былъ видимо не по сердцу.

— Подите, Шамиловъ, я васъ не узнаю: вы говорите ужасныя вещи, — проговорила она и пересѣла еще дальше. Я люблю васъ и хочу быть обязанною однимъ только вамъ...

— Чтожь я долженъ теперь дѣлать?

— Трудиться и работать.

.....
 Не знаю, до чего бы достигнулъ этотъ рѣши-

тельный разговоръ между молодыми людьми, еслибъ онъ не былъ прерванъ прїѣздомъ старшихъ хозяевъ.

Посидѣвъ немного, Алексѣй Сергѣичъ увелъ Шамилова въ кабинетъ и началъ, по своей тонкости, издалека: первоначально онъ объяснилъ, какой князь важный человекъ, и что онъ, Ухмыревъ, очень радъ, что Петра Александрыча полюбилъ, а потомъ тоже слегка коснулся Вѣры Павловны, и наконецъ кое-какъ, почти въ намекахъ, посоветовалъ молодому человеку ѣхать къ высокопочтенному старику и просить принять участіе въ обще-интересномъ дѣлѣ. Шамиловъ, конечно, все выслушалъ и безусловно во всемъ согласился съ Алексѣемъ Сергѣичемъ. Когда онъ вошелъ въ гостиную, Вѣра сидѣла на прежнемъ мѣстѣ; Авдотья Егоровна за чѣмъ-то вышла въ свою спальню; Петръ Александрычъ сѣлъ около Вѣры.

— Вы сердитесь на меня? — проговорилъ онъ.

— Вы странный человекъ! — отвѣчала Вѣра.

— Я виноватъ! я говорилъ и самъ не знаю что, — отвѣчалъ Шамиловъ.

— Что вамъ говорилъ дядя?

— Онъ мнѣ совѣтовалъ, чтобы я ѣхалъ къ князю и просилъ его сдѣлать отъ меня предложеніе вамъ.

— Поѣзжайте и больше ни о чемъ не думайте.

— Я васъ послушаюсь и поѣду, но, можетъ быть, умру.

— Я скорѣе васъ умру, — отвѣтила Вѣра и ушла.

Шамиловъ остался нѣкоторое время задумчивъ; но, впрочемъ, за ужиномъ онъ разговорился и въ этотъ разъ былъ такъ уменъ и любезенъ, что понра-

вился и хозяину и хозяйкѣ. Они, пришедши въ свою спальню, переговорили о немъ:

— Онъ умный малый,—замѣтилъ Алексѣй Сергѣичъ.

— Очень умный,—отвѣтила Авдотья Егоровна: я давно это видѣла, и даже характеромъ схожъ съ Вѣрой.

— Это все ничего: тутъ главное князь,—возразилъ супругъ.

VII.

На другой день Алексѣй Сергѣичъ, озабоченный исполненіемъ своего плана, чтобы сватовство произошло черезъ князя, пріѣхалъ самъ нарочно къ Шамилову утромъ.

— Скоро ѣдете? — спросилъ онъ, какъ только вошелъ.

Шамиловъ посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ: онъ едва наконецъ припомнилъ, куда и зачѣмъ ему надобно было ѣхать.

— Мнѣ что-то нездоровится,—проговорилъ было онъ, но замѣтивъ, что Ухмыревъ насупился, прибавилъ:—я впрочемъ думаю съѣздить.

— Надобно-съ,—рѣшилъ Алексѣй Сергѣичъ. —Я вамъ свой фаэтонъ привезъ: поѣзжайте въ фаэтонѣ.

— Хорошо,—отвѣчалъ молодой человекъ и ушелъ одѣваться.

Оставшись одинъ, Ухмыревъ осмотрѣлъ кабинетъ, или, лучше сказать, гостиную своего будущего родственника, и, вѣроятно, остался недоволенъ наруж-

нымъ ея видомъ, потому что покачалъ грустно головой, тронулъ съ пренебреженіемъ пальцемъ запыленного и засыпаннаго табачными окурками Шекспира, валявшагося уже на окошкѣ, и вздохнулъ. Но вышелъ Шамиловъ, одѣтый франтомъ. Это понравилось Алексѣю Сергѣичу. Прощаясь съ нимъ, онъ крѣпко сжалъ ему руку.

— Говорите порѣшительнѣе.

Петръ Александрычъ только кивнулъ головой и усѣлся въ тотъ щегольскій фаэтонъ, въ которомъ ѣхалъ нѣкогда и Степочка, и даже подумалъ почти то же, что подумалъ мой богатый, но простодушный юноша, съ такою, впрочемъ, вариациею:

«Славный экипажъ, думалъ Шамиловъ. Я, ^{ка}жется, попалъ въ хорошую семью; комфортомъ они меня обставятъ. Досаднѣ всѣхъ Вѣра: она умна, но холодна... О, провинція, невинная провинція!» воскликнулъ онъ въ заключеніе и предался созерцанію прекрасныхъ видовъ провинціи, которые дѣйствительно были очень хороши.

Князь былъ боленъ и сидѣлъ укутанный въ горностаевый тулущъ.

— Здравствуйте, молодой человекъ!—проговорилъ онъ: — прошу присѣсть; а я все хвораю: кровь не грѣетъ — все забну... Что подѣлываете?

— Учусь, ваше сіятельство,—отвѣчалъ Шамиловъ.

— А давно ли вы были у Ухмыревыхъ?... Давно ли вы видѣли мою милую Вѣрочку? Что это вы сконфузились, а?

— Вы, князь, вѣроятно, знаете... — началъ было Шамиловъ.

— Все знаю-съ и говорилъ о васъ и за васъ съ ея дядей: онъ теперь на вашей сторонѣ.

— Я, ваше сіятельство, собственно по этому предмету пріѣхалъ съ просьбой къ вамъ...

— Что такое?

— Вѣра Павловна передала мнѣ, что вы были такъ добры — приняли участіе...

— Говорите со мной, Петръ Александрычъ... васъ такъ, кажется, зовутъ?

— Такъ.

— Да... говорите со мной откровенно, напримѣръ, такимъ образомъ: я-де, князь, до безумія влюбленъ въ Вѣру Павловну, она же вамъ, какъ я слышалъ, сказала... — то ли вы хотѣли мнѣ сказать?

— Именно то-съ.

— Ну, я на это скажу, что влюбиться прости-тельно, но жениться еще рано; рукобитье, какъ говорить простой народъ, сдѣлаешь, а въ мужья вы еще не годитесь: получите званіе и начните службу напередъ.

— Но чтобы получить слово, надобно сдѣлать мнѣ предложеніе; ея роднымъ хочется, чтобы это шло чрезъ посредство васъ.

— Хорошо, я готовъ; но какимъ же образомъ мнѣ это сдѣлать?

— Они говорятъ, чтобъ письмомъ...

— Пожалуй, хоть сейчасъ же. Но, впрочемъ, прежде погодите...

Князь позвонилъ. Вошелъ лакей.

— Подай мою шкатулку.

Человѣкъ поставилъ передъ княземъ огромную шкатулку и ушелъ.

— Вамъ, можетъ быть, придется подарить невѣсту, и здѣсь вы конечно ничего не найдете... Возьмите, вотъ у меня есть удобная для этого вещь, — говорилъ князь, вынимая изъ шкатулки баульчикъ и подавая его Шамилову.

Тотъ принялъ его нерѣшительно.

— Откройте, посмотрите! — сказалъ князь.

Шамиловъ открылъ: это были очень дорогія бриллиантовыя серьги.

— Подарите ей отъ себя, а я съ своей стороны пошлю...

— Князь! ваше великодушіе... — началъ Шамиловъ.

— Безъ фразъ, мой милый, — перебилъ его старикъ. — Что же намъ писать-то? Сядьте тутъ къ столу: я вамъ продиктую. Пишите!

Шамиловъ сѣлъ. Князь началъ диктовать.

«Милостивый государь,

«Алексѣй Сергѣичъ!

«Вашимъ родственнымъ попеченіемъ принята подъ кровъ племянница вашей жены и дочь моего друга, которой вы, въ настоящее время, вмѣстѣ съ вашей супругою, замѣнили родителей. Молодой человекъ, г. Шамиловъ, уже избранный ея сердцемъ, возложилъ на меня порученіе просить вашего и милой вашей невѣсты согласія на бракъ съ нимъ, или, по крайней мѣрѣ, того, чтобы ему дано было слово, получивъ которое, онъ первоначально изберетъ родъ службы. Свадьба должна быть отложена на столько времени, сколько ему потребно будетъ для приведенія въ порядокъ своего положенія. Передавая сіе, надѣюсь, что все это будетъ благосклонно принято вами и Вѣрою Павловною, которую я, впрочемъ, хочу за-

купить, съ каковою цѣлю и посылаю при семъ небольшой для нея подарочекъ, оставаясь въ пріятной надеждѣ, что она не стѣснится принять его отъ старика-свата и пріятеля ея отца. Прошу почтить меня отвѣтомъ для передачи его молодому человѣку. §

«Пребываю съ истиннымъ моимъ уваженіемъ.»

— Не складно, да, можетъ быть, выйдетъ ладно, — проговорилъ старикъ. — Дайте-ка, я прочитаю.

Шамиловъ подалъ.

— Какъ вы дурно пишете! проговорилъ князь, пробѣгая письмо: — да и съ ошибками.

— Торопился, ваше сіятельство! — отвѣчалъ смѣшавшійся Шамиловъ.

— Ну, ничего! Господи благословп! — произнесъ старикъ и подписалъ: «Князь Сецкій».

— Теперь потрудитесь выйти въ тѣ комнаты и тамъ запечатать, я очень не люблю запаха сургуча.

Шамиловъ раскланялся и вышелъ. Письмо было отправлено къ Ухмыреву съ особымъ человѣкомъ.

Получивъ его, Алексѣй Сергѣичъ сейчасъ усѣлся за свой письменный столъ. Онъ очень долго думалъ, теръ себѣ лобъ, кусалъ конецъ пера, но ничего не написалъ, кромѣ: «Ваше Сіятельство, Милостивый Государь, Борисъ Николаевичъ!» Однимъ словомъ, онъ, кажется, не находилъ въ головѣ своей ни приличныхъ мыслей, ни приличныхъ выраженій. Потерявъ терпѣніе, онъ пошелъ къ Вѣрѣ Павловнѣ.

— Князь дѣлаетъ письменное отъ Шамилова предложеніе, — сказалъ онъ: — и прислалъ какой-то подарокъ вамъ: на все это надобно написать отвѣтъ. Я хотѣлъ было самъ; но вамъ приличнѣе: для васъ ближе это дѣло.

Вѣра Павловна сначала прочитала письмо, а потомъ уже отгрыла ящичекъ. Алексѣй Сергѣичъ попятился назадъ отъ удивленія. Вѣра тоже удивилась: въ баулѣ лежало брилліантовое ожерелье тысячъ въ пять серебромъ.

— Княжескій подарокъ, — проговорилъ Алексѣй Сергѣичъ, разсматривая вещь: — хорошъ... очень хорошъ... надобно показать женѣ: вы покуда приготовьте письмо, — прибавилъ онъ и пошелъ къ Авдотѣ Егоровнѣ.

Добрая дама тоже ахнула, увидѣвъ такую прелестную и дорогую вещь, она едва въ состояніи была понять, что это подарокъ князя, который онъ прислалъ Вѣрѣ Павловнѣ.

— *Comme c'est charmant, comme c'est magnifique!* — говорила она, любуясь ожерельемъ.

Алексѣй Сергѣичъ между тѣмъ началъ ходить по комнатѣ; на челѣ его снова появилось облако серьезной мысли.

— Eudoxie! — началъ онъ: — намъ тоже надобно сдѣлать подарокъ въ родѣ этого.

— Ты знаешь, душа моя, что теперь это невозможно.

— Перехватимъ гдѣ-нибудь.

Авдотья Егоровна покачала головой и вздохнула.

— Я лучше могу передѣлать нѣкоторые изъ моихъ брилліантовъ, которые уже мнѣ понаскучили.

— Но что же все это будетъ: мелочь... дрянъ...

— Вовсе нѣтъ: по нынѣшней работѣ ажуръ будетъ очень видная вещица.

— Такъ надобно посылать въ Ярославль: здѣсь не сдѣлаютъ.

— Я пошлю. Балъ будетъ у насъ?

— Непремѣнно.

— Пожалуйета, cher Alexis, меньше расходуйся, ты знаешь наши обстоятельства....

— Нельзя же, чтобъ было неприлично. Такъ-ли?

Вѣра Павловна, по уходѣ дяди, расплакалась, потомъ начала молиться. Ей вдругъ сдѣлалась страшна мысль быть женою Шамилова. — Любитъ ли онъ еще ее, не обманываетъ ли, и наконецъ, какъ и когда она сдѣлается его женой, не ошибается ли вмѣстѣ съ ней и добрый князь? Были ли эти мрачныя мысли результатомъ тревожнаго состоянія ея души, или было это темное предчувствіе грядущаго горя, мы увидимъ впоследствии. Успокоившись, она написала отвѣтъ князю, въ которомъ благодарила его за участіе и за подарокъ. — «Я люблю Шамилова, писала она въ заключеніе, — и желаю быть его женою, это знаетъ онъ, знаете и вы, князь.» Алексѣй Сергѣевичъ поинтересовался прочесть это письмо и, прочитавъ его, остался имъ не совсѣмъ доволенъ: «надобно бы было написать попочтительнѣе; неловко, что вы называете его просто: князь! Я думаю, лучше бы вмѣсто этого слова употребить: ваше сіятельство.»

— Нѣтъ, дядя, ничего: я князя знаю.

— Какъ хотите; но по моему неловко; да кромѣ того вы ничего ни обо мнѣ, ни о теткѣ не сказали.

— Я, пожалуй, напишу. Что же вы хотите?

— Во-первыхъ, что мы уважаемъ его мнѣніе, очень рады, что онъ взялъ на себя трудъ, и во всю жизнь останемся ему благодарны.

Вѣра Павловна приписала: «Р. S. Добрый мой дядя и тетка, которые столько доказали мнѣ любви, согласны на предложеніе г. Шамилова и поручили

принести мнѣ вамъ искреннюю благодарность за все, что вы сдѣлали для меня.»

Алексѣй Сергѣичъ и этой припиской остался недоволенъ, и потому онъ просилъ Вѣру написать къ князю другое письмо и о немъ только сказать, что онъ лично пріѣдетъ и объяснится съ его сіятельствомъ. Вѣра исполнила его желаніе.

Вечеромъ къ Алексѣю Сергѣичу, по обыкновенію, пріѣхали картежные партнёры и составилось, конечно, нѣсколько партій; но хозяинъ былъ чѣмъ-то озабоченъ и, когда пріѣхалъ Шамиловъ, онъ увелъ его отъ Вѣры въ кабинетъ и говорилъ съ нимъ, или, лучше сказать, распросилъ подробно, что онъ съ княземъ говорилъ и что тотъ ему совѣтовалъ. Петръ Александрычъ рассказалъ ему подробно, хоть, можетъ быть, и не совсѣмъ справедливо. Вѣра Павловна была какъ-то печальна, она все еще была подвліяніемъ какихъ-то грустныхъ предчувствій. Написавъ письмо, она долгое время всматривалась въ портретъ отца... и странное дѣло! портретъ какъ-будто измѣнился: ей казалось, что добрый старикъ, какимъ онъ былъ нарисованъ, началъ хмуриться и глядѣть сердито. Вѣра Павловна понимала, что это была одна только мечта, но при всемъ томъ, отъ дурнаго впечатлѣнія не избавилась.

На другой день Ухмыревъ былъ у князя, высказалъ ему, конечно, въ намекахъ и отрывистыхъ фразахъ, — что желалъ высказать, и получилъ отвѣтъ, что князь съ удовольствіемъ будетъ у него на балѣ и съ удовольствіемъ выслушаетъ объявленіе о помолвкѣ Вѣры Павловны съ Шамиловымъ.

Распространившаяся молва о балѣ у Ухмыревыхъ

привела дамъ и дѣвицъ въ неимовѣрныя хлопоты. Большая часть изъ нихъ, безъ преувеличенія, приходила въ отчаяніе, что въ городѣ ничего нельзя достать порядочнаго; главный недостатокъ оказался въ атласныхъ башмакахъ, цвѣтахъ и перчаткахъ: башмаковъ совсѣмъ не было, первый въ городѣ башмачникъ не брался шить матерчатыхъ, а предлагалъ сдѣлать изъ козла — итоньше, но козель, какъ извѣстно, для баловъ нейдетъ: цвѣты хотя и были, но явно, что они далеко отстали отъ послѣдней моды; перчатки были только мужскія, и то замшевыя.

Балъ начался и шелъ до ужина обыкновеннымъ порядкомъ. Съѣздъ былъ огромный: человекъ до семидесяти. Большая часть мужчинъ пріѣхали, по совѣту Алексѣя Сергѣича, въ бѣлыхъ галстукахъ и бѣлыхъ или легкихъ лѣтнихъ жилетахъ; но самъ князь, къ общему недоумѣнію, былъ въ черномъ галстухѣ; а болѣе всего поразило многихъ то, что почтенный старикъ пріѣхалъ вмѣстѣ съ мальчишкой-Шамиловымъ, и только что не подъ руку вошелъ съ нимъ. Въ отношеніи же прекраснаго пола я не могу скрыть, что нѣкоторыя дамы и дѣвицы, желая явиться наряднѣе, немного переутрировали свой нарядъ; такъ напримѣръ, одна дама все свое платье обвѣшала стеклянрусомъ: у другой дѣвицы были очень страннаго устройства и размѣщенія на головѣ пунцовыя банты, которые очень походили на рога; третьи были ужъ очень бѣдно одѣты: въ перекрашенныхъ платьяхъ, въ мѣдныхъ браслетахъ; но эти, впрочемъ, ничего: онѣ чувствовали свой недостатокъ и были очень застѣнчивы. Главныя лица моего разсказа на этомъ балѣ вели себя какъ слѣдуетъ. Алексѣй Сергѣичъ, какъ хозя-

инъ и виновникъ всего этого, важничалъ; добрая Авдотья Егоровна блистала брильянтами; милая Вѣра была очень интересна, но совсѣмъ не въ духѣ. Иринъ Шмакова и Софи Моросенко, послѣ Вѣры, между дѣвицами, были милѣе всѣхъ. Степанъ Герасимычъ тоже былъ на балѣ.

Надобно сказать, что герой мой цѣлую недѣлю послѣ дуэли съ уланомъ былъ боленъ; на него подѣйствовало отчасти нравственное потрясеніе, но болѣе того выпитое въ огромномъ количествѣ, при непривычкѣ, вино. Карелинъ чрезъ Севдетю Дмитревну первый узналъ, что Степочка боленъ, и на другой же день пріѣхалъ и попросилъ у него извиненія. Къ чести этого шалуна, я долженъ сказать, что онъ ѣздилъ къ больному каждый день и на настоящій балъ привезъ его въ своемъ экипажѣ, — но, войдя въ залу, опять не утерпѣлъ и тутъ же рассказалъ всѣмъ попавшимся ему на глаза дѣвицамъ и молодымъ дамамъ, какъ онъ съ м-г Сальниковымъ стрѣлялся и какъ зацѣпилъ ему цѣлый фунтъ клюквы въ лицо. Степану Герасимычу это было очень неприятно. Послѣ вальса, до начала кадрили, была довольно продолжительная пауза, потому что подавали чай. Вѣра Павловна сидѣла и говорила въ это время съ княземъ. Степану Герасимычу вдругъ пришла счастливая мысль: онъ усѣлся сзади нея, зацѣпилъ бахрому ея платья своимъ магическимъ крючкомъ и просидѣлъ въ этомъ положеніи около четверти часа, смотря постоянно на востокъ, — слѣдовательно, для полного успѣха недоставало ему только земли изъ-подъ слѣда обожаемой дѣвицы. Начались танцы, и онъ, по обыкновенію,

увлекся этимъ удовольствіемъ, которое ему, преимущественно передъ всѣми, нравилось.

Ужинъ былъ великолѣпный. Первоначально всѣ болѣе или менѣе стѣснялись присутствіемъ князя, но подаваемое обильно вино одушевило общество: завязались разговоры, споры. Налиты были бокалы шампанскимъ, и хозяинъ провозгласилъ первоначально тостъ за здоровье князя, который, благодаря Алексѣя Сергѣича и всѣхъ прочихъ, немного напустился. — Налиты были еще бокалы. Ухмыревъ всталъ: «позвольте почтеннымъ гостямъ моимъ объявить, что на дняхъ наша племянница помолвлена за Петра Александрыча Шамилова — за здоровье жениха и невѣсты!...» «Ура!» вскрикнулъ первый уланъ, поднявъ бокалъ на воздухъ. *Chère Véra, m-r Chamiloff, je vous felicite*, — говорила Катерина Петровна черезъ столъ, и такъ далѣе.

Поздравляли всѣ кромѣ одного Степана Герасимыча: онъ не сказалъ ни слова, не всталъ съ своего мѣста и не дотронулся даже до бокала. Лицо его приняло пресмѣшное выраженіе, вѣроятно, оттого, что онъ всѣми сплами старался смигнуть слезы, которыми наполнились оба его глаза. Злодѣй Карелинъ первый замѣтилъ это,

— Степанъ Герасимычъ! что такое съ вами? вы плачете?

— Помилуйте, ничего-съ, вы всегда на меня выдумываете, — заговорилъ было Степочка, но остановился: у него начало подергивать щеки, а потомъ молодой человекъ не имѣлъ силъ владѣть собою: закрылъ лицо руками, зарыдалъ на всю залу, высоко-

чиль изъ-за стола, вышла сначала въ лакейскую, а тамъ въ сѣни, а тутъ ужъ я и не знаю куда.

Уланъ тоже выскочилъ изъ-за стола.

— Извини е меня, Алексѣй Сергѣичъ, — отнесся онъ къ хозяину: — я не могу оставить друга въ эгомъ положеніи. Вѣра Павловна! эготъ грѣхъ на вашей душѣ. Я приведу его сюда: пусть здѣсь рыдать, — шелнулъ онъ Катеринѣ Петровнѣ.

Всѣ почти гости хохотали. Князь тоже поинтересовался узнать, что такое, и ему объяснили, что Сальниковъ самъ сватался къ Вѣрѣ Павловнѣ.

Уланъ возвратился одинъ.

— Гдѣ же Степочка? — спрашивали его нѣкоторые.

— На лѣстницѣ стоитъ, никакъ не идетъ, просить послать ему шляпу и шубу.

Весь конецъ ужина и даже время послѣ ужина было посвящено смѣху надъ Степочкой: впрочемъ, менѣе другихъ смѣялись князь, Вѣра и Алексѣй Сергѣичъ. Последнему даже была очень непріятна вся эта сцена на балѣ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I

О помолвкѣ Вѣры Павловны за Шамилова заговорилъ первоначально весь городъ, потомъ весь уѣздъ, а наконецъ и вся губернія. Настоящая причина, вслѣдствіе которой Алексѣй Сергѣичъ выдаетъ свою племянницу за того человѣка, котораго онъ прежде презиралъ, была почти открыта. Тутъ князь дѣйствуетъ, рѣшили всѣ единогласно; но почему и для чего?—этотъ вопросъ былъ тоже гадательно рѣшенъ. Карелинъ, или, можетъ быть, самъ Шамиловъ кому-то и гдѣ-то проболтались, что врядъ ли Вѣра не побочная дочь князя.

Очень удивляло всѣхъ положительныхъ людей то, что свадьба отложена на цѣлый годъ и даже долѣе, и что женихъ зачѣмъ-то еще поѣдетъ въ Москву или въ Петербургъ, опредѣлится тамъ на какую-то должность, потомъ опять пріѣдетъ и такъ далѣе. Неужели-же онъ не можетъ опредѣлиться на службу женатый, также какъ и холостой, и для чего вся эта проволочка, которая въ свадьбахъ никогда къ добру не ведетъ; а гораздо бы лучше было, если ужъ рѣшились, обвѣнчать, да и дѣлу конецъ.

Между тѣмъ женихъ и невѣста переживали то каждому извѣстное счастье, которому предаются почти всѣ влюбленные, и которое заставляетъ ихъ забывать прошедшее, смутно думать о будущемъ, а настоящее... о немъ нечего и говорить.... Любобовъ, какъ извѣстно, освѣщаетъ своимъ волшебнымъ свѣтомъ все: самые обыденные разговоры, самыя обыкновенныя развлеченія, — все это принимаетъ какой-то особый смыслъ. Даже наша сѣверная природа, со своими несносно-жаркими лѣтними днями, со своею осеннею слякотью, со своими прекрасными, но иногда ужъ чрезчуръ сильными январскими морозами, со своею быстрою весною, и наконецъ блѣдые и незамысловатые ландшафты, — все это, я убѣжденъ, нравится безусловно женихамъ и невѣстамъ, соединяющимся по любви. Шамиловъ, послѣ помолвки, началъ бывать у Алексѣя Сергѣича въ продолженіе цѣлаго дня. Приходя поутру, онъ нѣкоторое время говорилъ съ будущимъ дядей. Бесѣда между ними была всегда направлена на что-нибудь серьезное: они трактовали о торговлѣ, о желѣзныхъ дорогахъ, о картахъ. Алексѣй Сергѣичъ даже удивлялся, какъ Петръ Александрычъ имѣетъ объ этихъ предметахъ такъ много основательныхъ свѣдѣній, и особенно онъ его заинтересовалъ, рассказавъ ему пунктуально одно происшествіе, въ которомъ нѣкто, не имѣвшій ничего, вдругъ въ одинъ годъ разбогатѣлъ до милліоновъ. Надобно сказать, что это была слабая струна Ухмырева; онъ искренно вѣрилъ въ безумное счастье, которое, будто бы, иногда даетъ людямъ золотыя горы безъ предварительнаго съ ихъ стороны труда и знанія въ какомъ-нибудь

предпріятія, а такъ, потому только, что имъ нужны деньги,—и по этому предмету самъ зналъ нѣсколько весьма интересныхъ случаевъ. Часу въ одиннадцатомъ выходила Вѣра, и утро у жениха съ невѣстой проходило незамѣтно: они разговаривали, но болѣе читали; ихъ очень заинтересовалъ «Жакъ», романъ Жоржъ Занда, переведенный въ «Отечественныхъ Запискахъ»; Шамиловъ восхищался каждой строчкой. За столомъ Петръ Александрычъ обыкновенно рассказывалъ, собственно для развлечения будущей тетушки, различные анекдоты, которые очень всѣхъ смѣшили. Вечеромъ, когда никого не было, устралвался домашній вистъ; играли: Алексѣй Сергѣичъ, Авдотья Егоровна, Вѣра и Шамиловъ. Ухмыреть, какъ игракъ, шалилъ, за что Авдотья Егоровна немного на него сердилась и играла съ обыкновеннымъ своимъ благородствомъ. Вѣра кидала карты кое-какъ; Шамиловъ рисковалъ; конечно оба они не думали о картахъ. Петръ Александрычъ, обыкновенно, отыскивалъ хорошенькую ножку Вѣры Павловны и, наступивъ на нее, слегка жалъ,—а этого было и довольно для обоюднаго счастья. На этихъ интимныхъ вечерахъ съ нѣкотораго времени начала постоянно присутствовать Катерина Петровна. Ея, конечно, нечуждались, потому что, по хорошему знакомству, почти считали за свою родственницу; она, съ своей стороны, увѣряла, что родной сестрѣ своей не желала бы больше счастья, сколько желаетъ его Вѣрѣ.

Въ этомъ семейномъ кругу о главномъ моемъ героѣ, конечно, забыли и думать, и только иногда къ слову переговаривали о различныхъ его глупыхъ выходкахъ и простоватыхъ выраженіяхъ. Шамиловъ

съ Катериною Петровною нападали на него безпощадно. Алексѣй Сергѣичъ и добродушная Авдотья Егоровна признавались, что онъ своей глупостью ставилъ ихъ, какъ хозяевъ, въ такое иногда положеніе, что изъ рукъ вонъ; одна только Вѣра за него нѣсколько заступалась и говорила, что онъ добрый; но ей возражалъ каждый разъ дядя.

— Я зналъ его отца, знаю его мать, — скупцы, глупцы, и больше ничего, а онъ ихъ всѣхъ перецеполялъ, — говорилъ Ухмыревъ.

— Зачѣмъ же вы прежде не то говорили? — замѣчала ему Вѣра.

Алексѣй Сергѣичъ перемѣнялъ разговоръ.

Степанъ Герасимычъ во все это время не былъ въ городѣ. Мы видѣли, какъ онъ глупо поступилъ за ужиномъ, услышавъ о помолвкѣ Вѣры; но по прїѣздѣ его домой, съ нимъ сдѣлалось въ родѣ помѣшательства; онъ уронилъ свои любимые часы на полъ и разбилъ у нихъ стекло, даже укусилъ, совершенно не понимая для чего, себѣ руку и укусилъ больно, бросился потомъ на кровать и протосковалъ всю ночь. Когда на другой день Аксинья доложила ему, что запасъ ужъ почти весь подошелъ, онъ разбранилъ ее и назвалъ воровкой. Та передъ бариномъ смолчала, но, придя въ избу, разрыдалась въ такой степени, что возбудила нѣкоторое участіе въ сухосердномъ Кузьмѣ.

— Что печку-то не топишь? что нюни-то распустила? о чемъ? — сказалъ онъ.

— Поневолѣ распустишь, какъ разобидѣли на чемъ свѣтъ стоитъ.

— Такъ васъ, дурь-бабъ, и надо; затопить, что ли, печку-то?

— Затопи, голубчикъ, — отвѣчала Аксинья какимъ-то подозрительно-нѣжнымъ голосомъ.

И Кузьма затопилъ.

Въ то же утро попалась на глаза Степану Герасимычу ворожея Секлетей, пришедшая къ Аксиньѣ; онъ ее чуть не прибилъ, но та не струсилла и сама отвѣчала ему такъ:

— Ты, баринъ, не кричи! я тебѣ никакого худа не сдѣлала.

— Не кричи и ты! — кричалъ Степочка.

— Я не кричу; ты самъ кричишь! почище тебя господь видала, — проговорила Секлетей.

И поспѣшила уйти.

Сальниковъ бросился было за нею на улицу, но не нагналъ и удовольствовался только тѣмъ, что бросилъ ей вслѣдъ попавшійся ему подъ руку обносокъ лаптя; придя нѣсколько въ себя, онъ началъ было пить чай, но и этого любезнаго напитка употребилъ очень немного. Противъ Алексѣя Сергѣича онъ чувствовалъ полное ожесточеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ разсердился на маменьку, къ которой написалъ такого рода письмо:

«Бездѣнная маменька, Аграфена Кондратьевна! цѣлую заочно ваши ручки; спѣшу васъ увѣдомить, что Алексѣй Сергѣичъ вышелъ низкой человѣкъ и все только обманывалъ меня: онъ теперь сговорилъ свою племянницу, о которой я писалъ вамъ, за Петра Александрыча Шамилова, а меня все проводилъ и не сдѣлалъ для меня ровно ничего, но еще при самомъ началѣ признавалъ выманывать у меня

въ заемъ денегъ три-тысячи пять-сотъ рублей, но я не далъ, потому что у меня нѣтъ столько денегъ. Онъ было подѣвжалъ; чтобы я у васъ попросилъ, но я сказалъ, что и у маменьки нѣтъ. Всѣ, милая маменька, теперь сомнѣваются насчетъ состоянія, котораго вы мнѣ не отдѣляете, и всѣ думаютъ, что вы мнѣ никогда ни копѣйки не дадите, а отъ этого и не уважаютъ меня....»

Но, прежде чѣмъ онъ докончилъ свое посланіе, пріѣхалъ отъ маменьки нарочный и вручилъ ему отъ нея письмо.

«Милый другъ мой Степочка! Къ большому моему огорченію, услыхала я, что ты ведешь себя такъ, какъ я никогда не ожидала: въ именины твои ты напился съ твоими пріятелями пьянъ, и вы даже стрѣляли въ комнатѣ изъ ружья; я тебѣ всегда толковала, что на другихъ тебѣ смотрѣть нечего: ты еще до сихъ поръ не имѣешь настоящаго разсудка. А еще тебѣ скажу, что и при умѣ потеряться недолго отъ дурной компаніи. Представлю въ примѣръ сына Семена Петровича: то ли ужъ отецъ не давалъ ему воспитанія! а что теперь вышло—живетъ въ деревнѣ, цѣтъ да ѣздитъ по сосѣдкамъ; всѣ смѣются, а въ хорошемъ кругу ужъ нигдѣ и не принять; и съ тобой то же самое будетъ,—но я напередъ тебѣ, Степочка, какъ мать, говорю, что потакать не стану и при жизни лишу наслѣдства — живи какъ хочешь! Ты теперича, можетъ быть, еще ничего дурнаго и не сдѣлалъ, но въ хорошихъ домахъ, по одной компаніи надъ тобой смѣются, и именно въ домѣ Алексѣя Сергѣича, которымъ ты такъ дорожилъ, и принять ли ты теперь тамъ, я даже не знаю: цѣлыя

три недѣли ты мнѣ строчки не написалъ... видно, тебѣ мать нужна, когда денегъ или запасу нѣтъ! Ты бы хоть вспомнилъ, что ты у меня одинъ... Мнѣ сказывали вѣрные люди, что у Алексѣя Сергѣевича говорили о тебѣ то, чего бы я никакъ не хотѣла слышать. Еще тебѣ разъ повторяю, что ты долженъ дорожить поведеніемъ, пуще глаза: а у меня все это время, какъ нарочно, горе на горѣ: рана ужъ разошлась до полноги, ни отъ чего никакой помощи нѣтъ — видно, такъ угодно Богу. Наши новыя риги, Степочка, сгорѣли... я чуть не помѣшалась. Тебѣ, другъ мой, стыднѣе всѣхъ огорчать меня при такихъ обстоятельствахъ. Богъ видитъ, что я никогда ничего не жалѣла для тебя: по теперешнему времени, я даже не желаю, чтобы ты жилъ въ городѣ; пріѣзжай ко мнѣ — я теперь ничѣмъ для тебя по городу помогать не могу. Очень меня огорчило, другъ мой, когда услыхала, что къ вину ты подверженъ. Неужели ты забылъ, что твой папенька отъ этого померъ... смотри: остерегайся! Запасу тебѣ съ этимъ человѣкомъ не посылаю, потому что я такъ огорчена, что мнѣ ни до чего, просто въ гробъ гляжу. Посылаю тебѣ заочно мое родительское благословеніе, остаюсь любящая тебя мать,

«Аграфена Сальникова.»

Степанъ Герасимычъ понялъ, что маменька разсердилась не на шутку, а потому послать написанное имъ письмо не смѣлъ, — но рѣшился ѣхать самъ въ деревню, тѣмъ болѣе, что городъ его уже ничѣмъ не привлекалъ. Пріѣхавши, онъ рассказалъ маменькѣ все простодушно. Старуха вначалѣ очень сердилась, цѣлые два дня съ нимъ ни слова не го-

ворила и строго запретила курить ему при себѣ табакъ. Спусти нѣсколько дней, молодому человѣку, искусившемуся сладостями городской жизни, сдѣлалось невыносимо скучно въ деревнѣ; попреимуществу, его начало въ уединеніи мучить желаніе жениться. Онъ заговорилъ объ этомъ съ Аграфеной Кондратьевной, и она, попрежнему, была непрочь. Долго они придумывали, какую бы именно дѣвицу выбрать побогаче. Софи Моросенко оказалась удобнѣе всѣхъ: во-первыхъ, она нравится Степochкѣ; во-вторыхъ, Аграфена Кондратьевна знала и любила это семейство и имѣла свѣдѣнія, что Соничка была любимая дочь, и что у родителей есть кое-что, и они, по всѣмъ соображеніямъ, награждать ее, особенно имѣя въ виду жениха съ такимъ состояніемъ, какъ Степочка. Такимъ образомъ мой герой снова возвратился въ К., въ занимаемую имъ прежде квартиру. Приѣхавъ поутру, онъ въ тотъ же день рѣшился сдѣлать первый визитъ Моросенкамъ, о которыхъ я и скажу здѣсь нѣсколько словъ. Самъ г. Моросенко былъ человѣкъ довольно странный; Богу одному извѣстно, что таилось у него на душѣ; и какого онъ даже былъ ума, въ городѣ этого никто не зналъ. Сама супруга его, Анна Михайловна, не скрывала этого и, говоря о мужѣ, часто выражалась такимъ образомъ: «вы знаете моего Ивана Иваныча и его глупую скрытность: его понять совершенно невозможно, что онъ за человѣкъ.» Наружность его была тоже какая-то таинственная; онъ почти никогда не говорилъ отъ себя никакой мысли, но всегда очень внимательно выслушивалъ отъ каждаго все, что ему говорили, хотъ бы это было невыносимый вздоръ

и вообще до такой степени былъ молчаливъ, что острякъ-докторъ однажды сказалъ про него: «былъ у меня Моросенко: пришелъ, помолчалъ и ушелъ.» Супругъ своей онъ во всемъ повиновался безусловно и былъ весьма благодѣтеленъ: въ карты не игралъ, не курилъ и ничего не пилъ. Принимая въ расчетъ его постоянное спокойствіе и цвѣтущее здоровьемъ лицо, можно было заключить, что онъ былъ вполнѣ доволенъ окружающею его средою, т. е. семействомъ, обществомъ и службой. Анна Михайловна имѣла совершенно другой характеръ: она была недовольна всѣми и всѣмъ, часто ссорилась съ знакомыми и постоянно говорила о томъ, какъ бы пристроить дѣтей, съ которыми, говорятъ, очень строго обращалась. Впрочемъ, ее беспокоили и предметы, совершенно для нея посторонніе. Случалась ли лѣтомъ засуха или шли большіе дожди, она пророчила, что не будетъ ни хлѣба, ни корму. Покупалъ ли кто-нибудь имѣніе, она непремѣнно ожидала, что купившій разорится отъ этой покупки. Если умиралъ кто-нибудь, то, по ея мнѣнію, оставшіяся сироты должны были безвозвратно погибнуть. Въ послѣднее время, она разсердилась на Ухмыревыхъ, которые дѣйствительно очень нехорошо поступили съ ней. Не говоря уже о томъ, что гордецъ Алексѣй Сергѣичъ, а также и супруга его не бывали у нихъ въ домѣ мѣсяца четыре; но на дняхъ были именины Анны Михайловны, она еще недѣли за три говорила объ этомъ въ обществѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ объявляла, что въ этотъ день намѣрена для Сонички дать вечерокъ. Несмотря на это, эти важные господа не только что не пріѣхали сами <http://rcin.org.pl>, но даже не при-

слали лакея, какъ будто забыли совѣмъ. Оскорбленная до души, г-жа Моросенко поклялась во всю жизнь свою не бывать съ дочерью у Авдотьи Егоровны и строго запретила ѣздить къ нимъ мужу. Не ограничиваясь этимъ, она вздумала давать у себя вечера и всѣми силами отбивать у Ухмырева гостей. Степанъ Герасимычъ пріѣхалъ именно въ тотъ день, когда назначенъ былъ первый вечерокъ. Хозяйка встрѣтила молодаго человѣка очень привѣтливо, надѣясь въ немъ видѣть гостя на своихъ вечерахъ, а можетъ быть даже и жениха для Сонички. Последнюю мою мысль подтверждаетъ нижеслѣдующая сцена.

— Вы не заняты сегодня вечеромъ?—спросила она.

— Никакъ нѣтъ-съ. Мнѣ негдѣ быть теперь-съ,— отвѣчалъ Степочка.

— Я думала, что не будете ли вы у Алексѣя Сергѣича; впрочемъ, я думаю, имъ теперь не до гостей, потому что они все любятъ женихомъ и невѣстой.

Степана Герасимыча подернуло.

— Какую прекрасную партію составляетъ Вѣра Павловна, — продолжала хозяйка.

Сальниковъ ничего не отвѣчалъ.

— Если вы не заняты, то могу я васъ просить пріѣхать къ намъ на вечерокъ?

— Очень пріятно. Я къ Алексѣю Сергѣичу ужь не буду больше ѣздить, — отвѣчалъ гость.

— Правс? отчего же?—спросила Анна Михайловна самымъ простодушнымъ тономъ.

— Такъ-съ! они все меня обманывали.

— Будто! въ чемъ же это?

— Это моя тайна.

— Не смѣю спрашивать.

Приглашеніе на вечеръ очень развлекло Степана Герасимыча. Вскорѣ вышла Софи, въ простенькомъ домашнемъ платьицѣ, которое къ ней очень шло, и присѣла молодому человѣку съ пріятной улыбкой.

— Софи,—сказала мать:—чтожь ты не повторишь того романса, который ты разучила вчера?

Софи потупилась.

— Послѣ, маман.

— А я тебя прошу сейчасъ же, потому что послѣ некогда,—сказала Анна Михайловна и взглянула на дочь какимъ-то особымъ взглядомъ, значеніе котораго та, вѣроятно, очень хорошо понимала, потому что тотчасъ же пошла къ фортеціано.

— Вы поете?—спросилъ Степочка, подходя къ дѣвушкамъ.

— Нѣтъ... такъ,—отвѣчала Софи.

— Пропой, — повторила мать.

Такъ какъ голосъ молодой дѣвицы оказался фальшивый сопрано, а фортеціано было совершенно разстроено, то о музыкѣ пропѣтаго романса нельзя бы сказать слишкомъ многого, но за то слова его были весьма знаменательны:

„Ты видалъ ли ее,

„Ты знавалъ ли ее,

„Какъ въ мечтаньяхъ она

„И робка и скромна?

„Ты знавалъ ли ее?

„Ты видалъ ли ее?

— выкрикивала m-lle Моросенко. Заключительный куплетъ романса былъ таковъ:

„Если видѣлъ все вдругъ,

„Если понялъ все вдругъ

„И знавалъ ты ее,

„Знай— и я зналъ ее...

— Какія возвышенныя чувства! и какая прелестная музыка! — произнесла Анна Михайловна.

Степану Герасимычу тоже очень понравилось пѣніе Сонички. Онъ облокотился на фортепіано, и лицо его приняло самое сладкое выраженіе.

— Вы, вѣроятно, учились пѣть у учителя, — сказалъ онъ, по окончаніи романса.

— Нѣтъ, немного въ пансіонѣ, у madame. Вы сами поете, сказала Софи.

— Чго-же я пою? Я пою просто самоучкой. Спойте еще сами что-нибудь и доставьте мнѣ это счастье, проговорилъ Степочка, начиная входить въ экстазъ любезности.

— Мерси: я что-то сегодня не расположена пѣть, отвѣчала дѣвушка.

Но я увѣрепъ, что маменька заставила бы ее еще спѣть, если бы не пріѣхала знакомая намъ Катерина Петровна; и такъ какъ хозяйка знала, что эта дама очень дружна съ Ухмыревыми, то и рѣшила хорошенько отдѣлать ихъ при ней, съ тѣмъ чтобы она передала имъ.

— Давно были у Авдотьи Егоровны? — спросила она гостью, усадивши ее на диванъ.

— Вчера была, — отвѣчала Катерина Петровна.

— Скоро у нихъ будетъ свадьба?

— Право, не знаю; не думаю, чтобы скоро: у нихъ еще не рѣшено.

— У меня всегда сердце надрывается, когда я

слышу, какъ сироты выходятъ замужъ — просто очертя-голову. При отцѣ и матери этого никогда не бываетъ,—произнесла хозяйка сострадательнымъ голосомъ.

— Этого нельзя сказать про Вѣру,— возразила гостья.

— Я не про нее и говорю, а вообще; впрочемъ и въ ея партіи ничего не вижу особеннаго,

— Особеннаго нѣтъ, но они любятъ другъ друга и потому будутъ счастливы; ихъ пара — немного романтическая, но чтожь такое? съ милымъ человѣкомъ и въ хижинѣ бываетъ рай,—отвѣчала Катерина Петровна. — M-r Salnikoff, давно ли вы здѣсь и гдѣ вы все это время пропадали? — отнеслась она къ Степану Герасимычу.

— Я былъ-съ боленъ, въ деревнѣ, у маменьки, отвѣчалъ онъ.

— Съ вами что-то такое случилось на помодвѣ: отчего вы вдругъ вышли изъ-за стола?

Степанъ Герасимычъ покраснѣлъ.

— У меня кровь пошла носомъ.

Катерина Петровна сдѣлала гримасу.

— А я думала, что у васъ кровь прилила къ сердцу.

— Вы всегда надо мной смѣетесь.

— Напротивъ, я сержусь на васъ: вы то говорите мнѣ любезности, то не замѣчаете меня.

— Я васъ всегда замѣчаю-съ.

— Какъ, напримѣръ, сегодня? вы даже не поклонились мнѣ.

— Я вамъ кланялся, но вы сами не видали: вы стояли ко мнѣ задомъ.

Катерина Петровна сдѣлала гримасу и начала разговаривать съ хозяйкой, которая опять свернула разговоръ на Ухмыревыхъ.

— Я у Авдотьи Егоровны теперь не бываю, начала она прямо: — и, конечно, уже болѣе съ ними знакома не буду, потому что на все есть свои границы.

— Я ничего не знаю и ничего не слыхала, — замѣтила гостья,

— Можетъ быть, вы не слыхали и не знаете; но я знаю и рѣшилась говорить объ этомъ вездѣ. Вотъ ужь болѣе полугода они не знаютъ, какъ двери въ моемъ домѣ отворяются. Можетъ быть, имъ у насъ и скучно... я съ этимъ не спорю; но все-таки они должны бы были соблюсти приличіе и хоть бы побезпокоились поздравить меня, именинницу, худа ли, хороша ли я есть; но они и это забыли.

— Они васъ не поздравили?—спросила съ удивленіемъ Катерина Петровна.

— Даже лавя не прислали, — отвѣчала хозяйка.

Гостья покачала головой,

— Я ихъ знаю и понимаю давно, Катерина Петровна, продолжала Анна Михайловна. — Хоть, можетъ быть, вамъ это будетъ и непріятно, потому что вы такъ хорошо съ ними знакомы; но все-таки я буду говорить правду. Они очень невѣжливы, противъ всѣхъ невѣжливы. Ихняя племянница, я думаю, не проговорила ни съ вами, ни со мной, ни съ моей дочерью, ни съ другими дѣвицами слова. Это мы имъ прощали. Я съ перваго раза сказала, что эта дѣвушка жалкая; и мои слова теперь оправдываются. Она выходитъ—Богъ знаетъ для чего и Богъ знаетъ

за кого. Но Алексѣй Сергѣвичъ и Авдотья Егоровна — другое дѣло. Мы ихъ давно знаемъ, мы ихъ всегда любили и уважали: знаемъ тоже, какое у нихъ состояніе: гордиться имъ, право, передъ нами нечѣмъ....

— Они добрые, — перебила гостья нерѣшительнымъ тономъ

— Можетъ быть, — отвѣчала хозяйка. — Но вотъ я вамъ расскажу поступки ихъ со мною нынѣшней зимой: играла я съ Авдотьей Егоровной у нея въ домѣ, въ вистъ; партія, конечно, была моя маленькая. Пріѣзжаютъ другіе гости; вдругъ она, не кончивши нашей партіи, составляетъ другую; и за себя посадила играть ужъ я и не знаю кого.

— Она очень любитъ играть по большой, — возразила опять Катерина Петровна нерѣшительно.

— Я ей и не мѣшаю въ этомъ; отчего ей не играть по большой: денегъ у нихъ много, богатыхъ знакомыхъ тоже; но оскорбляюсь невѣжливостію.... Про Алексѣя Сергѣвича я не желала бы даже говорить: онъ рѣшительно необразованный мужикъ, онъ на своихъ вечерахъ дамамъ не кланяется, а моего Ивана Ивановича, который ужъ никакъ не хуже его, разумѣть какъ пѣшку, потому только, что тотъ молчитъ и не возражаетъ ему, когда онъ что-нибудь бормочетъ суконнымъ своимъ языкомъ.

— Я во многихъ отношеніяхъ не понимаю этого семейства, — проговорила гостья.

— Прежде я сама считала ихъ, — перебила хозяйка: — за добрыхъ людей, а теперь вижу, что ошибалась.

Катерина Петровна нѣкоторое время еще отстаивала своихъ хорошихъ знакомыхъ, но потомъ и сама

увлеклась. Не взирая на продолжительное и довольно тѣсное знакомство съ Ухмыревыми, она назвала Алексѣя Сергѣича человѣкомъ очень недалкимъ, а Авдотью Егоровну — смѣшною. Но болѣе всѣхъ, по ея отзывамъ, пострадала Вѣра Павловна: она прямо сказала, что эта дѣвушка будто-бы на женщину непохожа, такъ какъ не имѣетъ никакихъ чувствъ, и годится только въ гувернантки, потому что кромѣ книгъ ничего не понимаетъ. Согласившись такимъ образомъ въ своихъ мнѣніяхъ объ Ухмыревыхъ и о невѣстѣ, двѣ дамы довольно долго спорили о женихѣ, котораго хозяйка въ грошъ не ставила, доказывая это тѣмъ, что у него нѣтъ ни состоянія, ни чина, ни особой красивой наружности.

— Что же въ немъ остается?—заклучила она: — что волосы назадъ зачесываетъ да очки носить, такъ это еще не велика важность.

Катерина Петровна никакъ не хотѣла согласиться съ этимъ. Она клялась, что въ этой свадьбѣ жалѣетъ только молодаго человѣка, который одинъ тутъ теряетъ, потому что онъ съ большими достоинствами и далеко бы ушелъ, если бы не дѣлалъ глупости и не связывалъ-бы себя этой женитьбой.

— Умень, добръ, благороденъ, образованъ, любимецъ теперь князя: чего же въ немъ недостаетъ и какого же Вѣрѣ Павловнѣ, по ея болѣзнямъ и лѣтамъ, ожидать жениха? Ей бы я совсѣмъ запретила выходить замужъ: докторъ говоритъ рѣшительно, что у ней чахотка.

Весь этотъ разговоръ Степанъ Герасимычъ слушалъ весьма внимательно и при послѣднихъ словахъ Катерины Петровны вмѣшался въ разговоръ.

— Вы, Катерина Петровна, не правду говорите, возразилъ онъ. — Вѣра Павловна не въ чахоткѣ-съ.

— Я, кажется, не имѣю причины выдумывать на нее, — отвѣчала та.

— Вамъ, можетъ быть, завидно, что она замужь выходитъ?—бухнулъ спроста Степочка.

— Миѣ завидовать нечему, потому что я замужемъ.

— Да что вы замужемъ-то-съ? у васъ у самихъ мужъ большой.... вы, я думаю, сами года два его не видали?

Эта дерзость Степочки очень разсердила Катерину Петровну. Она посинѣла и едва имѣла духу сказать:

— Вы говорите глупо и дерзко.

— Я говорю-съ правду, пробормоталъ себѣ подъ носъ Сальниковъ и началъ раскланиваться съ хозяйкой, которая снова пригласила его быть на вечерѣ.

Дамы еще нѣкоторое время говорили объ Ухмыревыхъ.

Вечеръ у Моросенко, назначенный въ-пику Ухмыревымъ, вышелъ очень недурень; но я бы о немъ не сталъ говорить, если бы герой мой не подпалъ новому увлеченію, которое имѣло вліяніе на его дѣйствія и, слѣдовательно, на дальнѣйшій ходъ моего романа. Надобно сказать, что, не смотря на все стараніе хозяйки сдѣлать у себя общество помногочисленнѣе, съѣхалось очень немного, и то кое-кто. Люди позначительнѣе въ городѣ и играющіе въ карты, случайно, а можетъ быть и умышленно были позваны къ Ухмыреву и, конечно, туда поѣхали. Изъ молодежи, <http://rom.by> кроме Степочки, никого не было.

Уланъ недѣли двѣ какъ уѣхалъ къ своей сестрѣ, верстъ за четыреста; Мишель поступилъ ужь въ гусары. Изъ дѣвицъ, кромѣ Иринѣ Шмаковой, состояло на-лицо три, изъ которыхъ только собственно была одна, дочь бухгалтера, нѣсколько замѣчательная тѣмъ, что очень походила на сумасшедшую Офелію. Но, при всей малочисленности общества, хозяйка сумѣла одушевить его и послѣ всѣмъ говорила:

— У Ухмыревыхъ бываетъ гостей какъ сельдей въ боченкѣ, но все-таки зѣваютъ, а у меня и двѣнадцать человекъ, да навеселились какъ нельзя лучше требовать.

Не имѣя возможности составить танцы, Анна Михайловна затѣяла разныя игры, или такъ называемыя *petitsjeux*, за которыя кромѣ молодежи усадила двухъ дамъ и троихъ мужчинъ, между которыми былъ помѣщенъ и ея молчаливый супругъ. Есть пословица: на безрыбьѣ и ракъ рыба. Въ продолженіе цѣлаго вечера судьба пріятно ласкала самолюбіе моего Степочки: хозяйка безпрестанно къ нему адресовалась съ разными разговорами; изъ мужчинъ никто надъ нимъ не подшучивалъ; Софи была къ нему очень внимательна, пріятельница ея тоже, — про прочихъ дѣвицъ и говорить нечего. Сумасшедшая Офелія, когда молодой человекъ подалъ ей стулъ и попросилъ садиться, переконфузилась совершенно.

— Помилуйте, сдѣлайте милость, не беспокойтесь, — проговорила она.

— Это наша обязанность, кавалеровъ, беспокоиться о дамахъ, — отвѣчалъ Степочка, расшаркиваясь предъ ней.

Игры шли такимъ порядкомъ: начали «охъ, бо-

литъ». Читатель, можетъ быть, знаетъ, что въ этой игрѣ каждый изъ участвующихъ называетъ себя именемъ какого-нибудь цвѣтка. Софи наименовала себя фіалкой, Иринь — василькомъ, сумасшедшая Офелія — ераникомъ, и такъ далѣе. Степочка былъ всѣхъ изобрѣтательнѣе: онъ назвалъ себя чертополохомъ. Игру начала старшая хозяйка, которая назвала себя майскимъ розаномъ. Охъ, болить!... что болить?... сердце!... по комъ?... по чертополохъ!... Чертополохъ: Охъ, болить!... что болить?... сердце!... по комъ?... по фіалкѣ!... При этомъ случаѣ майская роза самодовольно улыбнулась, а фіалка сконфузилась и объявила, что сердце ея болить по василькѣ. Василекъ, съ своей стороны, открылся, что тоскуеть по фіалкѣ, фіалка — по василькѣ, василекъ — опять по фіалкѣ, и такимъ образомъ разъ пятнадцать. Аннѣ Михайловнѣ это не понравилось.

— Софи! играть должны всѣ, — сказала она, и скромная фіалка призналась, что сердце ея страдаетъ по чертополохъ, котораго это очень утѣшило. — Охъ, болить!... что болить?... сердце!... по комъ?... по фіалкѣ!... произнесъ Степочка во всеуслышаніе и шепнулъ Софи на ухо:

— Вы со мной такъ же долго поговорите, какъ съ Ариной Васильевной.

— Маменька не приказываетъ, — отвѣчала та.

«*Охъ, болить»* перемѣнили на *почту*. Въ этой игрѣ Степанъ Герасимычъ морилъ всѣхъ со смѣху своими шутками. Онъ говорилъ: «*динь, динь, динь»*. Кто ѣдетъ?... почта!... Съ чѣмъ?... Съ маменькой!...

— Съ чьей маменькой?—спросилъ съ удивленіемъ одинъ изъ игравшихъ мужчинъ.

— Съ моею,—отвѣчалъ Степочка и захохоталъ.

Прочіе тоже засмѣялись. Другой разъ онъ съострилъ такимъ образомъ: динь, динь, динь!... Кто ѣдетъ? никого-съ, —проѣхали мимо! Последняя шутка его болѣе всѣхъ разсмѣшила одну изъ двухъ незначительныхъ дѣвицъ, которая обнаружила при этомъ довольно замѣчательное качество: она захохотала силнымъ басомъ, какого у молодой дѣвпцы нельзя было никакъ предполагать. Въ игрѣ, называемой: *Пантюшка, идѣ ты?* случилось слѣдующее обстоятельство. Игра эта состоитъ въ томъ, что всѣ становятся въ вругъ: одному завязываютъ глаза, а другому, также съ завязанными глазами, даютъ въ руки колокольчикъ. *Пантюшка, идѣ ты?* спрашиваетъ первый,—второй звонитъ колокольчикомъ. Первый ловитъ. Степанъ Герасимычъ ловилъ, Софи звонила въ колокольчикъ; и, чтобы спастись отъ его преслѣдованій, побѣжала въ гостиную, но онъ за ней, она — въ слѣдующую, потомъ — въ спальню и наконецъ — въ закую-то темную комнату. Сальниковъ не отставалъ.

— Вамъ тутъ нельзя,—проговорила Софи, захлопнувъ дверь; но Степанъ Герасимычъ не послушался: поймалъ ее и съ торжествомъ вывелъ въ залу.

Я боюсь утомить читателя описаніемъ дальнѣйшихъ подвиговъ, которые совершилъ на поприщѣ любезности мой богатый женихъ въ этотъ достопамятный для него вечеръ. Но скажу только то, что Софи, по приказанію ли маменьки, или по собственному желанію, съ нимъ явно любезничала. По окончаніи игръ,

Степочка по крайней мѣрѣ съ полчаса ходилъ съ нею и съ Иринь Шмаковой по залѣ.

— Если бы теперь было лѣто, мы бы въ горѣлки подиграли. Я очень шибко бѣгаю, — говорилъ онъ между прочимъ.

— Я сама скоро бѣгаю, — сказала Соничка.

— Я шибче васъ, — возразилъ Степанъ Герасимычъ. — Теперь я отвыкъ, но когда жилъ въ Петербургѣ, то тамъ ходилъ больше пѣшекомъ: отъ извожиковъ никогда не отставалъ: верстъ шесть въ часъ проходилъ.

— Вы долго жили въ Петербургѣ? — спросила Иринь.

— Годъ и два мѣсяца-съ.

— Мы, можетъ быть, съ паленькой нынѣшній годъ поѣдемъ въ Петербургъ, — отнеслась Иринь къ Софи.

— Ахъ, нѣтъ, ша chere, не ѣзди; я тебя не цущу: безъ тебя я умру съ тоски, — проговорила Софи.

— Какъ я вамъ завидую, Арина Васильевна, — вмѣшался Степочка.

— Въ чемъ?

— Софья Ивановна о васъ сожалѣютъ, а вотъ обо мнѣ никто не пожалѣетъ!

— И у васъ, можетъ-быть, есть какой-нибудь другъ? — сказала Софи.

— Нѣтъ-съ, никого. Да и чтожь, другъ? онъ — мужчина; мнѣ бы гораздо было пріятнѣе, если бы меня пожалѣла какая-нибудь дѣвица.

Съ Анной Михайловной Степанъ Герасимычъ имѣлъ также весьма значительный разговоръ. Она подозвала его къ себѣ и посадила рядомъ съ собой на диванъ, въ угольной комнатѣ.

— Что вы не женитесь, молодой человекъ?—сказала она.

— Судьбы нѣтъ-съ.

— Полноте. Что это за судьба! — У васъ, молодыхъ людей, это обыкновенная отговорка. Вамъ непременно надобно жениться; маменька у васъ стара, больна. Нѣтъ лучше ея ногъ?

— Нѣтъ-съ: все хуже день ото дня.

— Ахъ, бѣдная, бѣдная! я ее ужь года два не видала.... Утѣшите ее: женитесь.

— Я готовъ, Анна Михайловна; но нынче дѣвцы очень разборчивы.

— Вы это напрасно, Степанъ Герасимычъ, думаете. Нынче дѣвушкамъ не должно быть разборчивымъ. У меня хоть и своя теперь есть дочь на рукахъ, но я вамъ скажу откровенно, что здѣсь всякая дѣвица должна счесть за счастье выйти за васъ.

При всемъ простодушии, Степочка догадался, какой ему Анна Михайловна давала тонъ: и такъ какъ онъ вполне соответствовалъ его вновь задуманнымъ планамъ, то онъ началъ на Софи смотрѣть замѣтно-нѣжными глазами.

II.

Недѣля черезъ полторы по городу огласилась еще помолвка. Степанъ Герасимычъ сдѣлалъ предложеніе Софѣ Ивановнѣ и получилъ согласіе. Молодой человекъ еще прежде помолвки необыкновенно развернулся: нанялъ другую, гораздо лучшую квартиру; привелъ изъ деревни, вмѣсто рыжки, хотя не со-

всѣмъ откормленнаго, но съ хорошими статями гнѣдаго жеребца, купилъ повѣзанныя чухонскія сани и наконецъ собственно для своей особы пріобрѣлъ ентовую шубу въ полтора ста рублей сер. и каждый день началъ кататься во всемъ этомъ нарядѣ по городу. Проѣзжая мимо дома Ухмыревыхъ, онъ всякій разъ насупливался и принималъ какую-то особенно важную позу. Получивъ слово, онъ задумалъ презентовать невѣстѣ нѣкоторыя изъ своихъ золотыхъ вещей. Нельзя сказать, чтобы это рѣшеніе не стоило ему, по его страстной любви къ цѣннымъ предметамъ, большаго успія надъ самимъ собою: въ первую минуту онъ было предназначилъ въ подарокъ свои лучшіе брегетовскіе часы и брильянтовый перстень, но раздумалъ и подарилъ только старую золотую цѣпочку и, съ самымъ крошечнымъ брильянтикомъ, мужскую для галстука булавку. Анна Михайловна только пожала плечами, увидѣвъ эти подарки, но, рассчитывая на будущее, ничего не дала замѣтить ни жениху, ни дочери. Такъ какъ обязанность автора открывать самыя отдаленныя причины дѣйствій своихъ героевъ, то я прямо объясню, что Сальниковъ все это дѣлалъ, имѣя въ виду досадить Вѣрѣ Павловнѣ: онъ нарочно ѣздилъ мимо ихъ дома, желая тѣмъ показать, что франтигъ, веселится и забылъ о ней, жестокой, думать: съ этою же собственно цѣлью, онъ поторопился даже присвататься къ m-me Моросенко. До него дошло стороною, что Шамиловъ послѣ помолвки подарилъ невѣстѣ брильянтовыя серьги, — и онъ своей подарилъ. Невинная Софи, вслѣдствіе маменькиныхъ внушеній, которая съумѣла ей растолковать прелесть быть шестисотной барыней, была въ

полномъ восторгѣ и цѣлые дни проговаривала съ своимъ другомъ Ирину о томъ, какія у нея будутъ отличныя лошади, модные экипажи, каменный домъ, платья, брильянты, и та, съ своей стороны, пришла тоже въ такой восторгъ, что хотѣла оставить папеньку, у котораго ей было очень скучно, и переѣхать жить къ пріятельницѣ. Моросенки вмѣстѣ съ женихомъ собирались ѣхать къ Аграфенѣ Кондратьевнѣ, чтобы принять отъ нея благословеніе и представить ей будущую невѣстку; но старуха, узнавъ объ этомъ, просила не беспокоиться и хотѣла пріѣхать сама денька на два въ городъ. Въ домѣ Алексѣя Сергѣича не было ничего новаго, кромѣ того, что Шамиловъ началъ болѣе заниматься. Въ послѣднее время между нимъ и невѣстой какъ-будто что-то произошло, потому что въ разговорахъ съ нею онъ сдѣлался насмѣшливъ и когда Вѣра ему говорила, что очень его любитъ, двусмысленно улыбнулся и постоянно называлъ ее: «сѣверная женщина!» Милая моя героиня при другихъ вела себя, какъ и прежде, но въ своей камнатѣ каждое утро обливалась горькими слезами. Катерина Петровна, не смотря на то, что въ предъидущей главѣ позволила себѣ говорить у Анны Михайловны не совсѣмъ выгодно о семействѣ Ухмыревыхъ, ѣздилъ къ нимъ каждый вечеръ и очень подружилась съ Вѣрой, но болѣе того съ Шамиловымъ, который даже при невѣстѣ называлъ ее другомъ своимъ, и, ходя послѣ занятій гулять, завертывалъ къ ней, чтобы выпить чашку кофе и полюбоваться ея маленькой, но удивительно мило-отдѣланной квартиркой. Квартира Катерины Петровны была дѣйствительно прелестная: она состояла всего изъ че-

тырехъ комнатъ, но такихъ чистенькихъ, такихъ свѣтленькихъ, съ такимъ вкусомъ меблированныхъ, что століки, кушетки, ковры, лампочки, даже горничная и лакей, — все у ней было прекрасное. Изъ того, что я говорилъ объ этой дамѣ, читатель можетъ заключить, что она, кромѣ нѣкоторой склонности къ злословію, была очень хорошаго тона, неглупа, весьма недурно образована и отчасти хитра. Но, зная ея прошедшую жизнь, я къ этому прибавлю, что она была съ большимъ характеромъ. Будь на ея мѣстѣ, въ ея семейномъ положеніи другая женщина, то ей бы рѣшительно не пришло въ голову убирать съ такимъ вкусомъ квартиру, ѣздить разодѣтою на вечера, балы и обѣды. Она была очень несчастлива въ замужествѣ; мужъ ея былъ помѣшанъ; она лѣтъ пять ѣздила по всевозможнымъ водамъ, жила въ Одессѣ, на Грязяхъ — ничто не помогало: сумасшествіе усилилось до такой степени, что онъ началъ драться и ей нѣсколько разъ угрожала опасность лишиться жизни. Медки посовѣтовали помѣстить его въ сумасшедшій домъ, что Катерина Петровна и исполнила; а теперь пріѣхала въ свою губернію, чтобы поустроить хоть сколько-нибудь дѣла по имѣнію. Въ этихъ несчастіяхъ, какъ видитъ самъ читатель, она не потерялась и старалась по возможности разсвѣять себя. Однако, у ней каждый разъ наворачивались на глазахъ слезы, когда ее спрашивали о несчастномъ страдальцѣ.

Въ одно утро, Катерина Петровна встала, по обыкновенію, въ одиннадцать часовъ, въ продолженіе двѣнадцатаго одѣлась и начала пить кофе. Хорошенькая горничная доложила:

— Петръ Александрычъ!

<http://rcin.org.pl>

И вслѣдъ за тѣмъ вошелъ Шамиловъ.

— Bon jour,—сказала хозяйка.

Шамиловъ поклонился и сѣлъ.

— Что Вѣра? я ее вчера не видала.

— Ничего,—отвѣчалъ тотъ, закуривая сигару и наливая себѣ кофе.

— Я сейчасъ получила письмо отъ Карелина: вамъ кланяется и пишетъ, что умираетъ со скуки; только и разсвѣнія, что возить въ тележкѣ по горницамъ сестринныхъ дѣтей, у которой ихъ цѣлая дюжина.

— А у васъ съ нимъ переписка?

— Нѣтъ. Это что за вопросъ, п такимъ тономъ?

— Онъ васъ очень интересовалъ?

— Перестаньте, Богъ съ вами! Конечно, онъ очень милъ, не дурень собой....

— Онъ милъ, недурень собой и глупъ,— три качества, съ которыми весьма удобно нравиться женщинамъ.

— Вы сегодня злы, нельзя ли узнать только на кого?

— На всѣхъ и на все.

— Вѣрно опять съ Вѣрой поссорились.

— Если я поссорился и поссорился теперь окончательно, то конечно, ни съ кѣмъ болѣе, какъ съ самимъ собой.

— Это что за новость?

— Вовсе не новое, а напротивъ очень старое. Можно ли себѣ вообразить человѣка, который былъ бы въ такомъ глупомъ положеніи, какъ я? Что я теперь дѣлаю?—женюсь? нѣтъ! Свадьба будетъ Богъ знаетъ когда!—учусь? нѣтъ! науки съ любовью не

очень ладятъ! Князь вонъ теперь все хвораеть; отъ этого дяденьки и тетеньки никакого конечно и толку ждать нечего. Но пусть бы все это вознаграждалось любовью и симпатіей со стороны Вѣры! Клянусь моею честью, люби она меня такъ, какъ я понимаю любовь, будь въ ней это женское самоотверженіе, которое одно и составляетъ счастье въ любви, я забылъ бы все и жилъ бы этимъ чувствомъ. Но вы знаете Вѣру: она умна, хороша, образованна, мечтательна, но и только. Она вѣритъ, какъ въ дважды два четыре, что можетъ на свѣтѣ существовать рыцарская любовь, и что во имя избранной красавицы, можно терпѣть и ждать цѣлые годы съ тою съ перспективою, чтобы быть осчастливлену и вознаграждenu поцѣлуемъ ручки.

— Чего жъ вы хотите?

— Ахъ, Боже мой, къ чему откладывать свадьбу? Если нужно, бѣги со мной, но....

— Вы очень нетерпѣливы, Шамиловъ: надо ждать.

— Чего же ждать, позвольте васъ спросить?

— Это вы лучше должны знать.

— Никто этого не знаетъ, повѣрьте мнѣ. Мы ждемъ и сами не знаемъ чего, — проговорилъ Шамиловъ, всталъ и большими шагами началъ ходить по комнатѣ.

— Если говорить откровенно, то мнѣ васъ жалко, Петръ Александрычъ, — начала хозяйка: — я не понимаю Вѣры: я не могла бы такъ любить, какъ любить она.

— Еще бы! вы и она есть маленькая разница; вы не сѣверная женщина: у васъ есть энергія; вы можете влюбить въ себя человѣка безумно и сами его такъ же полюбите; вы не станете бояться того, чтобы не огорчить дяденьку, тетеньку и всю эту родственную обстановку.

— Я въ жизнь свою никогда ничего не рассчитывала, а въ любви была просто сумашедшая: доказательство— мое замужество. Я вышла за моего мужа, когда всѣ были противъ этого, потому что въ немъ уже и тогда были эти несчастные припадки.

— А послѣ развѣ вы не любили?

Катерина Петровна вздохнула.

— Нѣтъ, — проговорила она.

— И не думаете полюбить?

— Не знаю; да и что пользы въ томъ! мы, влюбленные старухи, бываемъ только смѣшны.

— Вы—старуха?

— А какже! мнѣ двадцать-семь лѣтъ... И сколько я перенесла въ жизни! припоминая прошлое, удивляюсь, какъ достало у меня столько силы, что я жива до сихъ поръ.

— Не жалуйтесь на это, Катерина Петровна. Ничто такъ не развиваетъ и не возвышаетъ женщину, какъ жизнь и несчастіе. Вѣра—намъ живой примѣръ оранжерейнаго, тепличнаго воспитанія; въ ней все умно, логично, но сердца — нѣтъ! оно убито, — убито наукой и абстрактнымъ германскимъ романтизмомъ. Страсти она понимаетъ въ идеѣ; она будетъ сочувствовать имъ въ книгѣ, но, встрѣтя ихъ въ жизни, испугается. По моему, пусть женщина будетъ суетна, вѣтренна, глупа, но только чтобы жила сердцемъ, а не мозгомъ.

— Я съ вами не согласна, Петръ Александрычъ, насчетъ Вѣры. Она холодна не столько по воспитанію, сколько по своему флегматическому характеру: она дѣвушка больная, еще теперь стала нѣсколько здоровѣе, а прежде почти черезъ день хворала.

— Послушайте, — перебилъ Шамиловъ: — я хочу съ вами говорить откровенно, потому что, ей-богу, у меня силъ недостаетъ держать все на душѣ! На первыхъ порахъ она меня очаровала; но потомъ никакого развитія страсти ни въ ней, ни во мнѣ, и первого сравненія, которое я сдѣлалъ ей съ женщиною, созданною непосредственно жизнью, она не выдержала.

— Съ кѣмъ же это вы ее сравнили?—спросила хозяйка.

— А вы не знаете?

— Нѣтъ.

— Съ вами. Чему же вы удивились?... Вы женщина въ глубокомъ значеніи этого слова, — женщина, а она — нѣтъ.

При этихъ льстивыхъ словахъ молодого человѣка Катерина Петровна растерялась.

— Я не ожидала, чтобы вы были такой повѣса, — произнесла она, качая головой.

— А вы находите, что я только повѣса и больше ничего?

— Да, или по крайней мѣрѣ очень странный человѣкъ.

— Послушайте, Катерина Петровна, — воскликнулъ Шамиловъ, останавливаясь передъ ней: — не удивляйтесь, не упрекайте меня! Знаете, есть одинъ герой романа Рене, про котораго говорятъ, что онъ подстрѣленный орелъ. Прочитайте этотъ романъ, и вы тогда поймете меня. Во мнѣ много силъ, и не такое бы мнѣ поле разрабатывать.

Катерина Петровна пожала плечами.

— Но я все-таки не понимаю, чего хотите и чѣмъ недовольны.

— Когда не понимаете, тѣмъ хуже для меня, — проговорилъ молодой человѣкъ и взялся за шляпу.

— Куда же вы? — спросила она съ удивленіемъ и неудовольствіемъ.

« — Нѣтъ, нѣтъ, не смѣю, не могу, волненіямъ любви безумно предаваться, — проговорилъ ей вмѣсто отвѣта Шамиловъ и, поцѣловавъ у ней руку, пошелъ. Катерина Петровна кричала было въ слѣдъ ему посидѣть хоть немного, но онъ не вернулся. По походкѣ и по выраженію лица, видно было, что дорогой его занимала какая-то безпокойная мысль. Придя домой, онъ, не снимая теплаго пальто, схватился за перо и началъ писать на листѣ почтовой бумаги:

« Катерина Петровна!

« Знаю, что стыдно и неприлично мнѣ открыть вамъ то, что я хочу открыть, но «явентъ грѣхъ малу вину творить». Мнѣ мало вашей дружбы: я хочу любви, той любви, къ какой вы способны, энергическая душа!...»

— Алексѣй Сергѣичъ заѣхалъ за вами, проговорилъ надъ самымъ его ухомъ ухмыревскій лакей въ ливреѣ, такъ что Шамиловъ вздрогнулъ, и первымъ его дѣломъ было изорвать начатое письмо на мелкіе куски.

— Кто? — спросилъ онъ съ сердцемъ.

— Алексѣй Сергѣичъ, съ барыней и съ барышней обновляютъ новыя сани и васъ зовутъ.

— Хорошо, приду; ступай.

Лакей ушелъ.

Петръ Александрычъ нехотя надѣлъ шляпу и пошелъ за нямъ.

Сходя съ лѣстницы, онъ проговорилъ:

— Ахъ, ты воля, моя волюшка, ты прошла, знать, миновалася.

Въ саняхъ ему было оставлено мѣсто напереди. рядомъ съ Алексѣемъ Сергѣичемъ.

Въ продолженіе всего катанья Шамиловъ молчалъ, Вѣра была грустна и только повременамъ взглядывала робко на жениха. Алексѣй Сергѣичъ занятъ былъ преимуществу тѣмъ, что наблюдалъ за впечатлѣніемъ, которое производятъ на всѣхъ встрѣчныхъ его новыя сани. Авдотья Егоровна, боявшаяся очень холоду и выѣхавшая въ открытомъ экипажѣ изъ угожденія только мужу, куталась въ шаль, сапогъ, мусту и т. п. Такимъ образомъ, катающіеся, объѣхавъ раза два весь городъ, не проговорили почти ни слова. Ухмыревъ, завезя барынь и Петра Александрыча домой, самъ поѣхалъ дѣлать визиты. Озябнувшая Авдотья Егоровна ушла къ себѣ въ спальню, чтобы обтереться виномъ и выпить горячаго чаю.

Вѣра осталась съ Шамиловымъ вдвоемъ. Разговоръ у нихъ не начинался. Петръ Александрычъ задумчиво ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ. Вѣра какъ-будто бы глядѣла въ окно. Прошло, по крайней мѣрѣ, четверть часа въ молчаніи.

— Ты не любишь меня больше,—проговорила наконецъ Вѣра тихимъ голосомъ.

Шамиловъ горько улыбнулся.

— А вы меня любите?

— Ты, кажется, видишь.

— Вижу, Вѣра: это-то мое и несчастье, что я очень хорошо все вижу.

— Что же ты видишь?

— А то, какъ вы осторожно и умѣренно любите.

Такого рода спокойное чувство въ женѣ прости-тельно, а въ невѣстѣ немного рано.

Вѣра заплакала.

— Вѣра! это невыносимо, — началъ Шамиловъ: — съ вами невозможно говорить. Послѣ перваго моего откровеннаго слова вы начинаете плакать.

— Вы сами заставляете меня плакать... ваше недовѣріе, вашъ насмѣшливый тонъ: за что все это? Если вы чѣмъ-нибудь недовольны мной, скажите мнѣ прямо.

Шамиловъ ничего не отвѣчалъ, но, отойдя къ столу, сѣлъ, схватилъ себя обѣими руками за голову и задумался. Вѣра внимательно посмотрѣла на жениха, какъ бы желая узнать, что у него на душѣ, и ей стало жаль его. Она встала съ веселой улыбкой, подошла къ нему потихоньку и поцѣловала въ голову; но Петръ Александрычъ не замѣтилъ этого. Вѣра сѣла рядомъ съ нимъ на диванъ и взяла его за руку, но онъ оставался въ прежнемъ положеніи.

— Пьеръ! за что ты на меня сердишься? — проговорила добрая дѣвушка.

— Другъ мой! — началъ онъ полу-трагическимъ голосомъ: — намъ невозможно оставаться въ томъ двусмысленномъ положеніи, въ которомъ находимся теперь, потому что мы съ каждымъ днемъ утрачиваемъ вѣру въ взаимную любовь нашу.

— Что-жь намъ дѣлать?

— Три выхода изъ нашего положенія: первый, какъ я прежде тебѣ говорилъ, просить твоихъ родныхъ обезпечить насъ и послѣ-завтра же обвѣнчаться.

— Это невозможно, Пьеръ: у дяди ничего нѣтъ, онъ весь въ долгахъ.

— А князь?

— Князь мнѣ посторонній человѣкъ; онъ и то много сдѣлалъ для меня. Больше я ничего не въ состояніи у него просить.

— Въ такомъ случаѣ,—началь Шамиловъ: —рѣшишь идти подъ вѣнецъ такъ, какъ ты сидишь теперь, въ одномъ этомъ платьѣ, и поѣдемъ въ Москву. Я откажусь отъ всѣхъ моихъ надеждъ и буду давать уроки.

— На это не согласятся родные.

— Убѣжимъ.

— Нѣтъ, Пьеръ... я не могу, я не должна на это согласиться... я скорѣе умру, чѣмъ позволю себѣ обременить тебя, когда ты самъ еще не имѣешь ничего опредѣленнаго.

— Стало быть, ни то, ни другое вамъ не нравится; но есть третій выходъ: я послѣ-завтра же ѣду въ Москву и буду пристраивать свою голову, какъ и гдѣ Богъ приведетъ.

— Зачѣмъ же послѣ-завтра?—спросила Вѣра, поблѣднѣвъ.

— Затѣмъ, что здѣсь я только теряю бесполезно время: вблизи васъ, Вѣра, я заниматься не могу, надѣяться ни на кого и ни на что не долженъ, потому что всѣ думаютъ только о самихъ себѣ и весьма расчетливо обставляютъ свою личность, такъ что проигрываю одинъ только я. Но во всякомъ случаѣ даю вамъ честное слово, что въ годъ или, можетъ быть, менѣе составлю себѣ карьеру, съ пріятною надеждою, что современемъ и вы рѣшитесь выдти за меня, если только въ продолженіе этого

не представится вамъ болѣе выгодная партія, которую я не только не стѣсняю васъ принять, но даже совѣтую, потому что самое благоразуміе, а его у васъ такъ много, ясно говорить, какъ мало надобно надѣяться на мальчишку, который, можетъ быть, и правился, но слишкомъ былъ...

— Не доканчивайте, Петръ Александрычъ! — перебила Вѣра: — вы слишкомъ ужь много сказали. Время покажетъ, кто изъ насъ правъ и кто виноватъ. Если вамъ нужно, поѣзжайте хоть сегодня же, а я васъ буду всю жизнь любить, чѣмъ бы вы ни были и гдѣ бы вы ни были...

Далѣе Вѣра не въ состояніи была говорить: у нея захватило дыханье; она встала и ушла въ свою комнату. Шамиловъ остался на прежнемъ мѣстѣ.

Къ обѣду Вѣра впрочемъ вышла, но у ней былъ такой дурной цвѣтъ лица, что Авдотья Егоровна испугалась.

— Что съ тобой, ангелъ мой? ты на себя не похожа, — спросила она.

— Ничего, ma tante; я давеча озябла... до сихъ поръ не могу согрѣться.

— Какъ же быть такой неосторожной! одѣлась легко и, пріѣхавъ, не напилась ничего теплаго.

— Угодно вина? — сказалъ Шамиловъ, наливая рюмку.

— Не хочу, — отвѣчала Вѣра: — такъ пройдетъ.

— Выпить надобно-съ, — замѣтилъ дядя.

Но Вѣра не выпила и ничего почти не ѣла. Шамиловъ также почти не ѣлъ, но вина выпилъ нѣсколько рюмокъ.

— Я нѣкогда читалъ, — началъ онъ: — не помню въ

вакомъ журналѣ, повѣсть, названную «Кокетка»...
— удивительно хороша!

— Что такое? спросила Авдотья Егоровна:— вѣрно опять что-нибудь смѣшное расскажете.

— Нѣтъ-съ, напротивъ, очень печальное. Тутъ выводится одинъ молодой человѣкъ, живой, страстный, очень неглупый, но слишкомъ молодой. На первомъ же шагу въ большой свѣтъ онъ встрѣтилъ одну дѣвушку, красавицу, богатую и свѣтскую. Она была окружена толпою поклонниковъ, въ фалангу которыхъ и онъ попалъ.

— Врѣзался значитъ, — объяснилъ Алексѣй Сергѣичъ.

— Именно врѣзался, и врѣзался до сумасшествія: его замѣтили, или, лучше сказать, предпочли. Ему позволили говорить о любви и даже съ своей стороны какъ-будто бы что-то подобное высказывали. Два года слѣдилъ онъ за ней какъ тѣнь, терялъ въ это время службу, здоровье, состояніе, блестящую партію, которую приготовляли было для него родные. Но вотъ въ одинъ прекрасный день прѣзжаетъ онъ къ нимъ въ домъ, и ему торжественно объявляютъ, что она выходитъ замужъ за старика-урода, но богача.

— Какъ часто въ свѣтѣ это бываетъ! — произнесла Авдотья Егоровна.

— Бываетъ-съ. Дѣло въ томъ, что молодой человѣкъ, на первыхъ порахъ, молилъ не обманывать его, безпрестанно высказывалъ сомнѣніе въ ея чувствахъ, молилъ, чтобы она однимъ разомъ покончила его страданія; но она или сердилась на него, или отыгрывалась словами.

— Зачѣмъ же это она все дѣлала?—спросилъ Алексѣй Сергѣичъ.

— Это объясняетъ заглавіе «Кокетка», — отвѣчалъ Шамиловъ.

Съ Вѣрой сдѣлался кашель, такъ что она принуждена была закрыть лицо платкомъ.

— Запей водой, душа моя... что это сегодня съ тобой? —отнеслась къ ней Авдотья Егоровна. — Чѣмъ же кончилось, Петръ Александрычъ?

— Кончилось драматически; она получила аналогическое наказаніе: въ одну ночь, которая у нея не занята была баломъ, онъ подкупилъ людей. и вошелъ въ ея будуаръ, худой, блѣдный, и слѣдующую къ ней рѣчь повелъ: «вы умерщвляли меня нравственно два года и достигли этого; сердце и умъ мой убиты, теперь я пришелъ къ вамъ, чтобъ вы убили меня физически: вотъ ядъ, отравите меня — это послѣдняя моя къ вамъ просьба», и съ этими словами подаетъ ей небольшой пузырекъ. Она испугалась, схватила за склянку, которая лопнула, и жидкость брызнула ей на лицо. Ядъ обезобразилъ ее, а онъ сошелъ съ ума.

— Ну, врядъ ли это можетъ быть, это сказки, — замѣтилъ Алексѣй Сергѣичъ.

— За конецъ я не спорю; онъ придуманъ, и придуманъ несовсѣмъ удачно, но предыдущее все справедливо и часто повторяется въ жизни.

Мы легко можемъ догадаться, съ какой цѣлью Шамиловъ рассказывалъ эту интересную повѣсть, въ которой даже кое-что перемѣнилъ, сообразно съ своей задней мыслию. На чей счетъ все это было говорено, тоже поняли. Вѣра едва имѣла силы дойти

до наугольной и, закутавшись въ мантилью, сѣла на диванъ; съ ней сдѣлался лихорадочный припадокъ. Авдотья Егоровна совѣтовала ей идти лечь въ постель и выпить мяты, но она отказалась. Алексѣй Сергѣичъ велѣлъ Шамилову приготовить экипажъ. Когда лошади были готовы, Петръ Александрычъ пришелъ проститься съ невѣстой.

— Куда вы?—спросила она.

— Домой: заниматься надо.

— Какую вы славную повѣсть рассказываете!

— Хороша-съ.

— Сегодня мы вѣрно съ вами не увидимся? Вы, можетъ быть, еще захотите припомнить или сочинить какую-нибудь исторію въ родѣ давишней.

— Мнѣ не для чего сочинять: достаточно, если я стану рассказывать, что со мною самимъ происходить, — произнесъ онъ, протягивая руку, которую Вѣра взяла и крѣпко сжала; но Шамиловъ не отвѣтилъ ей тѣмъ же.

Послѣ описаннаго мною дня, Вѣра Павловна сдѣлалась серьезно больна, такъ что Шамиловъ перепугался: онъ цѣлый день сидѣлъ въ ея комнатѣ, самъ подавалъ ей лекарство и безпрестанно спрашивалъ, лучше ли ей. Авдотья Егоровна не менѣе Петра Александрыча встревожилась и почти не отходила отъ больной. Она съ ужасомъ рассказала всѣмъ своимъ знакомымъ о болѣзни Вѣрочки слѣдующимъ образомъ: «мы были съ Алексѣемъ Сергѣичемъ на вечерѣ. Она не поѣхала съ нами и говорила, что не такъ хорошо себя чувствуетъ; но я думала, что просто полѣнилась и была тамъ покойна, но пріѣхавъ, обмерла, потому что нашла ее, бѣдненькую, въ

такой истерикъ, какой со мной никогда не случалось, хоть я и подвержена этой ужасной болѣзни выше всякихъ словъ». Алексѣй Сергѣичъ мало обращалъ вниманія на болѣзнь племянницы и все это время былъ въ полномъ самодовольствѣ: на дняхъ онъ цѣлое утро сидѣлъ у князя; вмѣстѣ съ нимъ были Шмаковъ и помѣщикъ-охотникъ, у котораго на той недѣлѣ должна состояться свадьба дочери, и потому онъ униженно просилъ его сіятельство быть посаженнымъ отцомъ. Но князь, ссылаясь на болѣзнь рѣшительно отказался. Шмаковъ тоже былъ довольно сухо принятъ, несмотря на то, что онъ, по бойкости своего характера, завелъ было продолжительный разговоръ о своихъ значительныхъ петербургскихъ знакомыхъ; но хозяинъ не дослушалъ и обратился къ Алексѣю Сергѣичу: давно ли и чѣмъ именно больна Вѣра? Кромѣ этого лестнаго предпочтенія отъ князя, Ухмыревъ послѣднее время съ большимъ успѣхомъ игралъ у одного прѣзжаго помѣщика, переѣзжавшаго обыкновенно изъ одного города въ другой и заводившаго вездѣ довольно серьезную игру. Алексѣй Сергѣичъ въ душѣ уважалъ этого помѣщика, потому что постоянно видѣлъ его съ большими деньгами и постоянно играющимъ по большой суммѣ.

Съ самой болѣзни, Шамиловъ сдѣлался къ невѣстѣ по прежнему ласковъ и нѣженъ: о происшедшей размолвкѣ ни она, ни онъ не говорили ни слова; повѣзку въ Москву Петръ Александрычъ или отложилъ, или, по крайней мѣрѣ, не упоминалъ о ней. Катерина Петровна ѣздила къ Ухмыревымъ довольно часто и обнаруживала къ Вѣрѣ необыкновенное участіе и даже нѣкоторымъ образомъ лестъ.

— Вы, Вѣра, еще похорошѣли; какъ идетъ къ вамъ эта блѣдность!—говорила она.

Но къ Шамилову она перемѣнилась совершенно: очень мало говорила съ нимъ и если относилась иногда въ общемъ разговорѣ, то съ явнымъ желаніемъ уколоть. Петръ Александрычъ на всѣ ея насмѣшливыя замѣчанія или отшучивался, или молчалъ; но, наконецъ, въ одинъ изъ вечеровъ они явно поссорились.

— Петръ Александрычъ,— сказала Катерина Петровна:—отчего вы, ѣздивъ каждый день мимо меня, такъ нынче недобры, что ни разу не хотите завернуть ко мнѣ: такъ друзьямъ не слѣдуетъ дѣлать. Вѣра Павловна, я вамъ жалуясь на вашего жениха.

— Отчего же ты не хочешь заѣхать? — спросила Вѣра.

— Очень просто: я тороплюсь видѣть тебя,— отвѣчалъ нахмурившись Шамиловъ.

— Право? — воскликнула Катерина Петровна.

И воскликнула такъ недовѣрчиво, что Вѣра и Авдотья Егоровна посмотрѣли на нее съ удивленіемъ и переглянулись между собой.

Шамиловъ еще болѣе нахмурился и молчалъ.

— Онъ со мной не хочетъ говорить, — замѣтила Катерина Петровна.

— О чемъ же мнѣ прикажете съ вами говорить? возразилъ Шамиловъ.

— А, mon Dieu! я вамъ и не думаю приказывать: для меня, право, все равно.

— Видно, не все равно.

— Нѣтъ-съ все равно, ей-богу, все равно.

— Вы, кажется, не на шутку пивируетесь, — замѣтила Авдотья Егоровна, желавшая прекратить эту сцену.

Но Катерина Петровна не унималась и продолжала:

— Какъ нынче друзья переменчивы: нѣсколько дней назадъ, Петръ Александрычъ повѣрялъ мнѣ всѣ свои задушевные тайны, а теперь даже говорить не хочетъ: чѣмъ я тутъ виновата?

— Какія же это ты тайны повѣрялъ? — спросила Вѣра.

Шамиловъ поблѣднѣлъ.

— Не знаю: я никакой имъ не повѣрялъ, скорѣе выспытывалъ ихъ тайны.

— Никакой?... Ахъ, вы несправедливый человекъ! — воскликнула Катерина Петровна; — ну смотрите, я васъ выведу же на свѣжую воду.

— Сколько вамъ угодно! и на вся и все, что вы станете при мнѣ и обо мнѣ говорить, я не буду ни возражать, ни оправдываться.

— Это для васъ будетъ самое лучшее, — сказала Катерина Петровна.

И, посидѣвъ немного, уѣхала. При прощаніи, она сказала со вздохомъ Вѣрѣ:

— Je souhaite, Véra, que vous soyez heureuse avec votre futur mari.

— Пьеръ, что такое у васъ? — спросила та съ безпокойствомъ Шамилова.

— Ничего особеннаго: эта женщина ниже словъ; я знаю про нее ужасныя вещи, она теперь боится меня и хочетъ запутать, — отвѣчалъ онъ.

— Я сама нынче разлюбила ее: она никого не

оставить въ покоѣ, всѣхъ пересмѣть и о каждомъ скажетъ что-нибудь дурное, — проговорила Авдотья Егоровна.

На другой день она подробно рассказала Алексѣю Сергѣичу весь разговоръ съ Шамиловымъ и просила его объяснить, что такое все это значить.

— Ничего не значить: болтають, — отвѣчалъ тотъ, — ихъ обоихъ надобно княземъ пугнуть.

III.

Въ началѣ масляницы, на которую готовилось много удовольствій, разнеслась совершенно неожиданная вѣсть: князь, въ ночь на 16 февраля, умеръ скоропостижно. Если вы, читатель, припомните, какое большое участіе принималъ онъ въ свадьбѣ и вообще въ дѣлахъ Вѣры, Шамилова и Ухмыревыхъ, то можете себѣ представить, какъ всѣ они были поражены.

— Батюшки, что это такое! что мнѣ теперь дѣлать? — воскликнулъ Алексѣй Сергѣичъ.

— Что-же такое, cher Alexis? спросила его простодушно Авдотья Егоровна.

— Какъ что? — воскликнулъ по обыкновенію съ азартомъ Ухмыревъ: — для чего же мы свадьбу-то затѣвали!

— Какъ для чего?

— Такъ. Князь теперь померъ: жени, пожалуй, ихъ да и позьми на свои плечи.

— Можетъ быть, какъ-нибудь и устроится.

— Чему тутъ устраиваться! я уступилъ тутъ только желанію князя.

— Но нельзя же, Alexis, намъ теперь что-нибудь предпринимать противъ этого.

— Я ничего и не предпринимаю... не беспокойтесь! а только говорю, что отступаюсь: дѣлайте какъ хотите, а на меня не надѣйтесь. По моимъ лѣтамъ, мнѣ въ-пору о себѣ да о тебѣ думать,—проговорилъ Ухмыревъ и уѣхалъ играть въ карты къ уважаемому имъ помѣщику.

Шамиловъ, услышавъ о смерти князя, пришелъ въ странное и неприличное для мужчины отчаяніе и обнаружилъ, при этомъ случаѣ, какое-то чисто женское малодушіе: вмѣсто того, чтобы успокоить полу-больную и огорченную Вѣру, онъ, въ присутствіи ея началъ просто бѣсноваться, ходилъ безпокойными шагами по комнатѣ, схватившись за голову, колотилъ себя въ грудь и только что не плакалъ.

— Я это предчувствовалъ,—говорилъ онъ: — это новая шутка надо мной судьбы: князь любилъ меня, хотѣлъ и могъ упрочить мое благополучіе и, конечно, не далъ бы задохнуться моимъ способностямъ и моей до сихъ поръ бесполезной молодости. Но гдѣ и съ чѣмъ остался я теперь? что у меня впереди?—бѣдность, неблагодарный трудъ и больше ничего.

— Къ чему-жь, Пьеръ, такое отчаяніе! ты молодъ: надѣйся больше на себя; мало ли чѣмъ ты можешь быть.

— Нѣтъ, Вѣра, я не хочу обманывать пустыми надеждами ни себя, ни тебя: у насъ ни въ будущемъ, ни въ настоящемъ ничего нѣтъ.

— А любовь?

— Умоляю тебя, не говори этого слова: мнѣ стра-

шно его слышать, и страшно не за себя: я знаю свой дальнѣйшій путь, — но за тебя, другъ мой. Я готовъ просить тебя: разлюби и презри меня, употреби на это всю силу твоей воли: я не стою твоей любви: я — ничтожный человѣкъ и безъ помощи князя не буду ничѣмъ. Зачѣмъ же тебѣ свою судьбу связывать съ моею? Оттолкни меня.

Вѣра пристально посмотрѣла на жениха.

— Будемъ, Пьеръ, говорить о чемъ-нибудь другомъ. Ты встревоженъ сегодня, я — тоже: пощади и меня, — проговорила она.

Шамиловъ сѣлъ на отдаленное кресло и задумался. Вѣра начала было спрашивать, какъ идутъ его занятія, не задумалъ-ли онъ писать чего-нибудь, просила его почитать ей что-нибудь, — Петръ Александрычъ отвѣчалъ односложно и читать рѣшительно отказался.

На другой день былъ назначенъ парадный вывозъ тѣла князя. За катафалкомъ его слѣдовали: все городское духовенство, всѣ чиновники, состоявшіе при немъ и погруженныя въ искреннюю печаль, и всѣ наконецъ уѣздные чиновники, погребавшіе его съ притворнымъ чувствомъ, какъ мыши kota. Всѣ они были, разумѣется, въ полныхъ мундирныхъ формахъ. Сзади тянулись экипажи почти всѣхъ городскихъ жителей. Впереди всѣхъ ѣхалъ Алексѣй Сергѣичъ съ Авдотьей Егоровной въ каретѣ, обитой снаружи чернымъ сукномъ, и съ кучеромъ и лакеемъ, тоже облеченными въ глубокой трауръ. Вѣра по случаю болѣзни была дома. Шамиловъ остался при ней, и оба они смотрѣли въ окно на печальную процессію. Сначала она разрыдалась, а потомъ опять занемогла

сильнѣе прежняго: у нея открылось по словамъ доктора, въ родѣ горячки. Не смотря на тяжкую болѣзнь невѣсты, Шампловъ приходилъ къ ней очень не надолго: съ самой смерти князя положеніе его въ домѣ Ухмыревыхъ сдѣлалось странное и непріятное. Алексѣй Сергѣичъ едва удостоивалъ его двухъ-трехъ словъ въ день, и то съ явнымъ пренебреженіемъ. Авдотья Егоровна, какъ и всегда, подражала мужу. Просиживая цѣлые дни дома, Петръ Александрычъ ничѣмъ не занимался и только ходилъ по комнатамъ и вздыхалъ. Такъ прошло двѣ недѣли. Вѣра управлялась очень медленно.

Возвратился отъ сестры уланъ Карелинъ и, объѣхавъ весь городъ, завернулъ къ Шамилову, который очень обрадовался пріѣзду пріятеля.

— Какъ я радъ, что вы вернулись, — говорилъ онъ, обнимая Карелина, и зная, что тотъ любилъ завтракать съ виномъ, тотчасъ-же распорядился по этому предмету.

— Когда ваша свадьба, Петръ Александрычъ? — спросилъ уланъ.

— Самъ не знаю.

— Ужь не расклеилась-ли?

— Это съ чего вамъ пришло въ голову?

— Здѣсь какъ въ трубу трубятъ. Ухмыревъ самъ надняхъ говорилъ, что свадьба врядли состоится, и что они думаютъ отказать вамъ.

— Кому же это онъ говорилъ? — спросилъ Шамиловъ довольно равнодушно.

— Не знаю, кому именно, но я думаю, всѣмъ, кто тутъ былъ: мнѣ въ каждомъ домѣ объ этомъ рассказывали.

— Его воля: какъ хотятъ, такъ и дѣлаютъ.

— Вотъ какъ поговаривать начали; ну, а невѣста что-же... она васъ любитъ?

— Я думаю.

— Такъ какъ-же? я бы на мѣстѣ вашемъ этому господину зажалъ ротъ.

— Семейныя дѣла судить трудно: и я вамъ скажу только одно, что я люблю Вѣру, далъ себѣ слово посвятить ей всю жизнь; она будетъ моя, хоть бы цѣлый міръ былъ мнѣ препятствіемъ.

— А здѣсь говорятъ другое,—возразилъ уланъ:— Катерина Петровна сказывала мнѣ, что вы и за ней ухаживали, признавались ей, что не любите Вѣру Павловну, а женитесь на ней по видамъ, чтобы угодить князю.

— Что Катерина Петровна есть мой лютейшій врагъ — это я знаю давно, а какого рода были мои съ ней отношенія, объ этомъ я, какъ благородный человѣкъ, считаю за лучшее молчать и предоставляю ей полное право говорить обо мнѣ все, что ей вздумается.

— Зачѣмъ же вы ей меня бранили... что я вамъ сдѣлалъ?

— Если вы ей вѣрите больше, чѣмъ мнѣ, то мнѣ остается только сожалѣть, но оправдываться я не хочу.

Такъ разговоръ продолжался въ томъ же тонѣ. Уланъ хотѣлъ было ѣхать, но Шамиловъ просилъ его посидѣть.

— Оставайтесь: мы выпьемъ съ вами. Мнѣ такъ грустно, такъ тяжело, что я готовъ сдѣлаться пья-

нацей; но еще покуда одному пить совѣстно — составьте компанію.

— Можно.

— Что вы любите попреимуществу?

— Все люблю.

Подали вино и закуску. Молодые люди чокнулись и выпили по стакану вина; хозяинъ тотчасъ же предложилъ повторить.

— Да вы, однако славно напрактиковались въ это время... а то помните, какой были нѣженка.

— Мало ли чѣмъ я когда-то былъ: теперь я не тотъ... судьба надо мной удивительно тѣшится.

— Что такое?

— Я теперь въ ужасномъ положеніи... не знаю, какъ вы понимаете меня, Карелинъ: но видитъ Богъ, что натура моя не пошлая... я не дюжинный человекъ и могъ быть чѣмъ-нибудь выше жалкой посредственности, или, по другому выраженію, благородной середины, — но теперь во мнѣ многое уже убито или убьется современемъ окончательно, потому что, женившись, я изъ-за куска хлѣба долженъ буду взять на себя трудную обязанность домашняго учителя.

— Насчетъ состоянія я вамъ говорилъ еще прежде...

Шамиловъ задумался и вздохнулъ.

— Вы, Карелинъ, человекъ практическій и въ тоже время благородный; я сдѣлаю вамъ одинъ вопросъ: хорошо ли мужчинѣ и свою энергію, и данныя ему Богомъ способности принести въ жертву любви, которой, конечно, каждый изъ насъ готовъ предаться всякій годъ, и всякій годъ утратить ее и

замѣнить новою привязанностію? Вотъ мой вопросъ; разрѣшайте его.

— Очень легко: вамъ просто нехочется жениться.

— Тутъ дѣло не въ желаніи... мало ли мы чего желаемъ подъ вліяніемъ страсти! но я спрашиваю: долженъ ли я рисковать на безразсудный бракъ и губить себя во имя любви къ чудной и прекрасной дѣвушкѣ, которой, напередъ знаю, что не принесу никакихъ радостей?

— Зачѣмъ же вы ухаживали за ней? Это нечестно... Будь я ея братъ, я бы за одни слухи, которые ходятъ по городу, вытянулъ васъ на барьеръ.

— Вы не понимаете меня: я не ухаживалъ за ней, но я полюбилъ и люблю ее... Насъ свела судьба на взаимное несчастіе, — возразилъ Шамиловъ.

— Да васъ и понять невозможно, вы какой-то удивительный фантазеръ: то говорите, что любите эту дѣвушку и что всю жизнь хотите посвятить для нея, то идете на гибель. Я бы за васъ не рискнулъ отдать ни сестры, ни дочери.

— Понять вы меня можете, но не хотите... впрочемъ, прекратимъ этотъ разговоръ, который мнѣ очень тяжелъ, — проговорилъ Петръ Александрычъ съ неудовольствіемъ.

— За что жъ вы сердитесь? я сказалъ вамъ по дружбѣ.

Шамиловъ насмѣшливо улыбнулся.

— Съ нѣкотораго времени я очень сталъ бояться друзей: большая часть изъ нихъ доказывали мнѣ это чувство тѣмъ, что брали себѣ право перетол-

ковывать всё мои поступки и слова въ дурную сторону; а это для меня не совсѣмъ пріятно.

— Прощайте, — произнесъ уланъ вставая: — вы сегодня не въ духѣ, вѣрно лѣвой ногой съ постели встали.

— Я не всталъ лѣвой ногой съ постели, но въ жизнь шагнулъ неудачно.

— Ну, меланхолія.

— Погодите, Карелинъ, не обижайтесь моими словами: я не могу быть нераздражителенъ: въ это время меня все терзало; положите вашу фуражку. Я люблю Вѣру безумно; вы превосходный человекъ по одному уже тому, что отстаиваете ея права. Выслушайте меня: на-дняхъ я долженъ ѣхать въ Москву; она теперь больна, и около нея почти никого нѣтъ. Наблюдайте за ней, навѣщайте ее и увѣдомляйте меня... будьте столько обязательны, не откажите мнѣ въ этой просьбѣ.

— Это что еще за идея пришла вамъ въ голову! нашли какого наблюдателя! Я въ этихъ дѣлахъ бывалъ обыкновенно дѣйствующимъ лицомъ, а въ посредники врядли гожусь.

— Не шутите, Карелинъ, а лучше возьмитесь за доброе дѣло и дайте мнѣ слово увѣдомлять меня, здорова-ли она, жива-ли. А то мнѣ и этого не напишутъ.

— Хорошо. Вы, однако, ужасный чудакъ Когда-жь думаете ѣхать?

— Дня черезъ два.

— Еще увидимся?

— Непремѣнно.

Простившись съ уланою, Шампловъ по крайней мѣрѣ часа два ходилъ взадъ и впередъ

по комнатѣ и все что-то обдумывалъ; потомъ отпра-
вился къ невѣстѣ.

— Вѣра Павловна?—спросилъ онъ понавшагося
ему въ залѣ Алексѣя Сергѣича.

— У себя-съ въ комнатѣ,—едва отвѣтилъ Ухмы-
ревъ.

Вѣра сидѣла въ креслахъ и была очень еще
слаба; передъ ней стояла Авдотья Егоровна и терла
ей виски о-де-колономъ.

Шамиловъ поцѣловалъ руку у невѣсты и цере-
монно поклонился теткѣ, которая ему отвѣчала тѣмъ же.

— Гдѣ ты былъ утро?—спросила Вѣра.

— Дома; меня задержалъ Карелинъ: часа два си-
дѣлъ,—отвѣчалъ Шамиловъ и, усѣвшись на отда-
ленное кресло, взялъ близлежащую книгу и будто-бы
углубился въ чтеніе.

Авдотья Егоровна, постоявъ немного, вышла.

— Какъ ты чувствуешь себя, Вѣра?—сказалъ
Шамиловъ, тотчасъ же вставая и подходя къ не-
вѣстѣ.

— Сегодня мнѣ лучше; голова только дурна.

— Ты рѣшительно себя не бережешь, другъ мой.

— Какъ же мнѣ беречь себя?

— Очень просто: не тревожить и не волновать
себя всякими пустяками.

Вѣра вздохнула.

— Развѣ ты самъ не былъ встревоженъ... пом-
нишь, передъ моей болѣзнію! — сказала она.

— Ахъ, Боже мой! Въ первую минуту я, ко-
нечно, поддался бесполезному отчаянію: но у чело-
вѣка, кромѣ сердца, есть еще умъ, который охлаж-

даетъ и наши радости, и наши горести,— возразилъ Шамиловъ. — Мы съ тобой, Вѣра, въ такомъ положеніи,—продолжалъ онъ: — что одна только сила воли съ нашей стороны можетъ спасти насъ. Можешь-ли ты, другъ мой, выслушать меня, что я хочу сказать тебѣ?

— Говори.

— Мнѣ надобно ѣхать въ Москву.

— Когда же?

— Послѣ-завтра.

— Послѣ-завтра пятница — не ѣзди: это тяжелый день!

— Въ такомъ случаѣ въ субботу.

— Поѣзжай....—проговорила Вѣра.

— Если ты будешь плакать и будешь разстраивать еще больше свое здоровье, я не въ состояніи буду ѣхать: останусь здѣсь и буду до конца губить мою карьеру. Другъ мой! пожалѣй и меня: я близокъ къ сумашествію, я готовъ сдѣлаться пьяницей.... Согласись только съ тѣмъ, что ни у тебя, ни у меня ни на кого теперь нѣтъ надежды, кромѣ какъ на свои собственные усиленные труды, которые возможны для меня только въ Москвѣ.

— Что-же ты будешь дѣлать въ Москвѣ?—спросила Вѣра.

— Планъ мой вотъ каковъ: я, тотчасъ же по пріѣздѣ, выдержу на кандидата; потомъ, такъ какъ для насъ всего нужнѣе деньги, наберу частныхъ уроковъ: у меня много знакомыхъ профессоровъ, старыхъ товарищей, и всѣ они, я увѣренъ, не откажутся пособить мнѣ въ этомъ. Я буду имѣть, положимъ, семь уроковъ въ недѣлю, по два рубля сереб-

ромъ — четырнадцать рублей; въ мѣсяцъ — почти шестьдесятъ, въ годъ — семьсотъ, да съ имѣнія триста, и того около тысячи рублей серебромъ; сверхъ того я буду работать въ журналы; если не успѣю приготовить чего-нибудь своего серьезнаго, займусь переводами, за которые любой журналъ мнѣ дастъ двадцать рублей серебромъ. Вотъ тебѣ мои доходы, которыхъ, право, очень достаточно для нашего существованія: я знаю семейныхъ людей, которые на двѣ тысячи живутъ превосходно, мы найдемъ хорошенькую, около Сухаревой башни, квартирку, которая тамъ дешева, будемъ держать двоихъ людей.

— А служба какъ-же?

— Службу я возьму какую-нибудь легкую; но собственно говоря, мнѣ нуженъ только свободный вечеръ, который я посвящу урокамъ, а ночь — литературнымъ занятіямъ. Здѣсь же я, покуда все это устроится, имѣю въ виду одного человѣчка, который будетъ доставлять мнѣ о васъ подробнѣйшія свѣдѣнія.

— Кто такой?

— Карелинъ.

— Это зачѣмъ? что у тебя за дружба съ нимъ?

— Ты несправедливо предубѣждена противъ него: онъ человѣкъ неглупый и въ высшей степени благородный и искренно тебѣ преданный.

— Ты почему знаешь?

— Я его сегодня немного испыталъ: онъ мнѣ передалъ, что твой дядя гдѣ-то тамъ говорилъ, что свадьба наша не состоится: я притворился и нарочно сказалъ ему, что это очень возможно. Представь себѣ, онъ вышелъ изъ себя и объявилъ мнѣ

пренаивно, что если бы былъ твоимъ братомъ, то вызвалъ бы меня на дуэль.

— Для чего ты такъ говорилъ съ нимъ?—сказала Вѣра, качая головой: — онъ хорошенько не пойметъ твоихъ словъ и будетъ ихъ разсказывать всему городу.

— Заблуждаетесь, Вѣра, рѣшительно заблуждаетесь въ отношеніи этого человѣка; вы его узнаете и оцѣните впоследствии.

Вѣра Павловна болѣе не возражала.

Странное было ея душевное состояніе. Она была умна и давно уже поняла своего жениха и очень хорошо видѣла, что онъ ее разлюбилъ. Гордость въ ней заговорила. Она видѣла, что это человѣкъ фразы, котораго ни любить, ни уважать не стоитъ. «Что-жь такое, ошиблась...» говорила она сама съ собой, утѣшая себя мысленно, а между тѣмъ въ головѣ ея зрѣлъ новый планъ, полный самоотверженія и душевной муки.

Шампловъ, обрадованный возможностью уѣхать въ Москву, забывъ всякую деликатность, веселился, какъ малый ребенокъ.

— Опять туда, въ мою родную Москву!... — восклицалъ онъ, олять сойдусь съ моими добрыми, образованными друзьями потому что здѣсь, видитъ Богъ, я постоянно страдалъ: одна только ты мнѣ и сочувствовала.

— А Карелинъ и Катерина Петровна?—спросила его Вѣра.

— Не укоряй меня, Вѣра, этими людьми: Карелинъ прекрасный малый; а Катерина Петровна, твой

дядя, тетка, — однимъ словомъ, всё мои недоброжелатели, — Богъ съ ними, я имъ прощаю.

Часу во второмъ Шампловъ поѣхалъ проститься съ городскими жителями и на этихъ прощальныхъ визитахъ велъ себя вовсе не такъ, какъ слѣдовало бы жениху, разлучающемуся надолго съ невѣстой: онъ былъ веселъ, любезничалъ съ дамами и дѣвицами и у всѣхъ просилъ дать ему въ Москву какое-нибудь порученіе, которое обѣщался исполнить тотчасъ же. Между прочими онъ былъ у Анны Михайловны Моросенко и у Катерины Петровны, изъ которыхъ первая двусмысленно спросила его, надолго ли онъ ѣдетъ въ Москву, и пожелала ему тамъ веселиться, на томъ основаніи, что молодымъ людямъ въ столицѣ всегда бываетъ веселѣе, чѣмъ въ маленькомъ уѣздномъ городкѣ; о невѣстѣ она не сказала ни полслова. Катерина Петровна не приняла Шамилова. Веселость жениха была замѣчена всѣмъ обществомъ: «помилуйте, онъ уѣзжаетъ съ такимъ удовольствіемъ, какъ-будто бы его изъ тюрьмы выпустили, а невѣста, говорятъ, умираетъ и страдаетъ... глупая, глупая! впрочемъ ей по-дѣломъ: наказывается за свою гордость; теперь лучше узнаетъ себѣ цѣну», говорили многіе.

Алексѣй Сергѣичъ, услыхавъ объ отъѣздѣ Шамилова, обрадовался.

— Ну, слава Богу, какъ гора съ плечъ сваливается, — сказалъ онъ Авдотѣ Егоровнѣ.

— Но что же, душа моя, послѣ будетъ?

— Я ничего не знаю и знать не хочу; по крайней мѣрѣ шлаться ко мнѣ въ домъ не будетъ.

Въ субботу, назначенную для отъѣзда, Шами-

ловъ, часовъ въ десять утра, явился къ невѣстѣ совсѣмъ одѣтымъ по-дорожному. Вѣра уже давно встала.

Онъ прошелъ, по обыкновенію, въ ея комнату.

— Ты ужь совсѣмъ? —спросила она сухо.

— Нѣтъ, я такъ одѣлся, тамъ еще собираются, — отвѣчалъ онъ, не глядя на невѣсту.

Жаль ли ему было ее, или совѣстно, я не знаю, но только его, кажется, очень тяготила предстоящая сцена разлуки.

— Встали ваши? — спросилъ онъ.

— Я думаю.

— Какъ бы мнѣ съ ними проститься?

— Мы выйдемъ въ гостиную.

— Если ты слаба, такъ зачѣмъ тебѣ выходить въ гостиную! Я могу сходить къ нимъ одинъ.

— Они сами придутъ сюда.

— Въ такомъ случаѣ позволь войти и Карелину: онъ пріѣхалъ проводить меня.

— Зачѣмъ же это — посторонній человѣкъ!

— Нельзя же было отказать, когда онъ самъ напросился.

— Нѣтъ, я не хочу, чтобы онъ сюда входилъ; я выйду въ гостиную.

— Но ты слаба.

— Ничего.

Вошла Авдотья Егоровна.

— Вы совсѣмъ?—сказала она Шамилову.

— Почти.

— Ваши лошади пріѣхали.

— Какъ скоро! я имъ велѣлъ часа черезъ два.

Вѣра посмотрѣла на жениха.

— Вы позавтракайте. Я велѣла приготовить. Сейчасъ подадутъ,—проговорила Авдотья Егоровна.

— Велите, ma tante, подать въ гостиную. мы выйдемъ,—сказала Вѣра.

— Тамъ Карелинъ сидитъ у Алексѣя Сергѣича,—замѣтила тетка.

— Онъ пріѣхалъ меня проводить,—подхватилъ Шамиловъ.

Авдотья Егоровна ушла.

— У меня къ тебѣ одна просьба, Вѣра,—началъ Шамиловъ: — проводи меня равнодушно и спокойно; иначе я утрачу небольшой остатокъ моей рѣшительности.

— Ты видишь, я спокойна.

— Но ты это только говоришь, а чувствуешь другое.

— Чувствовать не въ моей волѣ.

— Все въ нашей волѣ,—надѣйся на Бога.

— Я на одного Его и надѣюсь.

— Въ такомъ случаѣ, сейчасъ же извольте развеселиться, дайте мнѣ вашу ручку и поцѣлуйте меня: вообразите, что я ѣду въ Москву на двѣ недѣли — дѣлать приданое,—сказалъ Шамиловъ, взявъ невѣсту за руку и цѣлуя ея.

— Пойдемъ, однако, въ гостиную: въ настоящую минуту намъ тяжело ставаться вдвоемъ,—прибавилъ онъ.

Вѣра повиновалась; слабымъ шагомъ она вышла въ гостиную, въ которой сидѣли Авдотья Егоровна, Алексѣй Сергѣичъ и Карелинъ, и, съ большимъ усиленіемъ дойдя до дивана, сѣла. Шамиловъ помѣстился около нея.

— Вы ѣдете на перекладныхъ или на почтовыхъ? — спросилъ Алексѣй Сергѣичъ.

— Самъ не знаю: велѣлъ себѣ привести извозчика, но какой онъ вольный или почтовый, не справлялся.

— Покушайте чего-нибудь, — сказала Авдотья Егоровна Шамилову.

Уланъ сидѣлъ молча и кусалъ усы.

— Аппетиту нѣтъ, — отвѣчалъ Петръ Александрычъ. — Но, впрочемъ, чтобы не измѣнить русскому обычаю... Карелинъ, хотите вина?

— Наливайте, — отвѣчалъ тотъ. Шамиловъ налилъ себѣ и ему по рюмкѣ. — А вамъ угодно? отнесся онъ къ Алексѣю Сергѣичу.

— Нѣтъ, мнѣ еще рано, — отвѣчалъ тотъ.

Шамиловъ, выпивъ вина, съѣлъ кусокъ сыру и всталъ.

— Пора, — проговорилъ онъ.

Алексѣй Сергѣичъ и уланъ тоже поднялись съ своихъ мѣстъ, но Авдотья Егоровна просила всѣхъ, какъ водится, присѣсть, и всѣ сѣли, потомъ встали, помодились, и началось прощанье. Шамиловъ, первоначально, поцѣловалъ съ нѣкотораго рода чувствомъ руку тетки, и она его поцѣловала въ голову, тоже съ чувствомъ. Алексѣю Сергѣичу онъ только пожалъ руки, а съ Карелинымъ поцѣловался и взглянулъ, при этомъ случаѣ на Вѣру. Съ нею Петръ Александрычъ очень торопился проститься. Глаза у Вѣры были сухи; но за то обливалась горькими слезами Авдотья Егоровна.

— Поѣзжайте скорѣе! — проговорила она.

Шамиловъ какъ-то неловко еще разъ всѣмъ поклонился и вышелъ.

— Она мени не любить совсѣмъ, это впрочемъ и лучше! — проговорилъ онъ, садясь въ тарантасъ.

IV.

Въ то время, какъ у Ухмыревыхъ слѣдовали не-непріятность за непріятностью, въ домѣ Моросенки съ утра до поздней ночи раздавались пѣніе, смѣхи, происходили танцы и различныя игры. Соничка вмѣстѣ съ женихомъ разучили «ты коса моя, коса...» и пѣли эту пѣню по нѣскольку разъ въ день; смѣялись они тоже безпрестанно, такъ что маменька начала замѣчать молодымъ людямъ: «что это вы смѣтесъ, Соничка, точно дѣти?» Вечера Анна Михайловна начала повторять въ недѣлю не одинъ, а три раза, и успѣла составить танцы, нанявъ для этого, за небольшую цѣну, жида, прибывшаго въ городъ съ золотыми вещами и умѣвшаго, вмѣстѣ съ тѣмъ, довольно искусно играть на цимбалахъ. Она переманила на свои вечера самыхъ постоянныхъ посѣтителей дома Ухмыревыхъ, у которыхъ стали гораздо рѣже собираться, такъ какъ, по ихъ дурнымъ финансовымъ обстоятельствамъ, боялись ихъ стѣснить, хотя о своихъ обстоятельствахъ ни Алексѣй Сергѣичъ, ни Авдотья Егоровна никому не давали замѣтить, всегда были очень рады, когда кто-нибудь къ нимъ прїѣзжалъ, и тотчасъ же устраивали партію. Но объ этомъ всюду разглашали Катерина Петровна и Анна Михайловна; послѣдняя, передъ цѣлымъ обществомъ, говорила: «я не ѣзжу

къ нашимъ несчастнымъ аристократамъ не столько по непріятностямъ, сколько потому, что мнѣ видѣть ихъ жалко: племянницу они погубили, сами разорились, люди ихъ каждое утро въ ноги кланяются лапочникамъ, чтобы на полтинникъ въ долгъ повѣрили.» Катерина Петровна подтверждала это и всѣмъ, по секрету, рассказывала, что Авдотья Егоровна, на дняхъ заложила свои брильянты. По случаю смерти князя, въ обществѣ была общая радость: во-первыхъ ревизія прекратилась, а во-вторыхъ у этихъ гордецовъ Ухмыревыхъ много спѣси побавилось.

Степочка, не смотря на то, что очень любезничалъ съ невѣстой и былъ, повидимому, веселъ, кажется, не совсѣмъ еще освободился отъ своей прежней страсти. Всякій разъ, когда будущая теща, или кто-нибудь изъ гостей начинали говорить о Вѣрѣ Павловнѣ что нибудь дурное — а это случалось каждый день, и даже по нѣскольку разъ, — онъ тотчасъ же уходилъ въ другую комнату. Въ одно утро — это было на другой день послѣ проводовъ тѣла князя — докторъ пріѣхалъ къ Аннѣ Михайловнѣ и сказалъ, что у Вѣры Павловны воспаление въ груди, и что если ей не будетъ лучше сегодня, то онъ опасается за ея жизнь. Степанъ Герасимычъ очень внимательно прислушивался къ этому разговору и, не дождавшись объѣда, ушелъ домой, гдѣ и пролежалъ около двухъ часовъ на постели и все что-то самъ съ собою потихоньку разговаривалъ; потомъ велѣлъ заложить лошадь и нѣсколько разъ проѣхалъ мимо дома Алексея Сергѣича и на этотъ разъ не принималъ никакой особенной осанки, но только смотрѣлъ на окна. Возвратясь домой, онъ принялся немилосердно курить,

забывъ свою расчетливость, — потому что не только набивалъ трубку безъ всякой осторожности, но даже разсыпалъ табакъ по окну и по полу. Пришла зачѣмъ-то въ комнату Аксинья и, взявъ, что ей было нужно, хотѣла уйти, но баринъ остановилъ ее.

— Аксинья, сходи-ка къ Алексѣю Сергѣичу, — сказалъ онъ.

— Батюшка, я тамъ никогда не бывала.

— Ничего, сходи.

— Не знаю; нѣтъ-съ, я больно не смѣла! А вамъ что нужно?

— Такъ, ничего... тамъ прежняя невѣста моя очень больна, говорятъ — умираетъ.

— Сохрани ее Господи! барышня молодая... А вамъ, батюшка, все еще видно ее жалко.

— Да... ты сходи и узнай. лучше ли ей.

— Нѣтъ, Степанъ Герасимычъ, ваша воля, я не посмѣю, Кузьмѣ сталъ же сходить: онъ съ ихъ кучеромъ большую дружбу имѣетъ; тотъ еще вчера заходилъ и говорилъ, какъ у насъ какая лошадь занеможетъ, никого, кромѣ тебя Куземушка, не возьму, — такъ и господамъ доложилъ.

— Ну что Кузьма!

— Отчего же, сходить, узнаетъ: языкъ-то есть.

— Нѣтъ, не хочу.

— Какъ угодно-съ; а мнѣ гдѣ дурѣ-бабѣ въ эта-нѣ дома ходить? Я вотъ что здѣсь ни живу, на базарѣ не бывала.

Поѣхавъ вечеромъ къ невѣстѣ, Степанъ Герасимычъ опять проѣхалъ мимо дома Алексѣя Сергѣича.

На первой недѣлѣ поста должна была пріѣхать Аграфена Кондратьевна прямо къ Аннѣ Михайловнѣ,

которая объ этомъ будущую свекровь покорнѣйше просила, такъ какъ считала себя не въ правѣ допустить почтенную старушку остановиться въ квартирѣ холостаго сына, котораго она бы тоже давно перетасцала къ себѣ. если бы не боялась городскихъ толковъ въ отношеніи большаго сближенія жениха съ невѣстой. Аграфена Кондратьевна изъявила письменно на приглашеніе будущей тещи полное согласіе и вмѣстѣ съ тѣмъ просила, чтобы лошади и люди тоже были при ней, потому что на квартирѣ Степочки, будто бы, вовсе негдѣ было ихъ помѣстить. На это письмо Анна Михайловна словесно приказала посланному, что очень рада, и что, приглашая Аграфену Кондратьевну, полагаетъ ей доставить всякое спокойствіе. Вотъ какъ хорошо шло между двумя будущими свекровьями, которыя, обыкновенно, на болѣе части свадебъ составляютъ на первыхъ порахъ два непримиримые, если не по наружности, то въ душѣ, лагеря.

Въ день, назначенный для пріѣзда Аграфены Кондратьевны, Степочка еще съ ранняго утра явился къ невѣстѣ. Какъ онъ, такъ и всѣ Моросенки поджидали старуху довольно нетерпѣливо и не совсѣмъ спокойно; еще съ девятаго часа они уже не отходили отъ окна. Степанъ Герасимычъ увидѣлъ маменьку первый.

— Ъдетъ-съ, — сказала онъ нѣсколько робкимъ голосомъ.

— Соничка, самоваръ скорѣе! старушка, я думаю, переязбла съ дороги, — воскликнула Анна Михайловна.

Экипажъ, или, лучше сказать, большая кибитка, имѣющая нѣкоторое сходство съ крытыми санями, везомая тройкою, гусемъ — огромными, но поджа-

ристыми лошадьми, медленно и печально приближалась, по дорогѣ, къ дому Моросенки, стоявшему на самомъ въѣздѣ въ городъ. Передъ воротами лошади замялись: передняя изъ нихъ, вѣроятно, соблазняясь случайно вѣхавшимъ впереди возомъ сѣна, никакъ не хотѣла заворотить на дворъ: она то мялась на одномъ мѣстѣ, то сворачивала въ суеть. Изъ кибитки слышалось нѣсколько сильныхъ бранныхъ словъ, относившихся къ кучеру, который наконецъ кое-какъ попалъ въ ворота и остановился у крыльца, гдѣ дожидался, въ почтительномъ положеніи, Степанъ Герасимычъ. Кучеръ, съ помощію молодой и краснощекой, въ понизовой шубенкѣ, горничной, выскочившей тотчасъ же изъ саней, съ большимъ трудомъ вытащилъ изъ оныхъ небольшого роста, приземистую старуху, совсѣмъ закутанную въ салонъ, пуховые платки, валенки, шерстяныя перчатки и такъ далѣе. Степочка торопливо поцѣловалъ руку у матери.

— Веди... куда идти?... Олимпіадка, дай же руку!... Экъ ихъ угораздило въ двѣ версты лѣстницу выстроить!—говорила старуха, медленно поднимаясь по лѣстницѣ и опираясь на руку горничной и сына.

И затѣмъ, въ лакейской, началось раздѣваніе, которое продолжалось по крайней мѣрѣ четверть часа. Когда Аграфена Кондратьевна сняла съ себя дорожныя принадлежности, то осталась въ ваточномъ, холстинковомъ капотѣ, въ какой-то плюсовой шапочкѣ на головѣ и съ бисернымъ шнуркомъ на шеѣ, который поддерживалъ огромные часы, весьма замѣтно обозначавшіеся въ особо пришитомъ на груди карманкѣ. Анна Мпхайловна, давно уже поджидавшая, съ мужемъ и дочерью, въ залѣ гостію, при появленіи ея,

сдѣлала видъ, какъ будто-бы только узнала о ея приѣздѣ, и быстро подошла къ ней.

— Наконецъ-то мы васъ дождались! — начала она, взявъ Аграфену Кондратьевну за обѣ руки и цѣлуясь съ ней. — Это моя Соничка: ее бы вы, вѣрно, не узнали. А это мой мужъ: съ нимъ, кажется, знакомы, — говорила она, указывая по принадлежности.

— Здравствуйте-съ, — отвѣчала Аграфена Кондратьевна, цѣлуя Анну Михайловну и Соничку. — Мое почтеніе-съ, — прибавила она самому Моросенко, который ей молча поклонился: — извините, что приѣхала не парадно, а по-деревенски.

— Намъ грѣхъ съ вами, Аграфена Кондратьевна, наблюдать парады, — возразила хозяйка: — мы люди не нынѣшняго свѣта, живемъ по старинѣ... Прошу въ гостиную... Готовъ ли чай, Соничка?

— Сейчасъ, маменька, — отвѣчала та и убѣжала.

Анна Михайловна ввела гостью въ гостиную и усадила на диванъ.

— Не прикажете ли вамъ скамеечку подъ больную ногу? вамъ будетъ покойнѣе, — говорила она, подвигая къ ней собственноручно скамейку.

— Ахъ, прошу васъ, не безпокойтесь! Премного вамъ благодарна, — говорила Аграфена Кондратьевна, замѣтно довольная этою почтительностію.

— Какъ ваше здоровье, маменька? — спросилъ Степочка.

— Все тоже; а ты здоровъ ли?

— Здоровъ-съ.

Подали чай, съ обильнымъ приложеніемъ булокъ, сухарей и кренделей. Аграфена Кондратьевна начала

пить и ѣсть съ большимъ аппетитомъ: съ первой чашкой она съѣла нѣсколько булокъ, а съ другой—цѣлый врендель, и такъ далѣе.

— Прекрасное-съ печенье, неподобное!

— Домашнее: здѣсь булочки очень нехороши,—отвѣчала Анна Михайловна.

— Булки отличныя въ Петербургѣ,—замѣтилъ Степочка.

— Что про твой Петербургъ и говорить!—возразила Аграфена Кондратьевна:—а по моему лучше деревни ничего нѣтъ: все свое.

— Конечно, я съ вами согласна, Аграфена Кондратьевна,—сказала Анна Михайловна: свое и маленькое, но лучше чужаго большаго.

— Прикажете еще чаю?—спросила Соничка, принимая отъ Аграфены Кондратьевны чашку и передавая ее человѣку.

— Не будетъ ли ужь?—я и то три выпила.

— Выкушайте еще,—просила Анна Михайловна.

— Пожалуй, только въ-прикуску; я небольшая до чаю любительница... вотъ онъ у меня такъ охотникъ.

— Ахъ, Степанъ Герасимычъ, какъ же вамъ не совѣстно не спросить себѣ чаю!—сказала Анна Михайловна:—Соничка, какъ ты забыла жениха?

— Хотите?—спросила Соничка.

— Прошу васъ,—отвѣчалъ женихъ.

Соничка пошла, налила и сама принесла обѣ чашки, изъ коихъ одну подала Аграфенѣ Кондратьевнѣ, а другую жениху.

— Позвольте у васъ, за ваше безпокойство, поцѣловать ручку,—сказалъ тотъ и поцѣловалъ ручку.

— Каковы у васъ нынче хлѣба?—отнесся наконецъ самъ Моросенко, упорно молчавшій до того времени.

— Какіе-съ хлѣба! нынче о хлѣбахъ говорить нечего, только что кормимся! — отвѣчала печально Аграфена Кондратьевна.

— Стало быть, нехороши?—спросилъ Иванъ Андреичъ.

— Соломой туда и сюда; умолотъ малъ, особенно противъ прежнихъ годовъ.

— Вамъ, я думаю, Аграфена Кондратьевна, нечего объ этомъ беспокоиться: у васъ отъ старинки еще амбары полны,—сказала Анна Михайловна, желавшая, конечно, польстить этимъ старой хозяйкѣ; но та взглянула на нее сердито и спросила:

— А вы почему знаете-съ?

Анна Михайловна, никакъ не ожидавшая подобнаго вопроса, покраснѣла.

— Конечно, я сама не знаю, но объ отличномъ вашемъ хозяйствѣ общая молва,—отвѣчала она.

— Нѣтъ, сударыня, пустяки эта молва: по болѣзни моей, я давно запустила хозяйство, и, по нынѣшнимъ временамъ, у меня зерна лишняго въ амбарахъ нѣтъ... Въ народѣ мало ли что болтаютъ!—проговорила Аграфена Кондратьевна.

Соничка, покончивъ хлопоты съ чаемъ, сѣла рядомъ съ будущей свекровью, желая съ ней поговорить и приласкаться; но та, или спроста, или съ умысломъ, какъ-будто бы не замѣтила этого. Пробыло двѣнадцать часовъ. Аграфена Кондратьевна начала зѣвать.

— Не прикажете ли на столъ накрывать? Вамъ,

послѣ дороги, отдохнуть надобно, — сказала Анна Михайловна.

— Да, пора, — отвѣчала Аграфена Кондратьевна, и за столомъ обнаружила не только значительный аппетитъ, но нѣкоторую даже жадность, въ особенности къ сахару и варенью и вообще къ сладкимъ блюдамъ; послѣ обѣда, отъ полноты желудка, по преклоннымъ своимъ лѣтамъ, она едва могла дышать. Для отдохновенія ей была заранѣе приготовлена особая комната въ которую она тотъ часъ отправилась, улеглась и велѣла своей краснощекой Олимпиадѣ гладить себѣ ноги, а черезъ нѣсколько минутъ заснула, среди безмолвной тишины, потому что Анна Михайловна строго приказала людямъ ходить на цыпочкахъ, изъ гостей никого не принимать, и сама, со всей своей семьей, усѣлась въ гостиной.

Послѣ трехъ-часоваго отдохновенія, Аграфена Кондратьевна наконецъ проснулась и прямо вышла въ гостиную, съ лицомъ измятымъ и сердитымъ, Большая часть людей, любящихъ, плотно пообѣдавъ, заснуть, просыпаются, обыкновенно, сердитыми. Въ этомъ случаѣ причина чисто-физическая. Старуха усѣлась на диванѣ и, не обращая ни на кого вниманія, громко крикнула: «малый!» — и когда малый явился, то велѣла подать себѣ квасу, и квасу непременно холоднаго. Удовлетворивъ жажду, она обратилась къ сыну:

— Поди-ка, съѣзди въ городъ: надобно для деревни запасовъ купить: а то тутъ будетъ распутица и не продерешься изъ нашихъ мѣстъ.

— Чего же-съ? — спросилъ Степочка.

— Да чего! — отвѣчала Аграфена Кондратьевна: —

обыкновенно чего! купи ты мнѣ пудъ сухихъ судаковъ... больше осьми копѣекъ за фунтъ не давай... а потомъ спросишь, есть ли ловъ на щуки... Какъ нынче ловятся щуки? — отнеслась она къ хозяйкѣ.

— Не знаю, — отвѣчала та.

— Должно быть есть, — вмѣшался господинъ Моросенко.

— Ты почему знаешь? мы очень рѣдко ѣдимъ эту рыбу, — перебила его Анна Михайловна.

— Если есть, — продолжала Аграфена Кондратьевна къ сыну: — ты купи полпуда... больше полтинника не давай; а если будутъ дорожиться, такъ и не торгуй, прахъ ихъ побери! Соли еще надобно для людей взять, сколько у меня на эту соль выходитъ, счету не могу свести! Возьми два пуда разомъ и скажи, чтобы уступили: маменька, молъ, скажи, беретъ у васъ не по фунтикамъ.

— А деньги пожалуете? — спросилъ Степанъ Герасимычъ.

— Я здѣсь сама раздѣляюсь... что о деньгахъ беспокоишься! твоихъ не захвачу, — возразила Аграфена Кондратьевна.

Степанъ Герасимычъ ушелъ. Хотя Анна Михайловна и прежде еще знала, что Аграфена Кондратьевна скупа и необразованна, но при всемъ томъ рѣшительно не долагала, что она, при первомъ свиданіи, не съумѣетъ себя вести поирличнѣе. Однако, затаивъ непріятное чувство, она рѣшилась снова приласкаться къ ней.

— Мнѣ было всего пріятнѣе видѣть, какъ почтительнень къ вамъ и какъ любить васъ Степанъ Герасимычъ, — сказала она.

— А еще какже бы-съ! я ему не чужая... Я его съ малыхъ лѣтъ не баловала, да и теперь большой воли не даю: онъ ужь давно пристаесть ко мнѣ, отдѣлите, да отдѣлите маменька. Подождетъ еще! Знаемъ мы, каковы отдѣленные сынки.

Анна Михайловна взглянула на мужа и на дочь.

— Степанъ Герасимычъ еще не отдѣленъ вами?— спросила она.

— Нѣтъ-съ. Словесно дала ему тридцать душъ.

— Только тридцать душъ?

— А сколько же? поживетъ покуда и этимъ! Я сама вышла за покойника: у него десять да у меня тридцать только и было.

— Нынѣшнее время, Аграфена Кондратьевна, по прежнему мѣрять нельзя, —возразила Анна Михайловна: —нынче требованій больше, нынче молодые люди, по необходимости, должны бываютъ издерживать лишнее, потому что такъ принято въ свѣтѣ.

— Я Степochку и не обвиняю: онъ у меня, благодаря Бога, не мотовать! а насчетъ хозяйства и бережливости, такъ и очень имъ довольна; примѣрный, по его лѣтамъ. Теперь, вотъ, мы съ вами-съ сходимся по родственному: я вамъ напередъ говорю, чѣмъ вы тамъ вашу дочь ни наградите, онъ ничего изъ этого не истратитъ, а еще сбережетъ и прибавитъ.

Анна Михайловна закусила губы: послѣднія слова Аграфены Кондратьевны превышали всѣ границы деликатности, и, будучи сама отъ природы довольно раздражительнаго характера, она едва удержалась отъ прямой дерзости. Надобно сказать, что свою Соничку она считала, по красотѣ и по другимъ достоинствамъ,

безприданницею, тѣмъ болѣе въ отношеніи Степочки; но на повѣрку выходило это не совсѣмъ такъ.

— Если бы я знала Степана Герасимыча съ дурной стороны, — сказала она: — то, конечно бы, не рѣшилась выдать за него своей дочери; и меня болѣе, въ этомъ случаѣ, беспокоить то, будетъ ли онъ любить ее и будетъ ли она нравиться вамъ.

— Я тутъ себя выгораживаю-съ: ему любя, а мнѣ лучше и не надобно. Когда онъ сказалъ мнѣ о своемъ намѣреніи насчетъ вашей дочери, я прямо сказала, что, по моему, для тебя лучше не надобно; семейство хорошее, состояніемъ, вѣроятно, не обидятъ; у тебя теперь тридцать душъ; владѣй ими, какъ и прежде владѣлъ; а умру, такъ и все тебѣ останется: на тотъ свѣтъ ничего съ собой не возьму.

— Если вы ужъ начали говорить, Аграфена Кондратьевна, такъ прямо, — сказала Анна Михайловна, начавшая терять окончательно терпѣніе: — то я тоже, какъ мать вашей будущей невѣстки, скажу вамъ: — тридцатью душами нечѣмъ жить молодымъ людямъ. Степанъ Герасимычъ вашъ не служитъ; да и какая же у него можетъ быть служба по его чину, котораго онъ, говорятъ, совсѣмъ никакого не имѣеть.

— Отчего же мало тридцати душъ?... А ваше приданое-съ?

— Мое приданое будетъ маленькое.

— А сколько-съ?

— Я, право, затрудняюсь отвѣчать на вашъ вопросъ, котораго никакъ не ожидала и который для меня очень щекотливъ и обиденъ.

— Ахъ, сударыня, я вамъ ничего особеннаго не сказала! обижаться вамъ тутъ нечѣмъ.

— Я и не обижаюсь.

— Такъ въ чемъ же мы споримъ! Я сказала и говорю, что покуда жива, болѣе тридцати душъ сыну не дамъ; а вы вашей дочери покуда еще ничего не назначили.

— О, въ такомъ случаѣ, если ужъ вамъ угодно такъ пунктуально знать, чего между благородными не принято, то извольте, и могу дочери дать тысячу пятьсотъ рублей серебромъ, и то для меня очень трудно; я въ этомъ случаѣ поступаю не такъ, какъ другія матери, которыя отъ милліоновъ даютъ гроши: я отдаю послѣднее, обрываю себя и другихъ дѣтей моихъ... Кажется, мы теперь можемъ понять другъ друга.

— Ну, немного же вы общаете! я думала больше. Неужели же къ этому приданого никакого не дадите? Хоть платьевъ-то понашейте.

— Я реестра платьямъ моей дочери не составляла, — извините меня: она всегда была и будетъ одѣта у меня прилично.

— Ваше дѣло-съ, — не знаю. Если Степочка доволенъ вашей наградой, святой часъ — дай Богъ ему жить да богатѣть. Онъ, я думаю, переговаривалъ съ вами объ этомъ: я ему еще въ деревнѣ наказывала, чтобы узналъ поаккуратиѣе.

— Нѣтъ, мы съ Степаномъ Герасимычемъ до сегодняшняго дня держали себя такъ благородно, что совѣстились даже о подобныхъ вещахъ говорить. Я до этого нашего разговора даже не знала, какое у него состояніе. Я своей дочери, Аграфена Кондратьевна желаю счастія а не богатства, но вы открываете мнѣ глаза, и я вижу, что ошиблась... У Со-

нички будутъ женихи: ей еще девятнадцать лѣтъ, а вашему Степану Герасимычу здѣсь всѣ очень хорошо знаютъ дѣну.

— Вамъ этакъ со мной о Степанѣ Герасимычѣ не слѣдуетъ говорить: вы сами его сейчасъ хвалили, сами его ласкали, принимали да завлекали.

— Я завлекала?! я?!—спросила Анна Михайловна, позеленѣвъ отъ досады.

— А кто же?

— Аграфена Кондратьевна, вы хоть и въ моемъ домѣ, но я прошу васъ, удержитесь.

— Мнѣ удерживаться нечего: я женщина простая, не модная и говорю правду. Чтобы Степочка женился, я желаю; сколько назначила ему отдать, того не откажу. Дочку вашу награждайте, какъ хотите, это его дѣло. Я ему совѣтовала быть осмотри-тельнѣе, но онъ этого не сдѣлалъ, — пеняй на себя: и если онъ и ваша дочь будутъ ко мнѣ почтительны, все имъ оставлю, а нѣтъ, такъ и того не увидятъ.

— Однимъ словомъ, вы о благополучіи сына не думаете, но я о дочери моей думаю, — и потому, хоть мнѣ и жаль Степана Герасимыча, но опасаясь принять его въ свое семейство.

— Зачѣмъ же вы меня, старуху, сюда выписывали? Этими дѣлами не шутятъ! Степочку вамъ жалѣть нечего: вы его не погубите вашимъ отказомъ: захочетъ, такъ найдетъ невѣсту и лучше вашей дочери, потому что у него есть вѣрное состояніе, котораго у васъ нѣтъ.

— А, состояніе, да... конечно; но есть пословица: пнымъ не въ помощь и богатство; при вашемъ огромномъ состояніи, вы же ко мнѣ пріѣхали, а не я

къ вамъ; вамъ даже некуда было принять меня съ дочерью.

— Ахъ, государыня моя, чѣмъ уворгла! не объѣла васъ въ два часа. Не безпокойтесь: уѣду, — возразила Аграфена Кондратьевна. — Эй, велите закладывать моихъ лошадей! — крикнула она. — Эй!... — повторила еще.

Но никто не являлся.

— Иванъ Андреичъ, прикажи закладывать лошадей Аграфены Кондратьевны, — сказала Анна Михайловна.

Иванъ Андреичъ ушелъ и распорядился по приказанію супруги.

— Грѣхъ вамъ, сударыня, такъ поступать со мной! я постарше васъ, — начала Аграфена Кондратьевна: — васъ всё осудятъ!

— За что же меня осудятъ?

— За обманъ вашъ. Въ деревняхъ между мужиками этого не дѣлается. Чѣмъ вы очень важничаете? Я сама дворянка: вамъ изъ меня силой не выжать ничего. Вы на состояніе мое мѣтили, такъ вотъ вамъ!... — заключила старуха и показала Аннѣ Михайловнѣ кукишъ.

— Соничка, уйди, — сказала та дочери. — Вы — мужичка; убирайтесь вонъ изъ моего дома, — прибавила она и ушла вслѣдъ за дочерью.

Оставшись въ гостиной одна, Аграфена Кондратьевна продолжала браниться и употребляла въ отношеніи Анны Михайловны и всего ея семейства такія фразы, которыя вовсе неприлично бы было говорить дамѣ, и тѣмъ болѣе про даму; но наконецъ, въ большому удовольствію хозяевъ, ушедшихъ отъ нея въ

самую отдаленную комнату, уѣхала. Степанъ Герасимычъ, ничего подобнаго не ожидавшій, исполнивъ аккуратно возложенныя на него порученія и купивъ на свои собственные три четвертака въ подарокъ для маменьки полпуда шукъ, пріѣхалъ было къ невѣстѣ, но его не приняли, увѣдомивъ чрезъ челоуѣка, что маменька уѣхала къ нему на квартиру и требуетъ его къ себѣ.

Между тѣмъ Аграфена Кондратьевна продолжала шумѣть и на квартирѣ сына: она кричала на Аксинью, за то, что будто бы у той много выходить запасу, хотя въ душѣ и была убѣждена въ противномъ. Она издавна имѣла свойственное многимъ людямъ обыкновеніе, разсердившись на одного, нападать и бранить всѣхъ, кто ей ни попадется.

— Я тебя не затѣмъ сюда послала, чтобы ты въ сорокъ лѣтъ плутовать научилась! Вы только здѣсь съ вашимъ бариномъ свадьбы думали затѣвать да меня обирать.

— Матушка Аграфена Кондратьевна, провалиться мнѣ на этомъ мѣстѣ, ни въ чемъ я не повинна.

— Молчать! — воскликнула барыня.

Вошелъ Степочка.

— А, дѣтище мое ненаглядное, пожаловалъ! Откудова это? заѣзжалъ ли ты къ тещинькѣ-то своей? Что ты, Степанъ, задумалъ о своей головѣ, а? Долго ли ты будешь меня мучить?

— Маменька, что такое?

— Нѣтъ, ты мнѣ скажи, долго ли ты надо мной будешь тѣшиться? а мнѣ съ тобой дѣлать нечего.

Я тебя и учила, и лаской хотѣла образовать — ничто не помогаетъ!

— Что такое сдѣлалось? чѣмъ я виновать?

— Ничего не сдѣлалось! хорошо! меня только что въ зашей не вытолкали! Ты бы имъ съ перваго раза долженъ внушить, что съ маменькой игрушки играть нечего, а надо почитать да уважать! А вы только вмѣстѣ обобрать меня собирались. Я знаю, что ты готовъ меня на первую юпку промѣнять: на хорошее-то ума нѣтъ, а на это хватить...

— Я ничего, маменька, противъ васъ не сдѣлалъ... Богъ съ вами! Миѣ когда что ни прикажете, я все дѣлаю!... Запасу купилъ-съ.

— Да, дѣлаешь ты... купилъ! знаю я, какъ ты покупаешь. Вели собраться: я сейчасъ ѣду... Передай тамъ кучеру все покупки.

— Развѣ вы не ночуете? Темно будетъ ѣхать: пожалуй, опрокинетесь.

— Благодарю за беспокойство... Какой нѣжный сталъ!.. Спасибо, хорошо приняли да употчивали!

Степочка ушелъ и передалъ весь запасъ, по приказанію матери, кучеру, а о деньгахъ ужъ не смѣлъ и заикнуться. Возвратясь въ комнату, онъ засталъ ее спящею на диванѣ и какъ-будто бы нѣсколько поутихнувшею.

— За что вы, маменька, на меня изволите сердиться?—сказалъ онъ, подходя къ ней и цѣлуя ея руку. — Я ничего не знаю, что у васъ тамъ было-съ.

— Сбѣгай: узнай, коли очень любопытенъ!

— Что миѣ бѣгать! я, пожалуй, совсѣмъ перестану ходить туда, если вамъ угодно.

— Миѣ ничего отъ тебя не угодно; какъ хочешь,

такъ и живи: дурака не научишь на каждомъ шагу! —проговорила Аграфена Кондратьевна и начала сбираться въ дорогу.

Напрасно Степанъ Герасимычъ прислуживалъ ей, подавая то ту, то другую вещь: старуха продолжала сердиться.

— Когда мнѣ прикажете пріѣзжать домой-съ? — спросилъ онъ.

— А хоть совсѣмъ не ѣзди, — мнѣ все равно!.. Ну, Олимпиада, пойдѣмъ, — проговорила Аграфена Кондратьевна и, почти не простясь съ сыномъ, вышла, усѣлась въ сани, перекрестилась и велѣла ѣхать.

Степochка, Аксинья и Кузьма, провожавшіе ее, стояли нѣкоторое время на улицѣ въ раздумьѣ.

— Не знаешь ли, Аксинья, за что маменька такъ разсердилась?—спросилъ Степochка.

— Богъ ихъ вѣдаетъ, не знаю. Олимпиада только сказывала, что онѣ побранились съ той барыней: надо полагать, въ деньгахъ у нихъ что-нибудь вышло.

— Ну, такъ и есть! вотъ тебѣ и женитьба... — Ахъ, ты жизнь моя!—проговорилъ Степанъ Герасимычъ вздохнувъ и ушелъ въ комнату.

Полученное имъ вскорѣ отъ Анны Михайловны письмо разрѣшило всѣ его сомнѣнія.

«Милостивый государь,

«Степанъ Герасимычъ!

«Возвращаю вамъ сдѣланные вами моей дочери подарки и беру назадъ мое слово, которое дала я вамъ, по своей неосмотрительности, насчетъ принятія васъ въ мое семейство. Соничка моя не можетъ имѣть свекровью такую женщину: мать ваша мнѣ и всему моему семейству наговорила столько дерзостей,

что мы еще до сихъ поръ не можемъ опомниться. Очень сожалѣю, что была такъ глупа и позволила вамъ себя дурачить. Сколько я понимаю вамъ приличнѣе сдѣлать партію съ какой-нибудь мѣщанкой, а дѣвушка благороднаго званія за васъ, скажу вамъ прямо, не пойдетъ.»

Далѣе Степанъ Герасимычъ не въ состояніи былъ читать письмо и бросилъ. Всякій, поставивъ себя въ положеніе молодого человѣка, согласится, что оно было очень непріятно: во-первыхъ ему было очень совѣстно передъ знакомыми, которые, вѣроятно, надъ нимъ будутъ смѣяться, тѣмъ болѣе, что пріѣхалъ въ городъ уланъ, котораго онъ, послѣ всѣхъ его продѣлокъ, боялся пуще огня; во-вторыхъ маменька очень разсердилась; и въ-третьихъ, потеря невѣсты. Впрочемъ, въ отношеніи послѣдняго онъ какъ-то мало жалѣлъ; а это и могло служить доказательствомъ, что собственно любви въ немъ къ Сонькѣ не было, но женился бы онъ на ней такъ, по стеченію обстоятельствъ и потому, что его завлекали. Сообразивъ все хорошенько, на сколько стало у него умѣнья соображать, онъ рѣшился на другой же день уѣхать изъ города совсѣмъ, пожить нѣкоторое время съ маменькою, помириться съ ней, а на весну поселиться въ своей усадьбѣ. Но при этомъ рѣшеніи онъ хотѣлъ еще разъ пройти мимо Алексѣя Сергѣича—посмотрѣть на тотъ домъ, гдѣ жила она, жестокая. Начало смеркаться. Молодой человѣкъ прошелъ мимо завѣтнаго жилища разъ — никого не видалъ, другой тоже — никого не видалъ и хотѣлъ было ужъ пройти третій, но его нагналъ ѣхавшій въ саняхъ Моросенки Василій Николаичъ Шмаковъ, который былъ въ

городъ и возвращался отъ Анны Михайловны, приславшей за нимъ по случаю вышедшихъ семейныхъ непріятностей, для совѣщанія.

— Степанъ Герасимычъ! — крикнулъ онъ, набѣгая на молодаго человѣка.

Тотъ подошелъ.

— Что это у васъ разошлась женитьба?

— Разошлась-съ.

— Слышалъ. Старухи перебрались... Что вы тутъ ходите — поѣдьте ко мнѣ.

— Очень пріятно, — сказала Степанъ Герасимычъ и сѣлъ въ сани.

Шмаковъ, не смотря на то, что имѣлъ дочь, жилъ совершенно на холостую ногу и былъ, какъ говорится, человѣкъ совсѣмъ походный. Приѣзжая въ городъ, онъ, обыкновенно, останавливался въ гостиницѣ и привозилъ съ собою все, что нужно было для потребностей, то есть: шкатулку, въ которой хранились карты и деньги, погребчикъ съ водкой и чайнымъ приборомъ, пару дорожныхъ пистолетовъ, кисеть съ табакомъ, ящикъ съ сигарами и больше ничего. Когда же онъ бралъ съ собою дочь, то, обыкновенно, отправлялъ ее къ Аннѣ Михайловнѣ, съ которою издавна былъ очень друженъ. Привезя въ свой номеръ Степана Герасимыча, Шмаковъ тотчасъ же предложилъ ему курить.

— Въ чемъ старухи разбрались? — спросилъ онъ.

— Не знаю-съ: меня не было.

— А вамъ хочется жениться?

— Желалъ бы.

— Да и пора. Отчего это только вамъ все неудача?

— Такой, стало-быть, ужъ я несчастный человѣкъ.

— Ничего, все пройдетъ. Женитесь на моей дочери... хотите? сейчасъ отдамъ: я слажу со старухой, не разбранюсь. Что-же вы сконфузились? не нравится, что-ли?

— Нѣтъ, нравится, да какже-сь?

— Такъ же, какъ обыкновенно женятся. Растерялся, молодой человекъ? ничего, подумайте: мы пождемъ.

Степанъ Герасимычъ дѣйствительно растерялся: Шмаковъ далъ ему совершенно новую мысль. Ободренный вниманіемъ хозяина, онъ признался откровенно, какъ разсердилась на него маменька и какъ обидѣла его своимъ письмомъ Анна Михайловна. Василій Николаичъ совѣтовалъ ему на все плюнуть. Затѣмъ разговоръ зашелъ объ имѣніи Аграфены Кондратьевны. Объ этомъ предметѣ Степочка зналъ малѣйшія подробности: онъ перечислилъ всѣ деревни, разсказалъ, сколько въ каждой изъ нихъ тяголъ, по сколько платятъ оброку, и даже высказалъ свое предположеніе насчетъ того, что у маменьки должно быть, кромѣ того, тысячъ сто денегъ.

— А умѣете ли вы играть въ карты? —спросилъ вдругъ Шмаковъ.

— Нѣтъ-сь, не умѣю, — отвѣчалъ Сальниковъ.

— Давайте я васъ поучу въ самую простую — въ палки.

— Въ палки?!—спросилъ Сальниковъ съ удивленіемъ.

— Да, въ палки, только не въ такія, которыми по бокамъ колотятъ... игра такъ называется. Смотрите,—проговорилъ Василій Николаичъ и началъ показывать, какъ играютъ въ названную игру, кото-

рую Степанъ Герасимычъ, при всей своей неопытности, скоро понялъ.

— Ну-съ, мы играемъ съ вами по три копейки серебромъ,—сказалъ хозяинъ и началъ играть.

Въ четыре удара онъ проигралъ Степochкѣ золотой и тотчасъ же отдалъ его: въ слѣдующіе два удара еще золотой и отдалъ; возвысилъ цѣну и уже въ одинъ ударъ проигралъ два червонца и расплатился. Странное и удивительное впечатлѣніе произвело на молодаго человѣка это случайное пріобрѣтеніе четырехъ золотыхъ. Сначала онъ не вѣрилъ, что это деньги его, но потомъ убѣдился въ этомъ и, возгорѣвъ желаніемъ выиграть еще, самъ предложилъ Шмакову играть, который согласился и назначилъ фишку по десяти копѣекъ серебромъ. Счастіе повернуло на его сторону: въ нѣсколько ударовъ онъ выигралъ до шестидесяти цѣлковыхъ и, спросивъ Степана Герасимыча, хочетъ ли онъ еще играть, и получивъ отвѣтъ, что тотъ хочетъ, записалъ эти деньги на сторонкѣ и продолжалъ. Послѣ нѣсколькихъ часовъ игры, Степочка былъ уже въ проигрышѣ триста рублей серебромъ.

— Будетъ, — отвѣчалъ Шмаковъ: — вы и то много проиграли.

— А сколько? — спросилъ тотъ.

— Триста серебромъ, — отвѣчалъ хладнокровно Шмаковъ.

У Сальникова вытянулось лицо.

— Теперь разсчитаетесь или послѣ? — спросилъ Василій Николаичъ.

— Чего съ? — отозвался Степочка, безсмысленно глядя на хозяина.

— Я спрашиваю, есть-ли съ вами деньги? Если есть, хорошо, а нѣтъ, такъ росписку дайте: сумма пустяшная, — сочтемся.

— Я вамъ, стало-быть, проигралъ тысячу рублей?

— То есть какъ тысячу? На ассигнаціи еще слишкомъ, а на серебро всего триста.

— У меня теперь нѣтъ денегъ-съ.

— Ну нѣтъ, такъ и нѣтъ, на нѣтъ и суда нѣтъ. Послѣ заплатите, дайте только росписку.

Съ Степана Герасимыча въ три ручья капаль потъ, онъ вдругъ всталъ и пошелъ вонъ изъ комнаты: Шмаковъ посмотрѣлъ ему вслѣдъ. Выйдя на свѣжій воздухъ, молодой человекъ постоялъ въ раздумьѣ, потомъ вдругъ бросился бѣжать безъ шапки, въ одномъ только сюртукѣ, въ которомъ сидѣлъ, къ себѣ на квартиру, гдѣ, собравшись на скорую руку, въ городскихъ саняхъ и въ одну лошадь уѣхалъ въ свою усадьбу. Чтобы оправдать хоть сколько-нибудь Степачку, я долженъ сказать, что онъ во всю свою жизнь даже и въ воображеніи не представлялъ себѣ возможности проиграть не шутя тысячу рублей, и мнѣ думается, что еслибъ онъ самъ выигралъ такую огромную сумму, то и не сталъ бы настоятельно требовать уплаты ея.

У.

Разореніе Ухмыревыхъ не подлежало никакому сомнѣнію. Городской ихъ домъ, въ которомъ по прежнему было все очень хорошо убрано, проданъ съ аукціона. Всѣ знакомые, услышавъ объ этомъ,

тотчасъ же пріѣхали навѣстить ихъ, но сдѣлали это не столько изъ участія, сколько изъ любопытства. Алексѣя Сергѣича вообще не любили за его гордость. При этихъ визитахъ, онъ самъ, а такъже и Авдотья Егоровна, надѣли на себя маску притворнаго равнодушія и всемъ говорили, что они давно имѣли намѣреніе переѣхать въ деревню и рады, что купецъ согласился взять у нихъ въ уплату долга домъ, но этому, конечно, никто не вѣрилъ. Хуже всего поступали съ Ухмыревымъ мѣстные купцы, у которыхъ прежде былъ ему открытъ кредитъ на сколько угодно. Они почти на дорогѣ остановили его вещи, которыя онъ началъ было перевозить въ усадьбу, настоятельно требуя уплаты по счетамъ, и поставили его наконецъ въ такое положеніе, что онъ отдалъ имъ эти вещи, которыя они и приняли, но на самыхъ тяжелыхъ условіяхъ. Орѣховую московской работы мебель изъ гостиной взялъ за себя торговецъ красныхъ товаровъ; въ москательную лавку пошли бронзовые часы и два канделябра; каретникъ увезъ къ себѣ обратно, за половинную цѣну, новыя четверомѣстные сани. Весельчакъ-докторъ поступилъ съ Ухмыревыми, въ этомъ случаѣ, хуже купцовъ, тогда какъ слишкомъ многимъ былъ имъ обязанъ. Дѣтъ десять тому назадъ, онъ пріѣхалъ въ К въ одномъ, что называется, фракѣ. Алексѣй Сергѣичъ первый пригласилъ его лечить къ себѣ, назначивъ ему въ годъ двѣсти рублей серебромъ, твердилъ вездѣ о его добротѣ и безкорыстіи и, прямо можно сказать, своимъ вліяніемъ на общество составилъ ему практику. Кромѣ того, они женили его на одной своей знакомой вдовѣ, женщинѣ необразованной

но съ очень хорошимъ состояніемъ; и когда онъ поразжился, то съ терпѣніемъ переносили его капризы и лѣнь, которой онъ день ото дня предавался замѣтнѣе, и гораздо болѣе думалъ объ одной своей, кажется, довольно здоровой пациенткѣ, чѣмъ о всѣхъ другихъ больныхъ. Въ послѣднее время онъ прїѣзжалъ къ Ухмыревымъ обыкновенно послѣ пятого и шестаго посла, и потомъ, когда домъ былъ проданъ и когда съ Авдотьей Егоровною, послѣ этого извѣстія, сдѣлалось дурно, окончательно обличилъ себя:

— У твоей барыни одна болѣзнь! я не повѣду, — сказала онъ посланному: — меня ждуть больные серьезнѣе ея.

Послѣ тысячи непріятностей, Алексѣй Сергѣичъ кое-какъ уладилъ свой переѣздъ въ деревню; но и тутъ явилось новое препятствіе. Усадьба, въ которую онъ намѣревался ѣхать, за неплатежъ въ Совѣтъ, подпала опекунскому управленію. Ухмыревъ упалъ духомъ и лежалъ цѣлый день въ кабинетѣ. Авдотья Егоровна была въ отчаяніи и плакала навзрыдь, такъ что горничная ея пошла къ Вѣрѣ Павловнѣ, которая едва начала переходить комнату.

— Вѣра Павловна! выйдите къ тетенькѣ, — сказала она: — хоть немножко успокойте ее.

— Что такое? — спросила Вѣра съ безпокойствомъ.

— Онѣ очень плачуть-съ; въ усадьбу намъ ѣхать нельзя: опекунъ опредѣленъ.

Вѣра встала и пошла къ теткѣ.

— О чемъ вы, ma tante, плачете? — сказала она, садясь около нея.

— Такъ, ни о чемъ, — отвѣчала та: — обыкновенная моя болѣзнь.

— Намъ, говорятъ, нельзя ѣхать въ усадьбу? тамъ опекунъ опредѣленъ.

— Кажется.

— Гдѣ же мы будемъ жить?

Авдотья Егоровна разрыдалась еще сильнѣе.

— Ma tante, я хочу васъ попросить: возьмите у меня ожерелье, которое мнѣ князь подарилъ и продайте его: оно дорого стоитъ.

Авдотья Егоровна съ удивленіемъ посмотрѣла на племянницу. Надобно сказать, что у ней у самой были еще кой-какіе брилльянты; но она рѣшительно не имѣла великодушія разстаться съ этими страстно ею любимыми украшеніями. А Вѣра, молоденькая дѣвушка, сама предлагаетъ взять у нея такую прелестную, цѣнную и единственную вещь и предлагаетъ такъ равнодушно, какъ будто бы старое, изношенное платье.

— Нѣтъ, мой другъ, это невозможно, — отвѣчала она: — тебѣ самой оно будетъ нужно.

— Нѣтъ, ma tante, оно мнѣ совершенно не нужно; я его ни разу не надѣвала и никогда не надѣну. Умоляю васъ, возьмите, мнѣ, право, оно не нравится; позвольте хоть этими пустяками заплалить вамъ за всѣ ваши благодѣянія.

— Душечка моя! милочка моя! мнѣ совѣстно, и дядя не согласится.

— Согласится; я упрошу, я сейчасъ къ нему схожу.... Онъ въ кабинетѣ?

Авдотья Егоровна болѣе не противорѣчила и обняла великодушную племянницу, которая прошла въ кабинетъ.

-- Вы нездоровы? — спросила она.

— Да-съ, голова болитъ,—отвѣчалъ сухо Ухмыревъ.

— Я къ вамъ пришла за совѣтомъ.

— Что такое?—спросилъ отрывисто Алексѣй Сергѣичъ.

— Я хочу продать свое ожерелье. Вы не знаете, сколько за него дадутъ?

— Это зачѣмъ?

— Такъ, мнѣ хочется имѣть деньги. Купить ли у меня здѣсь кто-нибудь его?

— Нашла здѣсь покупателей! Здѣсь умѣютъ только на чужой счетъ обѣдать: я думаю, обыщи весь городъ, такъ ни у кого ста цѣлковыхъ не найдешь въ карманѣ.

— Гдѣ жь я могу его продать?

— Не знаю-съ.

— Ну, вотъ, дядя, научите, пожалуйста: я право хочу имѣть деньги.

— Право, не знаю-съ. Въ Ярославлѣ есть ювелиръ, а здѣсь никого нѣтъ.

— Я вотъ что хочу, дядя, сдѣлать,—начала Вѣра, послѣ непродолжительнаго молчанія:—теперь я это ожерелье продамъ, а деньги вы возьмите у меня на сохраненье. Чѣмъ вамъ занимать у постороннихъ, такъ вы лучше возьмите у меня; а вамъ теперь, я знаю, деньги нужны.

Алексѣй Сергѣичъ наконецъ понялъ, къ чему племянница вела весь этотъ разговоръ. Въ лицѣ его появились какія-то гримасы, на глазахъ показались слезы. Во все это время Ухмыревъ, отчасти разстроенный труднымъ положеніемъ своихъ дѣлъ, отчасти сердившійся на Вѣру за любовь ея къ Ша-

милову, былъ очень холоденъ къ ней и въ продолженіе всей ея тяжкой болѣзни почти не видалъ ее. Великодушіе Вѣры, котораго онъ никакъ не ожидалъ, пристыдило его.

— Вы хотите мнѣ сдѣлать благодѣяніе, котораго никто въ мірѣ для меня не сдѣлаетъ теперь, потому что я глупъ и не стою этого. За ваше намѣреніе Богъ вамъ заплатитъ: больше я ничего не могу сказать. Меня стоитъ наказать.... Я оплакиваю только несчастную жену мою и васъ! Вотъ въ какомъ я теперь положеніи: такъ могу-ли я отъ васъ что-нибудь принять! У васъ это послѣднее.

— Вы, дядя, несправедливо говорите: вы должны у меня эту бездѣлицу взять. Если вы сами забыли, что дѣлали для меня, то я помню. Что бы было со мной, если бы не вы приняли меня послѣ смерти батюшки? Я должна была бы умереть съ голоду: но вы меня пріютили, вы замѣнили мнѣ отца, вы доставили мнѣ всѣ удовольствія. Позвольте же мнѣ считать себя вашей дочерью. Если бы у васъ была дочь и у нея бы были лишнія вещи, и она попросила бы васъ взять и продать ихъ, вы вѣрно бы не отказали ей въ этомъ. За чтожь вы меня хотите обидѣть?

— Нѣтъ-съ, я недостойнъ называться вашимъ отцомъ: я противъ васъ виноватъ, много виноватъ; за васъ и за жену мою меня Богъ наказываетъ теперь.

— Послушайте, дядя, если вы не возьмете у меня денегъ, имѣніе ваше продадутъ: намъ негдѣ будетъ жить. Вы должны спасти ваше состояніе и для этого продайте и мое, и тетиню, и все, что есть лишнее.

— Нѣтъ, Вѣра Павловна, не то бы я долженъ дѣлать, старый дуракъ; я бы долженъ въ карты не

играть, дармоѣдовъ бы не кормить десять лѣтъ на заемныя деньги; тогда бы я не обиралъ моихъ родныхъ.

— Прошедшаго, дядя, не воротишь; возьмите у меня ожерелье, не огорчайте тетушку; вы знаете, какъ она слаба; она цѣлый день сегодня плачетъ.

— Для нея извольте; если она только хочетъ, я согласенъ.

— Она согласна; только вы возьмите его поскорѣе у меня и продайте; я сейчасъ вамъ пришлю его.

Алексѣй Сергѣичъ, вмѣсто отвѣта, поцѣловалъ у племянницы руку.

Успокоить Авдотью Егоровну Вѣра было очень нетрудно: она пришла и сказала ей, что дядя согласенъ, и добрая тетка, по возможности, утѣшилась. Вѣра не обѣдала; утомленная утренними подвигами, она ослабѣла и легла въ постель. Дядя и тетка сидѣли въ ея комнатѣ попеременно. О Шамиловѣ она во все послѣднее время ни слова не говорила, не получала отъ него никакого извѣстiя и сама къ нему не писала.

Алексѣй Сергѣичъ сбылъ ожерелье; но кому именно, въ какую сумму и на какихъ условiяхъ — не сказалъ ни женѣ, ни племянницѣ, а только написалъ на имя послѣдней вексель въ пять тысячъ рублей серебромъ и заставилъ жену подписаться поручительницей. Вѣра не хотѣла было брать, но Ухмыревъ настоялъ, говоря, что это необходимо сдѣлать на случай смерти. Опека была снята. По самому послѣднему пути, Ухмыревы переѣхали наконецъ въ деревню. Авдотья Егоровна и Вѣра были очень удив-

лены, по прївздѣ въ усадьбу; онѣ рѣшительно не узнали стараго деревяннаго дома: онѣ былѣ оклеенѣ обоями, въ немѣ была прехорошенькая мебель, драпировка замѣнила прежнія неуклюжія деревянныя двери. Алексѣй Сергѣичъ приготовилъ имѣ сюрпризъ. Во все это время онѣ говорилъ: «какѣ намѣ будетѣ жить въ нашихѣ развалинахѣ? Надобно бы поправить, а не хочется.»

— Зачѣмѣ, mon cher, поправлять! онѣ довольно тепель,—возражала Авдотья Егоровна.

— Не поправляйте, дяди,—замѣчала Вѣра: — я очень люблю старыя дома.

— Не стану-съ: только не соскучьтесь сами,—отвѣчалъ Алексѣй Сергѣичъ и улыбался.

На дѣлѣ вышло не то: онѣ его совсѣмѣ поправилъ.

— Вотѣ твой, Eudoxie, кабинетъ; хорошъ?—спрашивалъ онѣ жену.

Та качала головой.

— Гостиная немного темна,—продолжалъ Алексѣй Сергѣичъ, не глядя на Авдотью Егоровну. — Лѣтомѣ надобно будетѣ перемѣнить рамы: сдѣлаю въ три стекла; терпѣть не могу этихѣ клѣтокъ.

— Зачѣмѣ, ma tante, дядя столько денегѣ издержалъ на поправку дома?—сказала Вѣра теткѣ, оставшись съ нею вдвоемѣ.

— Что, ангелъ мой, съ нимѣ дѣлать! онѣ не можетѣ иначе; это его слабость.

Жизнь Ухмыревыхѣ въ деревнѣ пошла однообразно и спокойно. Алексѣй Сергѣичъ, въ первое время, началъ сильно хозяйничать: ходилъ по полямѣ, смотрѣлъ самѣ за рабочими и составилъ планѣ

какого-то огромнаго кирпичнаго завода, и вычислялъ, сколько онъ долженъ будетъ давать ему дохода. Выходило, что очень порядочно — тысячь до трехъ серебромъ; но оказалось препятствіе, въ томъ отношеніи, что во всей дачѣ не могли отыскать достаточнаго слоя глины. Хозяйство и проекты занимали Ухмырева недолго: онъ снова сдѣлался скученъ и всякій разъ сердился, когда надобно было посылать въ городъ за покупками и выдать для этого денегъ; а потомъ началъ потихоньку совѣтоваться съ прикащикомъ о томъ, нельзя ли чего-нибудь продать изъ хозяйственныхъ вещей, и прикащикъ, стараясь угодить барину, предложилъ отдать на срубъ лѣсную дачу, по дешевымъ, конечно, цѣнамъ, но больше никто не давалъ. Баринъ изъявилъ согласіе и опять успокоился.

На Фоминой къ Ухмыревымъ пріѣхалъ совершенно нечаянный гость — Степанъ Герасимычъ, который былъ имъ сосѣдъ, по одной изъ маменькиныхъ усадебъ. Но прежде я долженъ сказать, что съ молодымъ человѣкомъ, послѣ его постыднаго бѣгства изъ гостиницы, случилась большая перемѣна. По пріѣздѣ въ свою усадьбу, онъ дня три былъ въ величайшемъ страхѣ, безпрестанно ожидая, что явится Шмаковъ и будетъ отъ него требовать трехсотъ рублей серебромъ. Василій Николаичъ, однако, не ѣхалъ, но прислала нарочнаго Аграфена Кондратьевна и требовала, чтобы Степачка, не медля ни минуты, явился къ ней.

«Вотъ тебѣ и разъ, — подумалъ онъ: — маменька вѣрно узнала, что я въ карты проигралъ; она безъ

того ужь была сердита на меня, а тутъ, пожалуй, такую штуку сдѣлаеть, что и своихъ не узнаешь.»

Предположеніе это оказалось совершенно несправедливо. Аграфена Кондратьевна встрѣтила сына со слезами и съ распростертыми объятіями и съ перваго же раза объявила, что хочетъ отдѣлить ему всѣ четыреста душъ, которыя были въ той губерніи, а сама намѣревалась переѣхать на весну въ городъ, а лѣтомъ отіравиться на богомолье въ Кіевъ и въ Воронежъ. Къ большому еще удивленію, Степанъ Герасимычъ замѣтилъ, что маменька, которую онъ не видалъ всего четыре дня, такъ похудѣла, какъ бы послѣ мѣсячной лихорадки, была какая-то разстроенная и говорила сама не понимая что. О свадьбѣ его не упомянула она ни слова; въ церковь свою вдругъ сдѣлала вкладъ въ пятьсотъ рублей серебромъ, чего прежде никогда не бывало, хоть и была всегда довольно богомольна. Со старухой случилось странное происшествіе: суета ея съ Моросенками ужасно ее разстроила: все-таки она была мать, хоть и грубо, но горячо любившая сына; на дорогѣ съ ней сдѣлалась этакая тоска, что она и раскрывалась, и пила холодную воду — ничто не помогаетъ; такъ тошно, хоть руки на себя наложить. Первая пришла ей мысль, не отравили ли ее Моросенки, и это, по ея соображенію, было возможно. Степочка у нея одинъ наслѣдникъ: послѣ смерти ея имѣнье ни къ кому не можетъ перейти, кромѣ его. Замѣтивъ, что она не хочетъ его отдѣлить, всего лучше было спроводить ее на тотъ свѣтъ. При этомъ тоска, конечно, еще больше усилилась.

— Батюшки мои, — начала она говорить людямъ: —

везите меня поскорѣе: смерть моя приходитъ; дайте мнѣ причаститься, исповѣдаться.

Кучеръ, видя, что съ барыней плохо, погналъ во всю прыть. Отъ воздуха или отъ чего другаго, ей начало становиться легче, легче, и когда въѣхала въ усадьбу, то какъ-будто бы началъ сонъ клонить. Она, конечно, тотчасъ же улеглась, однако заснуть не могла; полежавъ съ четверть часа и вспомнивъ, что не молилась, она встала, засвѣтила восковую свѣчку и пошла въ залу, гдѣ стоялъ большой образъ, но только что ступила ногой въ гостиную, чрезъ которую надобно было проходить, вдругъ идетъ ей на встрѣчу другая Аграфена Кондратьевна, въ такомъ же вапотѣ, въ такихъ же валенкахъ: сердце у ней замерло и едва достало силы вскрикнуть, и она тутъ же упала. Прибѣжали дѣвки и нашли ее совершенно безъ чувствъ. Можете себѣ представить, что она чувствовала, опомнившись. День еще промаяла кое-какъ; но съ закатомъ солнца съ ней сдѣлался такой страхъ, что она легла въ свою спальню, зажмурилась, положила около себя всѣхъ своихъ дѣвокъ, а въ залѣ и лакейской велѣла ночевать двумъ даже мужикамъ, и только такимъ образомъ могла провести ночь. Въ отношеніи Степочки она почувствовала полнѣйшее раскаяніе. Ей представилось, что она почувствовала полнѣйшее раскаяніе. Ей представилось, что она этого несчастнаго ребенка, сама не зная за что, мучить и терзаетъ. Она сейчасъ же послала за нимъ и до самаго пріѣзда его не пила, не ѣла и не спала. Все это она рассказала впоследствии, но въ то время скрыла отъ всѣхъ.

— Вотъ, мой другъ,—сказала она, отдавая Сте-

почкѣ дарственную на четыреста душъ: — живи и хозяйничай, а мнѣ ужь ничего не нужно.

И черезъ два дня выѣхала изъ своего пепелища, гдѣ прожила она почти сорокъ лѣтъ безвыѣздно, съ удивительнымъ равнодушіемъ, какъ-будто бы ей все надоѣло и ничто ужь не занимало. Къ Степану Герасимычу была она чрезвычайно нѣжна.

— Не забывай меня, покуда еще жива, навѣдывайся ко мнѣ, — говорила она: — жить я тебя съ собою не зову: со мной тебѣ дѣлать нечего; присматривай здѣсь за хозяйствомъ, женись, если Моросениныхъ дочь нравится; я ужь имъ простила, простили бы и они меня.

— Нѣтъ маменька, я не желаю-сь, — отвѣчалъ Степochка.

Впрочемъ, ему и желать этого было невозможно, особенно послѣ недавней исторіи съ Шмаковымъ.

Прощаясь съ людьми, старуха всѣмъ кланялась въ поясъ и говорила: «простите, Христа-ради, меня грѣшную: многимъ я виновата противъ васъ.» Степанъ Герасимычъ, проводивъ мать въ городъ, тотчасъ же вступилъ въ управленіе имѣніемъ, и, услышавъ, что Алексѣй Сергѣичъ переѣхалъ въ свою деревню, онъ, для своего пребыванія, избралъ одну изъ усадебъ, которая отъ Ухмыревыхъ была всего въ пяти верстахъ, и сдѣлалъ имъ визитъ. Хозяева удивились, сконфузились и не успѣли еще придти въ себя, какъ Степанъ Герасимычъ влетѣлъ и шаркался.

— Мы теперь ужь не городскіе, а деревенскіе сосѣди, — говорилъ онъ: — я никакъ не думалъ, что буду здѣсь жить.

— Вы теперь въ Тыркинѣ? — спросилъ Алексѣй Сергѣвичъ.

— Да-съ, въ Тыркинѣ.

— Оно давно ваше?

— О, нѣтъ-съ: оно было маменькино, а теперь мое.

— Какже такъ ваше?

— Маменька мнѣ на бумагѣ отдала четыреста душъ. Она сама не хочетъ заниматься хозяйствомъ. Въ городѣ говорили, что она мнѣ никогда ничего не дастъ: я только тогда смѣялся надъ этимъ.

— Кто-жь это говорилъ? вы одинъ сынъ.

— Конечно, одинъ, но говорили. Я теперь хочу никогда въ городахъ не жить. Деревенское знакомство гораздо пріятнѣе: даже у себя дома можно хозяйствомъ заниматься. Я теперь долженъ много устроить въ этой усадьбѣ; хотѣлось бы еще прикупить кое-чего. Она очень выгодная; но мужики въ отдаленіи — работать некому.

— Чтожь, вы задѣльную деревню желали-бы купить? — спросилъ Ухмыревъ.

— Да-съ, задѣльную.

— А ваша свадьба, Степанъ Герасимычъ? — спросила Авдотья Егоровна.

Степанъ Герасимычъ только сплюнулъ на это.

— Они такой сдѣлали пріемъ маменькѣ, — отвѣчалъ онъ, пожимая плечами, — что въ другихъ благородныхъ домахъ этого никогда не бываетъ.

— Стало быть, все ужъ кончено? — замѣтилъ Ухмыревъ.

— Да-съ.

Просидѣвъ съ полчаса, Степанъ Герасимычъ не

утерпѣлъ и спросилъ о главномъ предметѣ, для котораго онъ, кажется, и пріѣхалъ.

— Вѣра Павловна все еще больна?

— Не то, что больна, но слаба, — отвѣчала Авдотья Егоровна.

— Можетъ, онѣ по женихѣ скучаютъ?

— Я думаю.

— Сегодня она выходила? — спросилъ Алексѣй Сергѣичъ жену.

— Выходила. Теперь она чѣмъ-то занята: у нея писемъ много, — отвѣчала та.

— Когда я провожалъ въ городъ маменьку, такъ изъ знакомыхъ ни у кого не былъ; но люди сказывали, что свадьба Вѣры Павловны, какъ и моя, тоже разстроились.

Авдотья Егоровна переглянулась съ мужемъ и оба ничего не отвѣчали.

— Говорятъ, Петръ Александрычъ совсѣмъ ужъ уѣхалъ въ Петербургъ и писалъ своему человѣку, чтобы онъ продалъ домъ и выслалъ бы ему деньги — въ столицахъ деньги нужны.

— Не знаю-съ, о домѣ мы ничего не слыхали, — проговорилъ Алексѣй Сергѣичъ.

— А на счетъ свадьбы, справедливо или нѣтъ?

— Какъ сказать—это зависитъ отъ обстоятельствъ, — отвѣчалъ Ухмыревъ.

— Иногда хорошо, когда свадьба разстраивается. Пріятно жениться на дѣвушкѣ, которая по сердцу, но если нѣтъ, такъ....

— По вашему состоянію, вы всегда можете жениться по наклонности, — сказала Авдотья Егоровна.

— Состояніе еще у меня недавно-съ и очень былъ

бы радъ, если бы та дѣвица, которая мнѣ нравится больше всѣхъ, пошла-бы за меня.

Хозяева хорошо понимали, къ чему клонилъ разговоръ Степочка. Авдотья Егоровна конфузилась, Алексѣй Сергѣичъ соображалъ.

— Молодому человѣку надобно имѣть терпѣнье, — проговорилъ онъ. — Что вы не курите? хотите?

— Но не обезпокою ли я даму?

— Ахъ, нѣтъ; пожалуйста, — отозвалась Авдотья Егоровна.

— Я вамъ сейчасъ велю подать, — сказалъ Ухмыревъ и ушелъ.

— Какъ я радъ, что опять возобновилъ съ вами знакомство! я долго не рѣшался къ вамъ ѣхать.

— Намъ очень пріятно васъ видѣть всегда.

— А для меня это счастье.

Алексѣй Сергѣичъ, велѣвъ подать Степочкѣ трубку, пошелъ мимо комнаты племянницы и заглянулъ въ растворенную дверь. Вѣра сидѣла задумавшись.

— Что вы? — спросилъ онъ.

— Ничего.

— Тамъ у насъ гость.

— Слышала.

— Что, вамъ не хуже сегодня?

— Нѣтъ, ничего.

— Выйдете къ обѣду?

— Да, непременно.

Алексѣй Сергѣичъ, возвратясь въ гостиную, увелъ оттуда Степочку въ свой кабинетъ.

— Вы давеча сказали, что желали бы прикупить къ усадьбѣ. Купите у меня деревню?

Степанъ Герасимычъ нѣсколько затруднился: говоря о желаніи купить, онъ хотѣлъ только задать передъ Ухмыревыми форсъ—но, впрочемъ, спросилъ:

— Какую это-съ?

— Марково. Деревня хорошая: у меня въ ней сто душъ.

— А какая ваша цѣна?

— Назначайте сами.

— По моему, нельзя большой цѣны дать: по сту рублей серебромъ за душу.

— Берите: я уступлю за эту цѣну.

Степанъ Герасимычъ обрадовался и удивился. Цѣна была, какъ говорится, дешевле пареной рѣпы, потому что всѣ мужики были зажиточные и снабженные всѣми мѣстными угодьями; упустить этакій случай было грѣхъ; но какимъ образомъ купить? столько денегъ у него не было въ наличности; но можно было продать хлѣба, котораго было у него по всѣмъ усадьбамъ несчетное количество.

— Хорошо-съ, я посоветуюсь съ маменькой, —отвѣчалъ онъ.

— Что же тутъ совѣтоваться: цѣна ничтожная.

— Еще надобно денегъ сколотить.

— Денегъ вамъ немного надобно: долгъ Совѣту вы переведете на себя, заплатите небольшую недоимку, а мнѣ придется отдать не болѣе трехъ тысячъ.

— На-лицо у меня нѣтъ столько, а у маменьки просить не смѣю.

— Не можете ли вы мнѣ покрайней мѣрѣ хоть задатку дать сколько-нибудь?

— Когда-съ? <http://rcin.org.pl>

— Да теперь.

— А отъ васъ я что же, бумагу, что ли, какую получу?

— Мы наанишемъ домовое условіе.

— Не знаю, право; какъ это.... мнѣ никогда не случалось.... Какъ бы это было въ городѣ, я бы тамъ посовѣтовался съ однимъ человѣкомъ: онъ у маменьки всѣ эти дѣла дѣлаетъ.

— Неужели же вы сомнѣваетесь? Если мало для васъ условій, я вамъ дамъ сохранную записку въ вашемъ задаткѣ: это вѣрнѣе всего. Я бы это имѣніе нивакъ не сталъ продавать, еслибы не необходимость, крайности у меня постоянной нѣтъ, но на переворотъ нужно — больше ничего. Пожалуйста, если можно.

— А какъ вы послѣ отопретесь?

Алексѣй Сергѣичъ смѣшался.

— Отпереться мнѣ нельзя: я благородный человѣкъ; а если умру, жена подпишется ко всему поручительницей. Я вотъ какъ хочу дѣлать.

— Когда же я имѣніе получу?

— По совершеніи купчей.

— Когда же купчую совершимъ мы?

— Это отъ васъ зависитъ: когда собьетесь съ деньгами, тотчасъ и совершимъ.

— Ну, вотъ видите, это долго.

— Да что же васъ затрудняетъ?

— Со мной не бывало никогда этакого дѣла: деньги отдать, а имѣніе не получить; дожидайся, когда...

— Вы отдадите только задатокъ.

— Все равно — деньги-съ.

— Деньги деньгамъ рознь: это — небольшія деньги.

— Вамъ сколько надобно?

— Да хоть пять сотъ рублей.

— Вотъ сколько.

— Ну, а сколько же вы можете?

— Сто рублей, пожалуй.

— Какже это сто?

— Ну, двѣсти.

— Что двѣсти! я лучше другому продамъ.

Степанъ Герасимычъ думалъ: купить ему очень хотѣлось, а задатку было жаль, да и сомнѣвался, чтобы Ухмыревъ какъ-нибудь не обманулъ, воспользуясь его неопытностью.

— Согласитесь хоть на четыреста рублей; мнѣ, главное, деньги теперь нужны: оно можно бы... да только, чтобы вѣрно было.

— Я напишу какое хотите условіе... Неустойка вамъ нужна? Во сколько угодно, хоть въ десять тысячъ серебромъ, — проговорилъ Алексѣй Сергѣичъ и началъ было писать.

— Нѣтъ-съ, погодите: я лучше въ городъ съѣзжу мнѣ тамъ напишутъ.

— Хорошо, мнѣ все равно: дайте только задатокъ, я дамъ въ немъ пока росписку.

— А какъ вы эти деньги теперь же издержите? — возразилъ Степочка.

Ухмыревъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него.

— Какъ издержу?

— Да, кабы вы не издержали; а то тутъ у васъ и не будетъ чѣмъ мнѣ отдать назадъ.

— Зачѣмъ же мнѣ отдавать назадъ? Вы имѣніе получите.

— Гдѣ еще имѣніе! когда я его получу! мнѣ бы вотъ теперь нужны руки, надо лѣсу запасти на постройку.

— Такъ вы разсчитайтесь со мной хоть сейчасъ же; а завтра совершимъ крѣпость.

— Денегъ нѣтъ столько.

— Когда же онѣ у васъ будутъ?

— По веснѣ.

— Ну чтожь, это ничего.

— Какое ничего-съ? У меня на задѣлье ходитъ некому: поэтому я за вашимъ Марковымъ и тянусь — вотъ что-съ!

— Пожалуй, я допущу васъ во владѣніе; поступайте, какъ знаете.

— Это хорошо, а то и маменька разсердится, — скажетъ: купилъ имѣніе, а въ чужихъ рукахъ.

— Извольте, — проговорилъ съ досадой Ухмыревъ и далъ Степochкѣ приказъ къ марковскому старостѣ, чтобы онъ явился къ Степану Герасимычу и исполнилъ всѣ его приказанія, такъ какъ деревня уже продана ему.

Къ обѣду Вѣра дѣйствительно вышла. Степочка, увидѣвъ ее, сначала покраснѣлъ до самыхъ ушей, а потомъ совершенно растаялъ. Она, видимо, употребляла надъ собой всѣ усилія, чтобы быть съ нимъ ласковой.

Послѣ отъѣзда гостя, Алексѣй Сергѣичъ вошелъ въ гостиную, гдѣ сидѣла Авдотья Егоровна, и сѣлъ насупившись, что онъ всегда дѣлалъ передъ каждымъ щекотливымъ объясненіемъ съ женою.

— Я маленькую аферу сейчасъ сдѣлалъ съ этимъ баринномъ, — началъ онъ.

— Что такое?—спросила жена.

— Марково запродамъ ему.

Авдотья Егоровна поблѣднѣла.

— Для чего? —спросила она.

— Деньги нужны, да и деревня бесполезна.

— Что это, другъ мой! это лучшая наша деревня.

— Вовсе не лучшая: народъ пребалованный и весь задѣльный; а намъ деньги нужны. Я ее продамъ, такъ буду спокоенъ, оттого, что буду чистъ со всѣми долгами.

— Вудто ужъ и со всѣми.

— Пора мнѣ знать счетъ-то! а лгуномъ я еще никогда не бывалъ.

— И Вѣрочкѣ деньги ты возвратишь?

— Я про Вѣрочкины деньги и не говорю: это домашній долгъ, мы будемъ обеспечивать ее всѣмъ нашимъ состояніемъ.

— Но если она замужъ выйдетъ, ей сейчасъ будутъ нужны деньги.

Алексѣй Сергѣичъ вспыхнулъ.

— Прошу васъ не беспокоиться: это мое дѣло; вамъ бы только колотъ меня этимъ не слѣдовало.

— Чѣмъ же я тебя уколола?

— Да-съ, ничего: я зналъ прежде, каковы эти деньги будутъ для меня, я, какъ огня, ихъ боялся, вы же согласились и настояли, а теперь...

— Ахъ, Alexis, какъ ты несправедливъ: она отдала тебѣ послѣднее, а ты сердишься!

— Съ чего же вы взяли, что я сержусь? Напро-

тивъ, я всю жизнь останусь благодаренъ ей; но дайте мнѣ перевернуться. Я цѣлыя ночи, сударыня, не сплю! Вамъ стыдно бы было мнѣ не вѣрить... Богъ съ вами! мнѣ теперь осталось одно: молить Бога, чтобы прибралъ меня скорѣе... оставайтесь; будете счастливы безъ меня!

— Охъ! — вскрикнула Авдотья Егоровна и начала рыдать.

— Одна исторія, — проговорилъ Ухмыревъ и, махнувъ рукою, ушелъ.

Затѣмъ послѣдовали обычные сцены: Авдотья Егоровна проплакалась, позвала къ себѣ мужа, приласкалась къ нему; а онъ, съ своей стороны, доказалъ ей пунктуально, что продаетъ деревню такъ выгодно, какъ только можно желать.

Степочка отъ Ухмырева проѣхалъ прямо въ Марково, гдѣ обошелъ сначала всѣ крестьянскіе дворы, подробно разспросилъ хозяевъ о хлѣбѣ, о скотинѣ, о покосахъ и лѣсныхъ дачахъ, а потомъ собралъ на сходку миръ и, объявивъ всѣмъ мужикамъ, что онъ сторговалъ деревню, прочиталъ имъ приказъ Алексѣя Сергѣича.

— Вы рады ли, что я васъ покупаю? — спросилъ онъ въ заключеніе.

У всѣхъ почти мужиковъ вытянулись лица.

— Намъ, батюшка, все равно, кому ни служить, — отвѣчали нѣкоторые изъ нихъ неторопливо.

— Что, ребята, надобно говорить правду, — произнесъ рыжій мужикъ: — на одинъ конецъ лучше. За Алексѣемъ Сергѣичемъ жить, такъ порядку не видать: то льготы, то вдругъ требуютъ.

— Небось съ тебя лишнее взяли! Ахъ, братъ,

Михайло, не то бы тебѣ слѣдовало баять: тебѣ бы за господъ пуще всѣхъ надобно, денно и ночно, молить Бога, а не то что говорить этакия пустыя слова, —сказалъ съдой старикъ.

— Я не про себя и говорю, съдая борода, а про новаго барина: у него, извѣстно, порядокъ будетъ лучше, —возразилъ Михайло.

— Свой-то бы порядокъ лучше наблюдалъ; немало мы съ тобой на міру-то повозились, а господа-то давно ужь отъ тебя отступились, —возразилъ ему тотъ же старикъ.

— Отступились! много больно знаешь: на печи лежать да по міру ходить — извѣстный у васъ промысель-то у всѣхъ одинъ.

— Нѣтъ, Михайлушко, я по міру не хожу, слава Богу: дѣтки кормятъ.

— Ты, Михайло, вотчину не клепли, — вмѣшался русый мужикъ, съ вострой бородой: —у насъ кромѣ тебя, никто этимъ не занимается.

— Я у васъ порядокъ заведу, —произнесъ Степочка: —такой же, вотъ, какъ и у насъ въ имѣннѣ, знаете, я думаю?

— Какъ не знать-сь! дѣло сусѣднее, —отвѣчалъ опять, какъ-то уклончиво тотъ же русый мужикъ.

— Извини, судырь-ты мой, меня: хочу и тебя спросить, —началъ прежній старикъ: — больно мнѣ жаль старыхъ-то господъ! Пошто это Алексѣй Сергѣичъ продаетъ насъ? баринъ добрый, барыня тоже; неужели имъ нужда какая пришла?

— Прожились въ городѣ, баловъ очень много давали... я такъ вотъ не люблю; въ именины развѣ кого позову, а больше никогда.

Поговоривъ такимъ образомъ съ мужиками, Степочва уѣхалъ домой. Онъ очень доволенъ былъ покупкой. Мужики хорошіе и зажиточные; одинъ только Михайло... «ну, да я его въ пастухи возьму» — разсуждалъ онъ самъ съ собой и на другой день отправился въ городъ. Онъ имѣлъ тамъ постояннаго хоздата въ особѣ нѣкоего Ивана Ефимыча Теофилактова, бывшаго писемоводителя опеки, котораго по всѣмъ правамъ можно было назвать попечителемъ и покровителемъ всѣхъ уѣздныхъ вдовъ и сиротъ: онъ писалъ имъ отчеты, хлопоталъ о метрическихъ свидѣтельствахъ, управлялъ имѣніями, скупалъ у нихъ на чистыя деньги исковыя дѣлишки, пріискивалъ даже жениховъ; однимъ словомъ — былъ угода на всѣ руки. Услуживая такимъ образомъ, онъ, конечно, не забывалъ и самого себя: въ настоящее время имѣлъ уже свою деревню и каменный домишко въ городѣ; обращенія онъ былъ очень солиднаго; онъ не любилъ говорить пустяковъ.

Выслушавъ, въ чемъ дѣло, Иванъ Ефимычъ началъ тереть лобъ, какъ бы припоминая кое-что.

— Вамъ надобно условіе заключить? — сказалъ онъ.

— Да-съ, условіе.

— Съ неустойкой?

— Съ неустойкой — онъ самъ говорилъ — въ десять тысячъ серебромъ.

— Хм! какой добрый!

— Я боюсь, не опасно-ли.

— Какое опасно! дѣло вѣрное, хорошее.

— Какъ надобно сдѣлать-то?

— Надобно на гербовой да и у маклера засвидѣтельствовать, а то иначе будетъ недѣйствительно, — от-

въ началѣ Теофилактовъ. — Черновую я вамъ напишу, — прибавилъ онъ и разомъ сочинилъ условіе, въ такомъ духѣ:

«Я, Ухмыревъ, запродавъ, на словахъ, Сальникову имѣніе, состоящее К... уѣзда, въ деревнѣ Марковѣ, по послѣдней ревизіи сто душъ, за десять тысячъ рублей серебромъ, съ тѣмъ, чтобы въ числѣ оныхъ денегъ заключался долгъ Опекунскому Совѣту и всѣ казенныя недоимки; мнѣ же, Ухмыреву, получить, что будетъ слѣдовать въ остаткѣ по разсчету. Въ заданокъ я получилъ пятьсотъ рублей серебромъ. Купчую крѣпость обязуюсь совершить тотчасъ же по полученіи полного разсчета; въ случаѣ же отказа съ моей стороны или какихъ либо другихъ препятствій, обязываю я себя неустойкой въ десять тысячъ рублей серебромъ, которые и долженъ я, продащикъ, уплатить покупателю тотчасъ вмѣстѣ съ задаткомъ; я же, Сальниковъ, обязуюсь сдѣлать Ухмыреву распродажу хлѣба.»

Къ этому условію Алексѣй Сергѣичъ, почти не читавши, подписался, получилъ пятьсотъ рублей и былъ очень доволенъ.

VI.

Наступилъ май мѣсяцъ. Аграфена Кондратьевна уѣхала на богомолье. Степанъ Герасимычъ все хлопоталъ съ продажею хлѣба и сбывалъ его не вдругъ, а съ выдержкой, и поэтому довольно выгодно.

— Ну, баринъ, — говорили ему купцы, издавна закупавшіе въ тѣхъ мѣстахъ хлѣбъ и торговавшіеся

съ нимъ въ продолженіе трехъ сутокъ: — какъ ты деньгу любишь! Маменька твоя была туга, а ты еще чище ея.

Вѣра Павловна начала чувствовать постоянную боль въ лѣвомъ грудномъ боку, не сильно, но какъ-то болѣзненно кашляла и, наконецъ, съ каждымъ днемъ худѣла и слабѣла, но, несмотря на это, сама она какъ бы рѣшительно не признавала своей болѣзни и упорно не хотѣла она лечиться, говоря, что она здорова и ничего особеннаго не чувствуетъ.

Наколотивъ денегъ, Степанъ Герасимычъ началъ требовать окончательной продажи имѣнія. Алексѣй Сергѣичъ былъ душевно радъ съ своей стороны, и оба они отправились въ городъ, чтобы посоветоваться насчетъ купчей, и обратились, по желанію Сальникова, къ покровителю вдовъ и сиротъ Ивану Ефимычу, который, къ удивленію купца и къ ужасу продавца, объявилъ, что купчей крѣпости совершить нельзя, потому что на имѣніе, по претензій въ шесть тысячъ рублей серебромъ, наложено запрещеніе, и въ доказательство своихъ словъ предъявилъ запретительную статью. Алексѣй Сергѣичъ схватился за голову. Объ этомъ долгѣ онъ совсѣмъ и забылъ.

— Вотъ тебѣ на!... — едва имѣлъ онъ силы выговорить.

— Вамъ надобно прежде претензію очистить, — произнесъ Иванъ Ефимычъ спокойнымъ голосомъ.

— Не могу, хотъ повѣсьте — не могу; лучше условіе уничтожить. Что дѣлать! ошибся, — безъ всякаго умысла ошибся... — говорилъ совершенно растерявшийся Ухмыревъ.

— А деньги мои какъ же? — спросилъ Степочка.

— Деньги я вамъ отдамъ.

— Теперь-съ?

— Нѣтъ, не то что теперь: теперь покуда я, пожалуй, вамъ дамъ вексель; а въ удостовѣреніе, пускай марковцы ходятъ къ вамъ на работу; другаго ничего не могу придумать.

— Этого нельзя-съ; вонъ и Иванъ Ефимычъ то же скажетъ.

— Нѣтъ-съ, я ничего не скажу: дѣло ваше,—отвѣчалъ тотъ и вмѣстѣ съ тѣмъ покачалъ отрицательно Степану Герасимычу головой, такимъ образомъ, что Ухмыревъ не замѣтилъ этого.

— Такъ что же мнѣ-то дѣлать?

— Я не знаю, Иванъ Ефимычъ, что теперь дѣлать Алексѣю Сергѣичу?

— Какъ это рѣшить вдругъ? надобно подумать хорошенько: дѣло запутанное.....—отвѣчалъ прежнимъ безстрастнымъ тономъ писмоводитель.

— Меня-то, по крайней мѣрѣ, Иванъ Ефимычъ, чѣмъ нибудь рѣшите?—произнесъ Ухмыревъ умоляющимъ тономъ.

— Васъ чѣмъ рѣшить? имѣніе продать нельзя

— А условіе?

— Это въ волѣ Степана Герасимыча: можно его изорвать, а можно и въ ходъ пустить.

— Какъ это въ ходъ пустить! Господа, помилуйте! что вы хотите со мной дѣлать! Степанъ Герасимычъ, прошу васъ, объясните мнѣ, что вы намѣрены дѣлать?

— Я вамъ послѣ скажу-съ.

— Мнѣ дожидаться некогда: у меня по горло

дѣла въ деревнѣ; да и я не могу здѣсь быть: мнѣ тошно, глаза бы мои не видѣли этого города!

— Вамъ можно ѣхать: за вами теперь никакого нѣтъ дѣла,—сказалъ письмоводитель.

— Но я долженъ ѣхать съ чѣмъ-нибудь. Это не десять рублей, Иванъ Ефимычъ! Побойтесь вы Бога! Я всю ночь не усну и, можетъ быть, не перенесу этого.

— Отъ чего тутъ такъ беспокоиться! Степанъ Герасимычъ, полагаю, не обидитъ васъ — не сегодня знакомъ — какъ-нибудь сдѣлаетесь.

— Степанъ Герасимычъ! скажите мнѣ что-нибудь одно,—произнесъ Ухмыревъ, обращаясь къ Степochкѣ, который ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Я завтра вамъ скажу-съ, право, — отвѣчалъ тотъ.

— Что это такое завтра! тѣшиться что-ли вамъ надо мной, старикомъ, хочется. Съ меня взять нечего: я банкротъ! Коли такъ, такъ вы ни имѣнія, ни задатку не получите!—Проговоря это, Алексѣй Сергѣичъ ушелъ и тотчасъ же уѣхалъ въ деревню.

Пріѣхавъ, онъ ни слова не сказалъ Авдотѣ Егоровнѣ, но притворился больнымъ, ушелъ въ свой кабинетъ и никому не велѣлъ къ себѣ входить.

Последнія слова Ухмырева Степochку обезпokoили.

— Иванъ Ефимычъ, каково онъ меня надулъ! а ты говорилъ дѣло вѣрное, —сказалъ онъ, оставшись съ своимъ повѣреннымъ.

— Да, есть немножко, опростоволосились,—отвѣчалъ тотъ.

— Теперь съ него и денегъ-то не воротишь?

— Какія у него деньги! сами слышали, что онъ сказалъ.

— А зачѣмъ же ты меня въ это ввелъ? что мнѣ теперь дѣлать?

Иванъ Ефимычъ размышлялъ.

— Не знаю, какъ вамъ помочь; хотѣлось бы,—а какъ возьмешься?

— Похлопочи, пожалуйста; я тебя поблагодарю.

— Что мнѣ ваша благодарность! я и такъ для вашего семейства готовъ служить... Уступите мнѣ это дѣло?...

— Какъ такъ?

— Такъ: передайте его мнѣ совсѣмъ.

— А я-то при чемъ буду?

— Я вамъ двѣсти серебромъ заплачу.

— Ахъ, ты, чудакъ этакой! Я ему пятьсотъ далъ...

— Да хоть бы тысячу дали: это ничего не значить; я и это-то на страхъ даю.

— Полно надувать! возьмешь ты на страхъ! только научить меня не хочешь, а самъ знаешь.

— Ничего я больше не знаю; какъ хотите,—отвѣчалъ тотъ и взялся за шапку: — подумайте, прибавилъ онъ.

— Нечего мнѣ думать! ты хитрить хочешь.

— Нахитришь у васъ! Прощайте!

Оставшись одинъ, Степанъ Герасимычъ началъ внимательно читать условіе.

— Экой штукаръ,—проговорилъ онъ: — тутъ написано, что мнѣ надобно получить десять тысячъ серебромъ, а онъ даетъ двѣсти! Я тутъ другое сдѣлаю;

мнѣ деньги что? какъ бы онъ отдалъ за меня Вѣру Павловну, такъ я бы ему все простилъ.

Послѣднюю мысль Степанъ Герасимычъ привелъ въ тотъ же день въ исполненіе и написалъ Алексѣю Сергѣичу письмо:

«Милостивый государь,
«Алексѣй Сергѣичъ!

«Вы давеча на меня осердились, но я обидѣть васъ не хотѣлъ и очень дорожу вашимъ расположеніемъ, и осмѣливаюсь еще разъ просить руки Вѣры Павловны, которая бы меня очень этимъ осчастливила. Вы мнѣ теперь должны, но я бы этихъ денегъ не сталъ требовать за ваше одолженіе. Маменька теперь положила въ всемъ на меня и сказала мнѣ, чтобы я женился на комъ хочу.»

Письмо это обрадовало и взволновало Ухмырева. Отлично, если бы такъ все устроилось; но что скажетъ Вѣра и какъ ей объяснить о томъ; отъ болѣзни характеръ ея рѣшительно измѣнился: она сдѣлалась такъ раздражительна, вспыльчива, что, не говоря уже объ Авдотѣ Егоровнѣ, даже самъ Алексѣй Сергѣичъ трусилъ ее. Однако, со свойственною ему тонкостію, онъ онять придумалъ увѣдомить племянницу о новомъ предложеніи Сальникова письмомъ, въ которомъ между прочимъ изложилъ съ большимъ чувствомъ затруднительность своихъ обстоятельствъ.

Отправивъ это письмо, старикъ рѣшительно замеръ въ своемъ кабинетѣ отъ страха и безпокойства и сталъ прислушиваться къ тому, что происходило въ домѣ: онъ очень хорошо услышалъ, что невольгъ Авдотью Егоровну позвали къ Вѣрѣ. У него окончательно захватило дыханіе. «Ну, будетъ алярма».

подумалъ онъ, и вдругъ къ нему въ кабинетъ вошла тихими шагами Авдотья Егоровна. Алексѣй Сергѣичъ не смѣлъ ни взглянуть, ни спросить ее.

— Вѣра проситъ тебя къ себѣ,—проговорила та.

— Что, матушка?... что она? что съ ней?—пробормоталъ Алексѣй Сергѣичъ.

— Она хочетъ о чемъ-то переговорить съ тобой... Она говоритъ, что Сальниковъ опять къ ней сватается,—отвѣчала хотя и недоумѣвающимъ, но довольно спокойнымъ тономъ Авдотья Егоровна.

— Да, сватается опять... Поди-жь ты!... Что съ нимъ сдѣлаешь!—отвѣчалъ, нѣсколько поободрившись, Ухмыревъ. — Я пойду?

— Пойди.

Алексѣй Сергѣичъ и Авдотья Егоровна вошли къ Вѣрѣ. Она сидѣла въ креслѣ, обложенная подушками.

— Что у васъ, дяди, съ Сальниковымъ вышло?—спросила она.

Алексѣй Сергѣичъ вообще, какъ мы знаемъ, не отличался даромъ слова, но тутъ рѣшился не оплошавать и пробормоталъ какъ индѣйскій пѣтухъ:

— Тутъ вышло, изволишь видѣть, вотъ что: я занялъ у него... Онъ говоритъ: дайте условіе на продажу имѣнья.. Такъ? Я, что жъ? думаю... даю... Такъ? хлопъ! продавать нельзя, а между тѣмъ неустойка въ десять тысячъ... У меня десяти тысячъ нѣтъ. — Значитъ, въ яму ступай, старивъ, дѣлать нечего...

Вѣра изъ словъ Алексѣя Сергѣича поняла только одно, что ему совсѣмъ пришлось плохо.

— За чѣмъ-же вамъ, дядя, въ яму; лучше я пойду за него замужъ, — сказала она съ улыбкой.

Авдотья Егоровна взглянула на Вѣру и на мужа.

— Благодарю васъ... и больше того ничего не могу сказать, какъ благодарить васъ, — пробормотала тотъ снова, между тѣмъ какъ по щекамъ его текли уже обильныя слезы.

— Какъ-же, Вѣра, Шампловъ? — спросила, потупляя глаза, Авдотья Егоровна, въ первый разъ еще произнесшая при племянницѣ это имя.

Алексѣя Сергѣича подернуло.

— Шамилову, ma tante, я уже отказала, я писала ему объ этомъ и еще напишу, — отвѣчала Вѣра, повидимому совершенно спокойно и только при этомъ болзненный ея румянецъ на щекахъ какъ-то еще больше разыгрался: — а вы, дядя, отвѣтите Сальникову, что я согласна идти за него... только нельзя-ли какъ-нибудь поскорѣй устроить свадьбу, а то, пожалуй, чего добраго... — Последней мысли Вѣра не договорила.

Алексѣй Сергѣичъ и Авдотья Егоровна постояли еще нѣкоторое время передъ племянницей въ какомъ-то странномъ положеніи.

— Подите, дядя, напишите къ нему сейчасъ же! — повторила Вѣра.

— Хорошо-съ!... благодарю... — болтнулъ опять Алексѣй Сергѣичъ, и сопровождаемый Авдотьей Егоровной вышелъ.

— Я напишу? — отнесся онъ къ женѣ, какъ-будто желая знать ея мнѣніе.

— Погоди, Alexis, развѣ ты не видишь, въ какомъ она положеніи.

— Чего годить-то? она сама этого желаетъ.

— Другъ мой, какъ это ты ничего не видишь!— произнесла Авдотья Егоровна и начала потихоньку плакать; но Алексѣй Сергѣичъ въ этотъ разъ не обратилъ однако на это вниманія; напротивъ того: самъ еще надулся и легъ на диванъ. Тутъ ужъ не выдержала Авдотья Егоровна и подошла къ нему.

— Ну, напиши!... конечно, что ужъ теперь дѣлать!—проговорила она, беря и цѣлуя у мужа руку.

— Написать надо!—отвѣчалъ Алексѣй Сергѣичъ, совсѣмъ ужъ довольный и успокоившійся.

Обманутая въ любви своей къ Шамилову, Вѣра еще прежде того рѣшилась, если только потребуютъ обстоятельства, принести себя въ жертву для спасенія родныхъ своихъ; но когда пришла минута исполнить это, душевныя и тѣлесныя силы покинули ее. Она безъ ужаса не могла представить себѣ своего новаго жениха. Въ ночи съ ней сдѣлался значительный припадокъ кролохаркѣнія, затѣмъ лихорадка и бредъ. Авдотья Егоровна потихоньку отъ мужа и отъ больной послала за весельчакомъ-докторомъ, умоляя его прѣхать и описывая подробно болѣзнь Вѣры.

Степанъ Герасимычъ былъ на постройкахъ и сидѣлъ на бревнѣ, толкуя съ подрядчикомъ, когда ему подали письмо Ухмырева, которое прочитавъ онъ побагровѣлъ и засмѣялся.

— Милентій! стройте скорѣе: я женюсь скоро! — открылся онъ подрядчику.

— Добрый часъ! за нами дѣло не станетъ,—отвѣчалъ тотъ.

— Славно, право, отлично... тра-тра тра—та-та, тра-тра-тра—та-та...—началъ выдѣлывать языкомъ Степочка и въприсвояку пустился въ горницу.

— Аксинья! — закричалъ онъ: — Аркашка, позови мать, живѣй! Поди сюда! — отнесся онъ къ входящей Аксиньѣ: — слово дала. Чтб, не вѣришь? Ты, смотри, служи молодой барынѣ хорошенько.

— Да чья-то такая, батюшка?

— Чья такая? Ахъ, ты дура! Вѣра Павловна, старая зазноба!... Тра-тра-тра — та-та, тра-тра-тра — та-та... Что ты ничего не говоришь?

— Ничего, батюшка, я перекрестилась только, — отвѣчала крестясь Аксинья.

— Ты рада?

— Какъ не рада-съ: мы, признаться сказать, очень боялись, чтобы вы на Моросенковой барышнѣ не женились: такое, говорятъ, зелье, что не приведи Господи!

— Шишь Моросенкѣ; если я ее гдѣ-нибудь встрѣчу, такъ въ глаза разругаю; а это барышня чудо!

— Маменькѣ-то напишете?

— Я бы сейчасъ написалъ, да гдѣ она? Богъ знаетъ! маменька ничего: она дала мнѣ волю.

— Конечно-съ... только... вотъ что, Степанъ Герасимычъ, мы люди глупые, учить намъ васъ не приходится, только вотъ въ народѣ слухъ идетъ: болтаютъ тоже всякое: говорятъ, эта барышня не такъ здорова; а у насъ, дураковъ, есть наша мужицкая поговорка: «братъ любить сестру богатую, а мужъ жену здоровую.»

— Это пустяки, Аксинья; я ее вылечу: я тысячи рублей не пожалѣю, а вылечу. Имъ теперь лекарства не на что купить: заневолю захвораетъ: а у меня тутъ, слава Богу, на пятерыхъ достанетъ. Ахъ, я дуракъ

набитый, какую я глупость сдѣлалъ... у разнощика ничего не купилъ: уѣхалъ онъ?

— Только сейчасъ съѣхалъ: у насъ, въ деревнѣ, кормилъ.

— Аркашка: возьми сейчасъ лошадь и скачи верхомъ за купцомъ,.. вороти его, скажи, что на пять тысячъ у него куплю. Чтожь ты нейдешь?

— Ступай, чертенокъ эдакой! — проговорила Аксинья, толкан сына въ спину.

— Обуться еще надо!—возразилъ было Аркашка.

— А безъ обувки не съѣздишь?— крикнулъ Степанъ Герасимычъ и погрозилъ ему.

Аркашка убѣжалъ.

— Я невѣстѣ куплю шелковыхъ матерій на десять платьевъ: людямъ ихнимъ тоже куплю по платку... знай нашихъ!

— На счетъ людей, Степанъ Герасимычъ, лучше выдайте деньгами: гораздо пріятнѣе имъ будетъ,— замѣтила Аксинья.

— Деньги само собой, а платки само собой; я и тебѣ куплю на сарафанъ. Ты, помнишь, все говорила со мной о ней: я тебѣ никогда этого не забуду.

— Я всегда, батюшка, рада вамъ служить. Слава Богу, отъ маменьки вашей худого не видала, а отъ васъ и подавно.

— А Кузьмѣ такъ ничего не дамъ: онъ въ городѣ жилъ, такъ только грубилъ мнѣ.

Аксинья немного покраснѣла. Живя въ городѣ, она очень подружилась съ Кузьмой, и теперь все на него дѣлала: мыла, ушивала и даже весь его скарбъ держала съ своимъ чужакомъ.

— Онъ это дѣлалъ, Степанъ Герасимычъ, не отъ чего другаго, а по глупости.

— Я ничего, Богъ съ нимъ! ему кафтанъ тоже непремѣнно сдѣлаю. Аркашку наряжу казачкомъ. У самого у меня платье плохо. Накуплю у него сукна и завтра же поѣду въ городъ и велю себѣ сшить. Да ужъ прежнему шведу не отдамъ: въ тотъ разъ сшилъ фракъ — надѣтъ теперь нельзя. Какъ маменька прежде меня одѣвала! а теперь ужъ, извините, буду франтить.

Разнощикъ воротился. Читатель, можетъ быть, даже усомнится, если я скажу, что Степанъ Герасимычъ накупилъ у него цѣлую гору: сукна для себя и для людей, ситцевъ, платковъ, шелковыхъ матерій, даже сургучу и бумаги, однимъ словомъ, на триста серебромъ. Торговался онъ, сверхъ обыкновенія, очень мало и только нѣкоторую тѣнь расчетливости выразилъ въ томъ, что заплатилъ купцу старенькими бумажками. Цѣлую почти штуку ситцу онъ предназначилъ на обивку старой мебели и все раскладывалъ ее то на диванѣ, то на стульяхъ. Сукно онъ вѣшалъ на себя и осматривалъ, хорошо ли оно будетъ. О выѣздѣ Степочка тоже обезпокоился и велѣлъ Кузьмѣ смазать всѣ хомуты дегтемъ, а лошадей вычистить и заплести имъ гривы.

— Не отчистишь ихъ, — возразилъ Кузьма.

— Не разсуждай, а чисти, — перебилъ баринъ.

Аксинья, получившая отъ барина ситцу на два сарафана, возбудила страшную зависть въ прочихъ дворовыхъ бабахъ, которыя всѣ сбѣжались къ ней въ избу и подняли страшную тревогу. Она, съ своей

стороны, сначала отбранивалась, потомъ разревѣлась и отправилась къ барину съ жалобой.

— Возьмите, батюшка, отъ меня сарафаны... вся ваша воля! бабищи мнѣ проходу не даютъ за нихъ,— произнесла она, вытирая рукавомъ слезы.

Степанъ Герасимычъ, преисполненный счастья, былъ въ такомъ миротворномъ состояніи духа, что не только не разсердился на бабищъ, но еще успокоилъ ихъ, обѣщавъ завтра же купить всѣмъ по сарафану.

На другой день, часовъ въ двѣнадцать, Степанъ Герасимычъ былъ ужъ въ деревнѣ Ухмыревыхъ. Вошелъ онъ робко; его встрѣтилъ Алексѣй Сергѣичъ, но не обнялъ, а проводилъ въ свой кабинетъ.

— У меня всѣ больны, — началъ онъ.

— И Вѣра Павловна?

— Да, ей хуже сегодня; жена тоже заболѣла.

Алексѣй Сергѣичъ былъ разстроены происшедшей поутру сценой. Приглашенный Авдотьей Егоровной весельчакъ докторъ, несмотря на то, что послѣднее время смѣялся и бранилъ Ухмыревыхъ въ каждомъ домѣ, прочитавъ письмо, пріѣхалъ, но обнаружилъ при этомъ случаѣ досаду за доставленное ему безпокойство.

— Что у васъ тамъ такое?— сказалъ онъ встрѣтившей его Авдотьѣ Егоровнѣ.

— Вѣрочка больна,—отвѣчала та и начала псичлять всѣ ея припадки.

— Это ужъ знаю... гдѣ она? я по вашимъ словамъ не могу лечить.

Авдотья Егоровна провела его къ племянницѣ. Вѣра, увидѣвъ доктора, разсердилась.

— Зачѣмъ это, ma tante? я здорова, — отнеслась она къ теткѣ.

Докторъ одною рукою взялъ ея пульсъ, а другую приложилъ ко лбу, по которому крупными каплями выступалъ потъ... Вѣра съ досадою оттолкнула руку, которую докторъ обтеръ платкомъ, и ушелъ. Авдотья Егоровна послѣдовала за нимъ.

— Что такое съ ней? — спросила она.

— Чахотка, — отвѣчалъ докторъ равнодушно.

— Боже мой! — преговорила Авдотья Егоровна: — но, можетъ быть, это неопасно, пройдетъ.

— Какъ не пройти! Вы точно маленькая спрашиваете: какъ-будто сами не знаете, проходить или нѣтъ чахотка; покуда никто еще не выздоравливалъ.

— Но можно поддержать?

— По вашему, все можно, особенно, когда изнурительная лихорадка ужъ началась; готовьтесь лучше къ другому.

— Докторъ! умоляю васъ, спасите ее, — произнесла Авдотья Егоровна и хотѣла было стать на колѣни.

— Какъ вы смѣшны! Богъ, что ли, я? развѣ я могу оживлять?... Дайте бумаги!

Авдотья Егоровна едва имѣла силы подать приготовленную уже бумагу и ушла къ себѣ.

Докторъ написалъ рецептъ и вышелъ въ залу, гдѣ встрѣтилъ Алексѣя Сергѣича, который ему сухо поклонился. Ухмыревъ очень разсердился на жену, что та, не посоветовавшись, пригласила этого человѣка, котораго онъ поклялся не пускать къ себѣ въ домъ.

— Рецептъ въ гостиной на столѣ... велите за-

ложить мнѣ лошадей,— проговорилъ скороговоркою врачъ.

— Лошади готовы-съ, у крыльца,—отвѣчалъ Ухмыревъ.

Докторъ пошелъ. Алексѣй Сергѣичъ нагналъ его въ лакейской и подаль ему за визитъ десять рублей серебромъ, которые тотъ положилъ въ карманъ и уѣхалъ.

— Вотъ оно что! я ему послѣднее отдаю, а онъ и усомъ не ведетъ; а все женщины перебаловали!— пробормоталъ Ухмыревъ самъ съ собой и пошелъ къ женѣ, чтобы выразить ей свое неудовольствіе, но засталъ Авдотью Егоровну въ ужасномъ положеніи, и потому тотчасъ же измѣнилъ тонъ.

— Что вы, Eudoxie? — спросилъ онъ.

— Alexis... Вѣрочка... — простонала та.

— Что такое?

— У ней чахотка, въ послѣднемъ періодѣ; онъ не берется лечить.

Ухмыревъ поблѣднѣлъ.

— Это какъ? вретъ онъ!

— Нѣтъ... я теперь сама начала понимать ея болѣзнь: у ней это наслѣдственное; мать ея умерла отъ этой же ужасной болѣзни...

Алексѣй Сергѣичъ вдругъ началъ дѣлать изъ лица гримасы и затѣмъ заплакалъ.

— Можетъ быть, ничего, Богъ милостивъ, пройдетъ! вы себя-то не тревожьте... Я Сальникову откажу, не до жениховъ теперь...

Мы уже видѣли, какъ Алексѣй Сергѣичъ принялъ Степана Герасимыча, но тотъ, на первыхъ порахъ, конечно, не уразумѣлъ и прямо началъ.

— Я могу видѣть Вѣру Павловну?

— Сегодня—не знаю-съ; вы извините: ей гораздо хуже. Я лучше васъ увѣдомлю письмомъ.

— Что, Алексѣй Сергѣичъ, вы все на письмахъ? вы позвольте мнѣ: я желаю отъ нихъ самихъ слышать.

— Степанъ Герасимычъ! а если она умираетъ?

— Какое же умираетъ! вы вчера сами ко мнѣ писали.

— Вчера она была здорова.

Степочка разсердился. Вошла горничная Вѣры.

— Барышня проситъ къ себѣ Степана Герасимыча.

Ухмыревъ покраснѣлъ. Женихъ расцвѣлъ и пошелъ за горничной. Вѣра, увидя Степочку, слегка вздрогнула.

— Какъ я несчастливъ, что вы больны,—началъ тотъ, смотря ей въ лицо.

— Да, немного,—отвѣчала Вѣра и потомъ, помолчавъ, спросила:— вамъ долженъ дядя?

— Нѣтъ, такъ, пустяки: я сейчасъ изорву: я нарочно и бумаги эти привезъ, чтобы при васъ же изорвать—проговорилъ Степочка и, вынувъ изъ кармана условіе, изорвалъ его на мелкіе куски.—Если теперь вамъ или Алексѣю Сергѣичу нужны деньги, я съ большимъ удовольствіемъ дамъ... только вы выздоравливайте.

— А если я умру?

— Какъ возможно-съ? мы васъ вылечимъ: я отличныхъ докторовъ сюда выпишу... Вы, можетъ быть, слабы-съ,—произнесъ Степочка, замѣтя, что

Вѣра болѣе и болѣе блѣднѣла и начала опускать голову.

— Да, выйдите, — проговорила она.

Степанъ Герасимычъ выбѣжалъ и во все горло закричалъ:

— Вѣрѣ Павловнѣ дурно.

Выбѣжали Авдотья Егоровна и горничная. Съ больной повторился припадокъ кровохарканія.

Степанъ Герасимычъ перепугался: онъ суетился, безпрестанно подходилъ къ затворенной двери и всѣхъ спрашивалъ, лучше-ли, а потомъ, посоветовавшись съ Алексѣемъ Сергѣичемъ тою же ночью ускакалъ въ губернской городъ за искуснѣйшимъ въ цѣлой губерніи врачомъ, котораго и привезъ черезъ три дня; но помощь того оказалась бесполезной.

Черезъ часъ послѣ его пріѣзда Вѣра скончалась.

Въ продолженіе этихъ трехъ дней Вѣра была почти все въ памяти, писала долго, просила послать за уланомъ Карелинымъ, что-то говорила съ нимъ по секрету, котораго тотъ никому не открылъ; потомъ безпрестанно спрашивала, гдѣ Степанъ Герасимычъ и отчего онъ не ѣдетъ. Дядю и тетку она благодарила за ихъ благодѣянія, и наконецъ, послѣ новаго припадка, ослабла чрезвычайно и просила послать за священникомъ: исповѣдалась и причастилась. Услышавъ, что пріѣхалъ Степанъ Герасимычъ, она велѣла его позвать къ себѣ.

— Не оставьте дядю и тетку, — проговорила она, и это были послѣднія ея слова.

На похоронахъ было много слезъ, и слезъ неподдѣльныхъ. Авдотью Егоровну, какъ только скончалась Вѣра, увезли, почти безъ памяти, къ одному

сосѣду. Алексѣй Сергѣичъ рыдалъ какъ маленькій ребенокъ; плакала и вся ихъ дворня; горничная ея, сидя въ людской и проливая слезы, все приговаривала: «не избрала ты меня, не изневолила; точно маменькѣ родной я тебѣ служила.» Степанъ Герасимычъ не отходилъ отъ покойницы и все прощался съ ней, цѣлуя ея холодныя руки и лицо. Похоронами распоряжался Карелинъ.

VII.

Черезъ два года послѣ смерти Вѣры, домъ Алексѣя Сергѣича, состоявшій во владѣннн купца, нанялъ новопрїѣзжій въ городъ помѣщикъ Петръ Александрычъ Шамиловъ, который былъ уже женатъ на прежней своей непрїятельницѣ, Катеринѣ Петровнѣ. Она, годъ тому назадъ, овдовѣла. Весь городъ съ нетерпѣнїемъ ожидалъ увидѣть новобрачныхъ: молодая, говорили, очень постарѣла и подурнѣла противъ прежняго, но несмотря на то, вышла за Шамилова по любви, а прїѣхавъ, молодые сдѣлали всѣмъ визиты: имъ отплатили и, между прочими, прїѣхалъ Карелинъ, вышедшій уже въ отставку и служившій въ К... по выборамъ. Шамиловъ самъ гулялъ, а Катерина Петровна недавно встала, и потому не принимала, но, услышавъ имя стараго своего знакомаго, велѣла просить. Карелинъ вошелъ: нѣвогда ловкій и стройный, уланъ въ настоящее время значительно раздобрѣлъ, но былъ еще молодецъ.

— Bonjour, m-r Карелинъ! Какъ я рада васъ видѣть! — сказала хозяйка, встрѣчая его.

— Здравствуйте, Катерина Петровна!—отвѣчалъ тотъ, цѣлуя у ней руки.

Оба сѣли.

— Какъ мы съ вами давно не видались. Я въ это время успѣла овдовѣть и опять замужъ выдти.

— Знаю-съ; а Петръ Александрычъ гдѣ?

— Онъ гуляетъ: ему велѣно ходить пѣшкомъ...

А вы все холостякъ?

— Что дѣлать! вашъ мужъ перебиваетъ у меня невѣсть: имѣлъ виды на покойную Вѣру Павловну — онъ отбилъ, хотѣлъ было вамъ сдѣлать предложеніе — и тутъ не успѣлъ.

— Вы все такой же насмѣшникъ, какъ и прежде были... Вы служите здѣсь?

— Служу.

— Я моему мужу безпрестанно говорю, чтобы онъ служилъ, не могу убѣдить: воображаетъ себя ученымъ человѣкомъ, а самъ рѣшительно ничего не дѣлаетъ; въ одинъ день схватится за десять книгъ и ни одной не прочитаетъ... просто выводитъ меня изъ терпѣнія. Я бы даже желала, чтобы онъ хоть въ карты началъ играть, и того не умѣетъ... А вы играете?

— Немного.

— Я тоже нынче, какъ старуха, играю... Мы будемъ съ вами играть. Я васъ буду считать своимъ постояннымъ партнеромъ, хоть и не слѣдовало бы... Я на васъ очень сердита.

— За что?

— За многое, вы сами должны это знать.

— На меня сердитесь, а сами вышли замужъ

— Да вы знаете-ли, какъ я вышла замужъ?

Сама даже не могу объяснить, какъ это сдѣлалось. Мысль о немъ никогда мнѣ не приходила въ голову... Я встрѣтила его случайно въ Петербургѣ на улицѣ, онъ узналъ меня, началъ потомъ ходить ко мнѣ; я была, въ моемъ положеніи, ему рада... а тутъ судьба.

Вошелъ Шамидовъ и обнялъ Карелина. Оба они посмотрѣли, при этомъ случаѣ, другъ на друга многозначительно.

— Вотъ мы съ вами опять сошлись — началъ Шамидовъ.

— Да, разстались вы со мной женихомъ, а теперь женатый мужъ, — отвѣчалъ Карелинъ.

Шамидовъ горько улыбнулся.

— Ахъ, м-г Карелинъ, я вамъ расскажу премѣшной анекдотъ про Пьера и его прежнюю невѣсту, — заговорила Катерина Петровна.

Петръ Александрычъ взглянулъ на нее съ неудовольствіемъ, но она продолжала:

— Я еще здѣсь знала, какъ онъ мало былъ занятъ ею; но, женившись на мнѣ, онъ вздумалъ меня увѣрять, что онъ виноватъ противъ нея, потому что она его истинно любила, а онъ не оцѣнилъ ее. Неправда-ли, какъ это было любезно въ отношеніи меня?... И вдругъ — это было при мнѣ, — одинъ нашъ знакомый въ Петербургѣ рассказалъ, что она была помолвлена за Сальникова. Представьте себѣ: онъ вышелъ изъ себя, началъ проклинать бѣдныхъ женщинъ и говорить, что послѣ этого онъ не повѣритъ ни одной изъ нихъ, и даже мнѣ. Сами можете судить, каково мнѣ было слушать подобныя вещи? нешутя вамъ говорю: мое только терпѣнье надобно имѣть, чтобы любить этого человѣка, — заключила мо-

лодая и, конечно, желая смягчить ѣдкость своей на-смѣшки, поцѣловала мужа въ голову; но тотъ ни на слова, ни на ласку ея не отвѣчалъ ни малѣйшимъ движеніемъ. Карелинъ тоже не почтилъ этотъ рассказъ большимъ вниманіемъ.

— А что, Петръ Александрычъ, можно у васъ въ кабинетѣ покурить? — отнесся онъ къ Шамилову.

— Пойдемте, — отвѣчалъ Шамиловъ вставая.

— Велите сюда, Пьеръ, подать, трубокъ: я очень люблю запахъ табаку, — проговорила Катерина Петровна.

— Нѣтъ, позвольте въ кабинетѣ: мнѣ нужно сказать Петру Александрычу по секрету, — возразилъ Карелинъ.

— У моего мужа нѣтъ секретовъ отъ меня.

— Это мой секретъ-съ.

— Отчего же вы не хотите сказать мнѣ?

— Я вамъ не вѣрю.

— Ахъ, вы неблагодарный... Пьеръ мнѣ скажетъ.

— Очень дурно сдѣлаетъ.

— Въ такомъ случаѣ, ступайте; вы оба мнѣ наскучили.

Пріятели ушли. Катеринѣ Петровнѣ очень захотѣлось узнать секретъ Карелина: она встала, обошла кругомъ и приложила ухо къ деревянной перегородкѣ, отдѣлявшей кабинетъ; до ея довольно тонкаго слуха дошелъ нижеслѣдующій разговоръ:

— Что вы такое хотѣли мнѣ сказать? — говорилъ Шамиловъ.

— Письмо есть къ вамъ: года два ужъ лежитъ у

меня, Богъ васъ знаетъ, гдѣ вы пропадали все это время! я ни отъ кого не могъ толку добиться.

— Чье письмо?

— Сами увидите.

Слѣдовало нѣсколько минутъ молчанія.

— Она сама вамъ его отдала? — проговорилъ Шамиловъ взволнованнымъ голосомъ.

— Сама... за день передъ смертію.

— Мерсі, Карелинъ; но я не понимаю послѣдняго ея поступка.

— Она это хотѣла сдѣлать для родныхъ: онъ и теперь старухѣ очень много помогаетъ и даже называетъ тетенькой. Самъ Ухмыревъ померъ... слышали?

— Слышалъ... Что она вамъ обо мнѣ говорила? Бога ради, не скрывайте: расскажите мнѣ все.

— Ничего не говорила: просила только отдать письмо, когда увижусь съ вами... Вы дурно поступали съ ней.

Шамиловъ вздохнулъ.

— Знаю, Карелинъ, очень хорошо знаю: сначала меня оттолкнуло отъ нея мое несчастное честолюбіе, а тутъ эта бѣдность: «локоть близко, да не откусишь»; судьба мнѣ сторицею воздаетъ за нее: я слишкомъ наказанъ.

— А что?

— Послѣ поговоримъ.

Катерина Петровна очень хорошо поняла смыслъ всего этого разговора, и особенно ее возмутили послѣднія слова мужа. Она хотѣла было тотчасъ же войти въ кабинетъ; но когда Карелинъ уѣхалъ, она позвала его къ себѣ.

— Покажите мнѣ письмо, которое отдалъ вамъ вашъ другъ, — начала она.

— Какое нисьмо? — спросилъ съ притворнымъ удивленіемъ Шамиловъ, садясь у окна.

— Не запрайтеся: я все слышала... Понимаете ли вы, чтó дѣлаете?

— Что такое я дѣлаю?

— Ничего: вы только принимаете отъ того чело-
вѣка, который самъ прежде интересовался мною, письма
отъ вашихъ прежнихъ пріятельницъ и потомъ еще
говорите ему, что вы теперь наказаны — кѣмъ? по-
звольте васъ спросить. Мною, вѣроятно? какъ это бла-
городно и какъ умно! Еще васъ считаютъ умнымъ
человѣкомъ; но гдѣ же вашъ умъ? въ чемъ онъ со-
стоитъ, скажите мнѣ, пожалуйста?.. Покажите письмо.

— Оно писано ко мнѣ, а не къ вамъ; я вашими
переписками не интересуюсь.

— У меня не было и нѣтъ ни съ кѣмъ пере-
писки... Я играть вамъ собою, Петръ Александрычъ,
не позволю... Мы ошиблись, мы не поняли другъ
друга...

Шамиловъ молчалъ.

— Отдайте мнѣ письмо или сейчасъ же поѣзжайте,
куда хотите, — повторила Катерина Петровна.

— Возьмите... Неужели вы думаете, что я при-
вязываю къ нему какой-нибудь особый интересъ?—
сказалъ съ насмѣшкою Шамиловъ.

И, бросивъ письмо на столъ, ушелъ.

Катерина Петровна начала его читать съ замѣ-
чаніями.

«Я пишу это письмо къ вамъ послѣднее въ
жизни...

— Печальное начало..

«Я не сержусь на васъ; вы забыли ваши клятвы, забыли тѣ отношенія, которыя я, безумная, считала неразрывными.»

— Скажите, какая неопытная невинность.

«Передо мною теперь...»

— Скучно!... Аннушка!...

— Поди, отдай барину это письмо и скажи, что я совѣтую ему сдѣлать для него медальонъ и хранить его на груди своей.

Горничная ушла и, воротившись, доложила барынѣ:

— Петръ Александрычъ приказали сказать, что они безъ вашего совѣта будутъ беречь его.

Вечеромъ Шамиловъ поѣхалъ къ Карелину, просидѣлъ у него до полуночи и, возвратясь домой, прочиталъ нѣсколько разъ письмо Вѣры, вздохнулъ и разорвалъ его. На другой день онъ цѣлое утро просилъ у жены прощенія.

Гораздо болѣе постоянства въ дѣйствіяхъ своихъ и убѣжденіяхъ обнаруживалъ другой женихъ Вѣры Павловны, Степанъ Герасимычъ. Жилъ онъ въ своей усадьбѣ, строился, хозяйничалъ и былъ опекуномъ надъ имѣніемъ Авдотьи Егоровны, которая, въ последнее время переѣхала въ К... и поселилась въ маленькомъ домикѣ. Аграфена Кондратьевна еще не умерла, но была уже очень слаба, имѣніемъ совсѣмъ не управляла и предоставила все сыну.

Къ Степачкѣ пріѣхалъ Иванъ Ефимычъ.

— Ну, что? — спросилъ онъ.

— Кончилъ: долги теперь очищены, въ бары-

шахъ еще; но вашему желанію, остались усадьба да двадцать душъ.

— Спасибо... а себѣ-то взялъ-ли что-нибудь за труды?

— Что про меня говорить! это ужь зависить отъ васъ: поблагодарите, такъ хорошо, а нѣтъ, такъ и Богъ съ вами.

— Не изъ чего, братъ, благодарить, право, самъ ты видишь: лучше нищему не подать.

— У васъ денегъ много.

— Какой ловкій! Я и такъ много просадилъ денегъ на эти дѣла... Ну, да Богъ съ ней! не чужая; я ее считаю за родную тетку; въ городъ теперь перевезъ... все хвораетъ; полечить надобно; хотѣлось было, чтобы съ маменькой на одной квартирѣ жили, да поди ты: сладишь съ ними: я ужь отъ своей старухи много скрываю. Ахъ, батюшки, и забылъ совсѣмъ. Аркашка! позови прикащицу.

— Я было къ вамъ, Степанъ Герасимычъ, по другому дѣлу, — началъ Иванъ Ефимычъ.

— Погоди, братецъ, надобно распорядиться.

Прикащица явилась: это была Аксинья.

— Ты еще не отравила въ ухмыревскую усадьбу ржи?

— Собираются, батюшка, собираются.

— Экіе у васъ сборы! я еще третьяго-дня приказалъ. Сегодня же отправьте да скажите, чтобы пахали хорошенько. Я самъ приѣду и посмотрю: если будетъ худо, тетенькѣ скажу. Вотъ Иванъ Ефимычъ, и хлѣбъ-то свой отправляю: ни на столъ, ни на посѣвъ нѣтъ. Ты видѣлъ, какой я на покойницу памятникъ вунилъ славный.

— Видѣлъ: мимо провезли. Какъ вы изубыточились такъ?

— Нельзя: добрая была. Надобно же мнѣ чѣмъ-нибудь ее помянуть; жить мнѣ Богъ не привелъ съ ней; по крайней мѣрѣ, я теперь чувствую... За какимъ же ты ко мнѣ дѣломъ пріѣхалъ?

— Шмаковъ все пристаётъ и о васъ спрашиваетъ.

— Плутъ онъ, вотъ что скажи ему отъ меня: обьягралъ въ шутку въ карты, а тутъ, черезъ два года, требовать сталъ: вдругъ пріѣхалъ, говоритъ: въ нуждѣ, а не то жаловаться буду; я отступился, отдалъ сто цѣлковыхъ...

— Онъ къ вамъ не затѣмъ пріѣзжалъ: ладить все дочку за васъ выдать.

— Шутить... я ужь совсѣмъ не хочу жениться: была у меня невѣста, да Богъ взялъ; у меня на рукахъ теперь двѣ старухи: впору и съ ними хлопотать.

— Надобно же когда-нибудь жениться! а эта дѣвица достойная: приданое у нея, по наслѣдству, отличное идетъ; имѣнье-то у насъ въ опегѣ было. Василій Николаичъ говоритъ: пусть, говоритъ, Степанъ Герасимычъ мнѣ дастъ три тысячи рублей: я ему все это устрою.

— Да, стану я съ нимъ связываться: какъ бы не такъ! очень мнѣ нужно!

ПЛОТНИЧЬЯ АРТЕЛЬ

(РАЗСКАЗЪ)

I.

Зиму прошлаго года я прожилъ въ деревнѣ, какъ говорится, въ четырехъ стѣнахъ, въ старомъ, мрачномъ домѣ, никого почти не видя, ничего не слыша, посреди усиленныхъ кабинетныхъ трудовъ, имѣя для своего развлеченія однѣ только трехверстныя поѣздки по непромятой дорогѣ, и потому читатель можетъ судить, съ какимъ нетерпѣніемъ встрѣтилъ я весну. И — Боже мой! какъ хороша показалась мнѣ оживающая природа, и какую тонкую способность получилъ я наслаждаться ею, способность, которая — не могу скрыть — была мною утрачена въ городской жизни, посреди чиновничьихъ и другаго рода мірскихъ тревоженій. Настоящимъ образомъ таять начало съ апрѣля, и я ужь цѣлый день оставался на воздухѣ, походи на больного, которому, послѣ полугоднаго заключенія, разрѣшены прогулки, съ тою только разницею, что я не боялся ни катарра, ни

ревматизма, ходилъ въ легкомъ платъѣ, смѣло промачивалъ ноги и свободно вдыхалъ свѣжій и сыроватый воздухъ. Протаявшій на пригоркѣ лугъ сдѣлался для меня предметомъ неистощимаго вниманія; по нѣсколько разъ въ день я наблюдалъ, какъ онъ больше и больше расширяется, свѣжѣй и свѣжѣй зеленеетъ; появившіяся на садовыхъ вербахъ почки я почти пересчитывалъ, какъ-будто бы въ нихъ было все мое богатство. Съ какимъ живымъ чувствомъ удовольствія поѣхалъ я, едва пробираясь верхомъ, по проваливающейся на каждомъ шагу дорогѣ, посмотрѣть на свою родовую рѣчку, которую лѣтомъ курица перейдетъ, но которая теперь, несясь широкимъ разливомъ, уносила льдины, руша и ломая все попадающее ей навстрѣчу: и сухое дерево, поваленное въ ея русло осеннимъ вѣтромъ, и накатъ съ моста, и даже вершу, очень бы, кажется, старательно прикрѣпленную старымъ поваромъ, ради заманки въ нее неопытныхъ щурятъ. Цѣлую недѣлю на небѣ хоть бы облачко; солнце съ каждымъ днемъ обнаруживаетъ больше и больше свою теплотворную силу и привлекаетъ гдѣ-нибудь у стѣны точно лѣтомъ. И сколько птицъ появилось, и какъ онѣ ожили, откуда прилетѣли и всѣ поютъ: токуютъ на своихъ сладострастныхъ ассамблеяхъ тетерева, свищеть повременамъ соловей, квууетъ однообразно и печально кукушка, чирикаютъ воробьи; тамъ откликнется яволга, тамъ прокричатъ коростель... Господи! сколько силы, сколько страстности, и въ то же время сколько гармоніи въ этихъ звукахъ оживающаго міра! Но вотъ снѣгу больше нѣтъ: лошадей, коровъ и овецъ, къ большому ихъ, сколько можно, сушить по наружности,

удовольствію, стогнаютъ въ поля — наступаетъ рабочая пора; впрочемъ, весной работы еще ничего — не такъ торопятъ: съ Христова дня по Петровъ постъ, воскресенья называются *гулящими*; въ поляхъ возятся только мужики; а бабы и дѣвки еще ткуть кросна и, которыя изъ нихъ помоложе и повеселѣй да посвободнѣй въ жизни, такъ ходятъ въ сосѣднія деревни или въ усадьбы на гульбища; ихъ обыкновенно сопровождаютъ мальчишки въ ситцевыхъ рубахахъ и непременно съ крашенымъ яйцомъ въ рукѣ. Гульбища эти по нашимъ мѣстамъ нельзя сказать, чтобъ были одушевленны: бабы и дѣвки больше стоятъ, переглядываются другъ съ другомъ и, долго-долго собираясь и передумывая, станутъ наконецъ въ хороводъ и запоютъ безсмертную «Какъ по морю, какъ по морю»; причемъ одна изъ дѣвокъ, надѣвъ на голову фуражку, представитъ парня, убитаго лебедя, а другая — красную дѣвицу, которая подбираетъ перья убитаго лебедя дружку на подушечку; или, раздѣлясь на два города, ходятъ другъ къ другу на встрѣчу и поютъ — однѣ: «А мы просо сѣяли, сѣяли», а другія: «А мы просо вытопчемъ, вытопчемъ». Самой живой сценой бываетъ, когда какой-нибудь мальчишка покатится вдругъ колесомъ и врѣжется въ самый хороводъ, причемъ какая-нибудь баба, посердитѣе на-лицо, не упуститъ случая, проговоря: «я тѣ, песь-баловникъ этакой!» — толкнуть его ногой въ бокъ, а тотъ повалится на землю и начнетъ дрягать ногами: дѣвки смѣются... Иногда привяжется къ хороводу только-что воротившійся съ базара пьяный мужиченко, и туда же лѣзетъ цѣловаться съ дѣвками, которыя покрасивѣе; но эта-

кого срамного кто ужъ поцѣлуесть? И онъ начнетъ выкидывать другія штуки: возьметъ, напримѣръ, двѣ палки, изъ которыхъ одну представитъ будто смычокъ, а изъ другой скрипку, и начнетъ наигрывать языкомъ «*Барыню*», или нагонитъ какого-нибудь мальчишку, стащитъ съ него сапогъ силой, возьметъ этотъ сапогъ какъ ба- лалайку и, тоже наигрывая языкомъ, пустится плясать и, поднявъ на улицѣ своими лаптями страшную пыль, провалится наконецъ куда-нибудь; хороводницы послѣ этого еще постоятъ, помолчатъ, пропойтъ иногда «*Калинушка съ малинушкой лазоревой цвѣтъ*», мальчишки еще подерутся между собой, и затѣмъ начнутъ расходиться по домамъ... Вотъ вамъ и грище все!

Между тѣмъ, время идетъ: яровое допахиваютъ. Вечеръ ясный, теплый. Я сижу на задней галереѣ дома, обращенной во дворъ. Въ залѣ шумятъ двое маленькихъ сыновей: старшему, Павлу, четвертый, а младшему, Николаю, второй годъ. Они всѣми силами стараются перекричать другъ друга, вскрикивая «пли, пли, пли!» Это они играютъ въ солдагы и во- юютъ съ турками; вдругъ одинъ заревѣлъ. «Поля! ты опять брата дразнишь?» кричу я, напередъ зная, что старшій, буянъ, обидѣлъ младшаго, и хочу идти, но слышу, пришла мать: она лучше возстановитъ миръ. Поля пренаивно объявилъ, что онъ братца никой закололъ; ему объясняютъ, что братца стыдно колоть никой, потому что братецъ маленькій, и, въ наказанье, уводятъ въ гостиную, говоря, что его не пустятъ гулять больше на улицу и что онъ долженъ сидѣть и смотреть книжку съ картинками; а Колю между тѣмъ, успокоивъ леденцомъ, выно- сятъ ко мнѣ на галерею. Онъ такъ огорченъ, что

все еще продолжаетъ всхлипывать; большіе голубые глазенки полны слезъ.

— Что, Коля, тебя обидѣли?—говорю я, беря его за подбородокъ.

Онъ нѣсколько времени смотритъ на меня, потомъ прижимаетъ головку къ плечу няньки и, какъ бы вспоминая тяжко-нанесенную ему обиду, горько, горько опять заплачетъ.

— Полно, батюшка, полно! Вонъ, посмотри, какая идетъ кошка, а-а-а, кошка!... кись, кись, кись!... — говоритъ ему въ утѣшеніе нянька, показывая на перебирающуюся по забору кошку.

Ребенокъ занялся.

— Кись, кись, кись! — шепчетъ онъ тихонько.

— Да, батюшка, кись, кись, кись,—повторяетъ за нимъ нянька, и оба, очень довольные другъ другомъ, отправляются въ залу баюкаться. — Бай, бай, бай! — начинаетъ напѣвать старуха. «О, о, о», окается ребенокъ, а я все еще продолжаю сидѣть: не хочется въ комнаты, отрадно на воздухъ, хоть и становится свѣжо. Однаво дѣдушка Ѡадей прошелъ ужъ за квасомъ — значить, девятый часъ въ исходѣ. Дѣдушка Ѡадей только три раза въ день (передъ завтракомъ, обѣдомъ и ужномъ) слѣзаетъ съ печи и ходитъ за квасомъ и — не безпокойтесь, никогда не опоздаетъ, всегда первый нацѣлитъ изъ общественной квасницы въ свой буракъ: не любитъ жидкаго квасу, ну, а дворня не маленькая, какъ разъ сольютъ и набурятъ водой. Чалый меринъ, которому дозволено гулять въ саду по дряхлости лѣтъ и за заслуги, оказанныя еще въ юности, по случаю секретныхъ потѣдокъ верхомъ, верстъ по шестъ: за пять, въ са-

мую глухую полночь и во всевозможную погоду, — чалка этотъ вдругъ заржалъ; это значить, слышать лошадей—такой ужъ конь табунный, живъ-сгорьлъ по своему братъ: значить, это съ поля ѣдутъ. Сначала показываются боронщики мальчишки, верхами на лошадяхъ; Васька, сынъ кучера, обыкновенно впереди всѣхъ и, что есть духу, мчится, но, завидѣвъ меня, поѣхалъ шагомъ. Этакого сорванца мальчишки и вообразить трудно: его пошлютъ, на примѣръ, за грибами; а онъ поймаетъ въ полѣ чью-нибудь чужую лошадь, взнуздаетъ ее веревкой, да верстъ въ десять конецъ и дастъ назадъ и впередъ.

«Однако, что жъ это оральщики не шабашать?» думаю я самъ съ собою: но и оральщики отшабашали, ѣдутъ. Это можно догадаться по крику задѣльнаго мужика, Петра Завироха; не зная, можно подумать, что онъ съ кѣмъ-нибудь бранится, а вовсе нѣтъ: онъ только говоритъ, и безпрестанно говоритъ и все крикомъ кричитъ; поэтому его Завирохой и прозвали. Отъ оральщиковъ отдѣлился староста, худошавый и съ озабоченнымъ лицомъ мужикъ, отличающійся отъ прочихъ только тѣмъ, что въ сапогахъ и съ палочкой, но, какъ и всѣ другіе, сильно загорѣлый и перепачканный въ грязи; онъ входитъ на красный дворъ; снимаетъ шапку и подходитъ къ периламъ галерея.

— Здравствуй, Семень; надѣвай шапку. Что скажешь хорошаго?—говорю я.

— Овесъ выкидали. — отвѣчаетъ Семень неторопливо,

— Ну, и слава Богу! во-время, значить, управляемся; теперь, стало быть, ячмень и ленъ только остался,—продолжаю я.

— Ленъ и ячмень остался теперь, — подтверждаетъ Семень.

Нѣсколько времени мы оба молчимъ.

— Теперь бы дождичка надо, — замѣчаю я.

Семепъ вздыхаетъ.

— Не мѣшало-бы и дождичка, — соглашается онъ.

Вообще, онъ говоритъ какъ-то лѣнливо: видно, усталъ, да и... Я, впрочемъ, понимаю, что это значить.

— Эй! кто тамъ? — кричу я: — скажите ключницѣ, чтобъ дала старостѣ водки.

Лицо Семена въ минуту освѣщается удовольствіемъ; ключница выноситъ стаканъ водки и, вивствѣ съ тѣмъ, полломтя густо насоленного хлѣба. Она, по разнымъ сношеніямъ, большая пріятельница Семену и всѣхъ почти дѣтей у него крестила.

Семень беретъ стаканъ, крестится и, проговора:

— Съ засѣвомъ, батюшка, поздравляю! — выпиваетъ сразу и потомъ морщится.

— Закусите, — говоритъ ключница, подавая ему хлѣба.

Семень отламываетъ небольшой кусочекъ, съедаетъ и откашливается.

— Озимь, сударь, нынче, слава Богу, хорошо поднимаются, — заговариваетъ ужь онъ самъ.

— Хороши, братецъ, хороши, видѣлъ я; и травы, жажется, тоже будутъ порядочныя.

— Травы важныя засѣли-сь, — подтверждаетъ Семень: — весна-то нынче, сударь, что Богъ дастъ впередъ, вольготна для всего идетъ; оно, выходитъ, тепло, да и дождички перепадають.

— Заморозковъ чтобъ не было — это вотъ скверно для всего,—замѣчаю я.

Семень усмѣхается.

— Пожалуй, что того и жди,—подтверждаетъ онъ.
— Покойный вашъ папенька тоже говаривалъ, какъ, этакъ, съ весны теплая погода начнетъ: «ну, говорить, будетъ вычетъ; какъ подуетъ отъ Николы любезный, такъ и ходи недѣли двѣ въ шубахъ».

(Никола — приходъ, отъ насъ въ сѣверной стонѣ.)

— Неужели каждый годъ это бываетъ?

— Почестъ, что каждый годъ, что вотъ я ни живу: Богъ знаетъ, отчего это; кто говорить, что пахать начнутъ, пласть поднимутъ, такъ земля изъ себя холодъ дастъ, а кто и на черемуху приходитъ: что какъ черемуха цвѣтетъ, такъ отъ нея сиверко дѣлается... Богъ знаетъ, какъ и сказать.

— А куда завтра народъ пошлешь?—спрашиваю я его.

— Завтра на дороги надо выгнать: выбиваютъ. Сотской два раза прибѣгалъ: исправникъ его хлестать хочегъ, что дороги долго не чинятъ.

— Ну, на дороги, такъ на дороги, откладывать нечего въ дальній ящикъ, не отвертись!

— Извѣстно-съ,—соглашается Семень:—за нами хоть бы и безъ васъ,—прибавляетъ онъ:—хощь кого извольте спросить, никогда супротивъ прочихъ ни въ чемъ остановки нѣтъ; какъ другіе вышли, такъ и мы.

— Это хорошо; такъ и надо. Ступай, однако, отдыхай,—заключаю я. Семень сначала пошелъ было,

но потомъ пріостановился, подумалъ немного и опять воротился ко мнѣ.

— Насчетъ плотника вы приказывали...—проговорилъ онъ.

— Ну, да; что-жь?

— Наказывалъ я; на этой недѣли обѣщался побывать.

— И хорошо; только сдѣлаетъ ли онъ ригу-то?

— Какъ бы, кажись, не сдѣлать: по мужикамъ здѣсь на всемъ околodкѣ работаетъ; рига не какая хитрость, не барскія хоромы.

Тѣмъ разговоръ мой съ Семеномъ и кончился.

II.

Дня черезъ три, я сижу въ кабинетѣ, который, какъ водится въ помѣщичьихъ домахъ, прилегаетъ къ лакейской; слышу: кто-то вошелъ. Я окрикнулъ; вмѣсто отвѣта, въ сопровожденіи Семена, вошелъ мужикъ небольшого роста, съ татарскимъ отчасти окладомъ лица: глаза угловатые, лицо корявое, на бородѣ нѣсколько волосковъ; но мужикъ хоть и изъ простыхъ, а должно быть франтоватъ: голова расчесанная, намасленная, въ сурмленной поддевкѣ нараспашку, въ пестрядинной рубашкѣ, съ шелковымъ поясомъ, на которомъ висѣлъ мѣдный гребень, въ новыхъ сапогахъ и съ поярковой шляпой въ рукахъ. Какъ вошелъ, такъ и началъ молиться, и молился долго, потомъ вдругъ подошелъ ко мнѣ, и не успѣвъ я осомниться, какъ онъ схватилъ и пошѣ-

ловаль у меня руку. Мнѣ это съ перваго раза не понравилось.

— Чтó это за глупости?—сказаль я съ сердцемъ, отнимая руку.

Онъ отступилъ нѣсколько шаговъ назадъ.

— Это, ваше высокоблагородіе, такъ слѣдуетъ: когда выходитъ господинъ, значитъ, опосля Бога и царя первый, ваше высокопривосходительство,—проговорилъ онъ съ умиленной физиономіей.

— Да кто ты такой? Что ты за человекъ?

— Пузичъ, ваше привосходительство.

— Чтó такое Пузичъ?

— Фамилія такая у меня, значитъ, ваше привосходительство, и таперича наслышанъ я, что работа у васъ имѣется, ваше привосходительство, что ежели таперича вамъ мастера хорошаго надобно, чтобъ въ настоящемъ видѣ могъ представить, ваше привосходительство...

— Плотникъ это-съ, что этта говорили,—разрѣшилъ наконецъ Семенъ.

— А! плотникъ! Я и не догадался. Красно ужь очень говоришь ты, братецъ, — сказалъ я.

Похвалу эту Пузичъ принялъ за чистую монету.

— Нельзя, ваше высокопривосходительство, намъ разговору не знать: ежели таперича дѣла имѣемъ мы съ господами хорошими, значитъ, компанію имъ должны сдѣлать завсегда, ваше привосходительство.

— Конечно,—сказаль я:—только такъ ли ты хорошо строишь, какъ говоришь?

— Работа моя, ваше привосходительство, извольте хоть вашего Семена Яковлича спроеить, здѣсь на-знати; я не то, что плутъ какой-нибудь,

али мошеникъ, я одного этого безчестья совѣстью не подниму взять на себя, а, какъ передъ Богомъ, такъ и передъ вами, должишь сказать: колесо мое большое, ваше привосходительство; должишь благодарить Владычицу нашу, Сѣиновскую Божью Матерь, тѣмъ, что могу угодить господамъ. Таперича, хоша бы карандашомъ рисовка на планѣ, али, примѣрно, цркулемъ, али теперь по ватерпасу грякнуть — все въ разумъ моемъ имѣть могу, ваше привосходительство.

Семень усмѣхался и качалъ головой.

— Какъ же, братецъ, ты вотъ все это въ разумъ имѣешь, а работаешь больше по мужикамъ? — замѣтилъ я.

— Нѣтъ, ваше привосходительство, какъ передъ Богомъ, такъ и передъ вами, говорю: за безчестье себя считаю у мужика работать. Что мужикъ? — дуракъ, такъ-сказать, больше ничего! — возразилъ Пузичъ.

— Да вѣдь и ты не княжескаго рода. Говори дѣло-то, а не то что... — вмѣшался Семень.

— Извѣстно, слово твое настоящее, Семень Яковичъ, коли говорить, такъ говорить надо дѣло, — отвѣчалъ не сконфузись Пузичъ.

Онъ началъ производить на меня окончательно-непріятное впечатлѣніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ и съ удовольствіемъ смогнѣлъ на нѣскольکو-лѣнивую и флегматическую фигуру моего Семена, который слушалъ все это съ тѣмъ худо-скрытымъ невниманіемъ и презрѣніемъ, съ какимъ обыкновенно слушаетъ хорошій мужикъ плутоватую болтовню своего брата.

— Братъ ли намъ его? — спросилъ я Семена.

Онъ посмотрѣлъ въ потолокъ.

— Возьмите. Здѣсь ишь какая сторонака — глушь: хоть бы изъ ихъ брата, первой, другой, да, пожалуй, и обчелся.

— Безъ сумлѣнія будьте, ваше привосходительство, сдѣлайте такую милость! — подхватилъ Пузичъ.

— Что-жь ты возьмешь? Какъ твоя цѣна будетъ? — спросилъ я.

— Цѣна моя, ваше привосходительство, — началъ Пузичъ: — будетъ деревенская, не то, что съ запросомъ какимъ-нибудь, али тамъ прочее другое, а какъ передъ Богомъ, такъ и передъ вами, для перваго знакомства, удовольствіе, значитъ, хочу сдѣлать: на вашихъ харчахъ, выходить, двѣсти рублѣвъ серебромъ.

При этомъ Семень мой даже попятился назадъ.

— Что ты, паря, соблаговаль, что-ли? — сказалъ онъ, устремивъ глаза на Пузича.

— Меньше одной копѣйки, Семень Яковличъ, взять не могу, — отвѣчалъ тотъ.

Я, съ своей стороны, понялъ, что имѣю дѣло съ однимъ изъ тѣхъ мелкихъ плутишекъ, которые запрашиваютъ рубль на рубль барыша, и хотѣлъ разомъ съ нимъ раздѣлаться.

— Твоя цѣна двѣсти рублей, а моя — сто, — сказалъ я, думая, что снесъ, сколько возможно, много. По лицу Пузича быстро промелькнулъ какой-то отѣнокъ удовольствія, а Семена опять подернуло.

— Сто — много, помилуйте! семидесяти рублѣвъ съ него за глаза будетъ, — произнесъ онъ съ укоризною.

Пузичъ усмѣхнулся.

— Не то, что объ семидесяти, а и объ ста руб-
ляхъ, Семень Яковличъ, разговаривать нечего. Эгой
цѣны малой ребенокъ не возьметъ!—сказалъ онъ съ
такой ужь физиономіей, какъ-будто скорый готовъ
былъ умереть, чѣмъ работать за сто рублей.

— Полно врать, Пузичъ! полно! Что языкъ по-
напрасну треплешь!—возразилъ Семень, начинавшій
выходить изъ терпѣнья.

— Може вы сами языкъ понапрасну треплете.
Семень Яковличъ. Здѣсь идетъ разговоръ съ гос-
подиномъ, а не съ мужикомъ: значить, понимаемъ,
съ кѣмъ и предъ кѣмъ говоримъ,—возразилъ Пузичъ.

— Сто рублей, больше не дамъ; согласенъ —
хорошо, а нѣтъ — такъ можешь убираться,—ска-
залъ я и нарочно сталъ заниматься своимъ дѣломъ.

Пузичъ не уходилъ.

— Позвольте, ваше привосходительство,—началъ
онъ, прикладывая руку къ сердцу: —такъ-какъ тапе-
рича я очень желаю, чтобъ знакомство промежъ
насъ было; значить, полтора ста серебромъ вы из-
вольте положить, и то въ убытокъ — вѣрьте Богу.

— Больше ста не дамъ, убирайся!—рѣшилъ я.

— Ваше высокородіе, позвольте!—продолжалъ
Пузичъ, еще крѣпче прижимая руку къ сердцу: —
кому таперича свое тѣло не мило, а лопня, значить,
мои глаза, ваше привосходительство, ежели кто
хоть копѣйку противъ меня уваженья сдѣлаеть.

— Ломается еще туда же, дура-голова,—прогово-
рилъ Семень.

— Ломаться мы, не ломаемся, Семень, Яковличъ,
ужь это вы сдѣлайте такое ваше одолженіе, а, зна-
чать, дѣло выходитъ ^{неподходящее}.

— Неподходящее?—повторилъ Семень сердито.— Мало тебѣ, жиду, ста рублѣвъ! Двадцать-пять серебромъ и то лишнихъ передано.

Пузичъ какъ-будто бы не слыхаль этого замѣчанія и обратился ко мнѣ:

— Накиньте, ваше высокопривосходительство, хоть четвертную еще; ей-богу, безобидно будетъ.

Я молчалъ.

— Эго что говорить,—продолжалъ Пузичъ:—срабатать можно всяко; только я худаго слова, значить, заслужить не хочу, а желаю такъ, чтобъ меня и напередки знали... Може, ваше привосходительство, изволите знать по Буйскому уѣзду генерала Семенова: господинъ, осмѣлюсь, такъ, по своей глупости, сказать, строжайшій, въ настоящемъ видѣ, значить... когда у него эта стройка дома была, пятеро подрядчиковъ, съ позволенія доложить вашему привосходительству, бѣгомъ-сбѣжали отъ него; и теперича, когда онъ сталъ требовать меня: «что-жь, думаю, буди воля Царя Небеснаго! а я готовъ завсегда служить господамъ,» ваше привосходительство. И какъ передъ Богомъ, такъ и передъ вами, потаить не могу: первыя двѣ недѣли всѣ мои ребра палкой пересчитаны были; разъ пять, можетъ-статься, кровинилъ меня; но я, по своему чувству, ваше привосходительство, не то, что бралъ въ обиду, а еще въ удовольствіе — значить, насъ, дураковъ, уму-разуму учать; когда теперича мужикъ надъ тобой куражится и ломается, а отъ барина всегда снести могу.

«Экая подлая натурашка!» подумалъ я и молчалъ.

— Теперича при раздѣлкѣ, когда дѣло это было, продолжалъ опять Пузичъ:— генералъ сейчасъ сдѣлалъ

мнѣ отличнѣйшее угощенье и выкинулъ пятьдесятъ рублевъ серебромъ лишнихъ. «На,— говорятъ,— тебѣ, Пузичъ, за то, что нраву моему, значить, угодилъ». И эти деньги мнѣ, ваше высокопривосходительство, дороже капитала милліоннаго: значить, могу служить господамъ.

Я все молчалъ. Выждавъ немного, Пузичъ снова заговорилъ:

— А насчетъ вашей работы, я такъ полагаю, что мое особенное стараніе быть должно. Танерича, когда моя работа у васъ пойдетъ, вы извольте лечь на вашъ диванчикъ и почивать — больше того ничего сказать не могу.

Я взглянулъ на Семена: въ лицѣ его изображались досада и презрѣніе.

— Не дамъ больше ста, — сказалъ я рѣшительно.

Пузичъ перенялъ свою шляпу изъ одной руки въ другую.

— Этой цѣны, ваше высокородіе, никому взять несообразно, — проговорилъ онъ и потомъ, постоявъ довольно долго, присовокупилъ вздохнувъ: прощенья, значить, просимъ, — и сталъ молиться, и молился опять долго. — Только то выходитъ, что за пятнадцать верстъ сапоги понапрасну топталъ, — пробунчалъ онъ.

— Эка, паря, что ты сапоги потопталъ, такъ и дать тебѣ тысячу! — возразилъ Семень.

Пузичъ, ничего на это не возразивъ, повторилъ еще разъ:

— Прощенья просимъ, ваше высокородіе, — и пошелъ; Семень за нимъ; но я видѣлъ, что Пузичъ не уйдетъ и воротится, потому что шелъ онъ очень медленно по красному двору и все что-то толковалъ

Семену. Черезъ нѣсколько минутъ она дѣйствительно опять воротилась.

— Сто беретъ,—сказалъ Семень.

— Хоша три рублика серебромъ, ваше высоко-родіе, набавьте: по крайности, я на артель ведро вина куплю, — присовокупилъ Пузичъ съ иодо-проситель-нымъ выраженіемъ въ лицѣ.

— На артель, братецъ, я самъ куплю ведро вина, а тебѣ копѣйки не прибавлю,—возразилъ я.

Пузичъ грустно покачалъ головой.

— Какъ нынче и на свѣтѣ стало жить — не знаемъ,—началъ онъ:—господа, выходитъ, пошли ску-пые, работы дешевыя... Задаточку ужь, ваше высо-кородіе, извольте мнѣ пожаловать, — прибавилъ онъ еще болѣе просящимъ голосомъ.

— Сколько-жь тебѣ?

— Двадцать пять рубликовъ серебромъ,—отвѣчалъ Пузичъ совершенно ужь неестественнымъ тономъ.

Видимо, что онъ принадлежалъ къ разряду тѣхъ людей, которые о деньгахъ покойно и безъ нервнаго раздраженія не могутъ даже говорить. Я подаль ему двадцать пять рублей; Семену это не понрави-лось.

— Что въ задатокъ-то хватаешь? не убѣжимъ отъ твоихъ денегъ!—сказалъ онъ Пузичу.

— Ахъ, Семень Яковличъ, Богъ съ тобой! Вы-ходитъ, словно ты нашихъ дѣловъ не знаешь, —про-говорилъ тотъ, засовывая дрожащею рукою бумажку въ кожаную кису, висѣвшую у него на шеѣ.

— Ты самъ, паря, свои дѣла лучше нашего знаешь, — отвѣчалъ Семень. —Теперь, вотъ ты у насъ ра-боту берешь, а тебѣ при баринѣ говорю, чтобъ

очередь, Семень: — не на одной нашей работѣ, а и на всякой Петруху отъ тебя требуютъ — знаемъ тоже.

Пузичъ еще насмѣшливѣе покачалъ головою.

— Ежели теперича, чтобъ барину сдѣлать удовольствіе, Семень Яковличъ, мы о Петрухѣ не постоимъ, за Петруху намъ стоять много нечего: артель моя большая.

— Артель твою, Пузичъ, и мы тоже знаемъ; и опять при баринѣ говорю: окромѣ Петрухи, другой прочій може у тебя только съ нынѣшняго Николы топоръ въ руки взялъ, такъ ужь съ того спросить много нечего.

— А Петруха-то кто-жь такой? — спросилъ я Семена.

— Уставщикъ; по всей артели парень надежный, — отвѣчалъ онъ.

— Кто про это говорить! мастеръ отличнѣйшій, въ лучшемъ видѣ, значить. Ежели теперича, ваше привосходительство, съ позволенія такъ сказать, по нашимъ дѣламъ онъ человекъ, значить, больной, а мы держимъ его безъ пролежекъ, ваше привосходительство, жалованіе, значить, кладемъ ему сполна, — проговорилъ Пузичъ, но такимъ голосомъ, по тону котораго ясно было видно, что похвала Петрухѣ была ему ножъ острый, и онъ ее поддерживалъ только по своимъ торговымъ расчетамъ.

При прощаньѣ Пузичъ сталъ просить у меня полтинника въ придачу ему на чай. Въ полтинникъ мнѣ ужь совѣстно было отказать — я ему далъ, но Семень противъ этого протестовалъ:

— Ну, паря, славная ты выжима!—проговорилъ онъ Пузичу, на что тотъ отвѣчалъ только вздохомъ.

III.

Сдѣлать ригу я задумалъ не столько по необходимости, сколько для развлеченія. Помѣщики, обреченные на постоянную жизнь въ деревнѣ, очень хорошо знаютъ, что стройка въ деревнѣ — благодать, самое живое развлеченіе; точно должность получилъ приличную своимъ способностямъ: каждое утро сходишь посмотрѣть, потолкуешь; послѣ обѣда опять идешь посмотрѣть; вечеромъ тоже.

Все это дѣлалъ, конечно, и я.

Пузичъ пришелъ ко мнѣ работать самъ-четверть: съ молодымъ парнемъ, Матюшкой, толсторожимъ и глупымъ на-лицо, съ Сергѣичемъ, старикомъ очень благообразнымъ, который обратилъ особенно мое вниманіе на себя тѣмъ, что рубилъ какими-то маленькими и очень красивыми щепочками и говорилъ самымъ мягкимъ теноромъ, и все въ-складъ. Уставщикъ Петруха былъ высокаго роста, сухой, съ строгимъ выраженіемъ въ глазахъ и съ ироническимъ складомъ въ губахъ. Онъ говорилъ мало, но рѣзко и насмѣшливо. Самъ Пузичъ оказался на работѣ совершенная дрянь: онъ суетился, кричалъ, бранилъ, впрочемъ, одного только Матюшку, который принималъ его брань съ простодушной и глупой улыбкой.

— Всегда тебя такъ бранить подрядчикъ?—спросилъ я его.

— Завседы... дядюшка вѣдь онъ мнѣ, завседы все лается,—отвѣчалъ онъ мнѣ и засмѣялся.

Надъ Сергѣичемъ Пузичъ только важничаль, но передъ Петрухой — другое дѣло: тотъ его видимо уничтожалъ своею личностью и чувствовалъ, кажется, особое наслажденіе топтать его въ грязь по всеѣмъ распоряженіямъ въ работѣ. Достаточно было Пузичу выбрать какое-нибудь бревно и положить его на углы для пригонки, какъ Петръ подходилъ, осматривалъ и распоряжался, чтобъ бревно это сбросили, а тащили другое.

— Что? аль неладно?—спрашивалъ при этомъ Пузичъ какимъ-то робкимъ голосомъ; но Петръ даже не удостоивалъ его отвѣтомъ, молча размѣчалъ, и Пузичъ смиренно усаживался и начиналъ рубить по отмѣткамъ работника.

На другой или на третій день, какъ стали они у меня работать, я подошелъ и сѣлъ на бревнѣ около Сергѣича, на долю котораго выпало тесать полъ и, слѣдовательно, онъ работалъ вдали отъ прочихъ.

— Что, дѣдушка, старъ бы ты по чужой сторонѣ ходить, — заговорилъ я.

— Что дѣлать-то, батюшка, — отвѣчалъ старикъ мягкимъ голосомъ:—нужда скачетъ, нужда пляшетъ, нужда пѣсенки поетъ — да! Хоть бы и мое дѣло, не молодой бы молодикъ, а на седьмой десятокъ валишь... Пора бы не бревна катать, а лыко драть да на печкѣ лежать — да!

— Отчего это ты все вотъ въ-складъ говоришь?— замѣтилъ я ему.

Сергѣичъ усмѣхнулся.

— Изъ молоду, государь мой милостивый, — отвѣчалъ онъ:—такая ужъ моя рѣчь; гдѣ и языкъ-то на-

билъ на то — не помню; съ хороводовъ да пѣсенъ, видно, дѣло пошло; ну и тоже, грѣшнымъ дѣломъ, дружничалъ по свадебкамъ.

— Дружкой ты былъ? — сказалъ я.

Старикъ самодовольно улыбнулся.

— Я былъ, може, пзъ дружекъ дружка, а не то что просто дружка; меня ажю пзъ Ярославля богатые мужички ссыгали дружничать у нихъ на сыновнихъ свадьбахъ, по сту рубливъ мнѣ за то платили; я былъ дорогой дружка — да! Ты вотъ, государь милостивый, въ замѣчанье взялъ, что я рѣчь въ складъ говорю; а кабы ты посмотрѣлъ еще меня на свадебномъ дѣлѣ, такъ что твой колоколецъ подъ дугой, али гусли многострунные!

— Какъ же у васъ начинаются, напримѣръ, эти сговоры? Съ чего? — спросилъ я.

— Сговоры, государь мой милостивый, — отвѣчалъ Сергѣичъ, кажется, очень довольный моимъ вопросомъ: — начинаются, ежели дружка дѣломъ править по порядку, какъ онъ сейчасъ въ избу вошелъ, такъ съ поклономъ и говоритъ: «у васъ, хозяинъ, есть товаръ, а у насъ есть купецъ: товаръ вашъ покажите; а купца нашего посмотрите...» Тутъ сейчасъ съ ихниной, съ невѣстиной стороны, свашка, по нашему, невытая рубашка, и выводитъ дѣвку изъ-за занавѣски, ставитъ супротивъ жениха; они, вѣстимо, тупятся, а имъ говорятъ, чтобъ смотрѣлись да глядѣлись — да! Теперича, невѣста, значить, понравилась. Жениховъ дружка сейчасъ по имени чувствуетъ хозяина въ дому... Иванъ Иванычъ, что ли: «товаръ вашъ, Иванъ Иванычъ, показался, умъ-разумъ разступился, ожалуйте шубу на столъ, станемъ Богу молиться и»

«по рукамъ биться» — да! Дѣвку опять за занавѣску уводятъ: горе горевать, свой дѣвичій вѣкъ обвивать, а батька съ маткой сядутъ за столъ дочку пропивать, и пьянство тутъ, государь мой милостивый, у насъ, дураковъ мужиковъ, бываетъ шибкое; все, значить, отъ жениха идетъ; только, сердечный, повертывайся, не жалѣй денежекъ, прѣзжай, значить, припасенный.

— А дары когда-жь дарятся между женихомъ и невѣстой? — перебилъ я.

— Дары тутъ жедарятся, — продолжалъ Сергѣичъ: какъ теперича, но молитвъ это рукобитье совершится, старички, выходитъ, по другому, по третьему стаканчику выпили, дружка сейчасъ и ведетъ жениха за занавѣску, по началу молитву читаетъ: «Господи, помилуй насъ» — да! тутъ женишокъ и спрашиваетъ: «красна дѣвица, дайте знать, какъ васъ звать?» Она — хоша Катерина Степановна; значить — «Катерина Степановна, извольте наши дары принять, да не прогнѣваться, примите мало, а сочтите за много». Невѣста дары пріемлетъ: тутъ они и цѣлуются, впервые значить, а другіе може и больно не впервые, губы то може до мозолей ужь трепаны, особливо по нашей гулящей сторонкѣ .. Теперича и невѣста въ оборотъ жениху говоритъ. «Господи, помилуй насъ. Добрый молодець, какъ васъ звать?» Примѣрно, Николай Ивановичъ, выходитъ — «Николай Ивановичъ, извольте отъ меня дары принять: да не прогнѣваться, примите мало, а сочтите за много!» Огдаривается, значить, — да.

— А какъ же невѣста обвиваетъ свой дѣвичій вѣкъ? — спросилъ я.

— Хорошо, сударь, обвиваетъ, — отвѣчалъ Сергѣичъ съ какимъ-то умилениемъ: — прититываетъ

все къ отцу, матери съ такими рѣчами: «Не дѣсь къ сырой землѣ клонится, добрые люди Богу молятся. Стрѣчай-ка ты, родимый батюшка, своихъ дорогихъ гостей, моихъ разлучниковъ; сажай-ка за столъ подѣ окошечко, свата, сватьяшку, дружку-засыльничка ко свѣтцу, ко присвѣтничку; не сдавайся, родимый батюшка, на слова ихъ на ласковыя, на поклоны низкіе, на стаканъ пива пьянаго, на чару зелена вина; не отдавай меня, родимый батюшка, изъ теплыхъ рукъ въ холодныя, ко чужому къ отцу, къ матери» — да! приговоры хорошіе идутъ. У насъ вѣдь лучше, обряднѣе, чѣмъ у васъ, у баръ. Я вотъ тоже съ уляцы въ окошко на господскія свадьбы гляживалъ — что?... ничего нѣтъ потѣшнаго, схватятся только за руки, да ходять, а ничего разговоровъ нѣтъ.

— Эго на сговорахъ; а на свадьбахъ, я думаю, еще больше приговоровъ бываетъ, — продолжалъ я спрашивать, видя, что Сергѣичъ былъ въ душѣ мастеръ по свадебному дѣлу, и я убѣжденъ, что онъ нѣкоторые приговоры самъ былъ способенъ сочинять. Вопросъ мой окончательно расшевелилъ старика; онъ откашлялся, обдернулъ бороду и сталъ ужъ называть меня, вмѣсто «государь мой милостивый», другъ сердечный.

— Въ самую свадьбу, другъ сердечный, — началъ онъ: — приговоры большіе ведутся. Теперича взять такъ примѣрно: жениховъ повѣздъ вѣзжаетъ въ селенье, дружка сейчасъ, коли онъ ловкій, соскочить съ саней и бѣжить къ невѣстинной избѣ подѣ окошко съ такимъ приговоромъ: «стоятъ наши добрые кони во чистомъ полѣ, при пути, при дороженькѣ, подѣ синими небесами, подѣ чистыми подѣ звѣздами, подѣ

черными облаками; нѣтъ ли у васъ на дворѣ, свать и сватьюшка, мѣстечка про нашихъ коней?» Изъ избы имъ отъликаются: «Милости просимъ; про вашихъ коней есть у насъ много мѣстовъ». Теперича, по его командѣ поѣздъ въѣзжаетъ на дворъ, а онъ, государь мой милостивый, все впереди, никому впередъ себя пдти не даетъ. По снѣмъ идетъ, молитву творить и себѣ приговоръ говорить: «Идетъ друженька лѣсенкой кленовою, мостикомъ калиновымъ, берется друженька за скобочку полужоную. Растворите, во имя Отца и Сына и Святаго Духа, дверчки широкія: самъ я, сватушка, двери на петлѣ поведу, а безъ *аминя* не войду!» Тѣмъ, другъ сердечный, что въ свадебномъ дѣлѣ ничего безъ молитвы начинать нельзя, весь поѣздъ, значитъ, *аминя* и ждетъ— да! Какъ теперича имъ *аминь* изъ избы оголосили, дружка опять впереди всѣхъ. Первый его приговоръ, какъ въ избу вошелъ: «Скокъ черезъ порогъ, насплу ножки переволокъ!» значитъ, чтобъ съ шутки начать, да и дѣло кончатъ—да! Второй приговоръ его: «Всѣ люди смотрящіе, всѣ, люди глядящіе, покажите мнѣ хозяина настоящаго въ дому». Третій его приговоръ: «Сватьюшка любезный, кто у васъ въ домѣ началъ?»—«Началъ у насъ въ домѣ Спасъ, Пресвятая Богородица!» отвѣчаютъ ему. Четвертый приговоръ дружки, значитъ: «Богу помолимся, на всѣ четыре стороны поклонимся, сватьюшка любезный, въ нѣкоторые годы, въ нѣкоторыя времена, ходили промежъ насъ старушонки, дѣла наши свашли, были промежъ насъ и сговоры!» Теперича значитъ, дѣло наше сужено, ряжено: къ молодому нашему князю пожалуйте молодую княгиню, къ больш-

шому барину большаго барина, къ меньшому барину меньшаго, къ тысячкому тысяцкаго. а ко миѣ, дураку дружкѣ, такого же дурака дружку, Теперича, сейчасъ невѣсту и выводитъ изъ-за занавѣски братъ родной, али тамъ крестный. Дружка опять было первый идетъ, брагу пива подносить, только на тотъ разъ ему говорить — да: «пришлите себя помоложе, подороже и повѣжливѣе!» значить, надо жениха посылать. Идетъ тотъ сначала съ пустымъ пивомъ, безъ денегъ, значить, братъ ему и говоритъ: «кушайте сами; наша сестричка недешевая: не по бору ходила, не шишки брала, а золотомъ шила; у нашей сестрички по тысячѣ косички, по рублю волосокъ» — значить, выкупъ надобно дѣлать, денегъ въ пиво класть.

— А дружка что тутъ дѣлаетъ? — спросилъ я.

— Дружка промежъ тѣмъ свое справляетъ, — отвѣчалъ Сергѣичъ. — Тоже, грѣшнымъ дѣломъ, бывало пересохнетъ въ горлѣ-то, такъ нарочно и закашляешься и кашляешь, и кашляешь, а тутъ такой приговоръ и ведешь: «Сватюшки любезные, что-то въ горлѣ понершило, позакашлялось: нѣтъ ли у васъ водички испить, а коли воды нѣтъ, мыгъ пьемъ и пивца, а пивца нѣтъ, выпьемъ и винца!» Ну, и на другой хорошей свадьбѣ, гдѣ виномъ-то просто, тутъ же стаканна три въ тебя вольютъ; такъ и считай теперь; сколько въ цѣлый день-то попадетъ. Съ другой, бывало, богатенькой свадебки, послѣ друженья, прivedешь домой, такъ цѣлую недѣлю въ баню ходишь — свадебную дурь паромъ выгонять. Хорошо дружкѣ бываетъ, нечего сказать, больно хорошо.

— Хорошо-то, хорошо, да вѣдь и это дѣло не всякій справить; надобно тоже разумъ имѣть,—замѣтилъ я.

— Еще какой разумъ-то, другъ сердечный! разумъ большой надо имѣть, отвѣчалъ Сергѣичъ.—Вотъ тоже нынѣшніе дружки, посмотришь, званье только носятъ... Хотя бы теперь приговоръ вести надо такъ, чтобъ кажинное слово всякъ въ толкъ взялъ, а не то что на вѣтеръ языкомъ проболтать. За поясъ бы, кажись, въ экіе годы свои всѣхъ ихъ заткнулъ,—заключилъ онъ и началъ тесать.

— А ужь нынче развѣ ты не дружичаешь? спросилъ я.

— Нѣтъ, государь мой милостивый, давно ужь отсталъ; что-что съ рожь-то цвѣтенъ да румянъ, а глаза больно плохи. Вотъ и рубишь теперь все больше по памяти; кажинный годъ раза три со слѣпа-то обрубилъ, а ужь гдѣ дружичать, тутъ надо глаза быстрые, ноги прыткія!

— Ты семейный али одинокій?

— Какое, другъ сердечный, одинокій,—возразилъ Сергѣичъ:—родомъ-то, видно, изъ кустовой ржи. Было въ избѣ всякаго колосья — и мужиковъ и дѣвъ; пятерыхъ дочекъ однихъ возвелъ, да чужой человѣкъ пенья конать увелъ, въ замужства, значить, роздалъ—да! Двухъ было сыновьевъ возрастилъ, да и тѣмъ что-то мало себя угодилъ. За грѣхи наши, видно, Богъ насъ наказываетъ. Іовъ праведный былъ, да и на того Богъ посылалъ испытанье; а намъ, окаяннымъ, еще мало, что по ребрамъ попалъ—да!

— А сыновья гдѣ-жь у тебя?

— Сыновья, другъ сердечный, старшій, волей-Божьею, на Иззу холеркой померъ, а другаго, больно ужъ любилъ да ласкалъ, въ чужи люди не пускалъ, думалъ, въ старые наши годы будутъ отъ него подмоги, а выходитъ, видно, такъ, что человекъ на батькиныхъ съ маткой пирогахъ хуже растеть, чѣмъ на чужихъ кулакахъ—да!

— Гдѣ-жь онъ? Спился, что ли?

— Я ужъ и сказать тебѣ не знаю какъ, въ кою сторону онъ дуракъ; недолго бы, кажись, пилъ, да много въ кабакъ отвалилъ. Добросовѣстнымъ онъ, государь мой милостивый, при конторѣ нашей былъ, и послали его, гдѣ грѣху-то быть, съ мірскими деньгами въ городъ; уѣхать уѣхалъ въ поддевки, а отель привели на веревкѣ — да! Всѣ денежки, двѣсти съ хвостикомъ, и ухнулъ тамъ; добрые люди, спасибо, подсобили — да! Онъ-то благовалъ, а батька въ отвѣтъ попалъ: мірскіе рублики, батюшка, не простятъ. На сходкѣ такое положенье сдѣлали, что али бы я деньги за него клалъ, али бы его, разбойника, на поселенье здалъ — да! Не стерпѣлъ я этого: дѣтки-то къ намъ сердцами не падки, а они намъ—худы ли, добры—все сладки. Дѣлать неча, пошелъ къ Пузичу; сталъ ему въ ноги кланяться...

— А развѣ Пузичъ у васъ деньги въ ростъ отдаетъ?

— Нештó, нештó, сударь, одолжаетъ кой-кого на знати, отвѣчалъ старикъ вздохнувъ: — изстари еще у нихъ въ дому это заведенье идетъ; дѣды его еще этимъ промышляли.

— Помилуй! самъ Пузичъ дуракъ какой-то, болтушка! — замѣтилъ я.

Сергѣичъ усмѣхнулся.

— Да, то-то вотъ, что-что разумомъ меловъ, да какъ сердцемъ-то крѣпокъ, такъ и богатѣе насъ съ тобой, государь милостивый, живетъ. Гривной одолжить, а рубль сорвать норовить; мало Бога знаетъ; неча похвалить татарскій родъ проклятый, что-что крещеные? Хоша бы и мое дѣло: тѣмъ временемъ слова не сказалъ и далъ, только въ конторѣ заявилъ, а теперь и держитъ словно въ кабалѣ; старъ—не старъ, а все въ эту пору рубль серебра стою, а онъ на кругъ два съ полтиной кладетъ.

— Ну, а прочіе какъ же живутъ у него?—спросилъ я.

— А что, государь мой милостивый, прямо тебѣ скажу: вся артель у насъ на одномъ порядкѣ, — отвѣчалъ старикъ тихо.—Всѣ въ кабалѣ у него стоимъ. Вонъ хотъ бы этотъ Матюшка, дурашный, дурашный парень, а все бы въ недѣлю не рублемъ ассигнаціями надо цѣнить!

— Неужели же онъ рубль ассигнаціями только кладетъ ему въ недѣлю?—воскликнулъ я.

— Али больше!—отвѣчалъ Сергѣичъ.—Онъ тоже пригульный: дѣвка по лѣсу шла да его нашла, бобылка согрѣшила — землицы, значить, и не было у нихъ; хлѣбцемъ-то я бился... Ну, Пузичъ и дѣлалъ имъ эго одолженіе; давалъ на пропиганіе, а теперь и расчитываетъ какъ надо: парень круглый годъ калачика не уболитъ съѣсть; лапотокъ новыхъ не на что купить, а все денегъ нѣтъ — да! Каковы наши богатые-то мужички, а нашъ ужъ, пожалуй, изо всѣхъ хватъ, чорту братъ.

— Ну, а этотъ Шетовъ, уставщикъ, вѣрно, на

особомъ у Пузича положеніи нанять, по настоящей рядѣ?

— А какое, сударь, по настоящей рядѣ! Тоже въ кабаль, еще больше нашего. Триста рублей ему должнымъ состоялъ, отъ родителя тоже поотдѣлился, а тутъ, гдѣ бы разживаться, въ болѣсть вналъ, словно бы года два хворалъ, и ужъ это до кого не доведись: хозяинъ лежитъ, нужду въ домъ творить.

— Отчего жъ Пузичъ труситъ его, кажется?

— Ну да, батюшка, по работѣ-то нужный ему человекъ: что бы онъ безъ него? — какъ безъ рукъ, самъ видишь! А еще и то... послѣ болѣсти, что ли съ нимъ это сдѣлалось, сердцемъ-то Петруха неугожъ, гнѣвнень, значить. Теперича, что маленько Пузичъ сдѣлаеть не по немъ, онъ сейчасъ ему и влѣпить: «ты, баеть, меня въ грѣхъ не вводи; у меня твоей головѣ давно мѣсто въ лѣсу приискано».

— Неужели же онъ это вправду говоритъ? — спросилъ я.

Сергѣичъ засмѣялся.

— Нѣту, сударь, какое, кажись, вправду, — отвѣчалъ онъ: — мужикъ богобоязливый, сдѣлаеть ли экое дѣло! Сердце только срываетъ, страшаетъ. Ну, а Пузичъ тоже плутовать-плутовать, а вѣдь заячьяго разуму человекъ: на ружье глядитъ, а отъ воробья бѣжитъ, и боится этого самаго, не прекословствуетъ ему много.

Петръ сталъ меня очень интересовать, и я хотѣлъ было о немъ поподробнѣе разспросить Сергѣича, но въ это время подошелъ Пузичъ и началъ нести какую-то чушь о работѣ, и я, чтобъ отдѣлаться отъ него, ушелъ въ комнаты.

IV.

Когда срубы были срублены, Пузичъ, къ большому моему удовольствію, отправился на другую какую-то работу. Въ тотъ же день Семень подошелъ ко мнѣ.

— Винца-то ребятамъ обѣщали; прикажите хоть штофчикъ имъ выставить — и будетъ съ нихъ! — проговорилъ онъ.

— Хорошо, — сказалъ я: — что-жъ ты мнѣ давно не напомнишь? Я было и забылъ.

— Пережидалъ, чтобъ собака эта куда-нибудь убѣжала, а то вѣдь рыло свое тутъ же сталъ бы мочить, — отвѣчалъ Семень, подразумѣвая, конечно, подъ собакой Пузича.

— Когда-жъ имъ дать? — спросилъ я.

— Да вотъ хоть уже вечеромъ, какъ отшабашать.

— Хорошо... Зайди ты передъ тѣмъ въ горницу за виномъ, и я выйду къ нимъ, — сказалъ я.

— Слушаю-съ, — отвѣчалъ Семень, и неторопливо пошелъ къ своему дѣлу.

Вечеромъ я, дѣйствительно, въ сопровожденіи Семена, вооруженнаго штофомъ и нѣсколькими ломтями хлѣба, вышелъ къ плотникамъ. Они, вѣроятно ужъ предувѣдомленные, сидѣли на бревнахъ. При моемъ приходѣ Сергѣичъ и Матюшка привстали было и сняли шапки.

— Сидите, братцы; винца я вамъ принесъ, вы-

пейте, — сказалъ я, садясь оголо нухъ тоже на бревно. Петръ, сидѣвшій потупившись, откашлялся.

— Благодарствуй, государь нашъ милостивый, благодарствуй, — проговорилъ Сергѣичъ.

Матюшка глупо улыбулся. Я велѣлъ подать первому Петру. Онъ выпилъ, откашлялся опять и проговорилъ:

— Вотъ кабы этимъ лекарствомъ почаще во рту полоскать, словно здоровѣе былъ бы.

— Будто? — спросилъ я.

— Право, славно бы такъ; мужику вино, что мельницѣ деготь: смазалъ и ходчѣй на ходу пошелъ, отвѣчалъ Петръ.

— Вино сердце веселить, вино разумъ творить, — присовокупилъ Сергѣичъ, беря дрожащими руками стаканъ.

Матюшка, выпивъ, только сталъ облизываться, какъ теленокъ, которому на морду посыпали соли.

Изъ принесеннаго Семеномъ хлѣба, Сергѣичъ взялъ ломоть, аккуратно посолилъ его и началъ жевать небольшимъ числомъ оставшихся зубовъ.

Матюшка захватилъ два сукроя, почти въ два пріема забилъ ихъ въ ротъ и сталъ, какъ говорится, уплетать за обѣ щеки. Петръ не бралъ.

— Что ты, и не закусываешь? — сказалъ я ему.

— Нѣтъ, не закусываю. Мы, вѣдь, не чайники, а водочники: пососалъ языкъ — и баста! — отвѣчалъ онъ и опять закашлялся, а потомъ обратился ко мнѣ:

— Я, баринъ, батьку еще твоего зналъ: старикъ былъ важный.

— Важный?

— Важный; лучше тебѣ.

— Чѣмъ же лучше?—спросилъ я.

— Да словно бы умнѣй тебя былъ, — отвѣчалъ безъ церемоніи Петръ.

— Почему жь онъ умнѣй меня былъ?

— А потому онъ умнѣй тебя былъ, что ужь онъ бы, братъ, Пузичу за немшонья стѣны не далъ ста серебромъ — шалишь! Денегъ, видно, у тебя бла-гихъ много.

— То-то и есть, что не много, а мало,—сказалъ я.

— И денегъ-то мало. Ну, братъ, видно, ты вза-правду не больно уменъ,—подхватилъ Петръ. Выпи-тый стаканъ водки очень, кажется, подѣйствовалъ на его разговорчивость.

Матюшка при этомъ засмѣялся. Сергѣичъ пока-чалъ головой.

— Ты по городамъ, вѣдь, больше финтилъ,—про-должалъ Петръ,— и батъкинымъ денежкамъ, чай, глаза протеръ. Какъ бы старика теперь поднять, онъ бы задалъ перцу и тебѣ, и прикащику твоему Семену Яковличу. Что, черномазое рыло, водки-то не подносишь? али не любо, что противъ шерсти глажу? — обратился онъ къ Семену.

Тотъ поднесъ ему водки и проговорилъ:

— Эко мелево ты, Петруха!—но совсѣмъ не тѣмъ тономъ, какимъ онъ говорилъ Пузичу.

— То-то мелево. Свернули вы, ребята, съ бари-номъ домокъ, нечего сказать. Прежде, бывало, при старикѣ: хлѣба нѣтъ, куда ѣхать позаимоваться? въ Раменье... А нынче, посмотришь, кто въ Карцовѣ хлѣба покупаетъ? все раменскій Семень Яковличъ.

— Божья воля; колькой годъ все неурожай, да червь побиваетъ,—замѣтилъ Семень; но Петръ какъ

бы не слыжалъ этого и продолжалъ, обращаясь къ Сергѣичу:

— Прежде, бывало, въ Вонышевѣ работаешь: еще въ воскресенье во второмъ уповодѣ мужики почнуть собираться. «Куда, ребята?» спросишь. — «На задѣлье». — «Да что рано?» — «Лучше завремя, а то баринъ забранится»... А нынче, голова, въ понедѣльникъ, послѣ завтрака, только еще запрягать начнутъ. «Что, плуты, поздно ѣдете?» — «Успѣемъ-ста. Семень Яковличъ простить».

Семена начинало за живое наконецъ трогать.

— Что, паря, больно ужъ конфузишь? и еще передъ бариномъ?—проговорилъ онъ.

Петръ сначала засмѣялся, потомъ закашлялся.

— Что мнѣ тебя, голубчикъ, конфузить?—началъ онъ, едва отдыхая отъ кашля: — не за что! Ты, вѣдь, выдался не изъ плутовъ, а только изъ дураковъ.

Семень махнулъ рукой. Мнѣ стало ужъ жаль его.

— Я, напротивъ, очень доволенъ Семеномъ; мнѣ такого смирнаго и добраго прикащика и надо,—сказалъ я.

Петръ посмотрѣлъ мнѣ въ лицо.

— У тебя какой чинъ-то, большой али нѣтъ?—спросилъ онъ вдругъ.

— Титулярный совѣтникъ — капитанъ, значить, — отвѣчалъ я.

— Не чиновенъ же ты, братъ! Вонъ у насъ баринъ, такъ генераль; а ты, видно, и служить-то неохочь. Барыню-то въ замужество хошь-богатую ли взять?

— Нѣтъ, не богатую, а по сердцу.

— По сердцу, нуда! — возразилъ Петръ. — Пропавшее твое дѣло, какъ я посмотрю на тебя. А ты бы дослужился до большихъ чиновъ, невѣсту бы взялъ богатую, въ вотчину бы свою прѣхалъ въ каретъ осьмерякомъ, усадьбу бы сейчасъ всю каменную выстроилъ, дурака бы Сеньку своего въ лисью шубу нарядилъ.

— Это кому какъ Богъ дастъ. Ты вотъ и самъ не богатъ, — сказалъ я.

— Что тебѣ примѣры-то съ меня брать? А пожалуй, выходитъ, что и взаправду въ меня пошелъ — такой же дурашный! — отрѣзалъ начисто Петръ.

— Больно ужъ смѣло, Петръ Алексичъ, говоришь! — замѣтилъ Сергѣичъ, опасавшійся, кажется, чтобъ я не обидѣлся.

— Что смѣло-то? Али по твоему, лиса безхвостая, ласы да балясы гладкія точить? — отвѣчалъ ему Петръ и отнесся ко мнѣ, показывая на Сергѣича: — Вѣдь прелукавый старичишко, кто его знаетъ: еще по сю пору за дѣвками бѣгаетъ, уговорить да умаслить ловчѣй молодого.

Сергѣичъ слегка покраснѣлъ.

— Полно, другъ сердечный! — возразилъ онъ: — что тебѣ на меня воротить, лучше объ себѣ открыть; теперь-то на седьмую версту носъ вытянулъ, а молодымъ тоже помнимъ: высокій да пригожій, только дѣвкамъ и угожій.

При этихъ словахъ, неизвѣстно почему, Матюшка вдругъ засмѣялся. Петръ на него посмотрѣлъ.

— Ты чему, дуракъ, смѣешься? али знаешь, какъ дѣвки любятъ? — спросилъ онъ.

— Нѣту, дяденька, я этого не знаю, нѣту-ти, — отвѣчалъ тотъ простодушно.

— И ладно, что нѣту; дуракова рода, говорятъ, нынче разводиться не приказано. Пузичевъ сыпичко послѣдній въ племя пущевъ, проговорилъ Петръ и потомъ прибавилъ, какъ бы самъ съ собою: — было, видно, и наше времечко; бывало, можи такъ, что молодяцы въ Семеновскомъ-лапотномъ, на базарѣ изъ-за Петрушки шлыками дирались — подошьютъ тоже.

— Изъ-за кости съ мозгомъ, Петръ Алексѣичъ, и собаки грызутся... Хорошую ягоду издаличе ходятъ брать, — сказалъ Сергѣичъ.

— Стало-быть, ты смолоду, Петръ, волокита былъ? — спросилъ я его.

Онъ усмѣхнулся.

— Волокитствовалъ, сударь, — отвѣчалъ за него Сергѣичъ: — сторонканаша, государь мой милостивый, не противъ здѣшнихъ мѣстъ: веселая, гулливая, дѣвки толстыя, изъ-себя пригожія, нарядныя; Петръ Алексѣичъ поначалу въ нѣгѣ жилъ, молвить такъ: на пивѣ родился, на лепешвахъ поднялся — да!

— Въ Дьяковѣ, голова, была у меня главная притона, слышь, — началъ Петръ: — день-то деньской, вѣстимо, на работѣ, такъ ночью, братецъ ты мой, по этой хрюминской пустынѣ и лупишь. Теперь, голова, днемъ идешь, такъ боишься, чтобы на звѣря не наскочить, а въ тѣ поры ни страху, ни усталости.

— Значить, сердцемъ шель, а не ногами, — замѣтилъ Сергѣичъ.

— Какое тутъ къ ляду сердцемъ! — возразилъ Петръ: — я на это былъ крѣпокъ собой, привязки у меня никогда не было, а такъ, баловство, вонъ какъ и у Сеньки же.

— Что тебя Сенька-то трогаетъ? Все бы тебѣ Сеньку задѣть! — отозвался Семень.

— Ты молчи лучше, клинья борода, не серди меня, а не то сейчасъ сбличу, — сказалъ ему Петръ.

— Не въ чемъ, братъ, меня обличать, — проговорилъ кротко, но не совсѣмъ спокойно Семень.

— Не въ чемъ? А ну-ка сказывай, какъ молодымъ бабамъ десятины мѣряешь? Что? потупился? Самъ, вѣдь, я своими глазами видѣлъ: какъ, голова, молодой бабѣ мѣрять десятину, все коловъ на двадцать, на тридцать простить, а она и помни это; получка послѣ будетъ!

Семень не вытерпѣлъ и плюнулъ.

— Тьфу, грѣховодникъ! мели больше! — проговорилъ онъ.

— Ты не плюйся, а водку-то поднеси, — сказалъ Петръ.

— Мелево, мелево и есть, — говорилъ Семень, поднося водку.

Петръ, выпивъ, опять надолго закашлялся какимъ-то глухимъ, желудочнымъ кашлемъ.

— Вели подносчику-то своему выпить; у него давно слюнки текутъ, — обратился онъ ко мнѣ, едва отдыхая отъ кашля, и замѣчаніемъ этимъ сконфузилъ и меня, и Семена.

— Выпей, Семень; что-жь ты самъ не пьешь? — поспѣшилъ я сказать.

— Слушаю-съ, — отвѣчалъ растерявшійся Семень, налилъ себѣ черезъ край стаканъ и выпилъ. — Я теперь пойду и отнесу штофъ въ горницу, — прибавилъ онъ.

— Сгупай, — сказалъ я.

Семень ушелъ. Онъ, кажется, нарочно поспѣшилъ уйги, чтобъ избавиться отъ колкихъ намековъ Петра; тотъ посмотрѣлъ ему въ слѣдъ съ насмѣшкою и обратился ко мнѣ:

— Ты, баринъ, взаправду не осердись, что я просто съ тобой говорю; коли хочешь, такъ и и отстану.

— Напротивъ, я очень люблю, когда со мной говорятъ просто.

— Это, вѣдь, ужъ мы съ этимъ старымъ двушникомъ, Сергѣемъ, давно смекнули.

— Смекнули? — спросилъ я.

— Смекнули, — отвѣчалъ Петръ. — Ты не смотри, что мы съ нимъ въ лаптяхъ ходимъ, а, вѣдь, на три аршина въ землю видимъ. Коли ты не сердишься, что съ тобой просто говорятъ, я, пожалуй, тебя прощу и на ухо тебѣ скажу: ты не дурашный, а умный — слышь? А все, братецъ ты мой, управляющему своему, Сенькѣ, скажи отъ меня, чтобъ онъ палку-понукалку не на полатахъ держалъ, а и на полюсу временемъ выносилъ: нашъ братъ мужикъ — плутъ; какъ узнаетъ, что въ передкѣ плети нѣтъ, такъ мало, что не повезетъ, да тебя еще осѣдлаетъ. Я это тебѣ говорю, сочти хоть такъ, за вино твое! Скажемъ по мужикѣ, да надо сказать и по баринѣ

— За совѣтъ твой спасибо, — сказалъ я: — только самъ вотъ ты отчего все кашляешь?

— Боленъ я, братецъ ты мой.

— Чѣмъ же?

— Нутромъ, порченый я, — отвѣчалъ Петръ, и лицо его мгновенно приняло, вмѣсто насмѣшливаго, какое-то мрачное выраженіе.

— Кто жь это тебя испортилъ? — спросилъ я. Петръ молчалъ.

— Кто его испортилъ?—отнесся я къ Сергѣичу.

— Не знаю, государь милостивый; его дѣла!—отвѣчалъ уклончиво старикъ.

— Не знаетъ, съдая крыса, словно и взаправду не знаетъ, — отозвался Петръ.

— Знать-то, другъ сердечный, може и знаемъ, да только-то, что много переговоришь, такъ тебѣ, пожалуй, неугодишь,—отвѣчалъ осторожный Сергѣичъ, который, кажется, чувствовалъ къ Петру, если не страхъ, то по крайней мѣрѣ замѣтное уваженіе.

— Что не угодить-то? не на дорогу ходилъ!—сказалъ Петръ и задумался.

— Что такое съ нимъ случилось?—спросилъ я Сергѣича.

— По дому тоже, государь милостивый, вышло,—отвѣчалъ опять непрямо старикъ.—Мы, вѣдь, батьки-мужики — дураки, мотуновъ да шатуновъ дѣтокъ, какъ и я же, грѣшный, жалѣемъ, а коли парень хорошъ, такъ давай намъ всего: и денегъ въ домъ высылай, и хозяйку приведи работающую и богатую, чтобъ было батькѣ гдѣ по праздникамъ гостить да вино пить.

— Въ моемъ, голова, дѣлѣ, батька ничего,—возразилъ Петръ: — все отъ Федоски идетъ. Въ самую еще мою свадьбу за краснымъ столомъ въ обиду вошла...

— Что-жь такъ неугодно ей было? — спросилъ Сергѣичъ.

— Неугодно ей, братецъ ты мой, показалось, что

наливкой не угощали; для дѣдушки Сядора старухи была, слышь, наливка куплена, такъ зачѣмъ вотъ ей уваженья не сдѣлали и наливкой тоже не потчивали,—отвѣчалъ Петръ. (Въ лицѣ его ужъ и тѣни не оставалось веселости.)

Сергѣичъ покачалъ головой.

— Кто такая эта Федосья? — спросилъ я.

— Мачиханаша,—отвѣчалъ Петръ и продолжалъ:—стола-то, голова, не досидѣла, выскочила; батька, слышь, унимаетъ, проситъ: ничего не властвуетъ — выбѣжала, знаешь, на дворъ, сама лошадь заложила и удрала; иди, батька, значить, пѣшкомъ, коли ей не угодили. Смѣхоты, голова, да и только въ тѣ поры было!

Сергѣичъ опять покачалъ головой.

— Командирша была, другъ сердечный, надъ старикомъ; слышали мы это и выдывали.

— Командирша такая, голова, была, что спия пороха безъ ея воли въ домѣ не сдувалось. Бывало, голова, не то ужъ хозяйка моя, приведенная въ домъ, а дѣвки-сестры придуть иной разъ изъ лѣсу голодные, не смѣютъ, вѣдь, братецъ ты мой, безъ спросу у ней въ лукошко сходить да конецъ пирога отрѣзать; все батькѣ въ уши, а тотъ сейчасъ и оговоритъ: такъ изъ куска-то хлѣба, голова, принимать кому это складно?

— Злая баба въ дому хуже чорта въ лѣсу — да: отъ того хоть молитвой да крестомъ отойдешь, а эту и пестомъ не отобьешь,—проговорилъ Сергѣичъ, и потомъ вздохнувъ прибавилъ: — ваша Федосья Ивановна, другъ сердечный, Петръ Алексѣичъ, у сердца у меня лежитъ, Сережка мой, може, изъ-за

нея и погибаетъ. Много народу видѣло, какъ она въ Галичъ съ нимъ въ харчевнѣ деньгами руководствовала.

Петръ махнулъ рукой.

— Говорить-то только неохота,—пробуачалъ онъ про-себя.

— Да, то-то,—продолжалъ Сергѣичъ: — было ли тамъ у нихъ что — не вѣдаю, а болтовни про нее тоже много шло. Вотъ и твое дѣло: за краснымъ столомъ въ обиду вошло, а може не съ наливки сердце ея надрывалось, а жаль было твоего холоства и свободушки — да!

Петръ еще больше нахмурился.

— Песь ее, голова, знаетъ! А пожалуй, на то смахивало,—отвѣчалъ онъ и замолчалъ; потомъ, какъ-бы припомнивъ, продолжалъ: — разъ, братецъ ты мой, о Казанской это было дѣло, повѣхала она праздничать въ Суровцово, нарядилась, голова, знаешь, что купчиха твоя другая; жеребенокъ у насъ былъ, выкормокъ, конь богатый; коня этого для ней заложили; батька самъ не повѣхалъ, п меня, значить, въ зучера присудилъ.

— А у кого въ Суровцовѣ-то гостились?— перебилъ Сергѣичъ.

— Гости, голова, у насъ въ Суровцовѣ были хорошіе: у Лизаветы Михайловны, коли знавалъ, — отвѣчалъ Петръ.

— Знавалъ, другъ сердечный, знавалъ: гости наипервые,—сказалъ Сергѣичъ.

— Гости важные, — подтвердилъ Петръ и продолжалъ: — все, голова, наша Федосья весело праздничала; бесѣды тоже повечеру; тутъ, братецъ ты мой,

дворовые ребята изъ Зеленцына наѣхали; она, слышь, съ тѣми шутить, балуетъ, жгутомъ дупня ихъ лупить: другой, сердечный, только выгибается, да еще въ стыдъ ихъ вводитъ, голова; купите, говоритъ, дѣвушкамъ пряниковъ; какіе вы парни, коли у васъ денегъ на пряники не хватаетъ!

— Какая! пряниковъ просить! — проговорилъ Матюшка.

— Бойкая была женщина, смѣлая! — замѣтилъ Сергѣичъ.

— Поѣхали мы съ ней, такимъ дѣломъ, ужъ на четвертый день поутру, — продолжалъ Петръ, подперши голову обѣими руками и замѣтно-увлеченный своими воспоминаніями: — на дорогу, извѣстно, похмѣлились маненько; только Федоска моя не пѣсни поетъ, а сидитъ пригорюнившись. Ладно! ъдемъ мы съ ней, такимъ-дѣломъ, путемъ-дорогою... вдругъ, голова, она схватила меня за руку и почала ее жать, крѣпко сжала. «Петрушка!» говоритъ, «поцѣлуй меня!» — «Полно, говорю, мамонька, что за цѣлованье!» — «Ну, Петрушка», говоритъ она мнѣ на это: «кабы я была не за твоимъ батькой, я бы замужь за тебя пошла!» Я, знаешь, голова, и разсмѣялся. «Что, песъ, говоритъ, смѣешься? а то, дуракъ, може, не знаешь, что хоша бы родная мать у тебя была, такъ бы тебя не любила, какъ я тебя люблю!» — «На томъ, говорю, мамонька, покорно благодарю.» — «Ну, говоритъ, Петруша, никому, говоритъ, николи не говорила, а тебѣ скажу: твой старый батика заѣдаетъ мой молодой вѣкъ!» — «Это, мамонька, говорю, старуха надвое сказала, кто у васъ чей вѣкъ заѣдаетъ!» — «Да, говоритъ, ладно,

рассказывай! Нынче, говоритъ, батька тебя женить собирается; ты, говоритъ, не женись, лучше въ солдаты ступай, а не женись!» — «Что же, говорю, мамонька, я такой за обсъвокъ въ полкъ?» — «Такъ, говоритъ, протнѣвъ тебя здѣсь дѣвки нѣтъ, да и я твоей хозяйки любить не стану.» — «За что же, говорю, твоя нелюбовь будетъ?» — «А за то, говоритъ, что не люблю бабъ, у которыхъ мужья молодые и хорошіе.»

— Ты, однако, женился? — перебилъ я Петра.

— На! али испугаться и не жениться? — возразилъ онъ.

— По любви, или нѣтъ?

— Почему я знаю, по любви али такъ. Нашель у насъ, мужиковъ, любовь! Какая на роду написана была, на той, значить, и женился! — отвѣчалъ ужъ съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ Петръ.

Сергѣичъ подмигнулъ мнѣ.

— Не сказываетъ, сударь, а дѣло такъ шло, что на улицѣ взглянулись, на посѣдкахъ посидѣлись, а домой разошлись — стали жалость другъ къ другъ имѣть.

— Что за особливая жалость, голова, а извѣстно, дѣвку брать зазнаемо: высмотрѣвную, — отвѣчалъ Петръ еще съ большей досадою.

Русскій мужикъ не любитъ признаваться въ нѣжныхъ чувствахъ.

— А мачиха дѣйствительно не любила жены твоей? спросилъ я его.

— Нѣтъ, не любила, — отвѣчалъ онъ мнѣ коротко и обратился болѣе къ Сергѣичу. — Тутъ тоже, голова, какъ и судить: хоть бы бабъ моей супротивъ дѣ-

вокъ первые годы житье было не впримѣръ лучше, только то, братецъ ты мой, что все она мнѣ ея подводила! Вотъ тоже этакъ, въ отлучкѣ когда, на работѣ: «рубашекъ, говорить, тебѣ не послала, поклону не приказывала», и кажинный, голова, разъ, какъ съ работы воротиться, кажинный разъ такъ сдѣлаетъ, что я Катюшку либо прибраю, либо и зуботычню дамъ. Та, братецъ ты мой, терпѣла, терпѣла да и стала говорить: «За что ты, говорить, меня тиранишь? Это, говорить, оттого, что у тебя любовница есть». — «Какая, говорю, любовница?» — «Бочариха», говорить. Ну, и тоже грѣха не утаишь: въ парняхъ съ Бочарихой гулялъ, только то, что года два, почестъ, ее и въ глаза ужъ не видалъ. «Кго это тебѣ, говорю, сказывалъ?» Сначала, голова, не открывала, а тутъ говоритъ: matka сказывала, слышь!

— Такъ, такъ, сомущали, значитъ. — подтвердилъ Сергѣичъ.

— Еще, какъ голова, сомущали-то, — продолжалъ Петръ. — Вышла мнѣ такая оказія, братецъ, въ Кострому идти работать, — ладно. Только передъ самымъ моимъ этимъ отходомъ, Федоска такую штуку подвела, слышь: сложила, ужъ будто-бы Катюшка съ пзвощикомъ Гришкой, — знавалъ, може? — что будто-бы, братецъ ты мой, Катюшка бѣгала безъ меня къ маткѣ на праздникъ; весь народъ по улицѣ гулялъ, а они съ Гришкой ушли въ лѣсъ по черницу. Дѣло-то, знаешь, на отходъ было, вынивши; я на Катюшку и взѣлся, а она стала съ глупа-то браниться: пошто пью. Я и прибилъ ее, и шибко прибилъ. Что же, голова, ослесля узналъ? Катюшка,

слышь, и на праздникъ къ маткѣ не ходила. Стало мнѣ ее, голова, хошь и бы жалко. Какъ пришелъ въ тѣ поры въ Кострому, сейчасъ купилъ ей ситцу на сарафанъ, два плата, босовики и послалъ съ ходокомъ. И ты, братецъ ты мой! и пошла у нихъ изъ-за этого пановщина: дѣвки позавидовали, обозлились на Катюшку, матка тоже пуще всѣхъ, и къ батькѣ съ жалобой. «Вотъ, говорятъ, онъ какой: онъ ни мнѣ, ни дѣвкамъ твоимъ по наперсточку не присылывалъ, а все въ женинъ сундукъ валить.» Батка, извѣстно, осерчалъ, говоритъ Катюшкѣ: «Поди, принеси наряды, что мужъ прислалъ». Ну, та, голова, молода еще была, глупа, нарядиться тоже охота, взяла будто пошла за нарядами, да къ маткѣ и убѣжала, тамъ ихъ и спрятала, а сама домой нейдетъ, боится. Батка, однако, оттоль ее ссягнулъ и бить прибирается: давай, да и только, наряды! И отняли такимъ манеромъ: матка взяла себѣ босовики и сарафанъ, а дѣвки по плату раздѣлили.

— Какъ же батка могъ взять твои подарки у жены?—спросилъ я Петра.

Онъ посмотрѣлъ на меня, какъ бы удивясь моему вопросу.

— Заведенье у насъ, государь мой милостивый, по крестьянству такое,—отвѣчалъ за него Сергѣичъ:— ежели теверича муженекъ хозяйкѣ что посылаетъ, такъ и дому всему долженъ послать. Коли, примѣрно, бабѣ сарафанъ, такъ маткѣ шаль, а сестрамъ по плату али сережки. Это ужъ нельзя: не порядокъ, значить, будетъ, коли теверича промышленникъ въ домъ сталъ только супружницу обряжать да наря-

жать; а другимъ бы, хоть бы дѣвкамъ али маткѣ, гдѣ взять? За косулей да за коровами ходючи, не много нарядишься. Хоть бы и Петръ Алексѣичъ по сердцамъ это сдѣлалъ.

— Вѣстимо, что по сердцамъ, — отозвался Петръ. — Въ тѣ поры, какъ воротился, Катюшка тоже все мнѣ это говорятъ; я такъ, братецъ ты мой, и положилъ: плюнуть, отступиться; только то вижу, голова, что бабенкѣ ни за што, ни про што, житья нѣтъ: на работѣ моромъ морятъ, а по ихнему все спитъ, дѣлаетъ все не такъ да неладно — дура да затрапезница, больше и клички нѣтъ. Наложили, братецъ ты мой, тѣмъ временемъ у насъ въ вотчинѣ бревенъ по полсотнѣ съ тягла, — ладно. Батька, извѣстно, присудилъ, чтобъ это справилъ я; а чтобъ, примѣрно, не медлить дѣломъ, сваливши бревно, сучья обрубить и подсобить его навалить на колеса — шла бы въ лѣсъ Катька моя. Бабенка той порой была, голова, насносѣ. Я батькѣ и говорю: «Какъ, я говорю, батька, тяжелой бабѣ съ бревнами возиться? Ну, какъ, я говорю, надорвется, да какой грѣхъ выйдетъ?» — «Что-ста, говоритъ, али мнѣ изъ-за васъ околѣвать въ лѣсу?» — «Я, говорю, батька, самъ собой этого дѣла не обѣгаю; а что таперича для спорыньи, пожалуйста, пошли хоть старшую сестру со мной, а хозяйку мою побереги; и, говорю, заслужу вамъ за это». Батька ничего, голова, пробунчалъ только маненько, а Федоска и слѣзаетъ съ голбца: «Наши дѣвки, говоритъ, про васъ не работницы, вы-ста, говоритъ, съ своей толсторожей хозяйкой только даромъ хлѣбъ ѣдите!» «Какъ, я говорю, matka, мы даромъ хлѣбъ ѣдимъ?

За что, про что ты насъ этимъ попрекаешь? Я со всего дома подушную оплатилъ, за себя оброкъ предоставилъ; теперь, говорю, за батьку и задѣльничаю; а хоша бы и хозяйка моя, за тебя же круглый годъ на задѣлье обгала; какъ же, я говорю, такъ: мы у васъ даромъ хлѣбъ ѣдимъ?» Заругалась, заплевалась, голова, и все на Катьку больше: «Ты, говоритъ, мужа сомущаешь, а онъ того не знаетъ, что ты и то и се, съ тѣмъ и другимъ», — выходитъ, Катька гуляетъ? Ну та, братецъ ты мой, на всю избу этакъ срамить, заплакала. «За что, говоритъ, мамонька, ты противъ хозяина такъ меня губишь?» Я тоже, братецъ, не стерпѣлъ. «Что же, я говорю, Федосья, и выругалъ ее — согрѣшилъ грѣшный — долго ли, выходитъ, мы должны отъ тебя обиды принимать? Вы, я говорю, у хозяйки моей, словно разбойники какіе, всѣ наряды обобрали, морите бабу на работѣ, куска ей не уболите съѣсть, какъ надо, да еще поносишь этакими словами, а по правдѣ, може-быть, не Катька моя, а ты сама такая!» И ты, братецъ ты мой! и батька поднялся, будто за наряды, что о нарядахъ помянулъ, и драться, голова, лѣзеть. Я, повиннымъ дѣломъ, руки-то маненько ему и пѣпридержалъ! еще пуще старикъ обозлился, сгребъ, голова, меня за шиворотокъ и прямокъ бурмистру въ сборную стащилъ. Такъ и такъ, сынъ буинствуетъ. Тотъ мнѣ сейчасъ плюхи двѣ далъ и приказываетъ, чтобъ я батькѣ въ ноги поклонъ. Я въ ноги поклониться — поклонился, да бурмистру и говорю: «Батькѣ, говорю, Иванъ Васильичъ, я завсегда покорствую; а что теперича мы всѣ пропадаемъ изъ-за мачихи; хозяйка моя на работѣ из-

маяна, словомъ обругана. Може, вы теперь мнѣ до-
вѣрья не сдѣдаете, такъ извольте, говорю, 'нашихъ
дѣвокъ, сестеръ моихъ, спросить: пускай онѣ передъ
образомъ скажутъ, что онѣ отъ нея понесли
да потерпѣли...» Ну такъ, вѣдь, тоже нашего
Ивана Васильича помнишь, чай: немного было
правды...

— Правда его была, кто больше чаемъ поить да
денегъ носить,—замѣтилъ Сергѣичъ.

Петръ кивнулъ въ знакъ согласія головой и про-
должалъ:

— Закричалъ на меня, голова: «Цыцъ! молви
еще слово противъ батьки — выхлещу!» и вонъ вы-
гналъ... Ладно разсудилъ... что мы, голова, опосля
того, съ хозяйкой притерпѣли — и Боже ты мой!
Батька не глядитъ, не смотритъ; въ большой избѣ,
видишь, тѣсно отъ насъ стало: поселили въ ко-
ровью, безъ полу, безъ лавокъ, вмѣстѣ съ телятами.
Если мы теперь съ бабой что-нибудь на работѣ
позамышкаемся, сейчасъ, голова, безъ насъ, совьютъ,
соберутъ и отобѣдаютъ; коли шей тамъ останется,
такъ Федоска въ лоханку выльетъ, чтобъ только
намъ не доставалось — до чего эхидствовала!..—Про-
говоря это, Петръ вздохнулъ, а потомъ, помолчавъ,
продолжалъ:—кабы не это дѣло, пошто бы мнѣ съ
батькой дѣлиться, на грѣхи эти идти? Старика обо-
рвалъ п себя надорвалъ!

— Какъ, другъ сердечный, не надорвать!—воз-
разилъ Сергѣичъ:—не даромъ поговорка идетъ:
«врагъ захотѣлъ — братья въ раздѣлѣ!» Хотѣли,
значить, милліоны нажить, а стали по-міру ходить...
Помню я суды-то ваши съ родителемъ передъ ба-

риномъ, какъ еще смѣлости вашей хватило идти до него по этому дѣлу?

Петръ отвѣчалъ на это только вздохомъ.

— Что-жь, развѣ у васъ баринъ строгій?—сказалъ я.

— Нѣтъ, государь милостивый,—отвѣчалъ Сергѣичъ: — строгости особливой нѣтъ, а извѣстно, что... дѣло барское, до дѣловъ нашихъ, крестьянскихъ, доподлинно не доходило; не всѣ, вѣдь, этакіе господа, какъ твой покойный папенька былъ: съ тѣмъ, бывало, говоришь, словно со своимъ братомъ: все до послѣдней нитки по крестьянству зналъ: ну, а нашъ баринъ въ усадьбу тоже наѣзжаетъ временно, а мужики наши — глупой, вѣдь батюшка, народецъ, и полѣзутъ къ нему со всякими нуждами, правыми и неправыми, такъ тоже въ какой часъ попадутъ; въ иной все смирно да ласково выслушаетъ, а въ другой, пожалуй, еле и ноги уpletутъ — да!

— Горячъ ужь больно, кричать такой здоровый.. — замѣтилъ Петръ.—До барина бы, кажпсь, тѣмъ дѣломъ я прямо и не пошелъ, прахъ все возьми: гдѣ тутъ съ нимъ разговаривать! Да онъ съ молодой барыней тѣмъ лѣтомъ пріѣхалъ... меня заставили тутъ съ другимъ парнемъ въ саду заборъ новый дѣлать. Она, голова, по саду гуляетъ, къ намъ подходитъ, разговариваетъ. «Есть ли, говоритъ, у тебя жена?» спрашиваетъ меня, слышь.—«Есть, говорю, барыня.»—«Любишь ли ты, говоритъ, ее?»—«За что, говорю, не любить! не чужая, а своя, только, говорю, барыня, хоть бы ты за насъ заступлась, а то намъ съ хозяйкой отъ стариковъ въ дому житья нѣтъ; теперь, говорю, у бабенки моей малый

грудной ребенокъ, грудью покормить почестъ-что и некогда: все на работѣ, а молока не даютъ; одна толоконная соска, и та еще коли не коли въ ротъ попадетъ.»—«Ахъ, говоритъ, какъ же это, маленькому нѣтъ молочка. Папаша! папаша!» кричитъ, голова, барина,—мужа батькой обзываетъ, слышь!

— Обзывала, обзывала, и я слыхалъ.—подтвердилъ Сергѣичъ.

— Мужа батькой кличетъ!—отозвался Матюшка и засмѣялся.

— Баринъ, голова, подходитъ,—продолжалъ Петръ.—«Ахъ, говоритъ, душечка, папашечка; вонъ у этого мужичка маленькій ребенокъ: у нихъ нѣтъ молочка; вели ему сейчасъ дать отъ меня корову, пожалуйста.»

— У ней у самой, другъ сердечный, маленькій барчикъ былъ: ну, такъ она, значить, по себѣ и прикидывала, жалѣла,—замѣтилъ Сергѣичъ.

— Не знаю, къ чему ужъ она прикидывала,—отвѣчалъ Петръ и снова продолжалъ:—баринъ, голова, брякнулъ, знаешь, на меня по своему: «Какъ говоришь, у тебя коровы нѣтъ? пропилъ, каналъ!»—«Ничакъ нѣтъ-съ, говорю; домъ у насъ заправной. Изъ-за мачихи мы пропадаемъ; въ раздѣлъ бы намъ, говорю, охота, а то батька въ раздѣлъ не пускаетъ и при домъ не держитъ, какъ надо». Онъ маненько и смаявъ. «Хорошо, говоритъ, приходите ко мнѣ завтра съ отцомъ: я васъ разберу». Я, голова, пришелъ домой; говорю батькѣ: «Къ барину, говорю, батька, насъ съ тобой завтра требуютъ».—«Пошто?» говоритъ; слышь, испугался старикъ. «Жаловался, что ли, ты, разбойникъ, на меня?»—«Нѣтъ, говорю, батька, что жаловаться! въ отдѣлъ только просился;

у тебя семья своя, у меня своя, что намъ на грѣхъ жить!» Батька и заплакалъ, слышь; ну, старый ужь человекъ былъ, извѣстно! «Богъ съ тобой, говоритъ, Петруша, поилъ, кормилъ я тебя, а ты, говоритъ, теперь, я старый да хворый, хошь меня покинуть». Мнѣ стало жаль его, голова. «Что, говорю, тятенька, кидать мнѣ тебя, кабы не твоя Федосья Ивановна». — «Полно, говоритъ, Петрушка, поживи со мной, все будетъ хорошо». Такъ мы и порѣшили, голова, на томъ. Только на утро, братецъ ты мой, старикъ ужь другое порегъ. «Мнѣ-ста, говоритъ, тебя, супротивника, не надо: ступай отъ насъ вонъ; пойдемъ къ барину». — «Пойдемъ», говорю. Пошли. Приходимъ. Баринъ, должно, голова, стороной слышалъ что-нибудь: на меня этакъ посмотрѣлъ — ничего, а на батьку взмахнулъ глазами: «Говорите!» говоритъ. Стали мы говорить; плели, плели, братецъ ты мой, всѣхъ и куриць-то припутали, я-то еще говорю, словно бы какъ и дѣло, а батька и понесъ, голова, на меня: и пьяница-то я, и воръ, и мошенникъ. Я ему и говорю: «Не грѣхъ ли, говорю, батька, тебѣ эго говорить?» Баринъ тоже слушалъ, слушалъ насъ, да какъ крикнетъ на батьку: «Ахъ ты, говоритъ, старый хрѣнъ, съ сѣдой бородой, взялъ молодую жену, да дѣтей всѣхъ на нее и промѣнял! Сейчасъ, говоритъ, старая лисица, плуть, отдѣлить парня, а съ твоей супружницей я еще перевѣдаюсь. Я ей дамъ кутить да мутить въ семьѣ!» И пошелъ, голова!... Тутъ лакей подвернулся — на того; барыня пришла: «Что ты, говоритъ, душечка, сердисься и себя не бережешь!» и на ту затопталъ. Мы съ батькой ужь ничему и не рады, драго изъ

горницы, и до избы еще, голова, не дошли, смотримъ: два дворовые парня нашу Федосью Ивановну ведутъ подъ ручки...

Сергѣичъ засмѣялся.

— Ступай, значить, Варвара, на расправу: такъ ее, бестію, и надо,—проговорилъ онъ.

— Воротилась, голова, домой и прямо на печку, — продолжалъ Петръ:—ничего ужъ и не говоритъ, только проохиваетъ. Смѣхъ и горе, братецъ ты мой!

Сергѣичъ продолжалъ улыбаться.

— А что, я словно забылъ, міромъ васъ дѣлили, али такъ разошлись по себѣ?—спросилъ онъ.

— Коли, братецъ ты мой, мужики по себѣ разойдутся!—отвѣчалъ Петръ:—когда еще это бывало? Последняго лыка каждому жалко: а мы съ батькой развѣ лучше другихъ? Прикидывали, прикидывали — все ни ему, ни мнѣ неладно, и пошли на міръ... Ну, а міровщину нашу тоже знаешь: весь разумъ и совѣтъ идетъ изъ дяконовскаго кабака. Батка, известно, съѣздилъ туда по приказу мачихи, ведро, другое въ сѣняхъ, въ сборной, выставилъ, а мнѣ, голова, не то, что ведро вина, а луковицы купить было не на что.

— Такъ, такъ; по тебѣ, значить, и мало говорпли?—замѣтилъ Сергѣичъ.

— А такъ по мнѣ говорпли: худъ ли, хорошъ ли я, а все въ домѣ, коли не половинникъ, такъ третивикъ былъ; а на міру присудили: хлѣба мнѣ — ржи только на ѣжу, и то до Спасова дня, слышь; а ярогаго и совсѣмъ ничего, худо тѣмъ годомъ родилось; изъ скотины — телушву недоиную, бычка-годовика да овцу паршивую; на житье отвели, почестъ, безъ

угловъ баню — разживайся, какъ хошь, словно послѣ пожара вышель; изъ одежи-то, голова, что ни есть, и того какъ слѣдуетъ не отдали: сибирочка тоже синя была у меня и кушакъ при ней астраханскій, на свои, голова, денежки до копѣйки и заводилъ все передъ свадьбой, и про ту старикъ, по мачихину наущенью, закрестился, забожился, что отъ него шло — такъ и оттягалъ.

Сергѣичъ качалъ головою.

— Бревенъ, братецъ ты мой, было у меня на рублено триста съ полсотней, — продолжалъ Петръ: — сталъ этихъ я бревенъ у батьки просить на обзаведенье, по крайности сухія — и того старикъ не далъ; руби, значить, съизнова, и изъ сыраго лѣса. Строить тоже принялся: прихватить хошь бы какого плотничиска не на што, такъ съ одной хозяйкой и выстроилъ. Срамоты-то одной, голова, ни за што бы не взялъ; я сижу на одномъ углѣ, а баба на другомъ: потяпываетъ, какъ умѣетъ; а ужъ какъ свою-то спину нагнулъ да надломилъ такъ... — тутъ Петръ остановился и махнулъ рукой.

— Покойный родитель твой, — началъ Сергѣичъ: — былъ благопріятель мой, самъ знаешь, а не скажу по немъ: много противъ тебя грѣха на душу принялъ.

— Нѣтъ, братецъ, не то, — возразилъ Петръ: — дѣло теперь прошлое, батьку мнѣ грѣхъ помянуть много лихомъ; не со зла старикъ дѣлалъ, а такое, видно, навожденіе на него было.

— Эхъ, другъ сердечный, — возразилъ въ свою очередь Сергѣичъ: — да развѣ на немъ одномъ эти при-

мѣры? Старому мужику молодую бабу въ домъ пр-вести — семью извести.

Я видѣлъ, что Сергѣичъ и Петръ такъ разгово-рились, что ихъ не надобно ужъ было спрашивать, а достаточно было предоставить имъ говорить самимъ, и они многое рассказывали бы; но мнѣ хотѣлось направить разговоръ на предметъ, преимуще-ству меня интересовавшій, и потому я спро-силъ:

— Тебя мачиха твоя, вѣроятно, и испортила?

Петръ, вмѣсто отвѣта, кивнулъ мнѣ головой.

— Какимъ же образомъ она тебя испортила?

Петръ посмотрѣлъ на меня съ насмѣшкой и отвѣ-чалъ съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ:

— Да я почему знаю! Какой ты, баринъ, право!

— Что-жь такое?

— Да какъ же! Сбави ему, какъ портятъ? Я не колдунъ какой.

— Почему-жь ты думаешь, что тебя испортили?

— Перестань-ка: разговаривать что-то съ тобой неохота; больно ужъ ты любсытень! — отвѣчалъ Петръ съ досадою.

Предыдущій разговоръ замѣтно возбудилъ въ немъ желчное расположеніе.

— Не собою, государь милостивый, узналъ, — вмѣ-шался хитрый Сергѣичъ, видѣвшій, что мнѣ любо-пытно знать, а Петръ не хочетъ отвѣчать и начи-наетъ сердиться: — самому гдѣ какое дѣло узнать! — про-должалъ онъ: — тоже хворалъ, хворалъ, значитъ, и выискался хорошій человекъ — да! — сказалъ, какъ и отчего.

— Кто-же это такой хорошій человекъ? — спросилъ я.

— Колдунъ у насъ, батюшка, былъ въ деревнѣ Печурахъ, — отвѣчалъ Сергѣичъ: — такъ прозывался «печурскій старичище».

— Плутомъ, голова, въ народѣ обзывался, а мнѣ все сказалъ, — перебилъ Петръ.

— Плутъ ли тамъ, али нѣтъ, кто про то знаетъ? — возразилъ Сергѣичъ: — а что старикъ былъ мудрый, это что говорить! Что, вѣдь, народу къ нему ѣздило всякаго: и простаго, и купечества, и господъ — другой тоже съ болѣстью, другой съ порчей этой, иной погадать, гдѣ пропащее взять, или поворожиться, чтобы съ женой подружиться. И такое, государь, заведенье у него было, — продолжалъ онъ, обращаясь ко мнѣ: — жилъ онъ тоже бобылькомъ, своимъ домкомъ, въ избушкѣ, далече отъ селенья, почестъ-что на полѣ: и все калитка назаперти. Теперича, другое иное время, народъ видитъ, что онъ подъ окошечкомъ сидитъ, лапотки поковыриваетъ, али тамъ около печки кряхтитъ, стряпаетъ тоже кое-что про себя; а какъ кто, сударь, подѣхалъ, онъ калитку отперъ и въ голбецъ сейчасъ спрятался; ты, примѣрно, въ избу идешь, а онъ оттолъ изъ голбца и лѣзетъ: сѣдой, старый, бородачи нечесанная; волосищи на головѣ какъ овинъ, носъ красный, голощище спидый. Я тоже старшую сношку посылалъ къ нему: овцы у насъ запропали; такъ въ избу-то войдти вошла, а какъ увидѣла его, взвизгнула и бѣжать — испугалась, значить. И кто бы теперь къ нему ни пришелъ, сейчасъ и ставъ штофъ вина, а то и разговаривать не станеть: ломъ былъ такой пить, что на удивленіе только!

— Штофъ } купить не разоренье, — возразилъ Петръ:— я тѣмъ временемъ въ Галичѣ рублевъ полтора раста пролечилъ; бралъ-бралъ у Пузича денегъ, да и полно! Дошелъ до того, голова, ни хлѣба въ домѣ, ни одежи ни на себѣ, ни на хозяйкѣ; на работу силы ни какой не стало; голодный еще кое-какъ маешься, а какъ поѣлъ, смерть да и только: у сердца схватить, съ души тянетъ; бывало, иной разъ на работѣ, али въ полѣ, повалишься на лугъ, да и катаешься часъ-два, какъ лошадь въ чемерѣ. Не смогъ, братецъ ты мой, до Печурь-то дойти, хозяйкѣ велѣлъ ужь телегу заложить, повалился словно пласть; до чего бы дошелъ, и Богъ вѣдаетъ. Пріѣхали въ тѣ поры къ нему; хозяйка подала ему полштофчика, вылилъ, голова, въ ковшикъ, выпилъ сразу и тутъ же воровить сталъ. «Поди, говоритъ хозяйкѣ, почерпни въ этотъ ковшикъ въ сѣняхъ изъ кадки воды; вино, говоритъ, не споласкивай, а такъ и черпай, какъ я пилъ». Принесла та, братецъ ты мой: онъ подаль мнѣ: «гляди, говоритъ, отъ кого твоя болѣсть идетъ»; тутъ, голова, мачиху мнѣ въ водѣ и показалъ.

— Какъ же ты въ ковшѣ ее и видѣлъ?—спросилъ я.

— Въявь, словно въ зеркалѣ, —отвѣчалъ Петръ.

— Полно, Петръ; ты это думалъ, такъ тебѣ такъ и показалось,—сказалъ я.

— Ну да, показалось. Вы, баря, все не вѣрите; больно ужь умны! Не пьяному показалось: у меня, въ тѣ поры, не то что вина, куска во рту не бывало. Смотрю, голова, и вижу. «Видишь-ли?» говоритъ онъ мнѣ. — «Вижу, говорю, дѣдушка». — «Ну, братъ, ладно, говоритъ, что на меня наскочилъ. Твой лихой человекъ себя на сорока травахъ загово-

рилъ, никто бы тебѣ, окромя меня, не открылъ бы его.»

— Осилить, значить,—замѣтилъ Сергѣичъ.

— Осилить, голова. «Я, говорить, знаю пятьдесятъ-три травы; теперь, говорить, клади на столъ сколько денегъ привезъ, а тутъ и скажу, что надо». Хозяйка, голова, положила четвертакъ—удовольствовался.

— Капиталы не жадный былъ копить: вино чтобъ было только пить, а денегъ сколько-нибудь дай — доволенъ,—замѣтилъ Сергѣичъ.

— Какое, голова, жадный! взять, хоша бы тутъ четвертакъ, и все сдѣлалъ. «Теперь, говорить, ступай ты домой, слышь? Пять зорь умывайся росой, на шестую зорю ступай къ третьимъ отъ здѣшняго селенья воротцамъ, и иди ты все вправо, по перегородѣ; тутъ ты увидишь, что всѣ колья, что подпирають, нескобленные; одинъ только колъ скобленный; ты этотъ колъ переруби, обкопай его кругомъ и найдешь ты тутъ ладанку, и на этой ладанкѣ наговоръ противъ тебя и сдѣланъ».

— Онъ, вѣроятно, самъ этотъ колъ и воткнулъ,—сказалъ я.

Петръ разсердился.

— Да, да, разсудилъ, какъ размазалъ!—возразилъ онъ.—Вотъ онъ тоже этакого хватика баринка, какъ ты — тотъ тоже все смѣялся да не вѣрилъ, такъ онъ такъ ему отшутить, что хозяйка опосля любить и не стала, да и въ люди еще пошла.

— Было, было это дѣло,—подтвердилъ Сергѣичъ, — а теперича,—продолжалъ онъ, обращаясь ко мнѣ: жолн свадьбы облизъ его были, всѣ ужъ забезпремѣнно

звали его да угощали, а то на вѣкъ жениха не челоуѣкомъ сдѣлаетъ...

— Да что, голова, — перебилъ Петръ, — нять лѣтъ, вѣдь, братецъ ты мой, я ходилъ и колъ этотъ видѣлъ, только ничего не помекалъ на него. Всю перегороду опосля хозяйка обѣжала: всѣ колья на подборъ нескобленные, одинъ только онъ оскобленный. Для ча?... для какой надобности?..

— Такъ ужь, видно, надо имъ было, — возразилъ Сергѣичъ.

— А окромя кола, — продолжалъ Петръ: — все, до послѣдней малости, нашелъ по его сказанью, какъ по писаному. «Какъ, говоритъ, ты эту ладанку съищешь, въ ней, говоритъ, бумажка зашита — слышь, Бумажку эту ты вынь и дай кому хошь грамотному прочесть, и какъ, говорятъ, тебѣ ее прочитаютъ, ты ее часу при себѣ не оставляй, а пусти на вѣтеръ отъ себя». А про ладанку, братецъ ты мой, сказалъ: «Перелѣзь, говоритъ, ты черезъ огородъ и закопай ее на какомъ хошь мѣстѣ и воткни новый колъ, оскобленный, и упри его въ перегороду; пять зорь опосля того опять умывайся росой, а на шестую ступай къ перегородѣ: коли коликъ твой не перерубленъ и ладанка тутъ — значитъ, весь заговоръ ихъ пропалъ; а колитвое дѣло попорчено — значитъ, и съ той стороны сила большая». Все сдѣлалъ, голова, по его: однако на шестую зорю пришелъ: колъ мой перерубленъ, и вся земля кругомъ взрыта, словно медвѣдь съ убойной возился.

— Осердились, значитъ! — проговорилъ Сергѣичъ.

— То-то, видно, не по нраву пришлось, что дѣло ихъ узнаю, — отвѣчалъ Петръ; потомъ, помолчавъ,

продолжалъ:—удивительнѣе всего, голова, эта бумажка: въ ней было всего только четыре слова: *напади тоска на душу раба Петра*. Какъ мнѣ ее, братецъ, одинъ человекъ прочиталъ, я всталъ подъ вѣтромъ и пустилъ ее отъ себя—такъ, голова, съ версту летѣла, изъ глазъ-на-ли пропала, а на землю не падаетъ.

Проговоривъ это, Петръ задумался. Нѣкоторое время разговоръ между ними прекратился.

— Я все, другъ сердечный, дивуюсь, — началъ Сергѣичъ глубокомысленно: — отъ кого это ваша Федосья науки эти произошла! По нашимъ мѣстамъ, окромя этого старичищи, не отъ кого заняться.

— Э, голова, нѣтъ, не то!—возразилъ Петръ: — я ужь это дѣло опосля узналъ, у нихъ въ роду это есть.

— Въ роду? вотъ тѣ что! — воскликнулъ Сергѣичъ.

— Да, въ роду, — продолжалъ Петръ.—Може не помнишь ли ты, отъ Пареевья старушонка къ намъ въ селенье переѣхала, нашей Федоскѣ сродственница? Ну, у насъ въ избѣ, братецъ ты мой, и поселилась, на голбцѣ у насъ и околѣла — въ тѣ поры никому невдомекъ, а она была колдунья сильная...

— Вотъ тѣ что!... — повторилъ еще разъ Сергѣичъ.

— Батька, ты думаешь, спроста женился? — продолжалъ Петръ: — какъ бы, голова, не такъ! Самъ посуди: старику былъ шестой десятокъ, пять лѣтъ вдовствовалъ, дѣвки на возрастъ, я тоже въ подросткахъ не малыхъ—пошто было жениться?

— Еще какъ, другъ сердечный, пошто-то! — замѣтилъ Сергѣичъ.

— Вдругъ, голова, пожила у насъ Федоска лѣто въ работницахъ, словно сблаговаль старикъ, говорить: «я еще въ порѣ, мнѣ безъ бабы не жить!» Такъ возьми ровню; мало ли у насъ въ вотчинѣ вдовъ пожилыхъ! А то, голова, взялъ изъ чужой вотчины дѣвку двадцати лѣтъ, въ тѣ поры скрылъ, а опосля узналось; двѣсти-пятьдесятъ выкупу за нее далъ — отъ какихъ, паря, денегъ!....

Сказавъ это, Петръ опять впалъ въ раздумье.

— Что-жь, тебѣ лучше стало послѣ, какъ ты былъ у старичищи? — спросилъ я его.

— Лучше не лучше, по крайности живъ остался, — отвѣчалъ онъ.

— Ты, однако, Петръ Алексѣичъ, долго про нее не сказывалъ да не оказывалъ! — сказалъ Сергѣичъ.

— Я ее совсѣмъ не оказывалъ, такъ и скрылъ: батьку все жалѣлъ, — отозвался Петръ, не измѣняя своего задумчиваго положенія.

— Да, — продолжалъ Сергѣичъ: — отдастъ эта бабенка отвѣтъ Богу: много извела она народу; какое только ей будетъ на томъ свѣту наказанье?

— А развѣ она и кромѣ еще Петра портила? — спросилъ я.

— Ай, сударь, какъ не портила! — отвѣчалъ Сергѣичъ: — теперича, первая вотъ хозяйка его стала кворать да на нее выкликать. Была у насъ дѣвушка, Варюшка Нивитина, гулящая этакая дѣвчонка: ту,

по ревности къ дьяконскому цаловальнику, испортила.

— А брата-то роднаго извела! — сказала Петръ. — И за что вѣдь, голова, самъ мнѣ сказывалъ: въ Галичѣ они тоже были; она и говоритъ: «сведи меня въ трактиръ, попой чайкомъ!» Тому, голова, было что-то некогда. «Нѣту, говоритъ, опосля!» Она обозлилась. «Ну, ладно же, говоритъ: помни это!» И тутъ же, голова, и испортила: какъ пріѣхалъ домой, такъ и ухватило. Маялся, маялся съ мѣсяць, дѣлать нечего, пошелъ къ ней, сталъ ей кланяться: «матушка сестрица, помилуй!» — «А! говоритъ, — братецъ любезный, ты въ тѣ поры двугривеннаго пожалѣлъ, а теперь бы и сто рублей заплатилъ, да поздно!»

— Слышалъ и про это дѣло, — подтвердилъ Сергѣичъ: — слава Богу, — присовокупилъ онъ, — что на поселенье-то ее сослали, а то бы она еще не то бы натворила.

Петръ на это ничего не отвѣчалъ и только вздохнулъ.

— Какимъ образомъ и за что именно сослали ее? — спросилъ я.

— Сослали ее, государь милостивый, — отвѣчалъ Сергѣичъ: — вотчина того пожелала: первое, что похваляться стала она на барина, что барина изведеть, пошто тогда ее поучили маненько.... Тебя, вѣдь, Петръ Алексѣичъ, не было въ тѣ поры, безъ тебѣ всѣ эти дѣла-то произошли, — прибавилъ онъ, обращаясь въ Петру.

— Безъ меня!... Воротился тогда съ заработка, прошелъ мимо родительскаго дому; словно выморочный — и ставни заколочены; батьба померъ, дѣвокъ

во дворъ взяли, а ее сослали! — отвѣчалъ Петръ съ какой-то тоской и досадою.

— Такъ, такъ! — продолжалъ Сергѣичъ; — на какихъ-нибудь недѣляхъ все это и сдѣлалось. Я тутъ тоже согрѣшилъ, грѣшный, маненько докащикомъ былъ, за Серезку-то больно злоба была моя на нее, и те-перича, слышавши эти ея слова про барина, слышавши, что, окромя того, селенье стращаетъ выжечь, я, прошлымъ дѣломъ, до бурмистра ходилъ: «это, говорю, Иванъ Васильичъ, какъ ты хошь, а я тебѣ заявлю, это не хорошо; ты и самъ не правъ будешь, коли что случится — да!» Съ этихъ моихъ словъ и пошло все. Бурмистръ тоже поопасился: становому заявилъ. Тотъ сейчасъ наѣхалъ и обыскъ у ней въ домѣ сдѣлалъ: такъ однѣхъ травъ, сударь, у ней четыре короба нашли, а что камушковъ разныхъ — этакихъ мы и не видывали; земли тоже всякой: видно, все изъ подъ слѣдовъ человѣческихъ. Стали ее опрашивать, какія это травы? «не знаю». чья земля? «не знаю... пошто она у тебя? «не знаю» Только и отвѣту было. Хошь бы въ словѣ проговори-лась. Двои сутки съ ней становой бился, напоследокъ говоритъ бурмистру: «Что, говоритъ, съ ней, бестіей, дѣломъ вести! Какъ на нее докажешь? Пиши барину; онъ лучше распорядится.» Такъ тотъ и описалъ. Баринъ и приказываетъ сослать ее на поселенье, коли мѣръ приговоритъ. Тутъ она и сробѣла, и чего ужъ не дѣлала. Боже ты мой! И виномъ-то поила, и денегъ сулила — ништо ни взяло: присудили!

— Въ острогъ-то какъ она сидѣла, — началъ Петръ, — я тоже проходилъ мимо Галича, зашелъ къ ней; калачикъ принесъ, запалала, братецъ ты мой. «Не

была бы, говоритъ, я въ этомъ мѣстѣ, кабы не одинъ человекъ: не пошла бы я, говоритъ, за этимъ больно худымъ, кабы не хотѣла его приворожить, въ сорока квасахъ ему пить давала—и былъ бы оно мой, да печурекій старичище моему дѣлу помѣшалъ». Только сказала: «Теперь, говоритъ, меня на поселенье ссылаютъ; только ты, Петръ, этому не радуйся: тебѣ самому не будетъ счастья ни въ чемъ. Кажинный часъ въ сердцѣ твоёмъ будетъ тоска и печаль.» И все, вѣдь, голова, правду сказала: што-што живешь на свѣтѣ! ничего не веселитъ, словно темной ночью ходишь. Ни жена, ни дѣти, ни работа, ни што не мило, и самъ себѣ словно ворогъ какой! Вотъ только и есть, какъ этой омеги проклятой стакана три огородишь, такъ словно отъ сердца что поотляжетъ.

Проговоривъ это, Петръ вздохнулъ и потомъ вдругъ поднялъ голову.

— Вудеть! баста!—сказалъ онъ:—пора ужинать. Барину, я вижу, любо наше калябанье слушать, а намъ все пѣтуховъ будить придется. Матюшка, дуракъ! подай шапку: вонъ лежитъ на бревнахъ.

Матюшка подалъ ему.

— Спасибо, —продолжалъ Петръ:—я тебя за это въ первый разъ, какъ хлестать стануть, за ноги поддержку, и ужъ крѣпко, не бойся, не вывернешься.

— Да за что меня хлестать стануть? —спросилъ Матюшка.

— И по-моему, братецъ, не за што! душа ты вроткая, голова крѣпкая,—проговорилъ Петръ и постукалъ Матюшку въ голову.—Вона, словно въ пустомъ овинѣ. Ничего, Матюха, не печалься. Проживешь ты

вѣкъ, словно кашу съѣшь. Маршъ, ребята!—заключилъ онъ вставая.

— За угощенье твое благодаримъ, государь милостивый,—сказалъ Сергѣичъ кланяясь.

— Да ты ниже кланяйся, старый хрѣнь! всю жизнь спину гнулъ, а не изловчился на этомъ!—подхватилъ Петръ, нагиная старикку голову.

Сергѣичъ засмѣялся, Матюшка тоже захохоталъ.

— Прощай, баринъ,—продолжалъ Петръ, надѣвая шапку.—Правда ли, дворовые твои хвастаютъ, что ты княги печатныя про мужиковъ сочиняешь?—привавилъ онъ приостановясь.

— Сочиняю, — отвѣчалъ я.

— Ой ли?—воскликнулъ Петръ.—Въ грамотѣ я не умѣю, а почиталъ бы. Коли такъ, братецъ, такъ сочини и про меня книгу, а о дѣдушкѣ Сергѣичѣ напиши такъ: «шестьдесятъ, молъ, восьмой годъ, слышь! ни одного зуба во рту, а за дѣвкамъ бѣгаетъ».

— Полно, балагуръ, полно! Пойдемъ ужинать, воли собрался! сказалъ Сергѣичъ, слегка толкнувъ Петра въ спину.

— Пойдемте,—отвѣчалъ тотъ и обнялъ одною рукой Матюшку.

Веселость Петра, впрочемъ, вспыхнула на минуту: онъ опять потушилъ голову. Всѣ они пошли неторопливо, и я еще долго смотрѣлъ имъ въ слѣдъ, глядя на нетвердую и заплетающуюся походку Сергѣича, на безпечную, но здоровую поступь кривоногаго Матюшки, наконецъ на задумчивую и сутуловатую фигуру Петра.

V.

Успеньевъ день — у насъ въ приходѣ праздникъ. Это можно ужь догадаться по тому, что кучеръ мой, Давыдъ, между нами сказать, сильный бахваль и большой охотникъ до парадныхъ выѣздовъ, еще въ семь часовъ утра, едва успѣвъ я встать, пришелъ въ горницу.

— Что тебѣ? — спрашиваю я.

— Изволите ѣхать молиться къ обѣднѣ, или нѣтъ-съ? Коли поѣдете, такъ лошадей надо припасти.

Собственно говоря, лошадей совершенно нечего припасать, а стоитъ только вывести изъ конюшни и заложить, и Давыдъ, я знаю, пришелъ спрашивать, чтобъ скорѣе успокоить свое ожиданіе на счетъ того, удастся ли ему проѣхать и пофорсить.

— Поѣду, — говорю я.

У Давыда отъ удовольствія кровь бросается въ лицо.

— Жеребцовъ, вѣдь, припасти? — спрашиваетъ онъ.

— Нѣтъ, братецъ, разгонныхъ бы, — говорю я.

— На разгонныхъ нельзя, вся ваша воля: разгонная лошадь совсѣмъ смучены; а что эти одры стоятъ только да овесъ ѣдятъ! Хошь мало-мальски промнутся, — возражаетъ Давыдъ съ вытянутымъ лицомъ, и я убѣжденъ, что одна мысль: ѣхать на разгонныхъ въ праздникъ—была для него мученьемъ.

— Ну, хорошо, на жеребцахъ поѣдемъ, — говорю я — только уговоръ лучше денегъ: въ сараѣ не

изволь ихъ муштровать и хлестать, а то они у тебя выскакиваютъ, какъ бѣшеные, и подѣзжая къ приходу, не скакать благимъ матомъ, а то, пожалуй, или себѣ голову сломишь, или задавишь кого-нибудь.

— Не извольте беспокоиться. Господи, Боже мой! не первый годъ ѣзжу! — говоритъ Давыдъ и потомъ, постоявъ немного, присовокупляетъ:

— Кафтанъ синій надо надѣть-съ?

— Конечно, — говорю я.

— Кушакъ тоже шелковый? — прибавляетъ онъ.

— Конечно, конечно, подтверждаю я, не понимая еще, къ чему онъ ведетъ этотъ разговоръ: синій кафтанъ и шелковый кушакъ находятся совершенно въ его распоряженіи.

— Вы, этта, изволили говорить, перчатки зеленныя купить мнѣ въ Чухломѣ.

— Ну, да! Что-жь?

— Не для чего покупать-съ... У Семена Яковлича еще послѣ папеньки вашего лежатъ кучерскія перчатки; не даетъ только безъ вашего приказанья, а перчатки важныя еще! — разрѣшаетъ, наконецъ, Давыдъ, къ чему онъ клонилъ разговоръ.

— Хорошо; скажи, чтобъ далъ, — говорю я.

И Давыдъ, очень довольный, отправляется. Надобно сказать, что онъ очень хорошій кучеръ и вообще малый трезваго поведенія и добраго нрава, но имѣетъ одну слабость: прихвастнуть и прихвастнуть не о себѣ, а все какъ-бы въ мою пользу. Вдругъ, напримѣръ, расскажетъ гдѣ-нибудь на станціи, на которой насъ обоихъ съ нимъ очень хорошо знаютъ, что я графъ, генералъ, и что у меня тысяча душъ, или ошибетъ какого-нибудь сосѣда-мужика, что у

дасъ двадцать жеребцовъ на стойлѣ стоять. Когда я бываю съ нимъ иногда въ городѣ и даю ему полтинникъ на чай, онъ этотъ полтинникъ никогда не издержитъ, но, воротившись домой, выброситъ его на столъ передъ своей семьей и скажетъ: «на-те-ста: только и осталось отъ пяти серебромъ баринова подареньца». Кромѣ этихъ внѣшнихъ достоинствъ, онъ любилъ меня украшать и внутренними, нравственными качествами; такъ, напримѣръ, припишетъ мнѣ храбрость неимовѣрную, въ рассказѣ такого рода, что разъ будто-бы мы ѣхали съ нимъ ночью и встрѣтили медвѣдя, и онъ, испугавшись, сказалъ: «баринъ, я пушу лошадей», а я ему на это сказалъ: «подержи немного, жалко медвѣжьей шкуры», и убилъ медвѣдя изъ пистолета; тогда-какъ я въ жизнь свою воробья не застрѣливалъ.

Послѣ Давыда начинаетъ являться прочая дворня проситься на праздникъ — обычай, который заведенъ былъ еще прадедами и который я поддерживаю, имѣя случай при этомъ дѣлать нестоимое число наблюдений. Первая является Александра скотница, очень плутоватая и бойкая женщина.

— Батюшка, Алексѣй Теофилактовичъ, позвольте на праздникъ-то сходить, — говоритъ она.

— Хорошо, ступай; только какъ коровы безъ тебя останутся? смотри!

— О коровахъ, батюшка, я баушку Алену просида: баушка походить. Какъ можно о скотникѣ не думать! Я о ней кажинный часъ жалѣю. И сегодня не пошла бы, да у тетки моей праздникъ, а у меня и родни-то на свѣтѣ: только тетка родная и есть — говоритъ она скороговоркой.

— Ступай,—говорю я, хоть и предчувствую, что она меня обманываетъ. Только-что Александра ушла, мимо оконъ по двору идетъ Андришка ткачъ, съ женой, очень смазливый малый, годъ назадъ женившійся на молоденькой и очень хорошенькой изъ врестьяннъ бабенкѣ, значить, еще *молодые* и оба, въ отношеніи меня, несмѣлые; они стоятъ нѣкоторое время на дворѣ и перекоряются, кому идти проситься; наконецъ, подходитъ къ огню молодая и кланяется.

— Здравствуй, милушка,—говорю я.

Она вся вспыхиваетъ.

— На праздникъ, что ли, хочешь идти?—спрашиваю я.

— Нешто, сударь, говорить она.

— Ну ступай.

— И хозяина ужъ пусти!—прибавляетъ она.

— Ступайте.

Она хочетъ идти.

— Да, постой,—говорю я:—у тебя грудной ребенокъ: какъ ты его оставишь?

— Пошто оставлять: съ собой возьму.

— Помилуй, ты измучишь и сама себя, и ребенка.

— Ой, ничего,—отвѣчаетъ она:—мало ли съ ребятами ходять, не одна я — ничего!

— Ступайте.

Она кланяется и опять краснѣетъ и, подходя къ мужу, говоритъ: «пустилъ!» Тотъ тоже издали мнѣ кланяется, и уходятъ оба. Комнатный человекъ мой Константинъ, сопутникъ съ десятилѣтняго возраста моей жизни, имѣющій обыкновеніе обращаться

со мной строго, приготовляетъ мнѣ бриться и одѣваться съ мрачнымъ выраженіемъ въ лицѣ. Ему тоже хочется на праздникъ, и онъ думаетъ, что не попадетъ; но я намѣренъ доставить ему это удовольствіе.

— Константинъ, ты велишь осѣдлатъ себѣ лошадь и поѣдешь со мной.

— Слушаю-съ, — отвѣчаетъ онъ голосомъ, необычно-суровымъ. — Старуха Алена пришла: просится тоже помолиться, — прибавляетъ онъ, умилившись сердцемъ отъ собственнаго удовольствія.

— Какъ же мнѣ дѣлать? ужь я скотницу отпустилъ, — воскликнулъ я. — Позовите старуху.

Старуха входитъ.

— Я вѣдь, старуха, скотницу Александру отпустилъ: она мнѣ наврала, что ты берешься посмотрѣть за коровами.

— Ну, батюшка, вся ваша воля, — отвѣчаетъ старуха покорнымъ, но укоризненнымъ тономъ: — круглый годъ изъ-за этой Александры Алексѣвны лба не перекрестишь. Она пошла пиво пить, а тебѣ и помолиться нельзя!

— Эй! кто тамъ? — кричу я: — скажите Александрѣ, чтобъ она не уходила; а ты, старуха, ступай.

— Гдѣ ужь, батюшка! не воротись ее: совсѣмъ-нарядная приходила къ тебѣ проситься; прямо изъ горницы и побѣжала; версть на пять теперь ужь ушла.

Мнѣ стало жаль старухи.

— На тебѣ двугривенный, что ты остаешься; а въ слѣдующее воскресенье я тебя на лошади отправлю Богу помолиться, — говорю я.

— Ой, батюшка! что это? Пошто? И такъ до-

вольны вашей милостью, — говоритъ она, впрочемъ, беретъ двугривенный пэгимъ, огчасти, успокоивается.

Я продолжаю смотрѣть въ окно: старикъ поваръ прошелъ, въ бѣлой манишкѣ моего подаренья; молодая горничная, еще наканунѣ завившая свои виски въ мелкія косички, а теперь расчесавшая ихъ, прѣбжала, какъ съумасшедшая, къ маткѣ въ избу. Ключница прошла въ погребъ, въ мериносовомъ платьѣ и въ шелковомъ, повязанномъ маленькой головкой, платочкѣ. Это штатъ барыни, и онѣ у нея, вѣроятно, отпросились. Я вижу даже, что у конскаго двора отчаянный Васька запрягаетъ имъ въ телегу лошадь, и самъ, никого не допуская, натягиваетъ супонь. Такимъ образомъ собирается почти вся дворня, за исключеніемъ развѣ дѣдушки Ѳадея: и тотъ остается потому, что съ печки слѣзть не можетъ. Впрочемъ, онъ только еще нынѣшній годъ не пошелъ, а прошлый ходилъ, но, не дойдя еще до прихода, свалился въ канаву и пролежалъ тутъ цѣлый день. Даже Семень, не смотря на свою флегматичность и безстрастность характера, остался очень доволенъ, когда я ему предложилъ, чтобъ и онъ тоже ѣхалъ. Никогда еще не замѣчалъ я въ немъ такой расторопности: не прошло пяти минутъ, какъ онъ уже сидѣлъ верхомъ на чадкѣ, въ спнемъ кафтанѣ и какой-то высокой бобровой шапкѣ, Богъ знаетъ отъ кого и какимъ образомъ доставшейся ему. Однако пора и мнѣ собираться: я одѣлся и вышелъ. Давыдъ, не смотря на мои просьбы и наставленія, распорядился по-своему: лошади, весьма добронравныя и хорошо прѣвзенныя, вылетѣли изъ сарая, какъ бѣшенныя, такъ-что онъ, повадившись совершенно назадъ, едва

остановилъ ихъ у крыльца. Я убѣжденъ, что онѣ жесточайшимъ образомъ нахлестаны; кромѣ того, коренную онѣ, по обыкновенію, взнуздаль бичевкой, чтобъ круче шею держала, а бѣднымъ пристяжнымъ притянулъ головы совершенно къ землѣ, такъ-что у нихъ глаза и ноздри налились кровью. Напрасно я возставалъ противъ этой его системы закладыванья; на всѣ мои замѣчанія онѣ отвѣчалъ: «господа всѣ такъ вздять, красивѣе этакъ!...» Въ настоящемъ случаѣ я ничего ужъ и не говорилъ, и только просилъ его, ради Бога, не гнать лошадей, а ѣхать легкой рысью: онѣ сначала какъ будто-бы послушался: но въ нашемъ же полѣ, увидѣвъ, что идутъ изъ Угробина двѣ молоденькія крестьянки, не могъ удержаться и, вскрикнувъ: «эхъ вы, миленькія!» понесся, что есть духу.

— Неужели ты, Давидъ, думаешь, что насъ молодцами за это сочтутъ? Напротивъ, дураками!—принимался я было ему втолковывать, но все напрасно! Подъѣзжая къ приходу, онѣ весь какъ-то ужъ изломался: шапку свернулъ на бекрень, самъ тоже перегнулся, возжи натянулъ, какъ струны, а между тѣмъ пошевеливаетъ ими, чтобъ горячить лошадей. День былъ свѣтлый; отъ прихода неся говоръ народа и раздавался благовѣсть во вся; по дорогѣ шло пропасть народу, и всѣ мнѣ кланялись.

— Матка, чей баринъ-то? — говоритъ одна старуха другой.

— Оплата Гаврилыча, матка, сынъ, али не узнала? — отвѣчаетъ ей та.

— Ну вотъ, какой хорошій да пригожій! — говоритъ первая старуха.

На худой лошаденкѣ, которыя обыкновенно называются вертохвостками, гарцуетъ нѣкто Ѡомка Козыревъ, лакей и управляющій одной вдовы-помѣщицы. Ужь три года, какъ Ѡомка сталъ являться на всѣхъ праздникахъ, въ плисовыхъ штанахъ, въ плисовой поддевкѣ, съ серебряными часами; путемъ поклониться ни съ кѣмъ не хочетъ, простаго вина не пьетъ, а все давай ему наливкоу. Жареныхъ пышекъ на иной ярмаркѣ на рубль серебра съѣсть въ день, а орѣхи безъ перемежки въ карманѣ насыпаны. За это, и по другимъ еще болѣе уважительнымъ причинамъ, его и прозвали *полубариномъ*. Завидѣвъ меня и замѣчая, что я начинаю его обгонять, онъ также, въ свою очередь, начинаетъ горячить лошадь, а самъ представляетъ, что совладѣть съ ней не сможетъ. Лошаденка завертѣла хвостомъ и пошла бокомъ забирать, все дальше и дальше, въ сторону.

Чѣмъ ближе къ селу, тѣмъ больше обгоняешь народу. Какія у всѣхъ довольныя лица, а между тѣмъ какъ мало надобно, чтобъ доставить этимъ людямъ это удовольствіе. Придетъ иной верстъ за десять пѣшкомъ къ приходу, помолится, а тутъ и отправится въ деревню, гдѣ празднуютъ. Хорошо еще, у кого есть родные: тотъ прямо идетъ гоститься, то есть выпить, пообѣдать, поболтать; а у кого нѣтъ, такъ взойдетъ въ избу несмѣло и проговоритъ какимъ-то страннымъ голосомъ: «съ праздникомъ хозяева честные, поздравляемъ». Хозяинъ, который ужъ дѣйствительно ничего не жалуетъ, но котораго въ то же время одолеваятъ гости, проговоривъ: «сейчасъ, голубчикъ, сейчасъ», поспѣшитъ ему дать рюмку водки, пирога и пива; гость это все выпьетъ,

съѣсть и отправится въ другую избу, и такимъ образомъ къ вечеру наберется порядочно.

Къ величайшему неудовольствію Давыда, я не допустилъ его произвести эффектъ, проѣзжая по улицѣ села, а велѣлъ ѣхать задами и пошелъ самъ пѣшкомъ. У церковныхъ воротъ пересѣкъ мнѣ дорогу маленькій семинаристикъ, въ длинномъ наковомъ зеленомъ сюртучкѣ.

— Здравствуйте, папенька крестный, — проговорилъ онъ.

Когда я его крестилъ? — совершенно не помню.

— Здравствуй, милый! Ты чей?

— Отца дьякона, папенька крестный, — отвѣчалъ онъ.

— А! отца дьякона! Это хорошо... Что, обѣдня идетъ или нѣтъ?

— Начинается, папенька крестный, — отвѣчаетъ онъ и, какъ человѣкъ привычный, пошелъ впереди, расталкивая для меня народъ.

Въ церкви, у лѣваго вѣлроса, стоятъ двѣ барышни, небогатыя прихожанки. Я убѣжденъ, что до моего появленія онѣ молились усердно, но какъ увидели меня, такъ и начали модничать. Мнѣ всегда нѣсколько грустно видѣть ихъ у прихода. Зачѣмъ онѣ не ходятъ въ просто-причесанныхъ волосахъ, а какъ-нибудь всегда ихъ взобьютъ? Зачѣмъ онѣ носятъ эти собственнаго рукодѣля шляпы изъ полинялой шелковой матеріи, съ полинялыми лентами? Зачѣмъ такъ безбожно крахмалятъ свои кисейныя платья и, наконецъ, зачѣмъ попреимуществу старшая произноситъ все въ носъ? Я подозреваю, что,

говоря такимъ образомъ, она воображаетъ, что говоритъ по-французски

Послѣ обѣдни я хотѣлъ было пройтись по ярмаркѣ, но меня остановила проживающая въ селѣ немолодая тоже дѣвица изъ духовнаго званія, по имени Арина Семеновна, дѣвица большая краснобайка и очень неглупая.

— Позвольте, батюшка Алексѣй Теофлактычъ, — начала она: — просить васъ осчастливить меня вашимъ посѣщеніемъ. Я еще пользовалась милостями вашего папеньки, маменьки; по добротѣ своей и великодушію, они никогда не брезговали посѣщать мою сиротскую хижину. Слухъ тоже, батюшка, и про васъ идетъ, что вы въ папеньку — негордые.

— Съ большимъ удовольствіемъ, сударыня; но меня звалъ отецъ Николай, чтобъ мнѣ туда не опоздать, — сказалъ я.

— Отецъ Николай, батюшка, долго еще изволеть пробыть въ церкви, такъ какъ теперича простой народъ молебны будетъ служить, а вы, по крайности, тѣмъ временемъ чайку или кофейку у меня откушаете. Богато-небогато, сударь, живу, а все на пріемъ такихъ дорогихъ гостей имѣю.

— Очень хорошо, сударыня, извольте.

— Не знаю, какъ и благодарить за ваши милости, — сказала мнѣ съ поклономъ Арина Семеновна и отнеслась къ идущимъ за мной двумъ барышнямъ:

— Нимфодора Михайловна, Минодора Михайловна, позвольте и васъ просить къ себѣ на чашку чаю: я у васъ частая гостья, гощу, гощу, и стыда не знаю, а васъ въ своемъ домѣ давно не имѣла счастья видѣть.

— О, нѣтъ, вы этого не можете сказать: мы у васъ тоже частыя гости!— произнесла совершенно въ носъ старшая сестра Нимфодора.

— Кабы еще чаще, еще бы я была больше очастливлена, — сказала Арина Семеновна

Всѣ мы такимъ образомъ пошли къ ней. Я видѣлъ, что барышнямъ очень хочется заговорить со мной, но я, признаюсь, побаивался этого.

— Какъ здоровье вашей супруги?— сказала наконецъ младшая Минодора, говорившая меньше въ носъ, но за то, судя по выраженію лица, должно быть, болѣе желчная, чѣмъ старшая. Впрочемъ, обѣ онѣ, какъ уже не молодыя дѣвицы, были немного злы и на меня, какъ я слышалъ, питали большую претензію за то, что я не знакомился съ ними. Предчувствуя, что вопросъ этотъ былъ сдѣланъ съ ядовитой цѣлью, я поспѣшилъ отвѣчать:

— Слава Богу, здорова, и мы съ ней все собираемся къ вамъ.

Что-то въ родѣ улыбки пробѣжало по губамъ обѣихъ барышень.

— И скоро исполните ваше обѣщаніе? — сказала старшая, Нимфодора, еще болѣе въ носъ.

— На той недѣлѣ непременно, непременно, — опять поспѣшилъ я отвѣчать.

— Очень пріятно, конечно, будетъ намъ видѣть васъ у себя, хоть, можетъ быть, вамъ будетъ у насъ и скучно,—ядовито замѣтила младшая, Минодора; но потомъ, какъ бы желая смягчить это замѣчаніе, прибавила:—мы хоть не имѣли еще удовольствія видѣть вашу супругу, но ужь очень много слышали о нихъ лестнаго.

— А я, матушка, счастливейе васъ: имѣла честь видѣть супругу Алексѣя Теофилактыча, и вотъ при нихъ скажу, не показалась она мнѣ: старая, беззубая, нехорошая...

— О, нѣтъ, вы шутите! — произнесла старшая Нимфодора, въ носъ.

Арина Семеновна лукаво засмѣялась.

— Неужели, матушка, вправду говорю?—отвѣчала она:—красавица, писанной красоты дама. Вотъ вы, барышни, больно у насъ хорошия, а она, пожалуй, лучше васъ.

Въ такого рода разговорахъ мы шли, и я замѣтила, что, если младшая, Мниодора, явила смертныхъ больше словомъ, то старшая уничтожала ихъ презрительнымъ и гордымъ видомъ, особенно кланявшихся намъ мужиковъ и бабъ.

Когда мы пришли къ Ариинѣ Семеновнѣ, она, конечно, захолопотала о приготовленіи угощенія намъ. У нея, впрочемъ, были ужъ въ гостяхъ двѣ попадьи и дьяконица, которыя намъ церемонно поклонились. Барышни, чтобъ не уронить своего достоинства, сѣли на диванъ, а я, признаться, чтобъ избѣгнуть разговора съ ними, нарочно помѣстился у окна; но вдругъ, къ ужасу моему, старшая, Нимфодора, встала и сѣла около меня.

— Что вы теперь сочиняете? — сказала она съ улыбкою и слегка наклоняя голову.

Вопросъ эготъ обыкновенно и при другихъ обстоятельствахъ и отъ другихъ людей всегда меня конфузить.

— Нѣтъ, я теперь ничего не сочиняю,—отвѣчалъ я потупившаясь.

— Въ деревенскомъ уединеніи, я думаю, такъ пріятно сочинять, — продолжала пытаться меня Нимфодора, устремивъ прямо мнѣ въ лицо пристальный взглядъ.

— Да; но я занимаюсь больше хозяйствомъ, — отвѣчала я, чтобъ что-нибудь сказать ей.

— О, такъ вы и хозяинъ хорошій! Какъ пріятно это слышать! — воскликнула Нимфодора.

Почему это ей пріятно слышать — не понимаю.

— Я недавно читала, не помню чье, сочиненье, *Вичный Жидъ* называется: какъ прелестно и безподобно написано! — продолжала моя мучительница.

«Что-жь это такое?» думала я, не зная, что съ собой дѣлать и куда глядѣть.

— Нынче, такъ это грустно, — снова продолжала Нимфодора, не спуская съ меня пристального взгляда: — мы не имѣемъ гдѣ книгъ доставать. Когда здѣсь жилъ, въ деревнѣ, Рафаилъ Михайлычъ, съ которымъ мы были очень хорошо знакомы и почти каждый день видались и всегда у нихъ брали книги. Тутъ я у нихъ читала и ваше сочиненіе — «*Тюфякъ*» называется — какъ смѣшно написано.

Я началъ приходить въ совершенное ожесточеніе. Чтобъ спасти себя хоть какъ-нибудь отъ дальнѣйшихъ разговоровъ съ Нимфодорой, я высунулъ голову въ окно и сталъ будто бы съ большимъ вниманіемъ глядѣть на толпящійся тутъ и тамъ народъ. Изъ толпы, окружающей кабакъ, вышелъ Пузичъ съ Козыревымъ; оба они успѣли, видно, порядочно выпить. Я еще прежде слышалъ, что Пузичъ подрядился у Оомкиной госпожи строить новый флигель, и у нихъ, вѣроятно, были поэтому латки. Пузичъ, уви-

дѣвъ меня, остановился и повдвинулся, а Козыревъ, нахмуренный и мрачный, немного пошатываясь и засунувъ руки въ карманы плисовыхъ шароваръ, прошелъ-было сначала мимо, но потомъ тоже остановился и, продолжая смотрѣть на все изподлбья, сталъ дожидать товарища.

— Ваше высокоблагородіе, позвольте съ вами компанію имѣть!—проговорилъ Пузичъ пьянымъ голосомъ.

— Нѣтъ, братецъ, въ другое ужъ время,—сказалъ я, показывая ему рукой, чтобъ онъ отправился, куда шелъ.

— Баринъ!... Писемскій!... Господинъ! позвольте съ вами компанію имѣть!—прокричалъ Пузичъ на всю ужъ улицу, такъ что Арина Семеновна, какъ хозяйка, беззастѣнчиво этимъ и подошла къ окну.

— Не хорошо, не хорошо, Пузичъ,—сказала она: —мужикъ вы хорошій, богатый, а беспокоите господъ. Ступайте, ступайте!

— Арина Семеновна, позвольте компанію имѣть!—воскликнулъ опять Пузичъ, —Ежели теперича барину, господину Писемскому, деньги теперича нужны —сейчасъ! Позови только Пузича: «Пузичъ, дай мнѣ братецъ, денегъ, тысячу цѣлковыхъ» — значитъ сейчасъ, ваше высокопривосходительство. Что мнѣ деньги! Денегъ у меня много. Мнѣ баринъ, господинъ Писемскій, его привосходительство, значитъ, отдалъ теперича всѣ деньги сполна, и я благодарю, долженъ благодарить. Теперича, господинъ Писемскій мнѣ скажетъ: «Поддай мнѣ, Пузичъ, деньги назадъ!» — «Изволь, бери...» Позвольте, ваше привосходительство, компанію мнѣ съ вами имѣть?...

Въ это время вышелъ изъ-за угла Матюшка, что-то съ несвойственнымъ ему печальнымъ лицомъ, и робко подошелъ къ Пузичу.

— Дядюшка, дай два рублика-та, — пробормоталъ онъ.

Физиономія Пузича въ минуту измѣнилась: изъ глупо-подлой она сдѣлалась строгой.

— Какіе твои два рубля? — сказалъ онъ, обернувшись къ Матюшкѣ лицомъ и уставивъ руки въ бока.

— Мамонька наказывала серпъ купить, жать нечѣмъ, — проговорилъ тотъ.

— Какія твои деньги у меня? За ? какія услуги? говори! Ежели теперича ты пришелъ у меня денегъ просить, какъ ты смѣешь передо мной и господиномъ въ шапкѣ стоять? Тебѣ было сказано, на носу зарублено, чтобъ ты не смѣлъ передъ господами въ шапкѣ стоять, — проговорилъ Пузичъ и сшибъ съ Матюшки шапку. Тотъ только посмотрѣлъ на него.

— Что дерешься? И на тебѣ шапка не пригаченная, — проговорилъ онъ, поднимая шапку.

— Молчать! Поговори еще у меня! — продолжалъ — Пузичъ. — Когда, значитъ, подрядчикъ съ тобой разговариваетъ, какой разговоръ ты можешь имѣть?

— Пузичъ, идемте! — проговорилъ октавой Козыревъ, которому ужъ, видно, наскучило ждать.

— Идемъ, идемъ, Флегонтъ Матвѣичъ, — отвѣчалъ Пузичъ: — дураковъ, значитъ, надо учить, ваше привосходительство, коли они неумны! — отнесся онъ ко мнѣ и, очень довольный, что удалось ему передъ всѣмъ народомъ покуражиться надъ Матюшкой, пошелъ съ Козыревымъ опять, кажется, въ кабакъ. Бѣдника Матюшка издали послѣдовала за нимъ.

— Что? Тебя не рассчитываетъ подрядчикъ?—спросилъ я его.

— То-то-тка, все вотъ жилить, да дерется еще, — отвѣчалъ онъ уходя.

Не прошло четверти часа послѣ этой сцены, мы сидѣли еще съ барышнями у Арины Семеновны, въ ожиданіи отца Николая, который присылалъ изъ церкви съ покорнѣйшею просьбою подождать его, приказывая, что какъ онъ освободится, такъ самъ зайдетъ просить достопочтенныхъ гостей. Чтобъ отклонить для Нимфодоры всякую возможность вступить со мною въ разговоръ о литературѣ, я продолжалъ упорно смотрѣть въ окно. «Однако отецъ Николай что-то долго нейдетъ», думалъ я: «неужели онъ все еще молебны служитъ?» Около церкви никого ужъ не видать, а между тѣмъ въ противоположной сторонѣ, къ кабаку масса народа дѣлается все гуще и гуще. Наконецъ я увидѣлъ ясно, что туда идутъ и бѣгутъ.

— Кажется, пожаръ!—сказалъ я, вставая.

— Ахъ, Боже мой! воскликнула Нимфодора и даже Минодорасъ довольно, повидимому, твердыми нервами. Въ это время вошелъ отецъ Николай, блѣдный и запыхавшійся.

— Батюшка! что такое случилось? Откуда вы? — спросилъ я.

— Что, сударь! случилось несчастье: убійство въ кабакѣ! Сейчасъ ходилъ напутствовать дарами, да ужъ поздно — злодѣи этикіе!

— Скажите! произнесли опять Нимфодора и Минодора въ одинъ голосъ.

— Кто такіе? Кто кого убилъ?—спросилъ я.

— Плотники... стади пьяные въ кабакѣ съ хояи-

номъ раздѣлываться... слово за слово, да и драка.. одинъ молодецъ и уходилъ подрядчика на-смерть,—отвѣчалъ отецъ Николай, садясь и утирая катившійся съ лица его крупными каплями потъ.

— Не Пузича ли это?—сказалъ я.

— Его, его, Пузича, коли знаете. Плутоватый былъ мужиченко.

— Кто-жь его убилъ? Онъ сейчасъ здѣсь былъ.

— Да я ужъ и не знаю. Петромъ, кажется, зовутъ парня, высокій этакой, худой.

— Батюшка! нельзя ли еще какъ-нибудь помочь убитому?—воскликнулъ я.

— Врядъ ли! —отвѣчалъ отецъ Николай, сомнительно покачивая головой. Но я, схвативъ попавшійся мнѣ на глаза перочинный ножикъ, чтобъ пустить Пузичу кровь, пошелъ какъ могъ проворно, къ кабаку. Мѣсто происшествія, какъ водится, окружала густая толпа; я едва могъ пробраться къ небольшой площадкѣ передъ кабакомъ, на которой, посрединѣ, лежалъ вверхъ лицомъ убитый Пузичъ, съ почернѣвшимъ, какъ утопленникъ лицомъ, съ слѣдами пѣны и крови на губахъ. У поддѣвки его правый рукавъ былъ оторванъ, рубаха вся изорвана въ клочки, правая рука изсѣчена цырюльникомъ, но кровь ужъ не пошла. Въ сторонѣ стоялъ весь избитый Матюшка и плакалъ, утирая слезы кулакомъ связанныхъ рукъ. Сидѣвшему на лавочкѣ Петру, тоже съ обезображеннымъ лицомъ и въ изорванномъ кафтанѣ, сотскій вязалъ ноги.

— Злодѣй, что ты надѣлалъ?—сказалъ я ему.

Онъ взмахнулъ на меня глазами, потомъ посмотрѣлъ на церковь.

— Давно ужъ, видно, мнѣ дорога туда сказана!—

дроговорилъ онъ и прибавилъ сотскому: — что больно крѣпко вяжешь? не убѣгу.

Въ толпѣ, между тѣмъ, нѣсколько бабъ ревѣло, или, сказать, голосило:

— Батюшка, кормилецъ мой! — завывала одна.

— Что ты надсажаешься? Али родня? говорилъ ей мужской голосъ.

— Ну, батюшка, какъ не надсажаться! все человѣческая душа, словно пробка выскочила! — отвѣчала жещина.

— Пускай пореветъ; у бабъ слезы не купленные, — замѣтилъ другой мужской голосъ.

— О, о, о, ой, стонала еще другая баба: — куда теперь его головушка поспѣла?

— Удивительная вещь, удивительная вещь! толковалъ клинобородый мужикъ съ умнымъ лицомъ и, должно быть, изъ торговцевъ.

— Какъ у нихъ это случилось? отнесся я къ нему.

— Пьяные, сударь, отвѣчалъ онъ: — Пузичъ съ утра съ Ѳомкой пьетъ; пьяны-съ! Поначалу они принялись вдвоемъ въ кабакъ этого толсторожаго парня бить; не знаю, про што его и связали: онъ ничѣмъ не причиненъ!.. Цаловальникъ видитъ, что дѣло плохо: бьютъ человѣка не на животъ, а на смерть, караулъ закричалъ. Мы въ кабакъ-то и вбѣжали, и Петруха-то вошелъ. «За што, говоритъ, парня бьете?» и сталъ отымать, вырвалъ у нихъ его, да и на улицу; они за нимъ, да и на него. Пузичъ за волосы его сгребъ, а Ѳомка подъ ногу подшибаетъ, и Петруха — на моихъ глазахъ это было — раза два ихъ отпихивалъ, такъ Ѳомка и поотсталъ, а Пузичъ все лѣзетъ: сила-то не беретъ, такъ кусаться сталъ, впился

въ плечо зубами да и замерь. Мы было съ сотскимъ начали разнимать ихъ — гдѣ тутъ! за ноги хотѣли было ихъ растащить, такъ Пузичъ какъ съѣздилъ сапогомъ по головѣ, такъ шабашъ—нали шабалка затрещала. Сотскій сталъ ужь кричать: «воды! водой разливайте!» Я было побѣжалъ зачерпнуть — прихожу: все ужь порѣшено.

«Петруха, говорятъ, оборанивался, оборанивался, и какъ ухватить его за поперекъ, на аршинъ приподнять, да и хрясь о землю — только проохнуть. А Козыревъ испугался, векочилъ на своего живодерного коня и лупня почалъ его лунить плетью, чтобъ ускákatъ. Ребята тутъ смѣются ему:—«Возьми, говорятъ, колъ: ишь плетью-то не пробираетъ бока, больно толсты». Такой дуракъ: урналъ—словно не найдутъ.

Я вышелъ изъ толпы; мнѣ попался старикъ Сергѣичъ, проворно туда шедшій своею заплетающеюся походкой.

— Дѣдушка! слышалъ ли, что вашъ Петръ наудилъ? — сказалъ я ему.

— Ой, государь милостивый! слышалъ, слышалъ! За то его, батюшка, Богъ наказалъ, что родителя мало почиталъ. Тогда бы стерпѣлъ—слубилось теперь бы,—отвѣчалъ старикъ и прошелъ.

Потомъ меня нагнали барышни, перебивравшіяся отъ Арины Семеновныкъ отцу Николаю. По просьбѣ ихъ, я разсказалъ имъ все подробности.

— Гм!... — глубокомысленно произнесла младшая, Миннодора.

— Что за народъ эти мужики!—сказала въ носъ старшая, Нимфодора.

1835. Юля 30.

СТАРАЯ БАРЫНЯ.

РАЗСКАЗЪ.

Въ селѣ В.....ѣ была послѣдняя станція, на которую прїѣхалъ я въ родные предѣлы свои на почтовыхъ, и потому велѣлъ себя везти на постоянный дворъ. Его держала знакомая старуха, по прозванію Грачиха и верь-баба, какъ обыкновенно прибавляли знающіе ее—и бари, и мужики: небольшого роста, съ лицомъ багровымъ, какъ изъ красной мѣди, толстая, но еще проворная, услужливая, говорунья безъ умолку, особенно когда навеселѣ, а навеселѣ почти цѣлый день съ утра до полуночи. Подѣхалъ я ночью, переязбъ, какъ водится, до костей. Ощупью вошелъ по знакомой лѣсенкѣ и отворилъ калитку въ сѣни. Въ полумракѣ мерцала тоненькая сальная свѣчка въ желѣзномъ подсвѣчникѣ, воткнутомъ въ столбъ, да изъ длинной трубы самовара вырывалось пламя отъ зажженной лучины; смутно виднѣвшаяся лошадиная морда старательно грызла перпы, отдѣляющія сѣни отъ двора. Изъ отворенныхъ дверей избы валилъ паръ клубами.

— Хозяйка, старый хрѣнь: господа прїѣхали! — крикнулъ я.

— Ай, батюшки! господа и есть,—послышался голосъ старухи, а затѣмъ она и сама появилась.

— Въ горницу пожалуйте, сударики, сюда, сюда, господа честные!—говорила она.

Я вошелъ. Сильно нагрѣтымъ и удушливымъ воздухомъ такъ и обдало меня.

— Старая, у тебя угарно! — сказалъ я.

— Нѣтъ, сударикъ, нѣту, съ утра еще топлено,— отвѣчала старуха, а сама впрочемъ засунула жирную руку въ отдушину и вытаскивала оттуда вьюшки.

Я между тѣмъ раздѣвался.

— Батюшки! —воскликнула старуха, всплеснувъ руками: —на-ка, баринъ-то знакомый, а я, старая дура, и не признала, на-ка! Откуда изволишь ѣхать?

— Изъ Питера.

— Ну вотъ откуда. Не узнала я, не узнала, раздобрѣлъ больно, какой дюжій сталъ. Иванъ Петровичъ, сударь, недавно проѣзжали.

— Какой Иванъ Петровичъ?—спросилъ я.

— Иванъ Петровичъ Сорокинъ, чтой-то, словно не знаешь, благопрїатели, чай?

Никакого Ивана Петровича Сорокина и во снѣ не видывалъ, но догадываясь, что старуха хочетъ что-нибудь рассказывать про Ивана Петровича, притворился.

— А что же?—спросилъ.

Старуха только махнула рукой.

— Ой, не говори ужъ лучше, такая у нихъ этта пановщина была съ барыней-то, что хоть до нехорошаго... Мирила, мирила ихъ, да и полно!

— Повздорили!—замѣтилъ я.

— Шибко,—отвѣчала старуха:—въ грошевомъ калачѣ дѣло вышло, баринъ-то скупенекъ, самъ, вонъ, кузовья покупаетъ, чтобъ хоть вопѣйку какую выторговать; ну и принесть съ базара грошевый калачъ, да и потчуетъ барыню, а той не нравится, изъ того и пошло: «ты, говоритъ, мнѣ все дѣлаешь напротивъ», а та стала корить, «ты, говоритъ, душенька, меня только мякиной и кормишь», ну и почали, согрѣшила я грѣшная съ ними.

— И что же?—спросилъ я.

— Ничего, побранились,—отвѣчала старуха; и потомъ, вдругъ перемѣнивъ насмѣшливое выраженіе на грустное, произнесла печальнымъ голосомъ: —тетенька-то твоя, батюшка, Марья Николавна,—померла.

— Какая тетенька Марья Николавна? спросилъ я.

— Ой, да Ометкина-то, чтой-то, въ Питерѣ-то всѣхъ перезабылъ.

— Ну, баушка, провралась, такой тетки у меня не бывало, — проговорилъ я.

— На, аль взаправду, это не тебѣ тетка-то? Такъ, такъ, такъ!... Николаю Егорычу Бекасову, вотъ, вѣдь, чья она тетка-то,—вывернулась старуха. — Похороны, сударь, были богатѣющіе, совершали, какъ должно, не жалѣючи денегъ. Что было этого духовенства, что этой нищей братіи!...—продолжала она, поджимая руки и приготавливаясь, кажется, къ длинному разсказу. Но въ это время изъ сосѣдней комнаты послышался трескъ, и закричалъ сильный голосъ.

— Пусти меня, кто меня смѣетъ вязать. Ванька... хозяинъ мой... подлець, дай водки! Пусти меня,— и снова трескъ.

— Успокойте себя, Владиміръ Васильичъ, просимъ васъ покорнѣйше, сусните хоть немножко, право слово, вамъ легче будетъ!—отвѣчалъ фистулой другой голосъ.

— Легче? Легости мнѣ не надо. Я, значить, гуляю, а ты подлець — вотъ весь мой разговоръ съ тобой и кончено! — произнесъ сильный голосъ и потомъ заплѣлъ:

„Гусарь, на саблю опираясь,
Въ глубокой горести стоялъ!“

— Кто тамъ такой?—спросилъ я.

— Охотникъ, батюшка... мужички въ рекруты везутъ сдавать за себя... охотникъ загулялъ,—отвѣчала хозяйка.

— Что же трещитъ тамъ такое?

— Ну, да хмѣлень ужъ очень, такъ посвязали его... опасаются тоже, чтобы чего не случилось, сюда-то ужъ прѣхалъ до зелена змѣя пьяный, да и здѣсь еще полштофа выпилъ, ну такъ и опасаются, посвязали.

— Въ такомъ случаѣ, тетка, пусти меня въ избу, здѣсь угарно, да и пьяный,—сказалъ я вставая

— Батюшка, да въ избѣ-то тараканы, морозила, морозила, не переводятся окаянные, да и только.

— Нѣтъ, ничего, я не боюсь таракановъ.

— Ну, какъ изволишь,—отвѣчала старуха и стала провожать меня, бормоча:

— Опасаются тоже, пятьсотъ рублей ужъ прогулялъ, пожалуй, еще облопаится и пропали денежки.

Изба, куда я вошелъ, была большая и обрядная,

стѣны струганныя, печь бѣлая, перегородка отъ нея дощаная, лавки и полицы чисто вымытыя. Въ переднемъ углу подъ образами стоялъ столъ, за которымъ сидѣлъ старикъ, съ бритой бородой, съ двумя сѣдыми клочками волосъ на вискахъ, съ умнымъ выраженіемъ въ лицѣ и, какъ видно, слѣпой. Одѣтъ онъ былъ въ синій, стариннаго покроя, суконный сюртюкъ, изъ-подъ котораго видѣлась манишка съ брыжжами и кашемировый полосатый жилетъ, тоже, должно быть, очень старинный. Весь этотъ ветхій костюмъ его былъ чистъ и сбереженъ наперекоръ, кажется, самому времени. Рядомъ съ нимъ помѣщалась тоже очень опрятная и благообразная старушка, въ худенькомъ, старомъ капорѣ и въ ситцевомъ, ваточномъ капотѣ. На первый взглядъ я подумалъ, что это бѣдные дворяне. При входѣ моемъ старушка сейчасъ встала, сказала что-то старику, тотъ приподнялся, и оба поклонились мнѣ.

— Садитесь, пожалуйста, мѣсто будетъ,—сказалъ я.

— Ничего, сударь,—отвѣчала старушка какимъ-то жеманнымъ голосомъ, отодвигая свои скудные пожитки въ мѣшечкѣ.

— Сидите, пожалуйста, — повторилъ я. Старикъ прислушался къ моимъ словамъ и, ощулавъ съ осторожностью слѣпца лавку, сѣлъ, а потомъ, опершись на свою клюку, уставилъ на меня свои мутные глаза; старушка не садилась и продолжала стоять въ довольно почтительной позѣ. Я догадался, что это не дворяне.

— Куда ѣдете, любезные?—спросилъ я.

— Въ губернской городъ, милостивый государь, — отвѣчалъ старикъ печальнымъ голосомъ.

— Дѣдушки, батюшка, охотника этого; провожаютъ его.... дѣдушки, — подхватила хозяйка, ставившая на столъ самоваръ.

— Дѣды — этого молодца? — сказалъ я.

— Дѣды, — отвѣчалъ, глубоко вздохнувъ, старикъ и потупилъ свою сѣдую голову.

— А званья какого?

— Мѣщане, ваше высокородіе.

— Изъ роду мѣщане?

— Никакъ нѣтъ-съ, напредь того были господскіе люди.

— Не въ экомъ бы мѣстѣ внуку Якова Иванныча надо быть, — вмѣшалась хозяйка: — вотъ при немъ, при старичкѣ говорю, — продолжала она, — въ свою пору былъ большой человекъ, куражливый. Пріѣдетъ, бывало, на квартиру, такъ знай хозяйка что дѣлать, не подавай вчерашняго кушанья или самоваръ нечищенный.

Старикъ горько улыбнулся.

— Не думали и мы, сударыня, что наше родное дѣтище будетъ такимъ, — проговорила старушка своимъ жеманнымъ и нѣсколько плаксивымъ тономъ.

— Что говорить, мать моя, что говорить! — подхватила хозяйка, тоже плачевнымъ тономъ.

— Остался послѣ дочерп моей родной, — продолжала старушка: — словно ненаглядный брильянтъ для насъ: думали, утѣхой да радостью будетъ въ нашемъ одиночествѣ да старости; обучали какъ дворянскаго сына; отпустили въ Москву по торговой части къ людямъ, кажется, хорошимъ.

— Что говорить, что говорить, мать моя, — подхватила еще раз хозяйка.

— Что-жь онъ, загулялъ тамъ?—спросилъ я.

— Богъ знаетъ, сударь, какъ сказать, хозяйева ли обижали, или самъ себя не поберегъ,—отвѣчала старушка.

Старикъ горько улыбнулся и перебилъ жену:

— Онъ еще съ дѣтства себя не берегъ, оттого, что въ баловствѣ родился и выросъ; другіе промышленники по этому же дѣлу, еще въ мальчикахъ живши, въ дома присылаютъ, а нашъ все изъ дому пишетъ да требуетъ: посылали, посылали, наконецъ сами въ разоренье пришли. А тутъ слышимъ, что по такимъ дѣламъ пошелъ, что, пожалуй, и въ острогъ попадетъ. Стали писать и звать, такъ только черезъ два года явился: пришелъ нагъ и босъ. Обули, одѣли, думая, что въ нашихъ глазахъ исправленье будетъ, а вмѣсто того, съ первой же недѣли потащилъ все изъ дому въ кабакъ...— Съ каждымъ словомъ въ голосъ старика слышалось болѣе и болѣе строгости, а на глазахъ старушки навернулись слезы.

— Чьихъ же вы господъ были?—спросилъ я, чтобы прекратить этотъ, видимо, тяжелый для нихъ, разговоръ.

— Господъ мы были: госпожи гофъ-интендантши Пасмуровой,—отвѣчалъ слѣпецъ внушительно.

— Гофъ-интендантши Пасмуровой, — повторилъ, я, припоминая, что мнѣ еще матушка рассказывала что-то такое о гофъ-интендантшѣ Пасмуровой, какъ о большой по тогдашнему барынѣ.

— Ваша госпожа была здѣсь довольно знатное и извѣстное лицо?—сказалъ я.

При этомъ вопросѣ лицо старика окончательно просвѣтлѣло.

— Госпожа наша, — началъ онъ, не торопясь и съ удареніемъ: — можетъ, была, наипервая особа въ Россіи: только званье имѣла, что женщина была; а что супротивъ ихъ ни одинъ мужчина говорить не могъ. Какъ ими сказано, такъ и быть должно. Умиѣйшаго ума были дама.

— Хорошо, говорятъ, жила, открыто? — спросилъ я.

— По-царски, или какъ бы фельдмаршалшѣ какой подобаеть. Своей братьи помѣщиковъ круглый годъ неразъѣздная была. Въ домѣ сорокъ комнатъ, и то по годовымъ праздникамъ тѣсно бывало. Словно саранчи налетитъ съ мамками, съ дѣтками, съ няньками, всѣмъ пріемъ былъ, — заключилъ старикъ какимъ-то чехвальнымъ тономъ. Я понялъ, что передо мной одинъ изъ тѣхъ старыхъ слугъ прежнихъ баръ, которые росли и старѣлись, съ одной стороны въ модномъ, по тогдашнему, тонѣ, а съ другой — подъ палкой...

— Ты вѣрно управителемъ былъ? — спросилъ я.

— Я былъ, сударь, — отвѣчалъ старикъ, зажимая глаза и какъ бы собираясь съ мыслями: — былъ, по нашему, по старинному сказать, главный дворецкій; одно дѣло — вся лакейская прислуга, — а ихъ было челоуѣкъ двадцать съ музыкантами, — всѣ подъ моей командой были, а паче того, сервировка къ столу: покойная госпожа наша не любила, чтобы попросту это было, каждый день парадъ! а другое: зрѣніе онѣ слабое имѣли, и по той причинѣ письма подъ диктовку ихъ писалъ; по дѣламъ тоже въ присутствен-

ныхъ мѣстахъ хожденіе имѣлъ, такъ какъ я грамотѣ хорошо обученъ и хотѣ законовъ доподлинно не знаю, а все съ чиновниками могъ разговаривать, умѣлъ какъ и что сказать; до пятидесяти лѣтъ, сударь, моей жизни, окромѣ шелковыхъ чулковъ и тонкаго англійскаго сукна фрава, другаго платья не нашивалъ. Дай Богъ царство небесное, пользовался милостями госпожи моей!

— Нынче ужъ такихъ господъ нѣтъ,—сказалъ я.

— Никакъ нѣтъ-съ, да и быть, сударь, не можетъ. Не имѣю чести знать, кто вы такіе, а по слѣпотѣ моей и лица вашего не вижу: такихъ господъ уже нѣтъ!—отвѣчалъ старикъ, какъ бы удерживаясь говорить со мною откровенно.

— Я здѣшній помѣщикъ, и мнѣ бы очень хотѣлось поразспросить тебя о старыхъ господахъ.

Старикъ вздохнулъ.

— Девяносто-седьмой годъ, сударь, живу на свѣтѣ, и большую вижу во всемъ перемѣну: старые господа, такъ надо сказать, противъ нынѣшнихъ орлы передъ воробьями!—проговорилъ онъ, значительно мотнувъ головою.

— Отчего же это? — спросилъ я.

Старикъ въ раздумьѣ развелъ руками.

— Первое дѣло,—началъ онъ:—что всё состояніемъ-то какъ-то поразстроились, да и духу ужъ такого не имѣютъ; у нынѣшнихъ господъ какъ-то ужъ совсѣмъ поведеніе другое, а прежде жили просто; всего было много: хлѣба, скота, винная сѣдка тоже своя, одиѣхъ наливокъ — такъ бочками заготовлялось, медовъ этихъ, брагъ сладкихъ! Веселились да гуляли; или теперь, бывало, этихъ шутовъ и шу-

тихъ свезуть всѣхъ вмѣстѣ у кого-нибудь на праздникѣ, да и напустятъ другъ на дружку, тѣ и дерутся, забавляютъ господъ, а нынче дворянство какъ-то и компаніи другъ съ другомъ мало ведутъ, все больше въ книгахъ забаву имѣютъ. — На этомъ мѣстѣ старикъ пріостановился, но потомъ вдругъ началъ съ одушевленіемъ:

— Да и много ли нынче господъ по усадьбамъ проживаютъ? развѣ какой старый да хворый, а то всё почестъ на службѣ состоятъ, а ужъ изъ такихъ-то большихъ персонъ, такъ и нѣтъ никого; хошь бы теперь взять: госпожа наша гофъ-интендантша, — продолжалъ онъ почти съ умиленіемъ: — какой она горъ по губерніи имѣла: по старинному намѣстника, а по нынѣшнему, губернатора новаго назначаютъ, онъ еще въ Петербургѣ, а она ужъ тамъ своимъ знакомымъ министрамъ и сенаторамъ пишетъ, что такъ какъ ѣдетъ къ намъ новый губернаторъ, вы скажите ему, чтобы онъ меня зналъ и я его знать буду, а какъ теперь дали ей за извѣстіе, что пріѣхалъ, сейчасъ изводитъ кликать меня. Я явлюсь, дѣлаю мой реверансъ. «Слушай, говоритъ, Яковъ Ивановъ!» въ носъ всегда изводили немного выговаривать, «слушай! пріѣхалъ новый губернаторъ, возьми ты лучшую тройку, поѣзжай ты въ Кострому, ступай ты къ такому-то золотыхъ дѣлъ мастеру, возьми по моей запискѣ серебряную лохань, отыщи ты, гдѣ хочешь, самолучшихъ мѣрныхъ стерлядей, а еще пріятнѣе того — живаго осетра, явись ты отъ моего имени къ губернатору, объяви объ себѣ: что такъ и такъ, госпожа твоя гофъ-интендантша, по слабости своего здоровья, сама прі-

ѣхать не можетъ, но заочно дѣлаетъ ему поздравленіе съ прїѣздомъ и, какъ обывательница здѣшняя, кланяется ему, вмѣсто хлѣба-соли, рыбой въ локхани.» Тотъ принимаетъ, мнѣ сейчасъ отличнѣйшее угощеніе дѣлають, госпожѣ нашей изволятъ они писать письмо.

— Дружелюбіе, значитъ, и началось,—замѣтилъ я въ тонъ старику.

— Именно, что дружелюбіе, слово ваше справедливое!—подхватилъ онъ:—по той причинѣ, что какъ теперь его превосходительство начальникъ губерніи изволятъ на ревизію поѣхать, такъ и къ намъ въ гости, и наѣзды бывали богатѣющіе: нынѣшніе вотъ губернаторы, какъ видали и слыхали, съ форсомъ тоже ѣздить, приѣма и уваженія себѣ большаго требуютъ, страхъ хоша бы маленькимъ чиновникамъ отъ нихъ великій бываетъ, но, зная все это по старинѣ, нынѣшніе противъ того ничего не значить.

— А прежде что-жь?—спросилъ я.

Яковъ Ивановъ пригнулъ на нѣкоторое время голову на сторону и началъ:

— Прежде, сударь, бывало, губернаторъ по губерніи ѣхалъ, аки владыко земной: что однихъ чиновниковъ этихъ при особѣ его состояло, что этого дворянства по дорогѣ пристанетъ. Одинъ былъ, не смѣю имени его наименовать, такъ съ супругой еще всегда изволили по губерніи ѣздить, а тѣ, съ позволенія сказать, по женской своей слабости, къ собачкамъ пристрастіе имѣли. Про собачекъ этихъ особый экипажъ шель, а для охраненія ихъ нарочный исправникъ ѣхалъ, да какъ-то, по нечаянности, одну собачку и потерялъ, такъ ея

превосходительство, губернаторша, не взирая на свой великій санъ, по щекъ его ударила при всей публикѣ да изъ службы еще за то выгнали,—времена какія были-съ.

— Хорошія были времена, простыя!—замѣтилъ я.

— Просто было-съ,—заклучилъ Яковъ Ивановъ, потомъ подумавъ, продолжалъ:—бывало, сударь, вся эта компанія наѣдетъ къ намъ, сутки трои, четыре, недѣлю гостятъ, и теперь какую бы губернаторъ въ домъ вещь ни похвалилъ: часы ли, картину ли, мису ли серебряную, я ужъ заранѣе такой приказъ имѣю, что какъ вечеръ, такъ и несу къ нимъ въ опочивальню, докладываю, что госпожѣ нашей очень пріятно, что такая-то вещь имъ понравилась, и просятъ принять ее.

— Неужели же старуха все это изъ чехвальства дѣлала?—спросилъ я.

— Чехвальство чехвальствомъ,—отвѣчалъ Яковъ Ивановъ:—воиечно, и самолюбіе онѣ большое имѣли, но паче того и выгоды свои изъ того извлекали: примѣрно такъ доложить, по губерискому правленію имѣнье теперь въ продажу идетъ, и госпожа наша хоть бы по дружественному расположенію начальниковъ губерніи, на какое только окомъ своимъ взглянуть, то и будетъ наше. Коли хоша я, новѣренный госпожи Пасмуровой, никто ужъ изъ покупателей не сунется, всякъ знаетъ, что начальникъ губерніи того не желаетъ. Поблагодаришь кого и чѣмъ слѣдуетъ; а за имѣнье, что дали, то и ладно. Бѣлогривское имѣнье намъ, сударь, этакъ попало по сто двадцати рублей въ тѣ времена, а я пріѣхалъ принимать вотчину, да по двѣсти рублей съ мужиковъ старой не-

доимки собрадь, и извольте считать: во что оно намъ пришло!

Яковъ Ивановъ потупился и вздохнулъ.

— Старикъ! вѣдь это грѣхъ, вѣдь это тоже воровство,—воскликнулъ я.

— Грѣхъ, сударь, въ нищенствѣ и слѣпотѣ моей все теперъ вижу и чувствую. Въ заповѣди Господней сказано: не пожелай дома ближняго твоего, ни села его, ни раба его, а старушка наша имѣла къ тому зависть, хотя и то надобно сказать, всѣ—люди, всѣ человѣки не безъ слабости.

На послѣднія слова онъ сдѣлалъ болѣе сильное удареніе.

— Выгодчики были съ барыней-то своей, еще какіе!—вмѣшалась вдругъ возившаяся около печки Грачиха:—про имѣнье рассказываешь,—нѣтъ, ты лучше расскажи, какъ вы дворянина за свою вотчину въ рекруты отдала,—продолжала она, выходя изъ-за перегородки и вставая подъ полаты, причемъ взялась одной рукой за брусъ, а другою уперлась въ жирный бокъ свой.

Яковъ Ивановъ немного нахмурился.

— Какъ дворянина?—спросилъ я.

— А и сдали,—отвѣчала Грачиха:—не любила, сударь, ихъ госпожа генеральша мужиковъ своихъ подъ красную шапку отдавать, всѣ ей были нужны да надобны, такъ дворянинъ на ту пору небогатенькой прилучился: дурашной этакой съ роду, маленькаго что ли пзурочили,ловища большая, плоская была, а разума очень мало имѣлъ: ни счету, ни дней, ничего не зналъ. Ну, а дворянствомъ своимъ занимался тоже, разумѣлъ это. Вотъ соколики эти и подѣхали

къ нему и стали его уговаривать: «ты, говорятъ, баринъ, а живешь по работникамъ у мужиковъ, лучше бы въ службу шелъ. Теперь, говорятъ, ты грамотъ не поученъ и тебя по дворянскому роду не примутъ, а ступай за нашу вотчину, а послѣ и объявись объ себѣ, тебя какъ дворянина и поведутъ». Тотъ съ дуру-то: родныхъ тоже никого не было, чтобы разговаривать, да посовѣтовать, а они его вишищемъ ноили да пряниками кормилл, съ дуру и согласился. Привели баринка въ присутствіе, объявили за простаго мужика, крикнули: лобъ! надѣли ляжку, и ступай, значить, маршъ за-одно съ рекрутами. Года черезъ три али четыре, тотъ и заявляетъ своему начальнику: «я, говорятъ, дворянинъ». — «Какой, говорить, ты дворянинъ...» поугаль его маленько, а онъ все свое: дворянинъ да и только; и пошелъ къ начальству выше, объявляетъ то же. Тѣ смотрять по бумагамъ — видять — мужикъ, отпраповали его ужъ какъ надо. Сердечный баринокъ нашъ видить, что какъ о дворянствѣ объявить, хлещутъ, — взялъ да и отступился, оттрубилъ за ихъ вотчину тридцать пять годковъ. Докуменщики какіе были. Може за эти выдумки родной кровью своей теперь и платится! — заключила Грачиха вполголоса, указавъ глазами на Якова Иванова, который, въ свою очередь, весь ей рассказъ слушалъ, потушивъ голову и ни слова не возражая. Я постарался опять перемѣнить разговоръ и спросилъ старика:

— Кому-жь имѣние госпожи вашей досталось? Я видѣлъ, усадьба какая-то разоренная, запущенная, домъ развалился....

— Въ опеку, сударь, наше имѣние состоитъ, — отвѣ-

чалъ онъ, видимо довольный этимъ переходомъ.—Ну и опекуны тоже люди чужіе: либо заняться ничѣмъ не хотятъ, либо себѣ въ карманъ тащатъ, не то, что ужъ до хозяйства что касается, а оброшниковъ и тѣхъ въ порядкѣ не держатъ: пьяницы да мотуны живутъ безъ страха, а которые дома побогатѣе были, къ тѣмъ прижимы частые: то сына, говорятъ, въ рекруты отдадимъ, то самого во дворъ возьмемъ.

— И откуайся, значитъ, мужичекъ. Прежде-то ужъ вы больно много денегъ нажили, — подхватила Грачиха.

Яковъ Ивановъ не обратилъ никакого вниманія на ея слова и продолжалъ:

— Противъ чиновниковъ тоже вотчина никакой заступы не имѣетъ. Прежде, бывало, при покойной госпожѣ, дворовые наши ребята ужъ точно что народъ былъ буйный... храмоваго праздника не проходило, чтобы буйства не сдѣлали, пѣлые базары разбивали, и тутъ начальство, понимая, чьи и какой госпожи эти люди, больше словомъ что упроятъ, то и есть; а нынче, небольшой бы, кажется, человѣкъ, нашъ стаповой приставъ, командуетъ, наказуетъ у насъ по деревнямъ, все изъ интересу этого поганого, въ которому, кажется, такое пристрастіе имѣетъ, что тотъ самый день считаетъ въ жизни своей потеряннымъ, въ который выгоды не имѣлъ по службѣ. Я, какъ-то разъ, встрѣтивши его въ городѣ, говорю: «за что и за какія вины, говорю, сударь, вы такъ ужъ очень вотчину покойной госпожи моей обижаете?» «Ахъ, говоритъ, старецъ почтенный, гдѣ нынче намъ, земской полиціи, стало поначальствовать, какъ не въ опекунскихъ имѣніяхъ; времена пошли строія: за

дѣла брать нельзя, а что безъ дѣла сорвешь, то и поживешь», смѣется-съ!

— Того и стойте; на крапиву надобень и морозъ, а то бы она долго жглась,—проговорила, подмигнувъ глазомъ, Грачиха.

— На какомъ же основаніи имѣнье ваше въ опеку, за долги что-ли?—спросилъ я.

— Малолѣтнихъ, сударь, теперь наше имѣние. За малолѣтними, за правнуками госпожи нашей числится оно,—отвѣчалъ Яковъ Ивановъ.

— А сыновья и внучата гдѣ же?

— Сынъ ихъ единородный,— началъ старикъ, съ грустною, но внушительною важностью:—единая ихъ утѣха и радость въ жизни, паче всего тѣмъ, что, бывши еще въ молодыхъ и цвѣтущихъ лѣтахъ, а уже въ большихъ чинахъ состояли, и службу свою продолжали больше въ иностранныхъ земляхъ, гдѣ, надо полагать, лишившись тѣмъ временемъ супруги своей, потеряли первоначально свой разсудокъ, а тутъ и жизнь свою кончили, оставивши на рукахъ нашей старушки свою дочь, а ихъ внуку; но и той Господь Богъ, по волѣ своей, не далъ долгаго вѣку.

Съ каждымъ словомъ старика, я видѣлъ, что лицо Грачихи больше и больше принимало насмѣшливое выраженіе.

— Эхъ, полно, полно, Яковъ Ивановичъ, не ты бы говорилъ, не я бы слушала! — воскликнула она, махнувъ рукою.

У слѣнца какъ-будто бы уши поднялся при этомъ восклицаніи.

— Что-жь вамъ такъ слова мои не по нраву прпшли?—проговорилъ онъ.

— А то не по нраву, что не люблю, коли говорятъ неправду,—отвѣчала Грачиха:—не отъ Бога ваши молодые господа померли, про сынка, пускай ужь, не знаемъ, въ Питерѣ дѣло было, хотъ тоже слыхали, что пзъ-за денегъ все вышло: онъ думалъ такъ, что мамелька богата, не пожалѣветъ для него, взялъ да казеннымъ денежкамъ глаза и протеръ, а выкупу за него не сдѣлали. За неволю съ ума спятишь, може не своей смертью и померъ, а принялъ что-нибудь, — слыхали тоже и знаемъ!

— Вотъ вы что знаете, чего и мы не знаемъ, — возразилъ Яковъ Ивановъ.

— Шалишь, дѣдушка, знаешь и ты, только не связываешь. А что про вашу барышню, такъ уже это, батюшка, пзвини, на нашихъ глазахъ было, какъ старая ваша барыня во гробъ ее гнала, подсылы дѣлала, да съ мужемъ ссорила и разводила, пошто вотъ вышла не за такого, за какого и хотѣла; а чѣмъ баринъ былъ худъ? Изъ себя красивый, въ рѣчахъ складный, какъ быть служащій.

Яковъ Ивановъ насильно улыбнулся.

— По вашему, сударыня, женскому разсудку, можетъ быть, и такъ,—произнесъ онъ съ полупрезрительной миной:—а что какъ мы понимаемъ, такъ этотъ господинъ былъ нашей барышнѣ не пара.

— Знаемъ, сударь, Яковъ Иванычъ, — перебила Грачиха:—понимаемъ, батюшка, что вы со старой госпожей вашей мнѣиёмъ своимъ никого себѣ равнаго не находили. Фу ты, ну ты, на, смотри! руки въ боки, глаза въ потолоки, себя носили, а какъ по другому тоже посудить, такъ все ваше чванство въ богатствѣ

было, а деньги, любезный, дѣло нажитое и прожитое: ты вотъ былъ больно богатъ, а сталъ бѣденъ, дочку за купца выдавалъ было, а внукъ подъ красну шапку поспѣлъ.

При этомъ намекѣ, все молчавшая до того старушка, жена Якова Иванова, вспыхнула и проговорила:

— И вамъ, сударыня, не сказано, какъ вѣкъ проживете: теперь вотъ при состояніи, а можетъ тоже не лучше насъ дойдете.

— Да что мнѣ знать-то? Знать мнѣ, матушка, Алена Игнатьевна, нечего: коли по міру идти — пойду, мнѣ ничего! Э! не такая моя голова, завивай горе веревочкой: лапотницей была, лапотницей и стала! А ужъ кто, любезная, изъ салоновъ и бархатовъ надѣлъ поневу, такъ ужъ нѣтъ, извини: тому тошно, ахъ, какъ тошно! — отрѣзала Грачиха и ушла изъ избы, хлопнувъ дверью.

Алена Игнатьевна еще болѣе покраснѣла; старый дворецкій продолжалъ насильно улыбаться. Мнѣ сдѣлалось его жаль; понятно, что плутовка Грачиха въ прежнія времена не стала бы и не посмѣла такъ съ нимъ разговаривать. Нѣсколько времени мы молчали; но тутъ я вспомнилъ тоже рассказы матушки о томъ, что у старухи Пасмуровой было какое-то романтическое приключеніе, что внучка ея влюбилась въ молодого человѣка и бѣжала съ нимъ ночью. Интересно узнать подробности, я началъ издалека:

— Что эта дура Грачиха вретъ, что барыня ваша заѣла внучкинъ вѣкъ! — сказалъ я, будто къ слову.

— На вѣтеръ лаять все можно, — отвѣчалъ Яковъ Ивановъ: — а коли человѣкъ въ разсудкѣ, такъ онъ

никогда сказать того не можетъ, чтобъ госпожа наша внучки своей не любила всѣмъ сердцемъ; только, конечно, что по своей привязанности къ нимъ ожидали, что какой-нибудь принцъ или графъ будетъ имъ супругомъ, и сколь много у нашей барышни ни было жениховъ по губерніи, всѣмъ генеральша одно отвѣчала: «ищите себѣ другой невѣсты, а Оленька моя вамъ не пара: если быть ей въ замужествѣ, такъ быть за придворнымъ.» И было бы такъ: невѣста наша была не заурядная, хоть бы насчетъ состоянія, полторы тысячи душъ впереди, сама ученая по-французски, по-нѣмецки, изъ себя красавица.

— Красоты, кажется, была такой, — вмѣшалась Алена Игнатьевна: — что рѣдкостно на картинахъ такихъ красавицъ изображаютъ. Приѣхала тогда изъ ученья изъ Питербурга къ бабинькѣ: молоденькая, розовая, румяная, платья тогда, по старинному сказать, носили безъ юпокъ, перетянутся, волосы уберутъ, причешутъ, — братецъ мнѣ родной, парикмахеръ, былъ нарочно для того выписанъ изъ Питербурга, — заглядѣнье для насъ, рабынь, было: словно солнце выйдетъ поутру изъ своихъ комнатъ.

— За кого же она вышла? — спросилъ я.

Яковъ Ивановъ при этомъ вопросъ только покачалъ головой.

— Сосѣдка тутъ была около насъ, бѣдная дворянка, — отвѣчалъ онъ: — такъ за сына ея изволила выдти, молодого офицера, всего еще въ прапорщичьемъ чинѣ, и такъ какъ крестникомъ нашей старой госпожѣ приходился, приѣхалъ тогда въ отпускъ, является: «маменька да маменька крестная, не оставьте вашими милостями, / дозвольте бывать у васъ.» Ну и

генеральша наша принимала, разумѣя такъ, что еще мальчикъ. «Поди, Ѳединька, подай моську, позови Якова, вели давать чай...» почестъ, что держала на посылкахъ, а онъ вообразилъ себѣ другое. Барышнѣ нашей, по молодости ея лѣтъ, также приглянулся... дѣвица была еще неопытная, хотя въ богатствѣ родилась и выросла, а людей тоже мало видала.

— Какъ же у нихъ все это шло, хотѣлось бы мнѣ знать?—сказалъ я.

— Въ началѣ я и не знаю хорошенько, безъ меня это было, въ Питербургѣ тогда цѣлый годъ по дѣламъ госпожи хлопоталъ, —отвѣчалъ Яковъ Ивановъ:—вонъ она вамъ лучше расскажетъ, на ея глазахъ все это происходило, —прибавилъ онъ, указавъ головой на жену.

— Какъ же это, Алена Игнатьевна, а?—обратился я къ старушкѣ.

Она потупила жеманно голову и начала:

— Дѣло, сударь, происходило: ѣздилъ да ѣздили къ намъ молодой баринъ Ѳедоръ Гаврилычъ, и сердце сердцу вѣсть подаетъ — не то, что въ барскомъ родѣ, а и въ нашемъ холопскомъ. Барышня наша, такъ доложить, на фортепьянахъ была большая музыканша, а Ѳедоръ Гаврилычъ на флейтѣ играл, ну и стали тѣшить себя, играли вмѣстѣ, старушка даже часто приказывала: «подите, дѣти, побряните что-нибудь», или когда вечеромъ музыкантамъ прикажутъ играть, а ихъ заставить танцовать разныя мазурки и лекосезы, а не то въ карты займутся, либокнижку промежь собой читаютъ. Садъ былъ тоже у насъ большой, аллей темныя, въ другую солнце круглый день

не заглянетъ; бабинька послѣ обѣда лягутъ почивать, а они по аллеямъ этимъ пойдутъ гулять съ глазу на глазъ, очень было замѣтно даже для насъ, для прислуги, — всѣ почестъ видѣли и знали.

— Если бы я тѣмъ временемъ дома былъ, дѣло бы не пошло такъ далеко; я на первыхъ бы порахъ доложилъ госпожѣ, — перебилъ Яковъ Ивановъ.

— Докладывать госпожѣ, Яковъ Иванычъ, какъ бы еще изволили онъ принять; сами знаете, не любила, чтобъ ихъ учили, а больше того и барышню за ихъ ангельскую доброту и кротость жалѣли, — возразила вполголоса Алена Игнатьевна и снова потупила свои мягкіе и добрые глаза.

— Какимъ же образомъ открылось? — спросилъ я.

— Черезъ маменьку Федора Гаврилыча, Аграфену Григорьевну, — продолжала Алена Игнатьевна: — люди ихъ тоже послѣ рассказывали, такъ какъ стала она говорить сыну: «пріѣхалъ ты черезъ кои вѣки къ матери на побывку, а все свое время проводишь у Катерины Евграфовны»; а онъ ей на это говорить: «маменька, говорятъ, я долженъ вамъ сказать, что мнѣ очень нравится Ольга Николаевна, а также и я имъ». Аграфена Григорьевна очень тому обрадовалась.

— Еще бы, — замѣтилъ съ насмѣшкою Яковъ Ивановъ: — по пословицѣ: залетѣли вороны въ большія хоромы! только бы прежде надо было подумать, что такое они значать и что значить наша барышня.

— Свое дѣтище, Яковъ Иванычъ, до кого ни доведись, всякому дорого и мило, — скромно и съ почтениемъ возразила Алена Игнатьевна, и потомъ снова обратилась ко мнѣ: — Думавши, можетъ быть, такъ

что госпожа наша Федора Гаврилыча изволят ласкать и принимать, они и понадѣялись.

Старый дворецкій, какъ бы не утерпѣвшій съ досады, опять перебилъ жену:

— Деревня, деревня и есть: барыня эта Аграфена Григорьевна только что изъ дворянскаго рода шла, а женщина была самаго деревенскаго бабьяго разсудку.

— Что-жь, они сватались? — спросилъ я.

— Какъ же-съ, — отвѣчалъ Яковъ Ивановъ, лицо его окончательно приняло какое-то озлобленное выраженіе. — Въ самый, кажется, лѣтній Николинъ день пріѣхала къ намъ эта Аграфена Григорьевна, и что-то ужъ очень нарядная. Генеральша наша и смѣется ей: «что это, мать моя, какъ расфрантилась?» Она поцѣловала у ней ручку и говоритъ: «какъ же, говорятъ, ваше превосходительство, мнѣ въ этакой домъ ѣхать не нарядной.» Сѣвши послѣ этихъ словъ, по приглашенію нашей госпожи, въ кресла, заводитъ разговоръ о сынѣ своемъ. «Очень, говоритъ, Катерина Евграфовна, вами благодарна, что вы моего Оеднирку изволиге такъ принимать.» «Отчего, говоритъ на это госпожа наша, мнѣ его не принимать: чѣмъ у тебя тамъ по глупымъ вашимъ посѣдкамъ по избамъ бѣгать, пускай лучше у меня бываетъ, по крайнемъ брѣ насчетъ обращенія чѣмъ-нибудь заняться можетъ, а онъ мальчикъ неглупый и кажется добрый.» Похвалила, знаете, больше изъ жалости, а это еще больше придало гонору этой госпожѣ Аграфенѣ Григорьевнѣ. «Да, говоритъ, матушка Катерина Евграфовна, должна я, грѣшница, благодарить Бога: хотя въ супружествѣ большаго счастья не имѣла (потому что, съ позволенія доложигъ, покойный мужъ ея, занимаясь

самъ хмѣлемъ, черезъ два дни въ третій блѣзъ ее за ея глупость). Весь свой вѣкъ изжила въ горестяхъ и недостаткахъ (простѣе того сказать, на постыжныхъ щахъ круглый годъ); но за то, говорить, за все это въ сынѣ моемъ имѣю теперь утѣшеніе. Службу свою, по желанію моему, онъ оставляетъ и будетъ жить при мнѣ, и теперь бы такое съ нимъ наше намѣреніе, чтобы онъ женился.» Госпожа наша только плечами пожала, и таѣмъ какъ просто и строго съ такими маленькими и необразованными дворянами изволила обращаться, прямо ей и говорить: «что ты, глупая ефела, вздумала? Малый безъ году недѣля изъ яйца вылунился, а она ужъ изъ службы его взяла и женить хочетъ. Да развѣ нищихъ разводитъ и безъ васъ мало! И кто теперь, какая дура за него пойдетъ?» Ну, и кабы эта безразсудная барыня Аграфена Григорьевна имѣла хоть сколько-нибудь разуму, ей бы и замолчать, а она стала продолжать разговоръ и говорить ужъ прямо: «матушка, говоритъ, Катерина Евграфовна, дѣло ужъ сдѣлано, и теперь бы для насъ было большое счастье, если бы Фединька мой удостоился получить руку вашей Ольги Николавны.» Старушка наша, по своему великодушію, и тутъ стерпѣла и только уставила на нее свои очки, покачала головой и тихо сказала: «Ахъ, ты, говорить, дурища, дурища набитая: понимаешь ли ты, что ты говоришь? Твоему отродю жениться на моей Оленькѣ? Да какъ вы осмѣлились такія мысли имѣть!» Но глупому человѣку, видно, хоть колъ на головѣ теши, ему все равно. Аграфена Григорьевна и этого ничего не поняла и все продолжаетъ свое:

«— Матушка, говоритъ, Катерина Евграфовна,

какъ намъ этакихъ мыслей не пмѣть, когда ваша Ольга Николавна дали ужь Ѳединькѣ слово, а если говорить, насчетъ состоянія, такъ онъ не нищій, у него послѣ моей смерти будетъ двадцать душъ.—Удивить и плѣнить чѣмъ госпожу нашу думала! Я тогда чай подавалъ, и только обмеръ, видѣвши, что у нашей и пѣнка ужь на губахъ выступила. Господи, что только будетъ, думаю; но онъ и тутъ себя сдержали, ступнули своей клюкой и только крикнули: «вонъ изъ моего дома!» Сваха, какъ сидѣла, такъ и вскочила, накинула себѣ на голову свою шаль и почестъ, что безъ салопу уѣхала; мы, лакеи, ужь и не провожали, и этого почету даже не отдали.

Проговоря это, старикъ утомился и замолчалъ; и только, по выраженію его лица, можно было догадаться о волновавшей его глубокой досадѣ на то, что все шло и дѣлалось не такъ, какъ рассчитывала и желала госпожа его и онъ.

— Вотъ, и думаю, гроза-то разразилась надъ бѣдной вашей барышней?—сказалъ я, обращаясь бо бѣе въ Алень Игнатьевнѣ.

— Не безъ того, сударь,—отвѣчала она, взглянувъ на мужа и какъ бы желая угадать, нравятся ли ему ея слова.

— Сами мы не слыхали,—продолжала Алена Игнатьевна вполголоса:—а болтали тоже послѣ, что Ольга Николавна прямо бабьинькѣ сказали, что ни за кого, кромѣ Ѳедора Гаврилыча, не пойдутъ замужъ, и что будто бы, не знаю, правда или нѣтъ, старушка, такъ очень разсердившись, ударила ихъ по щекъ.—Послѣднія слова Алена Игнатьевна произнесла

ужь почти шепотомъ и потомъ снова начала прежнимъ голосомъ:

— Пришедши послѣ того въ гостиную, смотримъ — Катерина Евграфовна ушла въ свою моленную, а барышня лежитъ середь полу безъ всякихъ чувствъ. Словно мертвую, отнесли мы ихъ въ мезонинъ, а отъ Катерины Евграфовны слышимъ такой приказъ, чтобы и ходить за ними никто не смѣлъ; но, видѣвши ихъ въ такомъ положеніи, я осталась при нихъ, стала имъ головку укусомъ примачивать. Поопамятовались, узнали меня. «Гдѣ я, говоритъ, Аленушка, и что со мной было?» Я имъ докладываю. «Ахъ, говоритъ, Аленушка, зачѣмъ я, несчастная, ожила опять на бѣлый свѣтъ», а сами всплеснули ручками, да такъ и залились слезами. Я стою у нихъ въ ножкахъ у кровати и что, вѣдь, мы, сударь, рабы—дуры, какіе наши разговоры могутъ быть... сказки мой Ольга Николавна любили слушать! «Не прикажете ли, говорю, сударыня, сказочку вамъ рассказать?» Онѣ сначала разсмѣхнулись и только головкой помотали, а потомъ опять заплакали. Чѣмъ ихъ утѣшать да уговаривать — я сама не знаю! взяла до Федора Гаврилыча и похвалила, что уменъ и хорошъ онъ очень, такъ не повѣрите, сударь, словно барышня моя ожила, дыханье даже перевести хорошенько не могутъ. «Нравится, говоритъ, онъ тебѣ, Аленушка?» — «Нравится, говорю, сударыня, и вся наша прислуга ихъ любитъ и хвалитъ». «Вотъ, видишь, говоритъ, вы—служанки, а хвалите его, а бабушка такъ нѣтъ... видно, она, говоритъ, не хочетъ моего счастья, а хочетъ уложить меня въ могилу, — Богъ съ ней.» — «Полноте, говорю, сударыня, какъ это можетъ быть: бабинька васъ любитъ и

такъ только, можетъ быть, на первыхъ порахъ изволили разгнѣваться, а послѣ сердце ихъ отойдетъ. Коли, говорю, Федоръ Гаврилычъ вамъ милъ, чтожь ей тому препятствовать.» — «Ахъ, нѣтъ, говорить, Аленушка, онъ бѣдный и незнатный, а бабушка моя гордая.»

— Что же старая ваша барыня? —спросилъ я.

— Старушка съ виду ничего не показывали: скрытны чрезвычайно были-сь! —отвѣчала Алена Игнатьевна. — Барышня пролежали въ постелѣ цѣлый день, на другой день тоже: пищи никакой не принимаютъ, что ни на есть чашка чаю, такъ и той въ день не выкушаютъ, сами изъ себя худѣютъ, блѣднѣютъ, а бабушка хоть бы спросила, точно ихъ совсѣмъ и на свѣтъ не бывало; потому только и примѣтно, что сердце ихнее болѣло, что еще, кажется, больше прежняго строги стали къ намъ, прислугѣ. Старая дѣвица за ними ходила, любимица ихняя; бывало, всѣхъ насъ дѣвушекъ кличкой кликали, а ту всегда по имени и отчеству называли: и на ту изволили за что-то разгнѣваться и сослали со своихъ глазъ въ скотную; прикащпку тоже—что-то не ладно на докладѣ доложила, того изъ своихъ рукъ изволили клюкой поучить. Мы ужь, горничныя дѣвушки, не знаемъ какъ и ступить, того и ждемъ, что надъ кѣмъ-нибудь гнѣвъ сорвутъ.

— Все бы это ничего, ничего бы дальше этого не пошло, если бы не эта мерзкая дѣвчонка, Фредина нашей барышни: отъ ней весь сыръ боръ потомъ и загорѣлся, — перебилъ рѣзкимъ тономъ Яковъ Ивановъ.

Въ старческомъ дрожащемъ его голосѣ такъ и слышалась накипѣвшая желчь.

— Что-жь тутъ горничная сдѣлала?—спросилъ я.

— Передатчицей стала,—отвѣчалъ Яковъ Ивановъ прежнимъ тономъ:—записки стала переносить туда и оттуда къ барышнѣ — вѣтренная, безнравственная была дѣвчонка, и теперь, сударь, сердце кровью обливается, какъ подумаешь, что барышня наша была передъ тѣмъ, истинно сказать, почтительной и послушной внучкой, какъ слѣдуетъ истинной христіанкѣ, а тутъ что изъ нея вдругъ стало: сама къ бабинькѣ не является, а пишетъ письмо, что либо бѣгутъ съ своимъ нареченнымъ женихомъ, либо руки на себя наложатъ. Каково было старушкѣ читать эти строки! Конечно, что онѣ и тутъ своего героискаго духа не потеряли. При мнѣ это было, стукнули своей табакеркой золотой по столу: «такъ не бывать же, говорятъ, ни тому, ни другому», а надобно спросить, что чувствовала ихъ душа, зная, что они дѣлали, и видя, чѣмъ имъ за это платятъ. Ваше высокоблагородіе, сами, можетъ быть, имѣете дѣтей и можете понять, сколь легка была для ихъ родительскаго сердца неблагодарность за всѣ объ нихъ попеченія! Можетъ быть, до сей поры кости нашей госпожи и благодѣтельница содрогаются въ могилѣ отъ этого!

Старикъ пропзнесъ послѣднія слова эти съ какой-то драматическою торжественностью и снова поникнулъ головою, но губы его шевелились и, какъ мнѣ казалось, онъ шепталъ молитву за упокой души его благодѣтельница. Я, между тѣмъ, смотрѣлъ внимательно на Алену Игнатьевну. Лицо у ней горѣло, и она си-

дѣла, потупивъ свои добрые глаза. Я видѣлъ, что нравственное участіе ея было на сторонѣ барышни Ольги Николаевны, и она не смѣла только возражать мужу, но, кажется, думала иначе, какъ онъ думаетъ. А между тѣмъ, вспомнилось мнѣ, у этихъ стариковъ на плечахъ ихъ собственный внукъ, пропившійся и продавшійся въ солдаты; но они объ немъ какъ будто бы и забыли, какъ забываютъ на минуту старую и давно терзающую болѣзнь. При этой мысли мнѣ слѣдалось какъ-то совѣстно разспрашивать ихъ о господахъ, и бесѣда наша вѣроятно бы прекратилась, но спасибо Грачихѣ; какъ и когда она вернулась въ избу, я не видалъ, только вдругъ опять явилась изъ за перегородки и съ лицомъ, еще болѣе покраснѣвшимъ.

— Подъ карауломъ барышню держали, словно арестантку какую, — начала она съ какой-то цинической усмѣшкой: — три старухи были приставлены въ надсмотрщицы, чтобы, коли одна спитъ или дремлетъ, такъ чтобы другая стерегла; на молодыхъ ужъ не надѣялись: горничную дѣвушку ея на поселенье присудили было сослать. — При послѣднихъ словахъ Грачиха кивкомъ головы указала на Якова Иванова. — Да та тоже не глупа дѣвка, хвостъ имъ показала, черезъ двадцать лѣтъ ужъ послѣ въ сѣняхъ наши. Не мало страму было на весь околодокъ, и сколь, кажется, ни скрытно дѣлали, а тоже всё знали и всё молодую барышню и Федора Гаврилыча жалѣли.

— Въ жалѣла, — подтвердила шепотомъ Елена Игнатьевна, вздохнувъ и поднивъ глаза кверху.

— Какъ, мать, не жалѣть-то! — подхватила Грачиха: — хоть бы нашъ баринъ Михайло Максимычъ лю-

билъ Федора Гаврилыча: какъ въ городъ ѣхать, все ужь вмѣстѣ, и у покойнаго тятеньки кажинный разъ приставали. Я еще молода-молодехонышка была, а тоже помню: покойный Михайло Максимычъ все вѣдь со мной загрывалъ, ну и тотъ разъ, какъ треснетъ меня по спинѣ, да и говоритъ: «Катюшка, говоритъ, научи насъ, какъ намъ изъ Богородскаго барышню украсть?» — «А я, говорю, почему знаю.» — «Али говоритъ, дура, тебя никогда не воровывали, а ты все своей волей ходишь?» — «Все, говорю, своей волей хожу»; такъ оба и поватились со смѣху. Врунья я съ молоду была, а, пожалуй, и теперь такая.

— И теперь такая, — подтвердилъ я: — впрочемъ, ты про себя не рассказывай, а говори, какъ барышню украли, если знаешь.

— Знаю, все знаю, не такой человекъ Грачиха. чтобъ она чего не знала, — отвѣчала толстуха, ударивъ себя рукой по жирной груди.

— Украли! — продолжала она, встряхнувъ головой и приподнявъ брови: — хитрое было дѣло экимъ господамъ украсть. Старикъ правду говорилъ, что прежніе баре были соколы. Какъ бы теперь этакъ они на фатеру пріѣхали, не сталъ бы стариковскія сказки слушать, а прямо — нѣтъ ли гдѣ бесѣды, молодыхъ бабенокъ да дѣвушекъ оглядывать. Барину нашему еще бы не украсть, важное дѣло... Какъ сказалъ онъ: «другъ! Единька! надѣйся на меня, я тебѣ жену украду и перваго сына у тебя окрещу!» какъ сказалъ, такъ и сдѣлалъ.

— Сдѣлалъ?

— Сдѣлалъ. Семь крестовъ носилъ онъ за свое молодечество... въ полку дали! Тройка лошадей у

него была отличившаяся, курьеркой такъ и звалась... «мой, говоритъ, курьерка изъ воды сухаго, изъ огня непалежнаго вынесетъ» — и вынашивала! Кучеренко, Мишутка были тогда, на семь верстъ свистать, слышно было: — подъѣхали къ Богородскому ночнымъ временемъ, а метелица, вьюга поднялась, такъ вѣетъ и вѣетъ, какъ въ котлѣ кипятъ. Мишутка самъ послѣ рассказывалъ: свистъ разъ... другой, нѣтъ толку — вѣтромъ относить. Свѣчка, глядятъ, горитъ еще въ мезонинѣ: а уговоръ такой съ барышней былъ, что какъ свѣчка погаснетъ, значитъ, она на крыльцо вышла. Баринъ нашъ, какъ шаркнетъ эго по шиворотку. «Свисти, говоритъ, каналья, по настоящему, по-разбойничьи!» Мишутка какъ верескнетъ, только трачи въ роцѣ съ гнѣздъ поднялись и заваркали. Глядь, свѣчка потухла; Федоръ Гаврилычъ сейчасъ изъ пошевной вонъ, суметомъ черезъ садъ на красный дворъ и въ сѣни. Глядитъ, барышня выскочила въ одномъ капотчикѣ. «Ахъ, говоритъ, душечка, Олинъка, какъ это вы безъ теплаго платья!» Сейчасъ долой съ своихъ плечъ свою медвѣжью шубу, завернулъ въ нее свою мпленскую съ ручками и съ ножками, поднялъ, какъ малаго ребенка, на руки и въ пошевию. «Пошелъ!» говорятъ. Мишутка тронулъ было сразу, коренная хватила, трахъ, обѣ завертки пополамъ. «Батюшка баринъ, говоритъ, завертки выдали!» Баринъ нашъ только вскочилъ на ноги, выхватилъ у него возжи, да какъ крикнетъ: «курьерка, грабятъ!» и каковы только эти лошади были: услыхавъ его голосъ, двѣ выносныя три версты цѣликомъ по сумету несли, а тамъ ужъ, смотрятъ, народъ изъ усадьбы высыпалъ

верхами п съ вольямп, не тутъ-то было: бари наши въ первый приходъ въ церковь и повѣчанье сдѣлали: здравствуйте, значить, честь имѣемъ васъ поздравить.

— Славно, старуха, рассказала! — воскликнулъ я.

— Э! — воскликнула въ свою очередь Грачиха:—ты разбери-ка еще эту старуху; меня всѣ баре любятъ, ей-богу.

— Постой, погоди, — перебилъ я: — священникъ, значить, былъ уже подговоренъ.

— Не знаю, чего не знаю, такъ не скажу, не знаю,—отвѣчала Грачиха.

— Какое, сударь, подговоренъ, — началъ Яковъ Ивановъ, какъ бы погруженный, повидимому, въ свои размышленія, но, кажется, не пропустившій ни слова изъ нашего разговора. — Зная нашу госпожу, — продолжалъ онъ:—кто бы изъ духовенства рѣшился на это — просто силой взяли. Баринъ ихній, Михайло Максимычъ, буянь и самодуръ былъ извѣстный.

— Буянь не буянь, а вашей барыни, сколь ни обидчица она была, не уступалъ, извините насъ на томъ. Тягаться тоже съ нимъ за Полянскіе луга вздумала, много взяла! Шалишь-мамонишь, на грѣхъ наводишь! Ничего, говоритъ, ваша взяла, только смотрите, чтобы послѣ рыло не было въ крови...

— Кому-нибудь одному ужъ, сударыня, рѣчь вести, либо вамъ, либо мнѣ,—возразилъ съ чувствомъ собственного достоинства старикъ.

— Перестань, Грачиха,—прикрикнулъ я:—разсказывай, Яковъ Иванычъ.

— Что, сударь, рассказывать,—продолжалъ онъ,—не вѣчанье, а грѣхъ только былъ. Село Вознесенское,

можетъ быть, и вы изволите знать, какъ тамъ это происходило; вѣжалъ этотъ баринъ Михайло Максимычъ къ священнику. Отецъ Александръ тогда былъ, Крестовоздвиженской прозывался, священникъ изъ простыхъ, ненаучный, а жпзни хорошей и смирной. Молебень, батюшка, говоритъ, желаю отслужить, выѣзжаю сейчасъ въ Питербургъ, такъ сдѣайте милость, пожалуйста въ Божій храмъ. Священникъ, никакого подозрѣнiя не имѣвши, идетъ и видитъ, что церковь отперта, у клироса стоитъ какая-то дама, платкомъ слуха закутанная, и Ѳедоръ Гаврилычъ. Какъ только они вошли, Ѳедоръ Гаврилычъ двери церковныя на замокъ и ключъ кладетъ себѣ въ карманъ, а Михайло Максимычъ вынимаетъ изъ кармана пистолетъ и прямо говоритъ: «ну, говоритъ, отецъ Александръ, что вы желаете: сто рублей денегъ получить, али вотъ этого? Вы, говоритъ, должны сейчасъ обвинчать Ѳедора Гаврилыча на Ольгѣ Николавнѣ, а безъ того мы васъ изъ церкви живаго не выпустимъ.» Что тутъ священнику прикажете передъ экимъ страхомъ дѣлать? Сталъ первоначально усовѣщевать — ничего во вниманiе не берутъ, только пуще еще грозятъ.

Тутъ старый слуга пріостановился, покачалъ нѣсколько разъ головой, вздохнулъ и снова продолжалъ:

— Отецъ Александръ на другой же день пріѣзжалъ послѣ того къ нашей госпожѣ, чуть не въ ноги ей поклонился. «Матушка, говоритъ, Катерина Евграфовна, не погубите, вотъ что со мной случилось, и сколь ни прискорбно вашему сердцу, я, какъ пастырь церкви, прошу милости новобрачнымъ: Богъ соеди-

нилъ, человѣкъ не разлучаетъ, молодые завтрашній день желаютъ быть у васъ.» Генеральша наша на это только ему и сказала: «Васъ, говоритъ, отецъ Александръ, я не виню, но какъ поступить мнѣ съ моею внучкой, я ужь это сама знаю.»

— Что-жь, молодые прїѣзжали? — спросилъ я.

Яковъ Ивановъ усмѣхнулся.

— Какъ же-съ, — отвѣчалъ онъ: — прїѣзжали, прямо явиться не смѣли, около саду все колесили, человѣка напередъ себя прислали съ письмомъ отъ Ольги Николавны, но только ошиблись немного въ расчетъ. Старушка даже и не прочитала его, а приказала черезъ меня сказать, что какъ Ольга Николавна ихъ забыли, такъ и онѣ имъ той же монетой платять, хотя, конечно, сердце ихъ родительское никогда не забывало. Это, можетъ быть, знаетъ одинъ только Богъ, темныя ночи да я, ихъ довѣренный слуга. Ольгѣ Николавнѣ за то, что онѣ свою бабушку, за всю ихъ любовь, разогорчили и, можно сказать, убили, не далъ тоже Богъ счастья въ ихъ семейной жизни.

— Не правда, не правда, грѣхъ на душу, старичекъ, берешь, коли такъ говоришь! — воскликнула вдругъ Грачиха: — молодые господа начали жить, какъ голубь съ голубкой, кабы не бѣдность да не нужда!

— А очень бѣдно они жили? — перебилъ я.

— Еще бы не бѣдно! На какіе капиталы было жить? — отвѣчала съ озлобленнымъ смѣхомъ Грачиха. — Старушка, мать Федора Гаврилыча, вѣстимо, все имъ отдала, сама ужь въ своей усадьбишкѣ, почестъ, ьто съ людишками въ избѣ жила, спала и ѣла. Имѣніе небогатое было, всего на все три оброшника,

да и тѣ по міру ходили. Больше все нашъ баринъ вспомошествованія дѣлалъ, и квартиру имъ въ городѣ нанималъ, отоплялъ ее, запасу домашняго, что было, посылалъ зачастую. Ольгу Николавну онъ больно ужъ любилъ, и послѣ часто говаривалъ: «я бы, говоритъ, самъ женился на Ольгѣ Николавнѣ, да ужъ только бабушка ее мнѣ противна, и она полюбила другаго.» Баринъ нашъ простой, вѣдь, былъ и къ намъ мужикамъ милостивый — только, гулящій.

— Жизньъ ужъ самая бѣдная молодыхъ господъ была, — вмѣшалась Алена Игнатьевна: — годубушка наша, Ольга Николавна, руководѣлемъ своимъ даже стали промышлять, кружева изволили плести и въ пяльцахъ вышивали и продавали это другимъ господамъ; дѣтей тоже изволили двойниковъ родить на первый годъ, сами обоихъ и кормили; какъ еще силъ ихъ хватило, на удивленье наше!

— Зачѣмъ пошла, то и нашла! — замѣтилъ Яковъ Ивановъ.

— Мало ли, любезный, кто за чѣмъ ходитъ, да не всѣ-то находятъ! — возразила ему Грачиха, разводя руками. — Ѳедоръ Гаврилычъ по первоначалу ни за чѣмъ дурнымъ не ходилъ, и все его стараніе было, чтобы хоть какую-нибудь службу дали, да ужъ только заранѣе струменты были всѣ подведены. Баринъ нашъ все, вѣдь, намъ рассказывалъ. Думалъ было также онъ, чтобы исправникомъ Ѳедора Гаврилыча сдѣлать, ну и дворянство обѣщать обѣщали, а какъ пришло дѣло къ баллотировкѣ, и не выбралъ: генеральши ихней испугались, чтобъ въ противность ей не сдѣлать! Покойный Михайло Максимычъ пыталъ на себѣ во-

досы рвать и прямо дворянству сказалъ: «послѣ того вы хуже мужиковъ, коли этой, согрѣшила грѣшная, старой вѣдьмы испугались.» Каменнаго сердца чело-вѣкъ госпожа ваша была, хоть ты и хвалишь ее больно; губила ни за что ни про что молодыхъ барь, а вы, прислуга, въ угоду ей, тоже противъ ихъ эхид-ствовали, — заключила Грачиха, и опять ушла изъ избы.

— И пить-то ужъ не мы ли его заставили, коли ужъ вы все на насъ сворачиваете, — проговорилъ ей вслѣдъ Яковъ Ивановъ, съ обычнымъ своимъ по-качиваніемъ головы.

— А онъ попивать началъ? — спросилъ я.

— До безобразія: вмѣсто того, чтобы въ бѣд-ности и недостаткахъ поддержать себя, онъ перво-начально въ карты ударился, а тутъ знакомство свелъ съ самыми маленькими чиновниками; пьянство да дебоширство пошло, а можетъ, и другое прочее, и генеральша наша, дѣйствительно, слышавши все это самое, призываетъ меня, и прежде, бывало, съ ближайшими родственникамп никогда не изволила говорить объ Ольгѣ Николаевнѣ, имени даже ихъ въ домѣ произносить запрещено было, тутъ вдругъ прямо мнѣ говоритъ: «Яковъ Ивановъ! слышана я, что внучка моя очень несчастлива въ семейной жизни, и я желаю, чтобы она была разведена со своимъ мужемъ.»—«Слушаю, говорю, ваше превосходительство, но только какимъ манеромъ вы полагаете это сдѣлать?»—«Это ужъ не твое дѣло, ты долженъ исполнять, что тебѣ будетъ приказано.» Я кланяюсь. «Повъзжай, говоритъ, сейчасъ въ городъ и проси ко мнѣ пріѣхать сегодня же городничаго.»

Я ѣду, и такъ какъ господинъ этотъ городничій, почестъ, что нашей госпожей былъ опредѣленъ, и угождалъ ей во всемъ. Сейчасъ пріѣзжаетъ, и какой промежъ ихъ разговоръ былъ — я не знаю, потому что не былъ къ тому допущенъ.

— А тутъ и дѣло пошло? — сказалъ я.

Яковъ Ивановъ нѣсколько позамаялся, впрочемъ продолжалъ:

— Дѣло пошло такого рода, что такъ какъ Федоръ Гаврилычъ сталъ любить ужь очень компанію, былъ онъ на одномъ мужскомъ вечерѣ, кажется, у казначея, разгулялись, въ слободѣ тутъ дѣвушки разныя жили и пѣсни пѣли хорошо, а тѣмъ временемъ капуста была, капусту дѣвушки и молодыя женщины рубятъ и пѣсни поютъ. Вся компанія туда и отправилась, и что ужь тамъ было — неизвѣстно, только Федоръ Гаврилычъ очень былъ пьянъ, другіе господа разѣхались, а онъ остался у хозяйки, у которой была молодая дочь. Городничій въ то время, получа донесеніе, что въ такой поздній часъ, въ такомъ-то домѣ происходитъ шумъ, приходитъ туда съ дозоромъ и находитъ, что Федоръ Гаврилычъ спятъ на диванѣ, и дочка хозяйская лежитъ съ нимъ обнявшись, и такъ какъ отъ генеральши нашей поступило по этому предмету прошеніе, то и составленъ былъ въ городническомъ правленіи протоколъ — дѣло съ того и началось.

Въ продолженіе всего этого разсказа, я глазъ не спускалъ съ старика, и хоть онъ ни въ словѣ не проговорился, но по оттѣнкамъ въ тонкихъ чертахъ лица его очень легко было догадаться, что все это дѣло обдумывалъ и устраивалъ онъ, вмѣстѣ съ го-

родничимъ. Предугадывая, что и на дальнѣйшіе мои разспросы онъ станетъ хитрить и лавировать въ отвѣтахъ, я началъ болѣе вызывать на разговоръ Алену Игнатьевну.

— Что же Ольга Николавна?—спросилъ я, прямо обращаясь къ ней.

Алена Игнатьевна, по обыкновенію, потупилась, Яковъ Ивановъ улыбнулся и сказалъ женѣ:

— Рассказывайте!

— Ольга Николавна,—начала Алена Игнатьевна, глядя на концы своихъ еще красивыхъ пальцевъ:—ничего не знали и не понимали; видѣвъ только, что Ѳедоръ Гаврилычъ попиваютъ, дома не ночевали, сидятъ подъ окномъ и плачутъ. На ту пору, словно на грѣхъ, приходитъ мать протопопца, женщина добрая, смиренная и къ господамъ нашимъ привязанная. Видѣвши Ольгу Николавну въ слезахъ, по неосторожности своей и говоритъ: «матушка, говоритъ, Ольга Николавна, что такое у васъ съ супругомъ вышло?» «Что, говоритъ, такое у меня съ супругомъ вышло? У меня никогда съ мужемъ выдти ничего не можетъ.» Скрывали тоже и стыдились, что бы тамъ сердце ихъ ни чувствовало, а протопопца эта и говоритъ: «матушка, болтаютъ, аки бы отъ васъ подано на супруга въ полицію прошеніе и супругъ вашъ найденъ въ такомъ-то домѣ и съ такой-то женщиной...» Голубушка Ольга Николавна, какъ услыхали это, поблѣднѣли, какъ мертвая, выслали эту протопопцу отъ себя, ударили себя въ грудь. «Когда, говоритъ, такъ, такъ знать я его не хочу. Сейчасъ, говоритъ, вду съ дѣтьми къ бабинькѣ, кинусь ей въ ноги, она

меня простить, а съ нимъ съ развратникомъ жить не желаю.» Наняли ей кой-какого извозчика и въ простыхъ санишкахъ, въ одномъ холодномъ на ватѣ салопчикѣ, — мѣховой ужь былъ въ закладѣ, — на дѣточкахъ тоже ничего теплаго не было, такъ завернули ихъ въ овчинные полушубочки, да и тѣ выкланяла у квартирной хозяйки, — да такъ и приѣзжаетъ къ намъ въ усадьбу, входитъ прямо въ лакейскую. Старушка, какъ услыхала ихъ голосъ, сейчасъ встала съ креселъ и скорымъ этакъ шагомъ пошли имъ на встрѣчу, и такое, сударь, было промежъ ихъ это свиданіе и раскаяніе, что, можетъ быть, только заклятые враги будутъ такъ встрѣчаться на страшномъ судѣ Божіемъ. Ольга Николавна ничего ужь и говорить не могла, пала только къ бабинькѣ на грудь, а старушка прижала ихъ одной рукою къ сердцу, а другой внучатъ ловятъ; мы всѣ, горничная прислуга, какъ стояли тутъ, такъ ревомъ и заревѣли. «Бабинька, говоритъ Ольга Николавна, простите ли вы меня?» «Ничего, говоритъ, другъ мой, ни противъ тебя, ни противъ дѣтей твоихъ я не имѣю, во всѣхъ васъ течетъ моя кровь, только объ злодѣѣ этомъ слышать не могу.» — «Бабушка, говоритъ, я сама объ немъ слышать не могу.»

Послѣднія слова жены старикъ сопровождалъ одобрительнымъ киваньемъ головы; на его мутныхъ зрачкахъ и покраснѣлыхъ вѣкахъ показались даже слезы.

— И надо, сударь, было видѣть! — почти воскликнулъ онъ, дребезжащимъ голосомъ: — радость нашей генеральши: только въ золото не одѣла своихъ правнуковъ. Призываютъ тутъ меня сейчасъ къ себѣ и

заставляют писать въ Питербургъ, чтобы самая лучшая мадамъ французенка была выслана; за Ольгой Николавной, какъ самая усердная рабыня, стали ходить. Узнавъ, что онѣ ночи не изволятъ почивать, въ свою спальню ихъ перевела, и какъ только Ольга Николавна вздохнуть или простонуть, на босу ножку старушка вставали съ своей постели, и только спрашивали: «что такое, Оленька, дружокъ мой, что такое съ тобой?» Но ничѣмъ этимъ, видно, передъ Ольгой Николаевной не могли они заслужить, никто имъ, видно, не былъ милѣй Федора Гаврилыча.

— Что-жь она дѣлала? — спросилъ я.

— А дѣлала то, что черезъ недѣлю же стала говорить и поступать все вопреки бабушкѣ! — отвѣчала порывисто Яковъ Ивановъ:—чтобы тѣ ни предприняли и ни сдѣлали, все имъ было непріятно; что есть подарки, такъ и за тѣ не то, чтобы, какъ слѣдуетъ, поблагодарили, а въ руки даже взять не хотѣли хорошенько и все кидкомъ да швыркомъ.

— Не отъ грубости хоть бы это дѣлали Ольга Николавна, — скромно возразила Алена Игнатьевна.

— Отчего-жь?—спросилъ я.

Алена Игнатьевна опять устала глаза на свои пальцы и отвѣчала:

— Тосковать ужь очень стали объ Федорѣ Гаврилычѣ. Сколь, можетъ быть, онѣ ни виноваты были противъ ихъ, но онѣ, кажется, больше жизни своей его любили, ну, и Федоръ Гаврилычъ тоже, разъ десять, можетъ, приходили пѣшкомъ къ нашей усадьбѣ, чтобъ только свиданье съ супругой своей имѣть. Цѣлые дни, сидючи въ полѣ, проплакивали, такъ какъ

приказаніе отъ старушки было, чтобъ ихъ на красной дворъ даже не допускать, не то что ужъ въ комнаты. Ольга Николавна, все это слышавши и знавши тоже, въ какой они бѣдности проживаютъ, призовутъ бывало тайкомъ мужичковъ, которые побогатѣе: «милые мои, говоритъ, дайте мнѣ хоть сколько-нибудь денегъ, я вамъ послѣ отдамъ.» Ну и мужички кто синенькую, кто рубль серебромъ, четвертачекъ, дадутъ имъ по своему состоянію; онѣ сейчасъ ихъ пошлютъ Ѳедору Гаврилычу, но тѣ тоже не принимали этихъ денегъ. «Если, говоритъ, мое сокровище Оленьку у меня отняли, мнѣ ничего не надо. Я буду ходить по міру и подъ окномъ собирать милостыню.»

Яковъ Ивановъ, при послѣднихъ словахъ, взглянулъ на жену своими слѣзыми глазами сердито и прямо обратился ко мнѣ.

— Про деньги генеральша наша ничего бы не сказала, я самолично возилъ Ѳедору Гаврилычу двадцать пять тысячъ въ своемъ карманѣ, чтобъ только онъ али бы въ Сибирь, или хоть въ иностранныя земли уѣхалъ, но онъ и того не почувствовалъ. Нашей госпожи было одно желаніе: чтобъ только онъ не былъ мужемъ нашей барышни, такъ какъ онъ недостоинъ того.

При послѣднихъ словахъ, Грачиха какъ изъ-подъ земли выросла и появилась.

— Да кто можетъ мужа-то съ женой судить али разлучать?—начала она своимъ рѣзкимъ тономъ: — что это говорите, грѣхководники? Гдѣ Богъ-то увась былъ въ тѣ поры? Баринъ вашъ, какъ тогда изъ Питера пріѣхалъ и услышалъ и только руками всплес-

нуль. «Какъ!» говорить, и сейчасъ же за Ѳедоромъ Гаврилычемъ лошадей въ городъ. «Ѳедя! дуракъ, какъ у тебя жену отняли?» Тотъ, сердечный, только всплакалъ, смиренный вѣдь баринъ былъ, а отъ дѣловъ-то ихнихъ словно и разуму лишился.

Яковъ Ивановъ вздохнулъ.

— Доброму и хорошему наставлялъ и научалъ его вашъ баринъ. Дай ему Богъ царство небесное, въкъ его поминаемъ, — проговорилъ онъ.

— Да научилъ же, на вотъ вамъ! изъ-подъ носу было опять украли Ольгу Николавну, — подхватила Грачиха

— Разбойники еще и не такія дѣла дѣлають, и людей рѣжутъ,—возразилъ Яковъ Ивановъ.

Старикъ съ грустною улыбкою покачалъ головой.

— И рассказывать, сударь, — началъ онъ: — такъ вы, можетъ быть, не повѣрите, судя по нынѣшнему, что дѣлалось въ прежнія времена. Нельзя и старину за все похвалить: безурядицы много было: разбойникъ тогда по губерніи сталъ ходить, по имени Иванъ Ѳадѣичъ, и разбойникъ сильнѣющій: можетъ быть, болѣе трехъ сотъ человекъ шайка его была, словно въ непріягельскихъ земляхъ развѣзды дѣлалъ и грабилъ по Волгѣ и другимъ судоходнымъ рѣкамъ. На большихъ дорогахъ тоже: почестъ, что проѣзду не стало, и не то, чтобъ одиночниковъ изъ простаго народа облралъ, а ладилъ, нельзя ли экипажъ шестерикомъ, восьмерикомъ, даже самыя почты, остановить, или къ помѣщикамъ; которые побогатѣе, наѣдетъ съ шайкой въ усадьбу, и сейчасъ денегъ требуетъ; если господинъ не даетъ или запирается, просто дѣлали муки адскія: зажгутъ вѣньки и горя-

чими этими прутьями парять. По всемъ деревнямъ, гдѣ бы ни захотѣлъ, пріемъ ему былъ, какъ въ своей вотчинѣ. Начальство тоже, Богъ его знаетъ, подкуплено ли было, али боялось, только года три воинская команда не могла его изловить и арестъ ему сдѣлать. Страхъ былъ на всехъ великій, и такимъ дѣломъ сидятъ господа наши — генеральша съ Ольгой Николавною и своими внучатами, вечеромъ, въ своей малой гостиной, горятъ передъ ними двѣ восковыя свѣчи, а прочія комнаты почестъ что не освѣщены, окромя нашей официантской и дѣвичьихъ комнатъ. Вдругъ слышимъ свистъ, гагайканье въ полѣ. Что такое? и первоначально думали, что пьяные мужики съ базару ѣдутъ. Однако, глядимъ — въ окнахъ зарево, выбѣжали на крыльцо: овины наши горятъ. Всѣ мы лакеи бросились, конечно, туда, усадебный народъ тоже бѣжить. Господа, слышавши шумъ, изволятъ спрашивать: «что такое? что случилось?» На эти ихъ слова ружейный выстрѣлъ, разъ, два, рамы въ ихней самой гостиной затрещали, зазвенѣли, вламываются въ окна двое мужчинъ, въ поддевахъ, съ бородой и съ усами. Старушка наша, по своему геройству, встаютъ. «Кто вы такіе?» говоритъ. Одинъ изъ этихъ мужчинъ отвѣчаетъ ей: «Я Иванъ Ѡадѣвичъ, и вы, госпожа генеральша, пожалуйте вашу внуку, которую вы у мужа отняли.» Ну, и старушка, поослабнувши, конечно, опустились въ кресло и только вскрикнула: «люди, гдѣ вы?» А Ольга Николавна, прижавшись тѣмъ временемъ съ дѣтьми за бабинькины плечи, видятъ, что у одного изъ мужчинъ борода и усы спали, — глядь, это Ѡедоръ Гаврилычъ. Какъ вскрикнула: «ахъ!» да такъ

и пала замертво. Не взирая на это, Ѳедоръ Гаврилычъ хватаютъ ихъ на свои руки, а другой мужчина—вернулись было двѣ горничныя дѣвицы и лакей—какъ рѣзнетъ ихъ всехъ на-отмашь кулакомъ, такъ тѣ головами назадъ въ двери и улетѣли, и послѣ оба опять въ окошко, и слѣдъ простылъ. Я ужъ и самъ не знаю, какъ очутился въ комнатахъ, слышу только, что Ольгу Николавну украли. Генеральша безъ памяти, дѣти плачутъ и только ужъ на другой день, когда старушка изволили придти нѣсколько въ себя, получаю я отъ нихъ такое приказаніе, чтобъ ѣхать сейчасъ въ уѣздный городъ, на квартиру Ѳедора Гаврилыча, и если Ольга Николавна тамъ, то вручить ей письмо, въ противномъ же случаѣ подать въ подлежащій Земскій Судъ законное объявленіе обо всемъ случившемся. Я пріѣзжаю, выходитъ ко мнѣ Ѳедоръ Гаврилычъ. «Поздно, говоритъ, Яковъ Иванычъ, опоздали вы съ вашей барыней, Оленька моя лежитъ на столѣ, а вмѣстѣ съ ней и я лягу.»—«Ну, говорю, Ѳедоръ Гаврилычъ, вы себѣ сами все это предуготовили—сами и отвѣчайте за то Богу.»

— Отчего-же она такъ вдругъ ужъ и умерла?—перебилъ я старика.

— Въ тягости онѣ изволили быть, ну и съ этикихъ страховъ и ужасовъ выкинули... и не перенесли ужъ потомъ того...

— Неужели же онъ, въ самомъ дѣлѣ, съ разбойникомъ, съ Иваномъ Ѳадѣичемъ, пріѣзжалъ? — спросилъ я.

Грачиха на это всплеснула руками.

— Нѣту, батюшка, нѣту; что онъ, старая лиса,

говорить! — воскликнула она. — Ну, простотѣбѣ сказать, нашъ баринъ шутку хотѣлъ снүтить. Онъ самъ этимъ разбойникомъ Иваномъ Ѳадѣичемъ п наряженъ былъ; кто зналъ, что экой грѣхъ будетъ. Чѣмъ бы старухѣ со страху окостенѣть, а тутъ на-ка, молодая барыня лишилась оттого жизни. Баринъ нашъ тогда, послѣ похоронъ, пріѣхалъ и словно съ ума спятилъ: три недѣли пилъ мертвую, изъ пистолета себя все хотѣлъ застрѣлить. Трое лакеевъ такъ и ходили по слѣдамъ его, чтобъ чего не сдѣлалъ надъ собой, только и утѣшеніе было, что на могилу къ Ольгѣ Николаевнѣ ѣздить; пріѣдетъ туда, да головой себя объ памятникъ и начнетъ колотить. А что ужъ на Ѳедора Гаврилыча приходитъ, такъ это извини, не онъ будетъ отвѣчать Богу, а вы, вы, вы... вотъ вамъ что — да! Въмѣсто того, чтобы вамъ съ вашей старой барыней дѣлать поминовеніе за упокой праведной души Ольги Николаевны, вы по начальству пошли и стали доказывать, аки бы Ѳедоръ Гаврилычъ съ настоящимъ разбойникомъ Иваномъ Ѳадѣичемъ пріѣзжалъ, деньги всѣ обралъ и внучку укралъ. Баринъ нашъ пыталъ заявлять всѣмъ начальникамъ, что это не разбойникъ какой, а онъ пріѣзжалъ: «ну, когда я виноватъ, говорить, такъ и спрашвай съ меня...» такъ и вѣры, паря, никто не хотѣлъ имѣть. Что ужъ тутъ говорить: самъ Иванъ Ѳадѣичъ, разбойникъ бы кажись, такъ и тотъ, передъ кобылой стоявши, говорилъ: «православные, говорить, христіане, можетъ быть, мнѣ живому изъ-подъ кнута не встать, въ семидесяти душахъ человѣческихъ убитыхъ я покаянье сдѣлалъ, а что, говорить, у гене-

ральши въ Богородскомъ не бывалъ и барина Федора Гаврилыча не знаю».

— Этого, сударыня, мы не знаемъ, и знать того не могли,—возразилъ Яковъ Ивановъ:—не мы его судили, а законъ.

— Сами вы, любезный, законы-то хорошо знали да подводили... На-ка, какой законъ нашелъ! Присудили, хоть бы Федора Гаврилыча, ни за что, ни про что, за одно смиренство его, присудили на поселенье, — экіе, паря, законы нашли.

— Того и стоилъ, туда ему и дорога была,—произнесъ Яковъ Ивановъ, какъ бы самъ съ собой.

— Богъ знаетъ, кому туда дорога-то шла,—возразила Грачиха:—не тотъ, можетъ, только туда попалъ. Старой вашей барынѣ, на нашихъ глазахъ еще, въ сей жизни плата Божья была. Не въ мою мѣру будь сказано, какъ померла, такъ языкъ на два аршина вытянулся, три раза въ гробу повертывалась, не скроешь этого дѣла-то; похоронъ совершать, почестъ, не могли по должному, словно колдунью какую предавали землѣ, страхъ и ужасъ былъ на всѣхъ.

При этихъ словахъ Грачихи, избеная дверь съ шумомъ растворилась, стоявшій на полочкѣ около задней стѣны штофъ повалился и зазвенѣлъ, дремавшій на голбцѣ котъ фыркнулъ, махнулъ однимъ прыжкомъ черезъ всю избу и спрятался подъ лавку. Мы всѣ невольно вздрогнули, Яковъ Ивановъ поблѣднѣлъ. Въ полумракѣ въ дверяхъ показалась фигура, съ растрепанными волосами, съ истощеннымъ лицомъ, въ пальто сверху, а подъ нимъ въ красной рубашкѣ, въ плисовыхъ штанахъ и въ козловыхъ

съ высокими голенищами сапогахъ. За нимъ выступала другая физиономія, съ рыжеватой, клинообразной бородой и съ плутоватыми, уплывшими внутрь глазами, и одѣтая въ аккуратно подпоясанную бешку.

— Ой, чтобы васъ, псы, испугали!—воскликнула Грачиха.

— Кто мнѣ смѣетъ водки не давать?—осипло проговорила растрепанная фигура.

Я догадался, что это былъ охотникъ съ хозяиномъ.

— Пошелъ, пошелъ въ свое мѣсто; господа здѣсь,—
— проговорила Грачиха.

Охотникъ обвелъ избу своими воспаленными глазами и остановилъ ихъ на мнѣ; потомъ, приложивъ руку къ фуражкѣ, проговорилъ.

— Честь имѣю явиться: гусарскаго Ермаланскаго полка рядовой! Здравствуйте, дѣдушка и бабушка!—прибавилъ онъ и потомъ опустился на лавку около старушки, схватилъ ее за руку и поцѣловалъ: при этомъ у него наворачнулись слезы.

— Дѣдушка у меня умная голова — министръ! Дѣдушка мой министръ!—говорилъ, хватая себя за голову и съ какой-то озлобленной улыбкой, гуляка.

— Вы дуракъ, хозяинъ мой, подай торбанъ,—продолжалъ онъ и тотчасъ же обратившись ко мнѣ, присовокупилъ:—позвольте мнѣ поиграть на торбанъ.

Клинообразный мужикъ стоялъ въ недоумѣніи.

— Пошелъ! Маршъ!—крикнулъ охотникъ. Хозяинъ ушелъ.

— Дѣдушка мой, министръ, изволилъ приказанье отдать, чтобъ быть ему по торговой части: «галстуки,

платки, помада самолучшія; пожалуйста сюда, господинъ, сдѣлайте милость, пожалуйста сюда!»—говорилъ охотникъ, вставъ и представляя, какъ купцы зазываютъ въ лавку: плутовать, народъ, значитъ, обманывать, — не хочу! Володька Топорковъ пьяница, но плутомъ вотъ этакимъ не бывалъ,—воскликнулъ онъ, указывая одною рукою на дѣдушку, а другою на возвращающагося хозяина, который смиренно подалъ ему торбанъ.

— Мы у Мясницкихъ воротъ въ трактирѣ жили,—продолжалъ онъ:—тамъ наверху, въ собачьей конурѣ, ничего — играть можемъ, а ужь плутовать не станемъ, — шалишь! А сыграть — сыграемъ, заключилъ онъ и дѣйствительно взялъ нѣсколько левыхъ акордовъ, а потомъ, пожимая плечами, запѣлъ осплымъ голосомъ:

Куманекъ, побывай у меня,
Разголубчикъ, побывай у меня!
Что-жь такое побывать у тебя,
У тебя, кума, ворота скрипучи,
Скрипучи, пучи, пучи, пучи, пучи.

— Ну, иаря, хороша пѣсня, эку выучилъ! У насъ пьяный мужикъ лучше того споетъ,—отозвалась Грачиха.

— Погоди, постой, слушай!— произнесъ мрачно Топорковъ и потомъ опять, сдѣлавъ нѣсколько аккордовъ, запѣлъ:

«Изъ Москвы я прибылъ въ Питеръ,
Все по собственнымъ дѣламъ;
Шель по Невскому проспекту
Самъ съ перчаткой разсуждалъ,
Что за чудная столица,
Расприкрасный Интебуръгъ.

— Хорошо? — спросилъ Топорковъ остановясь.

— Нѣтъ, п это не хорошо, на балалайкѣ хорошо играешь, а поешь нескладно! — отвѣчала Грачиха.

— Постой, садись около меня, — проговорилъ гуляка и, взявъ Грачиху за руку, посадилъ рядомъ съ собой. — Слушай, — произнесъ онъ и началъ заунывнымъ тономъ:

Туманы сѣдые плывутъ
Къ облакамъ,
Пастушки младня спѣвать
Къ пастушкамъ.

Но эта пѣсня ужъ, кажется, и самому Топоркову не понравилась: по крайней мѣрѣ онъ всталъ, подалъ съ иренебреженіемъ торбанъ хозяину и, обратившись ко мнѣ, сказалъ:

— Позвольте на тѣатрѣ разыграть? — и потомъ, не дожидаясь отвѣта, снова всталъ въ позу трагиковъ и началъ:

«Спи, стая псовъ!

Спи сномъ непробуднымъ до Страшнаго Суда,

Тогда воскресни и прямо въ адъ, измѣнники!

И Богъ на русскую державу ополчился!

Онъ попустилъ холопей нечестивыхъ

Торжествовать надъ русскою землей.»

Говоря послѣднія слова, Топорковъ опять указалъ на дѣда своего и на хозяина.

— Экъ его благуетъ, словно лѣшій, — замѣтила Грачиха, покачавъ только головой.

Топорковъ посмотрѣлъ на нее мрачно, опустился на скамейку около бабушки и положилъ къ ней голову на плечо; потомъ, какъ бы вспомнивъ что-то,

ударилъ себя по лбу и проговорилъ, какъ бы больше самъ съ собой:

— Гдѣ мои деньги? Кто мнѣ смѣетъ водки не давать?

— Батюшка, Володюшка, тебѣ вредно,—говорила старуха, приглаживая растрепанные волосы внука: —деньги твои у меня, да я тебѣ не даю, тебѣ на службѣ пригодится.

— Бабушка! не у тебя деньги!—воскликнулъ Топорковъ:—я знаю, у кого деньги, ну, Богъ съ нимъ! Меня продали, Богъ съ нимъ. Юсифа братья тоже продали, Богъ съ нимъ; не надо мнѣ денегъ!—заключилъ гуляка и нотомъ, ударивъ себя въ грудь, запѣлъ:

Русской грудью и душою
Служить Богу и царямъ,
Кротокъ въ мирѣ, но средь бою
Страшенъ, пагубенъ врагамъ.

Оглушенный этимъ пѣніемъ и монологами, я, впрочемъ, не переставалъ глядѣть на слѣпца. Ни мои разпросы, ни колкіе намеки Грачихи, ничто не могло такъ поколебать его спокойствія, какъ безобразіе внука. Съ каждой минутой онъ начиналъ болѣе и болѣе дрожать, и потомъ вдругъ всталъ, засунулъ дрожащую руку за пазуху, вытащилъ оттуда бумажникъ и, бросивъ на столъ, проговорилъ своимъ ровнымъ тономъ:

— На-те, возьмите ваши деньги!... Алена Игнатьевна, уведите меня отсюда куда-нибудь, уведите, — проговорилъ онъ умоляющимъ голосомъ.

— Будто? — произнесъ съ насмѣшкою внякъ.

Старикъ ничего ему не отвѣтилъ и, не ощупавъ даже палкою, перешагнулъ черезъ скамью и быстро пошелъ по избѣ. Алена Игнатьевна послѣдовала за мужемъ.

— Покройной ночи, королева!—проговорилъ имъ въ слѣдъ Топорковъ.

Грачиха съ своей неизмѣнной правдой начала тотчасъ же бранить его.

— Пошто, песь, дѣдушекъ обижаетъ и печалишь? Балда, балда и есть, не дастъ тебѣ Богъ счастья и въ службѣ, коли стариковъ не считаешь, пьяный дуракъ!

Топорковъ слушалъ ее, понуривъ голову.

— Деньги вы возьмете, или мнѣ прибрать прикажете? — спросилъ клинобродый хозяинъ.

— Самъ приберу, — проговорилъ Топорковъ и спряталъ бумажникъ въ карманъ. — Иосифа братья продали, а я эти деньги бабушкѣ отдамъ. Хозяинъ дуракъ, пойдѣмъ, куда сказано.

— Пойдемте-съ, — проговорилъ смиренно мужикъ, и они ушли. Я тоже ушелъ въ свою комнату. Изъ-за досчаной перегородки въ сосѣднемъ номерѣ слышались, вмѣсто крикливыхъ возгласовъ гуляки, пестовыя слова молившагося старика: «Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному! Боже, очисти грѣхи мои и помилуй!»

И затѣмъ все смолкнуло, и только повременамъ долеталъ до меня голосъ бранящейся или просто разговаривающей Грачихи съ подѣхавшими мужиками-обозниками. Черезъ четверть часа заложили моихъ лошадей, и Грачиха содрала съ меня денегъ сколько только могла, я когда и ей замѣтилъ:

— Старая, много берешь.

— Полно-ка, полно, много берешь; ишь, во какихъ еиотахъ ходишь, а я вонъ цѣлый вѣкъ въ пелушубчишкѣ бѣгаю. Много съ него взяла, — отвѣчала она и, впрочемъ, усадила меня съ почтеніемъ въ сани, а когда я поѣхалъ, она только-что не перерекрестила меня въ слѣдъ.

КОНЕЦЪ ЧЕТВЕРТАГО ТОМА.

Оглавление IV-го тома

	Стр:
Нива.	
Богатый жених	
Часть I	35
Часть II	210
Плотничья артель (рассказъ)	337
Старая барыня (рассказъ)	418

**INSTYTUT
BADAŃ LITERACKICH PAN
BIBLIOTEKA**
00-330 Warszawa, ul. Nowy Świat 72
Tel. 26-68-63

F

24.186/4